

ГНЕВ

МИГЕЛЬ
МАРМОЛЬ

**И БОЛЬ
САЛЬВАДОРА**

СТРАНИЦЫ
ЖИЗНИ
И БОРЬБЫ

МОСКВА
ПРОГРЕСС

МИГЕЛЬ
МАРМОЛЬ

**ГНЕВ И БОЛЬ
САЛЬВАДОРА**

**ГНЕВ
И БОЛЬ
САЛЬВАДОРА**

MIGUEL MARMOL

Los sucesos de 1932 en el Salvador

EDITORIAL UNIVERSITARIA
CENTROAMERICANA, EDUCA

МИГЕЛЬ МАРМОЛЬ

ГНЕВ И БОЛЬ САЛЬВАДОРА

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ

**Предисловие и общая редакция
Е. М. ЧУРИЛОВА**

**МОСКВА
ПРОГРЕСС
1981**

Перевод с испанского Ю. К. Козлова и Ю. П. Глотина
Редактор А. В. Измайлов

Редакция литературы по международным отношениям

© Перевод с испанского и предисловие «Прогресс», 1981

М $\frac{11105-994}{006(01)-81}$ без объявления

0901000000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мемуары Мигеля Мармоля, одного из основателей и руководителей Коммунистической партии Сальвадора, охватывают почти пятидесятилетний период истории этой страны, в частности истории развития организованного рабочего движения, деятельности компартии. Особое место в мемуарах занимает вооруженное рабоче-крестьянское восстание в январе 1932 года. Последствия январских событий определили судьбы страны на долгие годы. С того времени в Сальвадоре началось правление правой военной диктатуры, которое продолжается по настоящее время.

«...Для Сальвадора,— как отмечает в своей книге Мигель Мармоль,— трагедия 1932 года столь же велика, сколь и трагедия, которую пережила Европа во времена нацистского варварства, трагедия, которую пережил Вьетнам во времена американского варварства, ибо она совершенно изменила (в худшую, разумеется, сторону) характер нации».

«Начиная с того проклятого года,— пишет он,— все мы стали другими людьми, а Сальвадор, пожалуй, другой страной. Сегодняшний Сальвадор является прежде всего порождением жестокости и варварства того времени».

В последнее время событиям 1932 года уделяют много внимания как Коммунистическая партия Сальвадора и другие революционные силы страны, так и буржуазные историки. Компартия, ведущая вместе с другими революционными, демократическими и патриотическими силами вооруженную борьбу, считает, что январское восстание и сегодняшние события в Сальвадоре — это два момента одного исторического периода. Как и полвека назад, сегодня сальвадорский народ поднялся на борьбу с оружием в руках за осуществление демократической антиимпериалистической революции, за создание революционно-демократического правительства, которое провело бы глубокие социально-экономические преобразования, и в первую очередь демократическую аграрную реформу.

Буржуазные историки, реакционная империалистическая пресса изображают дело таким образом, будто за гибель более

чем 30 тысяч сальвадорских патриотов в 1932 году ответственность несет не олигархическое, проимпериалистическое правительство Максимилиано Эрнандеса Мартинеса, а Коммунистическая партия Сальвадора. Злодеяния сальвадорской реакции выдаются за превентивные меры тогдашних правящих кругов, целью которых якобы было предотвращение заранее запланированных коммунистами убийств. Таким образом местная олигархия и империализм пытаются оправдать массовое истребление трудящихся в январе 1932 года.

Развенчать несостоятельность этой легенды, которую распространяют о компартии ее классовые враги с целью очернить ее деятельность в глазах народа, — такова цель, которую поставил перед собой Мигель Мармоль при написании своих мемуаров. Никто не может сказать лучше о событиях 1932 года, чем сам их участник. Свидетельства Мигеля Мармоля открывают новые, неизвестные до сих пор советскому читателю факты революционной борьбы народа и Компартии Сальвадора. Это — беспощадное разоблачение правящих в стране классов, американского империализма, всей капиталистической системы, виновных в многочисленных и тяжких преступлениях, совершенных против сальвадорского народа, в его нищете, жестокости и несчастье. Это — ответ буржуазным ученым, пытающимся извратить историческую правду.

В книге собрано большое количество фактов, свидетельствующих о том, что революционная борьба в Сальвадоре в 20—30-х годах носила глубоко национальный характер, не была привнесена извне, как это утверждают некоторые буржуазные теоретики.

Мигель Мармоль пишет: «Здесь мне хотелось бы со всей определенностью заявить, что мы не получали от Коммунистического Интернационала никаких «приказов» поднять восстание и не следовали слепо никаким лозунгам Коминтерна. Всю ответственность за участие сальвадорских коммунистов в тех исторических событиях несли только наша партия... Я напоминаю об этом потому, что буржуазные писатели, сальвадорская пресса твердят до посинения, будто восстание 1932 года было поднято по прямому указанию Москвы, Коминтерна».

В книге Мигель Мармоль больше говорит о себе, о том, что ему пришлось пережить. Но вся жизнь и деятельность его связаны с рабочим и крестьянским движением Сальвадора. Говорить о Мигеле Мармоле, о тех превратностях судьбы, через которые ему пришлось пройти, — значит говорить о судьбе Коммунистической партии Сальвадора. На примере жизни и деятельности этого человека можно проследить почти полувековой период деятельности компартии, почти пятидесятилетний период развития революционного движения в этой стране со всеми его сложностями и трагическими моментами. То, что

пришлось пережить Мигелю Мармоль, пришлось пережить многим сальвадорским коммунистам и демократам.

Мигель Мармоль — легендарная личность среди сальвадорских коммунистов, широко известен гватемальским революционерам, его знают многие коммунисты других стран Латинской Америки. Он родился 4 июля 1905 года в бедной семье. С детских лет мальчик познал голод, нищету и другие лишения. В его памяти навсегда остались оборванные крестьяне, приходившие в поселок, где он родился, в напрасных поисках работы, вереницы больных, шедших из восточных районов страны в надежде получить какую-либо медицинскую помощь в Сан-Сальвадоре, погонщики волов, которые шли полураздетые, голодные и в период суровых зимних ветров и под лучами летнего палящего солнца, безжалостно подгоняя уставших волов железными пиками.

В школе он увлекался географией и историей. На него произвел огромное впечатление рассказ учителя о восстании индейцев под предводительством Анастасио Акино в январе 1833 года, боровшихся с оружием в руках за свою землю. Восстание было жестоко подавлено.

Не получив даже начального образования, Мигель Мармоль был вынужден оставить школу и начать работать подручным у рыбаков. Тяжелая и опасная работа рыбаков закалила его. Он как-то вдруг перестал быть ребенком, избавился от множества страхов. Когда ему исполнилось 13 лет, он поступил в Национальную гвардию ординарцем. К этому времени Национальная гвардия все больше выполняла функции полиции. Впечатлительный юноша нередко мог наблюдать, как в сырых и темных помещениях подвала казармы Полицейского управления пытали ни в чем не повинных рыбаков, крестьян. Он скоро понял, что не сможет быть соучастником этих преступлений.

Оставив службу, Мигель Мармоль поступает учеником в обувную мастерскую. Здесь он впервые услышал о России, где победила социалистическая революция и к власти пришли рабочие и крестьяне. Нередко в мастерской появлялись революционно настроенные интеллигенты, которые выступали против династического, деспотического коррумпированного правительства Мелендеса, империалистической эксплуатации, говорили об успехах первого в мире рабоче-крестьянского государства, созданного под руководством В. И. Ленина и партии большевиков. Мармоль увлекается чтением революционной литературы.

В 1921 году он вступил в буржуазную Конституционную партию, которая была в оппозиции к тогдашнему правящему режиму Мелендеса — Киньонеса. В этой партии он получил первый опыт политической деятельности.

Под влиянием освободительных идей Великой Октябрьской социалистической революции, а также успехов мексиканской

буржуазно-демократической революции в первой половине 20-х годов в Сальвадоре произошел ряд выступлений рабочих швейных мастерских, железнодорожников, обувщиков, которые были жестоко подавлены. Мигель Мармоль непосредственного участия не принимал в подготовке и осуществлении этих выступлений, однако, начиная с 1922 года, сальвадорские власти начали преследовать его за политическую деятельность.

Репрессии внутренней реакции заставляли народ все больше задумываться над созданием своих организаций. В 1923 году возник ряд союзов, превратившихся впоследствии в отраслевые профсоюзы. В ноябре 1924 года состоялся первый конгресс, на котором была создана Региональная федерация трудящихся Сальвадора — единый профцентр рабочих, сельских пролетариев и крестьян, вошедшая впоследствии в Красный интернационал профсоюзов.

Из Сальвадора начали приходиться сообщения о первых важных успехах Региональной федерации. Молодой Мармоль рвался в столицу. Прибыв в Сан-Сальвадор, он окунулся в кипучую политическую жизнь.

В 1927—1930 годах большой размах в стране приобрело профсоюзное движение, охватившее как промышленных, так и сельскохозяйственных рабочих. Региональная федерация трудящихся, возглавляемая коммунистами, вела борьбу за осуществление демократической аграрной реформы.

В 1927 году к власти пришло правительство Ромеро Боске (1927—1931). На первом этапе оно отменило осадное положение в стране, восстановило некоторые демократические права и свободы, провело ряд социальных мероприятий прогрессивного характера.

В эти годы значительно развилось и окрепло профсоюзное движение. В сельской местности были созданы крестьянские лиги, кооперативы и другие общественные организации, в результате чего усилилась борьба за осуществление демократической аграрной реформы, которая предусматривала такие мероприятия, как распределение земли среди крестьян, уничтожение латифундий, феодальных форм эксплуатации, предоставление крестьянам кредитов, семенных ссуд, помощи при приобретении сельскохозяйственной техники и покупке удобрений.

Народная борьба еще больше усилилась с созданием 28 марта 1930 года Коммунистической партии Сальвадора. Здесь необходимо подчеркнуть, что буржуазные историки, касаясь даты образования Компартии Сальвадора, пытаются навязать идею о том, будто партия сальвадорских коммунистов была создана кем-то извне и именно накануне событий в январе 1932 года. Несостоятельность подобных утверждений очевидна.

Рождение Компартии Сальвадора явилось исторической не-

обходимостью, закономерностью. Она была создана в результате развития в стране рабочего движения, острых классовых битв в конце 20-х и начале 30-х годов. Большое влияние на ее возникновение оказали, несомненно, идеи Великого Октября, успехи Страны Советов.

В том же году был создан Союз коммунистической молодежи Сальвадора. Мигель Мармоль становится его генеральным секретарем. В качестве делегата от Региональной федерации трудящихся Сальвадора принимает участие в работе Конгресса Профинтерна, состоявшегося в 1930 году в Москве. По возвращении в Латинскую Америку он был арестован на Кубе. В Гватемале его пытались обвинить в шпионаже в пользу Советского Союза и ведении коммунистической пропаганды. Вернувшись на родину, Мигель Мармоль активно включается в революционную борьбу. Он выступает с лекциями и докладами о работе Профинтерна, о жизни в Советском Союзе, ведет организационную работу.

К этому времени внутренняя реакция стала вынашивать план нанесения сокрушительного удара по нарастающей борьбе сальвадорского народа, и в первую очередь по компартии.

В августе и октябре 1930 года правительство Боске в результате сильного давления со стороны олигархии приняло декреты, запрещающие проведение забастовок, собраний трудящихся, коммунистическую пропаганду и агитацию. Наряду с этим в уголовный кодекс были внесены статьи антикоммунистического характера.

Последствия мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.) охватившего и Сальвадор, легли тяжелым бременем на плечи трудящихся.

Цены на кофе, дававший 90% экспортной продукции Сальвадора и на плантациях которого работало подавляющее большинство экономически активного населения страны, упали с 44 до 12 колонов * за кинтал **. Национальная экономика была охвачена глубоким кризисом. Закрывались фабрики и заводы. Тысячи рабочих города и деревни остались без работы. Государственная казна опустела. Правительство не могло выплачивать жалованье служащим. Тысячи мелких и средних предприятий потерпели банкротство. Процесс концентрации богатств в руках горстки богатеев быстро развивался. Нищета и голод захлестнули Сальвадор.

Среди масс нарастал повстанческий дух. Их организации, в которых преобладали крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, становилось трудно контролировать и ориентировать на

---

* В одном колоне сто сентаво.— *Прим. ред.*

** *Кинтал* или *квинтал* — мера веса, равная 100 фунтам или 46 кг.— *Прим. ред.*

конкретные действия. В этих условиях генерал Мартинес, министр обороны в правительстве Араухо, предстал перед местной олигархией в качестве «спасителя родины», «сильного человека», способного предотвратить «хаос и анархию».

2 декабря 1931 года в Сальвадоре произошел государственный переворот. Олигархия была вынуждена уступить политическую власть военным, которые с этого момента вот уже полвека правят страной.

Однако реакция не пошла на немедленное столкновение с массами: она боялась трудящихся, их боевого настроения.

Новому правительству нужно было время, чтобы укрепиться у власти. С этой целью оно позволило провести муниципальные и парламентские выборы. Массы возлагали такие большие надежды на эти выборы, что компартия вынуждена была изменить прежнюю тактику.

Она приняла участие в этих выборах, выдвинув своих кандидатов. Партия знала, что не добьется решающей победы, но считала, что избирательная кампания поможет ей еще выше поднять боевой дух народа. Она была уверена в том, что массы на своем собственном опыте убедятся, что завоевать демократическую власть парламентским путем при существующем режиме — это утопия.

Успехи демократических сил были внушительными. Правительство, видя поражение кандидатов правых сил, не признало результатов голосования и в результате подлогов навязало депутатами и алькальдами тех, кого избиратели отвергли.

В этих условиях партия приняла решение призвать массы к всеобщей забастовке, которая должна была перерасти в вооруженное восстание народа. Но провести всеобщую забастовку уже было невозможно. Народ требовал более решительных действий, крестьянские организации начали выходить из-под контроля партии. В этих условиях Коммунистическая партия Сальвадора приняла решение призвать массы к вооруженному восстанию. Оно было назначено на 16 января 1932 года на 12 часов ночи, а затем переносилось несколько раз. Окончательная дата восстания была назначена на 22 января, а 19 января арестовали основных руководителей компартии Фарабундо Марти, Альфонсо Луна, Марио Сапата, почти весь состав ЦК КПС.

Диктатура Мартинеса сосредоточила в стратегических пунктах верные ей и хорошо вооруженные воинские части. В стране было введено осадное положение. Компартию Сальвадора обвинили в попытке осуществить свой «подрывной план». Против нее и других патриотических сил реакция развязала зверские репрессии.

Мигель Мармоль принимал самое активное участие в подготовке вооруженного восстания, после поражения которого его вместе с тысячами других патриотов расстреливают, но бла-

годаря счастливой случайности он остается живым, «совершает побег с того света».

Оправившись от тяжелых ран, Мигель Мармоль много усилий прилагает для реорганизации компартии в условиях глубокого подполья. В 1934 году его вновь арестовывают. В течение двух лет он находился в одиночной камере. Выйдя из тюрьмы, Мармоль активно борется за единство рядов компартии. Он избирается членом ЦК Коммунистической партии Сальвадора. После падения режима Мартинеса в 1944 году Мармоль становится одним из видных руководителей трудящихся масс Сальвадора. В 1945 году, спасаясь от преследования властей, по решению ЦК компартии он направляется в Гватемалу, где принимает активное участие в рабочем движении этой страны и становится одним из основателей Гватемальской партии труда (компартия).

В 50—60-х годах Мармоль, будучи членом Политкомиссии ЦК Компартии Сальвадора, руководил крестьянским движением в стране. В 1964 году его вновь арестовывают и после зверских пыток высылают в Мексику.

Мигель Мармоль неоднократно бывал в Советском Союзе, принимал участие в работе XXIII съезда КПСС, в съездах других братских партий. В настоящее время Мигель Мармоль, несмотря на преклонный возраст, по-прежнему ведет активную работу по воспитанию молодых коммунистов и комсомольцев Сальвадора.

За всю свою жизнь Мигелю Мармолю не пришлось серьезно и глубоко заниматься изучением марксистско-ленинской теории, особенно до 1964 года, то есть в наиболее активный период его жизни. Он — революционер-практик, опыт которого взят из жизни, из той действительности, в которой ему приходилось бороться. Он воплощает в себе все качества рабочего и крестьянского руководителя, воспитанного на идеях Великой Октябрьской социалистической революции, на успехах первого в мире рабоче-крестьянского государства, на лучших революционных и героических традициях Коммунистического Интернационала, международного коммунистического движения.

В истории социальных битв в Сальвадоре в 20-х и начале 30-х годов особое место занимает Агустин Фарабундо Марти, один из создателей и руководителей Коммунистической партии Сальвадора.

Родился он в 1893 году в зажиточной семье. Принимал активное участие в прогрессивном студенческом движении Сальвадора, в создании и деятельности Региональной федерации трудящихся Сальвадора. Блестящий организатор и оратор. Он был скромным, добр и сердечен в обращении с простыми людьми, тверд и непреклонен по отношению к классовым врагам. «Марти,— сказал однажды Мигель Мармоль,— был похож на пол-

новодную реку, которая становилась еще более полноводной по мере того, как на плечи нашего народа обрушивалось все больше бед. Он был похож на неукротимый вулкан, извергающий потоки гнева и ярости против местной олигархии, угнетающей наш народ, и против жестокости империализма, паразитирующего на теле латиноамериканских трудящихся».

В 1928 году он вместе с другими сальвадорскими революционерами выехал в Никарагуа и вступил в ряды армии — защитницы национального суверенитета страны, боровшейся во главе с Аугусто Сесаром Сандино против американских захватчиков. Фарабундо Марти принимает активное участие в вооруженных действиях и быстро становится личным секретарем великого никарагуанца. Фарабундо Марти было присвоено звание полковника Народной армии — защитницы национального суверенитета Никарагуа.

В середине 1930 года он работал в Сальвадоре в качестве представителя Международной организации помощи революционерам (МОПР), секция которой уже действовала в стране. С приездом Марти это движение революционной солидарности и помощи жертвам национальной и международной реакции получило новый размах, завоевало большой авторитет и влияние среди трудящихся Сальвадора.

Приняв решение начать вооруженное восстание в январе 1932 года, Центральный Комитет Компартии Сальвадора поручил Марти обеспечить военное руководство восстанием. Но уже 19 января подпольный штаб, где велась подготовка к восстанию, был арестован. Фарабундо Марти и его верные соратники Альфонсо Луна и Марио Сапата по решению военного трибунала были казнены.

Провести полный и всесторонний анализ причин поражения восстания 1932 года — это дело самих сальвадорских революционеров. Тем не менее хотелось бы коснуться некоторых объективных причин, приведших к трагическим январским событиям.

В 20-е и в начале 30-х годов рабочий класс Сальвадора был немногочислен и слабо развит. Процент индустриальных рабочих был ничтожно мал. Подавляющее большинство составляли рабочие мелких сапожных, швейных, столярных мастерских, хлебопекарен и т. д. Что касается сельской местности, то среди сельскохозяйственных рабочих преобладал полупролетариат.

Слабость рабочего класса является одной из основных причин поражения восстания 1932 года. К этому следует добавить, что разнородное рабочее движение в стране испытывало сильное влияние анархо-синдикализма и реформизма.

Во главе руководства революционным движением стояли представители радикальных слоев мелкой буржуазии: студенты, учителя, владельцы мелких ремесленных мастерских и

крестьяне (прежде всего крестьяне-середняки), которые придали движению свой характерный классовый оттенок: стихийность, импровизацию, бесплановость, нестабильность, то есть те классовые черты, которые так четко раскрыл В. И. Ленин в своей работе «Что делать?». Рабочий класс представлял собой важную силу, но не главную, что соответствовало уровню его развития. Ремесленники и городские рабочие, политически организованные коммунистической партией, приложили героические усилия во время восстания, однако не стали — как класс — ни основной, ни направляющей силой. А основной движущей силой восстания оказались широкие крестьянские массы. Руководство же народным движением взяли на себя революционные слои мелкой буржуазии, которые приняли революционную теорию пролетариата, но не стали настоящими защитниками его дела.

Коммунистическая партия Сальвадора, хотя и являлась подлинным выразителем интересов народных масс, представляла собой организацию, находившуюся еще на начальном этапе своего развития и не имела достаточно времени для того, чтобы накопить опыт и подготовиться должным образом к отпору наступления реакционных сил.

Однако даже в такой сложной и противоречивой обстановке — организационной, идейной, политической и тактической неразберихе — компартия встала во главе трудящихся и повела их на борьбу за свое социальное освобождение.

Но, несмотря на высокую степень радикализации масс, а также политическое и идеологическое влияние на них со стороны Компартии Сальвадора, нечеткая внутренняя структура КПС, слабая сеть первичных партийных организаций не позволили ей осуществлять на практике эффективное и оперативное руководство. Это явилось еще одной из причин поражения восстания.

Основная стратегическая линия борьбы была абсолютно неясной как для самой партии, так и для народа. Характер революции, а следовательно, и ее задачи и этапы развития партией не были определены.

Ясным для партии и радикальных слоев народных масс, пожалуй, было только то, что надо бороться за завоевание власти, что необходимо уничтожить основу государственного аппарата эксплуататоров, с тем чтобы в последующем осуществить глубокие революционные преобразования. Однако не было никакой ясности в отношении характера этих преобразований.

Какой будет революция: социалистической, аграрной, антиимпериалистической, антифеодальной, антиолигархической или буржуазно-демократической? На этот вопрос партия не могла дать четкого ответа.

Правда, Мигель Мармоль подчеркивает, что партия и тру-

дящиеся массы боролись за осуществление буржуазно-демократической революции. Однако в распространенном 21 января 1932 года Манифесте ЦК Компартии Сальвадора речь идет о пролетарской революции. «Товарищи рабочие! Вооружайтесь и защищайте пролетарскую революцию! Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!»

Об этом говорит и Мармоль. В общем, в вопросе о стратегической линии было много путаницы: одни боролись за коммунистическое общество, другие за социализм, а третьи, пожалуй большинство, просто за землю, которую они хотели обрабатывать.

Следует также упомянуть еще об одном факторе, обусловившем поражение восстания: о полном отсутствии должной военной подготовки восстания. Красные командиры показали примеры беззаветного героизма, проявили чисто интуитивную способность к командованию, благодаря чему достигли в боях больших тактических и даже стратегических успехов, как, например, в случае с крестьянином Сегундо Рамиресом, который организовал колонну из 5 тыс. крестьян в районе Исалько и занял город Сонсонате.

В разгар классовых битв народ всегда выдвигает множество талантливых руководителей, но полное отсутствие командных кадров с надлежащей военной подготовкой явилось крупным недостатком революционного выступления 1932 года.

Таковы, на наш взгляд, основные причины, приведшие народное восстание 1932 г. к поражению.

Организаторы чудовищной расправы над народными массами надеялись, что они навсегда покончат с Компартией Сальвадора, с надеждами сальвадорского народа добиться подлинного освобождения. Но реакция ошиблась в своих расчетах.

Вооруженное восстание 1932 года — самое значительное событие в истории классовой борьбы в стране. Участие трудящихся, их беспримерный героизм — вот что было отличительной чертой описываемых событий. Революционная роль передового авангарда, который без колебаний приступил к выполнению задачи по вовлечению широких народных масс в революцию, и деятельность революционных вождей, таких, как Агустин Фарабундо Марти, стали еще одним ценным наследием.

Нынешнее поколение сальвадорских коммунистов свято чтит память тех, кто отдал свою жизнь за счастливое будущее страны. Это о них говорилось в докладе ЦК Компартии Сальвадора по случаю 45-й годовщины со дня основания КПС: «Сегодня, 43 года спустя после восстания 1932 года, когда партия лучше видит допущенные в то время ошибки и слабости, мы, однако, не можем не отдать дань глубокого восхищения и уважения тем товарищам, которые впервые попытались завоевать власть для рабочих и крестьян. Их понимание своего револю-

ционного долга перед массами, их верность трудящимся вплоть до самопожертвования являются непреходящим примером, данным нам первым поколением сальвадорских коммунистов» *.

Нынешнюю борьбу сальвадорского народа невозможно понять без ее взаимосвязи с событиями 1932 года. Сегодня перед революционными и демократическими силами страны стоят те же цели и задачи, которые стояли перед восставшими рабочими и крестьянами в 1932 году.

Да и внутриполитическая обстановка в Сальвадоре в последние годы во многом напоминает ситуацию того времени: мировой экономической кризис капиталистической системы, подъем народной борьбы, сильная радикализация масс, поиски народом выхода из создавшегося положения на пути борьбы за создание такого правительства, которое было бы способно осуществить глубокие социально-экономические и политические преобразования и положить конец господству местной олигархии и империализма. Как и тогда, отсутствуют возможности для демократических сил прийти к власти парламентским путем. Ведь известно, что в 1972 и 1977 годах политическая коалиция Национальный союз оппозиции дважды добивалась победы на президентских выборах. Однако реакция с помощью подлогов и силы оставляла у власти военную диктатуру.

С конца 1969 года Сальвадор вступил в полосу острого кризиса, который охватил всю общественно-экономическую жизнь. Главной особенностью этого периода стало то, что демократическая антиимпериалистическая революция в Сальвадоре превратилась в реальную возможность. В сентябре 1979 года в Сан-Сальвадоре и других городах страны прошли массовые демонстрации. Активизировали свою деятельность Компартия Сальвадора, революционные военно-политические организации. Трудящиеся требовали отставки диктатора генерала Ромеро и передачи власти демократическому правительству.

Чтобы избежать повторения опыта Никарагуа, воспрепятствовать дальнейшему развитию массового демократического движения в стране, в октябре 1979 года в Сальвадоре был осуществлен военный переворот, в результате которого был свергнут режим генерала Ромеро.

К власти пришла военно-гражданская хунта и было сформировано реформистское правительство с участием представителей прогрессивных и демократических сил. Оно обещало осуществить ряд демократических преобразований, в частности аграрную реформу, национализацию банков, внешней торговли, распустить профашистские организации и т. д. Однако попыт-

---

* Шафик Хорхе Хандаль. Трудный путь борьбы сальвадорских коммунистов. — «Коммунист», 1977, № 3, с. 106.

ки проведения этих реформ в жизнь натолкнулись на сопротивление буржуазно-помещичьей олигархии, и прежде всего 14 семейств латифундистов и крупных капиталистов, осуществляющих реальную власть в стране. В конце декабря 1979 года офицерская верхушка поворачивает вправо.

В ответ на это усиливают свою деятельность вооруженные формирования левых организаций. Разразился правительственный кризис. Из состава хунты и правительства вышли левые элементы. Были сформированы новая хунта, новое правительство. В них вошли военные и представители правого крыла христианско-демократической партии.

С обострением политического кризиса страна столкнулась с непреодолимыми экономическими трудностями. Значительно сократилось промышленное, сельскохозяйственное производство, строительство, особенно жилищное.

Проблема земли и по сей день остается центральной проблемой сальвадорского народа. Она может быть решена лишь в результате проведения демократической аграрной реформы, которая покончила бы с монополией на землю, находящейся в руках нескольких семей, насчитывающих в общей сложности 2 тысячи человек. Если в 1932 году для населения Сальвадора, составлявшего 1,7 млн. человек, проблема земли явилась одной из главных причин восстания, то спустя 49 лет, когда население страны достигло почти 5 млн. человек, из которых более 60% проживают в сельской местности, эта проблема еще больше обострилась. Согласно официальным данным, 60% земли находилось в руках 2% населения. В последнее время это положение ухудшилось. Площадь под основными зерновыми культурами в два раза больше, чем площадь, занятая под экспортными культурами, но поскольку это земли (занятые под зерновые) худшего качества, то на них приходится 15% совокупного сельскохозяйственного продукта, тогда как экспортные культуры дают 52%. Кто имеет монополию на землю, тот осуществляет и монополию буквально на все: кофейные магнаты являются собственниками коммерческих банков, в их руках находятся сельскохозяйственные кредиты.

Государственный переворот 1979 года был осуществлен за спиной сальвадорского народа. Это был переворот на основе компромисса, вызванный изменением политической обстановки в регионе и подготовленный США с целью сдержать дальнейшее развитие национально-освободительного движения. Социально-экономические реформы, объявленные в манифесте военных, которые по замыслу США были призваны не допустить революционного взрыва, не выполнены. Лишь во второй половине марта 1980 года правительство опубликовало декрет об «аграрной реформе», но вместе с этим декретом ввело осадное положение в стране. С самого начала империализм США и хунта

убеждали олигархию, чтобы она не боялась объявления о проведении «радикальной аграрной реформы», так как основная цель ее — облегчить подавление революционного движения.

Местная олигархия развязала в стране жестокий террор. Политика хунты — «реформы плюс репрессии» привела к тому, что за 1980 год в стране погибло более 10 тыс. человек.

США все более становятся на путь открытого вмешательства во внутренние дела Сальвадора, поставляя оружие, направляя военных советников, предоставляя правящему режиму большую финансовую помощь. Одновременно они оказывают сильный нажим на правительства Гондураса и Гватемалы, добиваясь создания объединенных вооруженных сил под эгидой Совета обороны стран Центральной Америки для вооруженного вмешательства в события в Сальвадоре под предлогом «восстановления демократии». Более того, США стремятся с помощью Организации американских государств (ОАГ) подавить движение в Сальвадоре.

«Мировая общественность должна знать, что в Сальвадоре сейчас ведутся две войны: истребительная, несправедливая война североамериканского империализма и местной реакции против нашего народа, а с другой стороны, справедливая война сальвадорской нации за освобождение от жестокого, почти пятидесятилетнего гнета правой диктатуры, за демократические свободы, независимость и социальную справедливость», — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК Компартии Сальвадора Шафик Х. Хандаль *.

Народ Сальвадора не одинок в своей борьбе. Первое поколение сальвадорских коммунистов, героическое поколение, создавало компартию в условиях, когда социализм победил лишь в одной стране, Советском Союзе. Теперь существует мощное содружество стран социализма, одним из главных принципов которого является интернационалистская солидарность со всеми народами, борющимися за свое освобождение от империалистического гнета, за демократию и социализм.

Социализм победил и на Латиноамериканском континенте — на Кубе. В результате вооруженной борьбы никарагуанского народа пала ненавистная диктатура Сомосы. Сегодня народное движение в Сальвадоре достигло высокого уровня развития. Рабочий класс окреп численно и организационно.

Компартия Сальвадора, другие революционные организации исходят из того, что единственным путем к победе является вооруженная борьба, поддержанная массовым движением народа. В стране сложились объективные и субъективные

---

* Шафик Хорхе Хандаль. Путь у нас один — вооруженная борьба. — «Проблемы мира и социализма», 1980, № 10, с. 17.

условия для перехода революционных и демократических сил к всеобщему вооруженному восстанию.

В декабре 1979 года удалось добиться первого соглашения о единстве действий ряда левых организаций. Был создан Революционный координационный комитет, в который вошли Компартия Сальвадора, а также революционные военно-политические организации: Народные силы освобождения имени Фарабундо Марти, Национальное сопротивление. Главная цель комитета заключалась в том, чтобы обеспечить единство действий трех организаций, каждая из которых оставалась независимой, придерживалась своего курса, принимала собственные политические и военные решения. В начале января 1980 года к этому органу присоединилась Революционная армия народа, а позже — Революционная партия центральноамериканских трудящихся. В мае 1980 года Революционный координационный комитет был преобразован в Объединенное Революционное военно-политическое руководство. Принятые этим органом решения являются обязательными для всех революционных военно-политических организаций.

В апреле 1980 года был создан Революционный демократический фронт (РДФ) — широкая коалиция патриотических сил Сальвадора. РДФ объединяет все массовые организации, контролируемые Объединенным Революционным военно-политическим руководством, левое крыло христианских демократов, социал-демократическую партию (МНР), студенчество, представителей прогрессивной интеллигенции, церкви, ведущие профобъединения, некоторые организации предпринимателей, демократически настроенных военных. Принятая программная платформа РДФ предусматривает в качестве ближайшей задачи свержение существующего реакционного режима в Сальвадоре и создание подлинно народного правительства, которое осуществило бы:

- демократическую аграрную реформу,
- передало в руки трудящихся основные средства производства,
- ликвидировало политическую, экономическую и военную зависимость страны от империализма США,
- обеспечило демократические права и свободы для всего сальвадорского народа, повысило бы материальный и культурный уровень жизни населения,
- создало новую народную армию, в которую могли бы войти все честные военнослужащие нынешних вооруженных сил,
- содействовало созданию различного рода массовых организаций с целью обеспечения активного и творческого участия народа в революционном процессе и демократическом преобразовании общества,

— проводило внешнюю политику на принципах независимости, мирного сосуществования, равноправия и взаимного уважения между государствами. В октябре 1980 года Объединенное революционное военно-политическое руководство приняло решение о слиянии всех организаций, входящих в него, и их вооруженных формирований в одну повстанческую армию под названием Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти (ФНОФМ). Создание Революционно-демократического фронта и Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти является важным достижением левых сил.

Местная реакция и американский империализм стремятся потопить в крови освободительное движение сальвадорского народа, увековечить свое господство. На это народ отвечает вооруженной борьбой, отважно сражаясь с сильными безжалостными врагами. Нет иного способа положить конец террору и принести мир многострадальному Сальвадору, как довести до победы эту справедливую борьбу, и она неизбежно закончится победой.

Е. М. Чурилов

Глава I

ДЕТСТВО. ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Может быть, все, что я пережил, уже заранее было предопределено судьбой? Такой вопрос скорее свойствен литератору, а я вспоминаю слова из песни: «Могло и не случиться». Впрочем, стоит ли особенно храбриться? Старый я стал, умудренный опытом, а вот такие вопросы все еще влекут меня и заставляют задумываться. Многие из тех, кто меня знает, говорят, что я появился на свет, чтобы создавать себе трудности. Как бы то ни было, я и трудности были связаны с самых ранних лет. Я ли притягивал к себе их, они ли постоянно преследовали меня — это уже особая тема. Все это можно доказать примерами и событиями из моей жизни, начнем с того, что, когда стало ясно, что моя мама Сантос носит меня под сердцем, моя бабушка выгнала ее из дому. И коль скоро виновник беременности никак не отыскивался, то растущий живот моей матери стал считаться непростительным позором. Я так никогда и не понял, почему мы, бедняки, делаем такую трагедию из подобных вещей, хотя, конечно, всем нам не до философии, когда видим перед собой свою одинокую беременную дочь. И дело здесь не только в страхе перед голодом, тут есть и куда более сложные соображения.

Таково было положение моей несчастной матери, изгнанной из родного дома, когда я появился на свет. Это случилось в Илопанго, департамент Сан-Сальвадор, Республика Сальвадор, 4 июля 1905 года, в день святой Берты и — да простит меня бог — в день провозглашения независимости Соединенных Штатов Америки. На восьмой день после рождения мать понесла меня показать бабушке, надеясь, что та отойдет, увидев мое личико и услышав мой плач. Но вот беда: я оказался очень некрасивым, а говорят, что плач некрасивых детишек вызывает не столько сочувствие, сколько раздражение. К тому же моя мать продолжала упорствовать, не желая назвать имя моего отца, несмотря на то что бабушка не только криком, но и палкой принуждала ее к этому. И как говорится в одной из песен, «случилось то, что должно было случиться»: моя бабушка выгнала нас ко всем чертям. Мать потеряла сознание, и тут,

первый раз в своей жизни, я спасся от грозившей мне большой опасности. Старший брат матери, мой дядя Иларио, поднял ее с земли и внес в дом, где с помощью водки привел в чувство. На меня же в это время никто не обращал ни малейшего внимания, и я продолжал реветь, проливая потоки слез на земляной пол.

Проблема осложнялась тем, что моя бабушка вышла замуж по закону и с соблюдением всех формальностей и церемоний, что, как я уже говорил, и сегодня в Сальвадоре является делом нешуточным; кроме того, мой дед происходил из семьи «сальвадорских» испанцев и обладал великолепным телосложением. «Я вышла замуж за бедного, но видного молодца, — обычно говаривала она. — Мы приходим из семьи некрасивых индейцев, и мне уж очень хотелось, чтобы наше с моим прекрасным Перфекто потомство было бы иной породы». И язвительно добавляла: «Хороша бы я была, если бы стала заглядываться на кого-нибудь из этих тупых касиков из Сантьяго-Тексакуангоса». На мой взгляд, моя бабушка Томаса Эрнандес, вдова Мармоля, всю свою жизнь сохраняла уверенность в своих силах, была женщиной активной, авторитетной, обладавшей большой решимостью, что явилось следствием трудной, почти нищенской жизни. Тем не менее она была и решительной, гордой и твердой. Фанатичная католичка, она тем не менее питала «либеральную» слабость к генералу Херардо Барриосу; изображения генерала и его жены доньи Аделаиды она хранила в цветной трубочке, напоминавшей детский калейдоскоп. Однако больше всего она гордилась своим супругом. Бабушка никогда не уставала восхвалять моего дедушку Перфекто Мармоля, превозносить его стройность, скромность и великодушие. Его убили в окрестностях Санта-Теклы, где батрачил на кофейных плантациях. Это случилось в конце прошлого века. И кажется, что мой дед был не только стройным мужчиной, но и вообще особенным человеком, потому что о нем рассказывали только хвалебные истории. В частности, я вспоминаю и такую: однажды, когда наступило время созревания кукурузы, в районе Илопанго появились полчища саранчи, которые угрожали уничтожить все всходы. Крестьяне в отчаянии бросились на свои поля, чтобы попытаться спасти их от этих прожорливых насекомых. Средств же защиты было у них немного: они били палками в пустые жестяные банки, крутили трещотки, жгли сухие стебли и т. д. И только мой дедушка остался в деревне — он лежал в гамаке и спокойно покуривал гондурасскую сигару. Когда крестьяне вернулись с сообщением о том, что все посевы уничтожены саранчой, мой дед отправился на свое поле. Оно оказалось нетронутым. Тогда он заявил, что разделит свой урожай кукурузы среди самых бедных семейств деревни, которые саранча обрекла на голод. Вот за такие вещи

в Илопанго и говорили, что Перфекто Мармоль выделяется среди всех. Замужество за таким человеком, да еще в Илопанго, где большинство составляли говорившие по-испански индейцы и было трудно найти хоть какую-нибудь захудалую фамилию, так как всех там звали Эчеверриа или Пайес, вскружило голову хорошенькой индианке, моей бабушке Томасе, происходившей из семей Тонакатепеке и Тексакуангос. И когда моя мать принесла меня показать ей, то бабушка пришла в бешенство прежде всего потому, что рухнули все ее планы «полного улучшения» потомства — еще бы, она увидела своего внука, этого уродливого малютку-индейца, да вдобавок ко всему с иссиня-смуглой попкой.

Моей матери пришлось пережить горькие дни. Как она рассказала мне впоследствии, когда я стал уже соображать, мы выжили благодаря великодушию одного сеньора, которого звали доном Симоном, — он ежедневно подавал нам милостыню в виде горстки кукурузных зерен, из которых мать пекла тортильяс *. Когда же я достаточно подрос, для того чтобы не умереть от желудочных колик, меня научили есть своего рода суп из размоченных тортильяс, что стало добавкой к молоку матери. Наверное, поэтому мы, бедняки, такие толстокожие. Я часто думаю: если ты научился есть тортильяс в грудном возрасте, то это значит, что при надобности можешь прожить всю жизнь, питаясь одними булыжниками.

Жизнь, однако, была куда тяжелей для моей матери, чем для меня, потому что я был не единственной ее заботой. Дело в том, что к моменту моего рождения у нее были уже две дочки, почти школьного возраста, только от другого отца. Все эти домашние заботы и вынудили мою мать вскоре забросить меня. Я оставался дома с моими сестренками Пилар и Корделией, которые, несмотря на то что сами были маленькими, заботились обо мне и кормили меня; мать же пошла работать — на своих плечах она переносила большие тюки с табаком из Илопанго в Сан-Сальвадор. Она совершала в день два таких рейса, что в общей сложности составляло сорок километров, половину из которых ей приходилось преодолевать с большим грузом на плечах. Иногда ей приходилось совершать и третий рейс, так как заработка едва хватало на еду. Об одежде и башмаках и говорить не приходилось. Все мы бегали босиком, одетые в лохмотья. Моя колыбель представляла собой своего рода гнездо из тряпок или обрывков старой одежды; его устроили моя мать и сестры. К счастью, через некоторое время матери удалось получить место стряпухи в Сан-Сальвадоре, и с этого момента она стала служить в богатых домах. Она сумела стать очень хорошей поварихой и служила одно время даже в доме извест-

---

* *Тортильяс* — кукурузные лепешки.— *Прим. ред.*

ного врача Мануэля Энрике Араухо, будущего президента республики. Доктор Араухо очень хорошо относился к нашей матери, и в течение того времени, что она работала в его доме, мы в нашем ели три раза в день. Это были остатки от обеда или что-то в этом роде, но по крайней мере мы могли заглушить голод. Но бывали и такие времена, когда наша мать не работала, и тогда нам приходилось добывать еду всевозможными способами: красть фрукты с чужих деревьев, ловить рыбу, собирать на свалках всякого рода отходы, например бумагу, тряпье и другой хлам, с тем чтобы продавать его бумажным или мыловаренным мастерским. Естественно, что я не оказывал никакой помощи в этом деле, но мои сестры много трудились. Мать вынуждена была забирать их из школы, с тем чтобы они помогали ей добывать хоть какое-то пропитание.

Время шло, и моя бабушка Томаса постепенно забывала о той злобе, которую вызвало мое рождение. Мало-помалу она стала навещать нас в нашем самодельном ранчо и помогать нам. Кстати о ранчо: это была соломенная крыша на четырех подпорках, соединенных между собой глиняными стенами, которые крепились пальмовыми ветками и камышом. Моя бабушка была своего рода чудо-бабушкой деревни, у нее бывали минуты веселья и хорошего настроения, но, как правило, это было само олицетворение горечи. Одна из первых встреч с моей матерью, после того как бабушка выгнала ее из дому, произошла под предлогом, что я и мои сестренки должны были посещать уроки христианской веры, которые она давала у себя дома в шесть часов вечера для всех детей Илопанго. Моя бабушка рассказывала нам чудовищные вещи о Страшном суде, об ангелах, которые спустятся с неба, чтобы протрубить конец света, когда во всем мире из своих могил восстанут мертвецы, чтобы предстать перед судом божьим — направо пойдут те, которым открыта дорога в рай, а налево — осужденные гореть в аду, и т. д. Я вспоминаю об этом, потому что в течение нескольких лет я был самым прилежным учеником в этой «богословской школе» моей бабушки. Я помню также, что она упорно твердила о том, что все люди равны перед богом и что ни один человек не должен угнетать и обижать себе подобного. Меня же она благословляла каждый раз, когда я приходил поздороваться или попрощаться, но в глубине души она не простила мне того, что я был таким страшненьким. Я же неизменно относился к ней с нежностью: когда она заболела, я носил ей сваренный матерью рыбный суп с приправой из листьев чипилина и лимона и цветы, которые я собирал по дороге. В то время, как я сейчас припоминаю, Илопанго был очень красивым местечком, где росло множество цветов. Улицы были засажены апельсиновыми деревьями и миртом; утром и вечером воздух наполнялся чудесным ароматом. Когда бабушка видела, что я вхожу с су-

пом и цветами, она на какое-то время сдавалась и с большой любовью целовала меня и приговаривала, что я ее маленький муженек, который не дает ей умереть от голода и тоски. Иногда, приходя к нам, она приносила в своей корзинке фрукты для моих сестреночек, но ни разу ни один из них не был предназначен для меня. Она колотила меня за каждый проступок — за то, что я трогал изображения святых или устраивал беспорядок в ее корзинке. Правда, каждый раз, когда она выходила из себя и била меня, она тут же разражалась слезами и рассказывала о своей прошлой жизни: о нищете, которая однажды вынудила ее отправиться пешком вслед за своим отцом на восток страны, о том, как приходилось спать в горах, где однажды ночью ее чуть не съел ягуар.

Мои сестры уже ходили в школу, а вместе с ними «уходили» все те деньги, которые зарабатывала мама. Пилар училась довольно посредственно и больше думала об играх. Она была очень живой девочкой и часто смешила нас — за это мы ее любили. Корделия же была примерной ученицей, сообразительной и с задатками артистки. Иногда она просила маму разрешить ей участвовать в школьных вечерах или в деревенских представлениях. Но в таких случаях необходимо было покупать для Корделии своего рода карнавальный костюм, и тогда мама собирала нас и спрашивала: согласны ли мы на покупку такого костюма для сестры за счет отказа от покупки обновок для нас к празднику? И мы всегда соглашались, потому что очень гордились тем, что у нас сестра — артистка, которой все аплодировали; мы же довольствовались тем, что появлялись в толпе принаряженных ребятишек в своих стареньких одежках, покрытых заплатами, но всегда вычищенных и отутюженных.

Моя мама была для меня всем на свете. Она — моя мама Сантос Мармоль — была среднего роста, с вьющимися каштановыми волосами, с ласковыми глазами, ловкой походкой. Это была сердечная, самоотверженная и заботливая женщина, но когда и у нее лопалось терпение, то лучше было не попадаться ей на глаза. Она, можно сказать, была такой, как все бедные матери Сальвадора: католичка, неграмотная, суровая и воспитывавшая своих детей прежде всего своим собственным примером, невзирая на самые тяжелые обстоятельства, которые случались в ее жизни. С самого раннего возраста она стремилась привить мне добрые чувства, любовь и уважение к ближнему и чувство справедливости. Я считаю, что становление моего характера нельзя объяснить без учета тех усилий, которые прилагала моя мать, чтобы сделать из меня хорошего человека. Когда я совершал какой-либо проступок, она наказывала меня, а затем долго и терпеливо разъясняла мне мою вину. Иногда мать вроде бы не замечала целый ряд таких проступков; и вот когда

ты чувствовал себя в безопасности, она заявляла, что тогда-то и тогда-то я сделал то-то и то-то и за это должен быть наказан. Но коль скоро она пыталась помочь мне понять мои проступки, то я не обижался и пытался исправиться. Мать начала прививать мне религиозные чувства, и я очень скоро сделался почитателем Девы Марии и святого Франциска. Когда у меня возникали трудности или неприятности, я отправлялся в церковь и молился — так, как учила меня бабушка во время своих занятий. Я молился за маму и сестер, за своих маленьких друзей-соседей, за птичек или зверьков, которые время от времени привязывались к нашему домику, хотя здесь им нельзя было надеяться на какое-то пропитание. Молиться я предпочитал в то время, когда в церкви не было священника, потому что я не мог выносить исходящего от него запаха уксуса и еще потому, что ему нравилось носить на руках маленьких детишек и целовать их своими колючими губами. Моя вера в бога крепла и потому, что наши самые острые нужды зачастую находили такое решение. Бывали дни, когда до десяти утра мы не знали, чем позавтракать. Мама разжигала огонь, делая вид, что в скором времени начнет стряпать — так она пыталась успокоить нас, — и становилась на колени перед небольшим изображением Святой Девы, которое висело около нашей глиняной печки. Обняв меня, ставила рядом с собой, чтобы и я помолился. Мы еще, бывало, не закончим молитву, а тут раздавался голос нашей соседки: «Сантос! У меня осталось немного теста, дать тебе для лепешек?» Вот так мы получали иногда свой завтрак. Мама говорила, что эти чудеса творит Святая Дева, которая никогда не оставляла нас своими заботами, и мать подчеркивала всю важность молитв и веры, как чего-то такого, о чем я никогда не должен был забывать в своей жизни. Я тоже так считал, и поэтому чудеса стали казаться мне обычным делом в жизни. Сегодня же, когда я уже давным-давно не мальчишка, я понимаю, что дело было совсем в другом. Моя мама всегда помогала чем могла своим соседкам, таким же бедным, как и она. У нее было щедрое сердце. Именно поэтому наши соседи всегда помнили о нас и пытались помогать нам, когда имели хоть малейшую возможность. Беден был очаг, но щедры сердца людей.

Праздники в Илопанго всегда были великолепными. Они остались такими в моей детской памяти с самых ранних лет. Несколько раз в год проводились религиозные церемонии в честь дней святого Иосифа, святого Христофора и Святой Девы; кроме того, устраивались и народные праздники в соответствии со старыми обычаями, особенно мне запомнились утренние серенады, которые исполняли крестьяне, рабочие и рыбаки. Обычным делом были и своего рода пикники на берегах ближайшего к Илопанго озера. Почти вся деревня уходила туда, разбивались на большие группы, ели и пили под сенью ог-

ромных амате и конакасте. Во время этих прогулок играли на гитарах и мандолинах, девушки декламировали стихи. Драк никогда не случалось. Это было время мира, красоты и гармонии. В дни рождества самым веселым являлись пасторали, в которых участвовали и дети, и взрослые. И я уж не упускал случая — тоже был пастушонком, который распевал вместе с другими... Но с этим образом жизни было покончено, когда на землях Илопанго построили международный аэропорт и базу военно-воздушных сил. Аэропорт и авиационная база убили дух Илопанго: они принесли с собой коррупцию и ненависть...

Однако не следует обманывать себя всеми этими пасторальми и праздниками в честь святых покровителей. Бедность была чудовищной во всей стране, и достаточно перечитать то, что я написал о нашей семье, чтобы представить себе общую картину. Но не только голод грыз душу и тело сальвадорского народа. В это время, в 1910 году, президентом республики был генерал Фернандо Фигероа, которого прозвали Горьким Апельсином не из-за простой любви к прозвищам. Он постоянно держал всю страну на военном положении, обрушивал чудовищные репрессии в ответ на протесты против бедственного экономического положения и финансового хаоса, который стал особенно сильным после войны с Никарагуа, начатой в 1907 году. Естественно, что в то время я еще ничего не понимал — я убивал время тем, что ловил маленьких ящериц возле нашего дома, и тревожился только тогда, когда меня донимал голод, а есть было нечего. Тем не менее я помню, какую большую жалость вызывали у меня оборванные крестьяне, приходившие в нашу деревню в напрасных поисках работы, или вереницы больных, которые шли из восточных областей в надежде попасть в больницу Сан-Сальвадора. Но особенно большое впечатление произвели на меня погонщики волов, запряженных в телеги. И в периоды зимних суровых ветров, и под жгучим летним солнцем шли они, полураздетые, иногда пьяные в стельку, безжалостно подгоняя своих смертельно уставших волов острыми железными пиками. А я думал про себя, как хорошо было бы иметь много денег, чтобы построить навес над всей дорогой, от Илопанго до Сан-Сальвадора, который защищал бы погонщиков от холодного дождя или жаркого солнца. Ведь тогда их жизнь была бы не столь тяжелой. И еще я вспоминаю нечто вроде ожившей сценки из сказки: по той же пыльной дороге, по которой шли погонщики, проклиная своих волов, вдруг стремительно промчалась чудесная белая карета, запряженная двумя белыми, как хлопок, лошадьми, напомиравшими своей статью чилийских. Элегантный кучер легкими ударами кнута подгонял лошадей. В карете сидела сеньора, лица которой нельзя было разглядеть, так как его закрывала

черная маантилья, но мне она все равно показалась такой же прекрасной, как Святая Дева. Я до сих пор отчетливо помню эту сцену, как будто смотрю цветной фильм. В то время я был большим мечтателем, но карета не была видением, в этом я убедился через несколько лет.

Когда наступало зимнее время, закаты становились блестящими от влаги, но какими-то печальными, грустными; тучи проносились низко над землей, казалось, что их можно схватить руками. Покачиваясь в старом гамаке, я говорил, обращаясь к маме, что все мы должны бы уметь летать, как попугаи, которые стаями перелетали с места на место. Моей мечтой было долететь до Мексики, где, как я думал, уже находился конец света. «Беденький мой сынок, — в шутку говорила мама, — он у меня спятел от слабости».

Я очень хотел знать, кто мой отец, и все время пытался узнать о нем у матери. Но моя мать считала, что это дело было тайной ее и его и что об этой тайне не должен знать даже я, результат этой тайны. Когда мимо проходил какой-нибудь прилично одетый человек с приятной наружностью, я бегом бежал к матери и говорил ей: «Посмотри, мама! Случайно этот господин не мой отец?» Она смеялась в ответ, а я уходил грустный, потому что мне этот человек подходил в качестве отца. Наконец мать, которой, очевидно, надоели мои приставания, сказала мне однажды, что моим отцом был капитан Карранса, который жил в Сан-Сальвадоре. Я немедленно стал рассказывать об этом всем встречным, чтобы все знали, что у меня тоже есть отец. Само имя уже было нечто реальное для меня, и я радовался, как ребенок, получивший игрушку. Но это оказалось неправдой. Его выдумала мама, чтобы избавиться от моих расспросов. Моим отцом же являлся тогдашний алькальд Илопанго Эухенио Чикас, или, как его все звали, индеец Эухенио. Крестьянин со средствами, он был сыном знаменитого Франсиско Чикаса, или Чико Чикаса, которого с его игрушечной шпагой считали непобедимым; занимался же он тем, что в ночные часы бродил по дорогам, чтобы встретить и вступить в бой с нечистой силой. Чико Чикас умер от разрыва сердца на дороге, неподалеку от деревни. Мой отец не унаследовал воинственности деда и был мирным, трудолюбивым и приветливым человеком. Но что было, то было: он совершенно безответственно относился к своим детям, родившимся на стороне. А таких нас было много. Моя бедная мать вынуждена скрывать эти родственные связи, так как мой отец был женат на ее близкой подруге, донье Крессенсии. Я же узнал о том, что моим отцом был Эухенио Чикас, в год, когда убили президента Араухо, то есть в 1913 году, мне было тогда уже восемь лет. Скрывая свое отцовство, он, как алькальд Илопанго, назначил меня старшим нашего квартала на праздниках святых — этой чести

обычно достаивались ребята старшего возраста или мужчины. Во время главной процессии я исполнил свою роль с самым серьезным видом, что произвело на отца очень большое — и благоприятное для меня — впечатление. В этот вечер он перехватил за выпивкой и признался своим друзьям, что я его сын. Эта весть обошла все Илопанго и дошла до ушей жены моего отца, доньи Крессенсии, и ее дочерей, моих сводных сестер, которые были значительно старше меня. Сеньора и девицы разразились страшным криком, а затем сестрички бросились искать меня, чтобы побить. Они встретили меня, когда я, выполнив поручение мамы, возвращался домой, и закидали камнями, разбив голову. Мама, увидев меня окровавленным и узнав, что произошло, как смогла, перевязала рану, а затем, в ярости, отправилась вместе со мной к местному мирному судье, чтобы подать жалобу. По дороге нас догнал отец; он также узнал о случившемся и был очень обеспокоен. Он стал извиняться за поведение своих дочерей, заявил, что уже наказал их, и умолял мою мать не жаловаться. Не помня себя от гнева, она выкрикнула: «Бог сделает так, что когда-нибудь этот мальчишка накажет одну из твоих проклятых девиц». Не знаю, была ли права моя мать, но с тех пор я считаю, что лучше всего никогда никого не проклинать: ведь проклятие матери чуть не осуществилось на самом деле. Правда, не совсем так, как она предсказывала. Как я уже говорил, мой отец был большим бабником и имел много детей на стороне, и вот случилось так, что я стал женихом девушки, которая оказалась моей сестрой по отцу. Мать разъяснила мне всю ситуацию: ведь если бы я продолжал ходить в женихах, то мне пришлось бы жениться на сестре.

Одним, словом на этот раз мать и отец расчувствовались, и мы так и не попали к судье. Прошли годы, и эти две мои сестры, забросавшие меня камнями и поранившие мне голову, очень хорошо относились ко мне, во многом мне помогали, но в конце концов, когда всем стало известно о том, что я являюсь коммунистом, они вновь отказались считать меня своим братом. Кровное родство — это еще далеко не все.

Самые светлые воспоминания остались у меня от школы. Сейчас, когда за плечами уже долгая жизнь, мне больше по душе мальчишки-проказники, чем паиньки, хотя сам я был вроде такого паиньки, любимцем учителей. Во время перемен мне поручали следить за поведением учеников, так как мне доверяли — ведь я всегда отличался примерным поведением. Правда, мне совсем не нравилось записывать в тетрадь проступки моих товарищей, но такова была моя обязанность. И уж совсем я выходил из себя, когда кто-нибудь из них пытался задобрить меня конфетой или фруктовой водичкой — лишь бы не записывал их проступки. Я чувствовал себя уязвленным и немедленно делал записи, так как хотел научить их достойно-

му поведению. Моими любимыми предметами были география и история. Учителя привили мне восхищение подвигами наших предков-индейцев в борьбе против испанских конкистадоров, а борцы за независимость, как, например, Хосе Матиас Дельгадо и Мануэль Хосе Арсе, стали в моих глазах настоящими героями. Однако наибольшее впечатление в то время произвела на меня личность вождя индейцев прошлого века Анастасио Акино *; кстати, это впечатление сохранилось у меня до сих пор.

География же нравилась мне потому, что за каждым названием передо мной вставали чудесные города, горы или загадочные реки. Я любил произносить вслух названия самых крупных городов Латинской Америки, но больше всего мне нравились названия городов Боливии, которые звучали как музыка: Ла-Пас, Сукре, Потоси, Оруро, Кочабамба, Санта-Крус, Тариха и Тринидад. Да, они звучали как музыка, по крайней мере для меня. Да, да, как музыка или церковное пение.

Обычно я не дрался со своими сверстниками, лишь иногда «пробовал» свои кулаки, и, насколько помню, не без удачи. Моя мать и здесь давала мне свои наставления: «Если с тобой хотят подраться, помни, что бог дал тебе ноги, чтобы убежать, но, если тебя настигнут, вспомни, что бог дал тебе зубы и кулаки, чтобы защищаться». В те времена нашими обычными игрушками были деревянные человечки, всякого рода кувшинчики, стеклянные шарики — «мартышкины парики», — обручи и другое, но меня не привлекала ни одна из них. Моим излюбленным местом игр в школьные годы было озеро Илопанго. Только там я чувствовал себя прекрасно, потому что был отличным пловцом и имел прекрасные легкие — я был своего рода чемпионом, когда устраивались состязания, кто дольше пробудет под водой. В воде озера мы играли в «мартышек», в «спрятанное колечко» и в «морских разбойников». На суше же я был очень спокойным и молчаливым ребенком. Мама ругала меня за это, требовала, чтобы я был «мужчиной» — когда, мол, она была молодой, то ей больше других нравились веселые и заводные юноши. Она даже рассказала нам, что в детские годы у нее был «мужской характер» — она любила игры, в которых нужна была сила и ловкость. Мама вспоминала, как она переплывала реки, уцепившись за ветки дерева, и как однажды она сломала себе ребро, ударившись о камень. Она хотела сорвать красивый цветок раньше мальчишек, с которыми играла в горах.

Ну а меня люди любили именно за мою молчаливость и воспитанность, за готовность откликнуться на любую просьбу и оказать услугу. Я бегал с поручениями наших соседей или по-

---

* Анастасио Акино — один из руководителей крестьянского движения 1833 года, он боролся против феодальной эксплуатации. — *Прим. ред.*

могал им в домашних делах. За это они давали мне фрукты, рыбу и другие вещи. Когда я приносил эти подарки маме, она говорила: «Ты, пожалуй, похож на голодного попрошайку, поэтому тебе и дарят столько всего». И еще мне нравились военные. Рядом с нашим домом в Илопанго установили местный пост национальной гвардии, и я всегда был тут как тут, когда солдаты начинали чистить оружие. Мне нравилось говорить с ними о военной службе. Через короткое время я уже знал наизусть названия всех частей винтовки системы «маузер», следил за всеми военными событиями в мире. В годы первой мировой войны стали выпускать сигаретные коробки с изображениями крупных сражений. Я собирал их и поэтому всегда был готов сбежать за сигаретами для национальных гвардейцев. Из-за этих-то коробок я стал симпатизировать немцам. Командир поста взял за правило заставлять меня читать по утрам газету, заполненную сообщениями о войне. Все национальные гвардейцы садились в круг и слушали меня. Я с большим пафосом читал о победах немцев и стремился преуменьшить их поражения. Национальные гвардейцы, заметив мои прогерманские симпатии, стали возражать мне и доводили меня до иступления — весь в слезах, я бросался домой, клянясь, что никакая сила в мире не заставит меня прочесть им хоть строчку. Но на следующий день я вновь возвращался, делая вид, что ничего не произошло. Я настаивал на том, что Германия была права в своей борьбе против войск союзников, потому что она лишь защищала свое право на свободу мореплавания, а союзники пытались связать ей руки. Все это я где-то вычитал и использовал в качестве своего «козырного туза». С моими товарищами по играм на озере мы никогда не разговаривали о подобных вещах; все наши разговоры крутились вокруг школьных дел. О войне я вел беседы только с национальными гвардейцами или со взрослыми. В деревне же говорили, что я паренек «себе на уме» и что у меня большое будущее. «Этот Мигелито далеко пойдет, — судачили люди. — Надо бы поручить его покровительству святого Христофора».

Я и мои сестры росли, вместе с нами росли и наши нужды. Заботы о доме стали непосильными для моей бедной матери. Кроме того, все меньше и меньше шансов было найти постоянную работу. Голод постоянно поселился в нашем доме. Животы у нас стали похожи на пустые грелки, глаза глубоко ввалились, часто возникали всякие видения. Не знаю, быть может, виной тому был голод да всякого рода предрассудки, царившие в то время в Илопанго, но я в течение долгого времени верил в привидения и в духов; любого я мог бы убедить в том, что не раз видел их собственными глазами.

Очень скоро сестры и я были вынуждены бросить школу и

заняться работой, чтобы как-то существовать. Мне было одиннадцать лет, и я только начал учиться в четвертом классе начальной школы. Я стал работать подручным у рыбаков, которые заставляли меня выполнять самую различную работу. Платили же мне «натурой» — две-три рыбы после ловли, которая длилась всю ночь. Но я был доволен: рыбаки хорошо относились ко мне; кроме того, они были прекрасными рассказчиками всякого рода баек и походов. Однако я страстно любил школу, и мне было обидно при мысли о том, что останусь недоучкой на всю жизнь. Утешался я лишь тем, что рос среди мужчин, занимаясь тяжелым трудом, каким был труд рыбаков.

В это время моя мать завела себе «дружка». Это был некрасивый индеец, страшно жестокий, звали его Хулиан Гонсалес, а в народе он был известен под кличкой Рваный Башмак. Я одновременно испытывал стыд и бешенство из-за того, что этот дурной человек стал «мужем» моей матери, но, чтобы не огорчать ее, я старался слушаться и уважать Рваный Башмак. Он также был рыбаком и решил, что я должен помогать ему. Так я оставил своих товарищей по работе. Мой отчим ловил рыбу исключительно с помощью плетеных корзин-ловушек с приманкой, потому что не имел других орудий лова. Другие рыбаки ловили с помощью того, что было под рукой, включая динамит и барбаско — ядовитый корень, использование которого запрещалось властями. Рыбная ловля на наживку велась ночью и требовала прежде всего соблюдения абсолютной тишины и огромного терпения. В этом отношении мой отчим был предельно требовательным. Когда я производил хоть малейший шум, он кричал, будто я спугнул рыб, и обрушивал на меня град ударов — в таком случае ему было наплевать на то, что он устраивал настоящий скандал, избивая ребенка посередине ночного озера, в маленьком самодельном кайюко. Иногда он дурил меня веслом, а затем выбрасывал в воду — я должен был добираться до берега вплавь. А сколько раз Рваный Башмак являлся на ловлю совершенно пьяным — в таких случаях он обращался со мной еще более жестоко. А ведь работа сама по себе была очень тяжелой. В зимнее время, например, сильные порывы ветра часто опрокидывали наше кайюко. Мы должны были поддерживать лодку на плаву и направлять ее к берегу с тем, чтобы не дать ей пойти ко дну или чтобы ветер не унес ее в неизвестном направлении, где другие рыбаки могли бы поймать ее и забрать себе. Было очень нелегко управляться с кайюко в этой крошечной мгле, когда то и дело слышались раскаты грома и сверкали молнии. Мы подвергались смертельной опасности, когда бурные волны швыряли нас на камни или выбрасывали на берег, заросший сарсой, которая раздирала все тело! Две трудные зимы провел я в таких занятиях. Тело мое

стало похоже на «чертову кожу», я избавился от множества страхов, которые терзали меня раньше. Я вдруг навсегда перестал быть ребенком, перестал быть единственной мишенью жестоких нападков отца. Все те немногие гроши, которые мы зарабатывали рыбной ловлей, он тратил на выпивку и когда пьяный возвращался домой, то начинал избивать мать и даже сестер. Я ненавидел его всей душой. Правда, теперь, по прошествии стольких лет, пожалуй, уже не питаю к нему ненависти. Когда я пытался встать на защиту матери, он угрожал мне мачете и заперал в небольшую пристройку, где мы хранили дрова да курицы несли яйца. Все это жгло мое сердце. Я спрашивал, что делать, но никто не дал мне толкового совета. Все только и говорили, чтобы я имел терпение и что здесь у каждого, если хорошенько разобраться, самая несчастная судьба. Но мое положение было отчаянным, и однажды я решил покончить с собой: броситься с высокого берега озера прямо вниз, на острые камни. Я поднялся на обрывистый берег, опустился на колени и стал молиться святому Христофору, чтобы он укрепил меня в решении убить себя, дал бы мне мужество сделать это или подсказал бы другую мысль, получше, с тем чтобы с честью покончить с этим положением.

И здесь у меня возник, как показалось, удачный план. И я не покончил с собой. Я вернулся домой и сказал матери: «Мама! Сегодня я убью Хулиана, я больше не могу выносить того, что он тебя бьет». Моя мать содрогнулась, но попыталась сохранить внешнее спокойствие. «И как ты собираешься убить его?» — спросила она. «Когда он вернется пьяным и завалится спать в гамак, я подожду, пока он заснет крепче, а затем как следует стяну ячейки гамака леской, чтобы он не смог защищаться, и тогда убью его своим острым ножом». Моя бедная мать ударилась в слезы и сказала: «Я вижу, что ты хорошо продумал все это, и если ты решился, то я знаю, что сделаешь задуманное». А потом она стала умолять меня забыть об этой дурной мысли, заявив, что совсем бросит Хулиана Гонсалеса, которого не любит и никогда не любила, а если и связалась с ним, то только для того, чтобы все мы не умерли голодной смертью. После этого мы вместе отправились помолиться и дать клятву выполнить обещанное перед ликом святого Христофора. Я подмигнул святому как сообщнику, которому известно, что все эти угрозы убить Хулиана были всего лишь ловко разыгранным представлением с целью напугать маму. Мама же думала, будто бы я даю обет не убивать Рваный Башмак. Мы исполнили наши обеты: подлинный — мамы и мой — выдуманный. Но все эти обещания не могли спасти нас от голода. По всей стране царил обстановка страшнейшей нищеты, усугубленной недавним сильным землетрясением 1917 года, которое разрушило Сан-Сальвадор и унесло многих людей. Другое же

бедствие заключалось в том, что у власти закрепилась проклятая династия Мелендесов.

Для того чтобы понять это время, следует хотя бы бегло познакомиться с историей предшествующих лет, по крайней мере до начала правления генералов Карлоса и Антонио Эсета в 1890 году. В противоположность тому, что говорилось в последние годы в Сальвадоре, правительство Эсета было одним из самых прогрессивных за всю историю существования республики. Это объяснил мне крестьянин из кантона Лос-Аматес, до него и я сам верил в то, о чем с такой легкостью говорили все вокруг: будто бы братья Эсета были отъявленными бандитами и врагами народа. Этого товарища из Лос-Аматес звали Хесус Каркамо, но мы называли его Архив — столько исторических сведений хранила его память. Архив был слепым, но когда он начинал говорить о прошлом, то ты представлял себе всех как будто наяву. Во времена правления братьев Эсета ему было всего двенадцать лет, но он прекрасно помнил все осуществленные ими прогрессивные мероприятия. Находясь на посту президента республики, генерал Карлос Эсета вынудил помещиков модернизировать свои поместья, обязал их строить дома и осуществить еще ряд мер, направленных на улучшение условий жизни крестьян, заставил их силой закона заниматься интенсивным производством кофе. А помещик, который пытался противиться этому, лишался земли или по крайней мере ему угрожала потеря своих владений. «Уроки» в сельскохозяйственных работах были сокращены, и введена единая оплата за единицу продукции. До этого за каждый «урок» платили 18 сентаво, а мера измерения «урока» была самой произвольной. Во времена Эсета «урок» представлял собой итог работы, проделанной на площади размером в 10 локтей на 10 пядей, и за него платили один колон. Другими словами, в те времена «урок» был даже меньше, чем в нынешнее время, так как сегодня эта площадь составляет 13 локтей на 13 пядей. Крестьяне вполне справлялись с двумя «уроками» и зарабатывали в день по два колона, причем это были «полновесные» колоны того времени. Архив работал тогда мальчиком-водовозом и зарабатывал в день один колон. Хозяева были обязаны кормить работников и их семьи три раза в день, давать им достаточное количество кофе. Другими словами, вся эта демагогия нынешних сальвадорских правителей в отношении рациона питания для крестьян не является чем-то новым. Деньги пошли к крестьянам, и мужчины стали украшать свои пояса бумбами и тостонами *. Стали процветать азартные игры, в любом удобном местечке мужчины снимали свои украшенные монетами пояса

---

* *Бомба и тостон* — золотые монеты. *Прим. ред.*

и бились об заклад. Крестьяне начали покупать нагуилья* для своей одежды, а также так называемые колумбийские накидки**, которыми с тех пор широко пользуются в сальвадорском селе. Крестьяне стали покупать шляпы, мачете, свечи и множество других изделий ремесленников. В городах началось процветание ремесел. Если ранее ремесленники зарабатывали 75 сентаво, то теперь их заработок составлял 4 и даже 5 колонов в день. Ткацкие мастерские в кварталах Канделариа и Сан-Хасинто развернули лихорадочную деятельность и наняли большое число работников. Образовался выгодный рынок для импорта. Наряду с этим подъемом, называемым сегодня уровнем жизни трудящихся, возникла и инфляция, которая нанесла ущерб стране, но все бедняки Сальвадора были счастливы во времена Эсета. Основным препятствием являлся феодализм. Борьба между либералами и консерваторами в Сальвадоре шла к своему закату, хотя подобная борьба в Гватемале еще оказывала свое влияние на нашу страну. Феодалы в Сальвадоре не смогли должным образом закрепиться у власти, что объяснялось также и полной неразберихой во всей Центральной Америке.

Правительство генерала Карлоса Эсета, этого примитивного либерала-демократа, напрямую столкнулось с феодалами. Бесспорно, это было правительство «твердой руки», но, по сути дела, оно так же понимало нужды народа, как и правительство Херардо Барриоса. Церковные служители, феодалы и консервативное правительство Гватемалы стали действовать совместно. Они тайно организовали несколько мятежей военных, как, например, мятеж известного генерала Риваса и мятеж Орасио Вильявисенсио в Кохутепеке, но все они были подавлены с помощью народа. Наконец, произошел мятеж в Санта-Ане, который был поддержан Гватемалой и закончился успехом. Это было печально знаменитое «восстание 44-х» — реакционный мятеж в защиту феодальных интересов. Буржуазная история не упоминает — и не может упоминать — его первоначального названия, потому что эти 44 были 44 молодыми господами, 44 антипатриотами и 44 сукиными сынами. Силы Эсета направлялись из Сан-Сальвадора и осадили Санта-Ану, с тем чтобы восстановить там власть прогрессивного правительства, но осада была прорвана мятежниками и их наемниками при решающей поддержке консервативной гватемальской армии, самой реакционной в Центральной Америке, являвшейся бандой закоренелых убийц. Священники начали подстрекать мужественное и бедное, но одновременно забитое и фанатично

* *Нагуилья* — материал высшего качества.— *Прим. ред.*

** *Колумбийская накидка* — женская одежда в виде платка из тонкой шерсти, красивой, фигурной вязки.— *Прим. ред.*

преданное католической церкви население Санта-Аны, убеждая его в том, что братья Эсета еретики, а главнокомандующий армии генерал Антонио якобы поклялся приготовить в мятежном городе завтрак на обломках изображения святой Анны. Тем не менее военное счастье было на стороне генерала Антонио, но его брат, президент Карлос, удрал в Панаму, и все пошло насмарку. Генерал Антонио получил убежище в Мексике.

Один из 44 господинчиков — Рафаэль Антонио Гутьеррес — стал временным президентом республики, а город Санта-Ана получил звание «героического города». Своим титулом город обязан исключительно лишь корыстным планам олигархических кругов; поэтому когда бедные жители Санта-Аны хвастаются сегодня этим титулом, то они лишь еще больше затягивают петлю на своей шее.

Историю делают люди, говорил генерал Мартинес. Какого дьявола! Историю делали господствующие классы. Экономическое положение народа, включая и жителей Санта-Аны, стало ужасным, потому что при всем при том правительство братьев Эсета было довольно близко народу, а вот правительство «44-х» исключительно враждебно относилось к нему. Естественно, что оно возложило всю тяжесть на плечи трудящихся. Вновь за каждый «урок» в сельском хозяйстве стали платить 18 сентаво и 75 сентаво городским ремесленникам. Вновь вернулась нищета, но на этот раз она была, так сказать, «подправлена» и усилена. Ремесленники снова погрязли в долгах. Бедные крестьяне лишились своих небольших клочков земли. Городские полицейские и кантональные уполномоченные едва справлялись с выполнением приказов об арестах, доставке через горы в тюрьмы или в «волчьи ямы» должников. Азартные игры перестали быть развлечением — стремление «заработать» деньги приобрело трагический оттенок. Огромное число преступлений стало совершаться на окраинах городов, около карточных притонов, в местах по продаже гуаро* и чичи**. Появились и свои «знаменитости» среди воров и преступников, такие, как Белолицый, который отправил к праотцам огромное число ближних. Грабежи стали повседневным делом. С тех пор в Сальвадоре и появилось правило не пересчитывать деньги на улице, не носить браслеты или брошки в безлюдных местах. В то время особую славу — естественно, дурную — завоевали дороги Калаверы, Солапанго, Илопанго, Ла-Гариты и других мест, где банды «раздетых» убивали и грабили проезжих, вырывая даже золотые зубы, если таковые попадались. Двадцать лет длилось это состояние хаоса, причем с каждым

* Гуаро — водка из сахарного тростника.— Прим. ред.

** Чича — кукурузная водка.— Прим. ред.

годом становилось все хуже... Не радостной была история господства олигархии в Сальвадоре. Народное недовольство все время находилось на пороге взрыва, а первоначальный энтузиазм, вызванный так называемыми «принципами 44-х», быстро испарился. В правительстве происходили некоторые изменения, но положение в стране, по сути дела, не менялось. Это был период правления пьяницы Регаладо, Эскалона и других подобных им. Обман народа со стороны «44-х» в то время был очень схож с тем обманом, который представляла собой так называемая «революция 48-го года», осуществленная Осорио и его друзьями — *гринго* *. Все та же демагогическая болтовня, все то же бедственное положение народа, все та же нужда.

Как я уже говорил, в 1911 году президентом республики стал доктор Мануэль Энрике Араухо, врач, пользовавшийся большим авторитетом и уважением за свою благородную и щедрую душу. Его кандидатуру выдвинули и поддержали феодалы-реакционеры, которые намеривались использовать Араухо в качестве щита от народного недовольства. И надо сказать, что народ в своей массе проголосовал за него. Но замыслам «мандаринов» был нанесен сильный удар, когда Араухо начал проводить прогрессивную политику — политику защиты свобод. Он значительно расширил объем общественных работ, выступил против политики обращения за иностранными займами, которые отдавали страну в кабалу, и даже позволил себе некоторые независимые акции во внешней политике, как, например, во время американской интервенции в Никарагуа. Ряд его шагов в интересах народа, например отмена тюремного заключения за долги и установление компенсации за несчастные случаи на производстве для крестьян, нанесли удары по позиции феодалов. Араухо ссылаясь на то, что вводит все эти меры во исполнение международных законов, но ведь эти законы стоили не больше соломенной шляпы в глазах богачей любой страны, привыкших угнетать свои народы. Не по вкусу реакции пришлось и введение обязательной военной службы для всех без исключения граждан, а не только, как это было раньше, для сельских бедняков. Именно защита этого принципа принесла авторитет тогдашнему министру внутренних дел доктору Мигелю Томáсу Молине. Араухо предпринял ряд мер по обеспечению безопасности граждан в связи с возросшей преступностью и занялся организацией корпуса сельской полиции. Так родилась национальная гвардия, созданная по образцу гражданской гвардии Испании, которая в то время еще пользовалась уважением. Военным министром был генерал Хо-

---

* *Гринго* — человек, говорящий на английском языке или вообще иностранец. — *Прим. ред.*

се Мария Перальта Лагос, он и пригласил в страну испанских военных инструкторов. Кстати, инженер по образованию, Перальта Лагос был одним из наиболее крупных писателей Сальвадора за всю его историю, автором «Смерти Тортолы», изданной большим тиражом в Советском Союзе. В первые годы своего существования Национальная гвардия сыграла огромную роль в оздоровлении обстановки в стране. Она начала борьбу с преступностью и ценою огромных жертв создала свою сеть постоянных постов. На дорогах бандиты нападали на парные патрули национальной гвардии, а иногда и целые посты уничтожались ими. Национальные гвардейцы в большинстве своем были городскими ремесленниками, физически крепкими парнями, а суровая жизнь закалила их и привила своего рода кастовый дух. И только в период правления династии Мелендесов правительство превратило национальную гвардию в корпус по осуществлению репрессий против политических противников, деятельность корпуса стала носить террористический и преступный характер, который сохраняется и до сих пор. Именно во времена Мелендесов обострилось соперничество между армией и национальной гвардией, кто из этих двух институтов имеет лучшую профессиональную выучку, лучшую организацию и дисциплину и т. д. Но, возвращаясь к моменту правления доктора Мануэля Энрике Араухо, следует сказать, что его конец не мог быть иным, чем конец братьев Эсета, так как и он совершил такое же «преступление»: он посмел затронуть интересы феодалов. Правда, конец самого президента Араухо был куда более драматичным: всем известно, что он был зарублен мачете, когда — без всякой охраны, как обычно, — отдыхал в одном из скверов в центре Сан-Сальвадора. Исполнители проходили подготовку в одном из поместий организаторов убийства, они постоянно тренировались в ударах мачете по кокосовым орехам, чтобы быть уверенными в том, что первый же удар будет смертельным. А вдохновители? Что же, сегодня их зовут «14 семей», это кофейные бароны, землевладельческая олигархия. Фамилии же убийц ничего не говорят, это своего рода маски, скрывающие преступников. Я помню, что в день убийства Араухо я застал мать всю в слезах. Когда же я спросил ее о причине этого безутешного плача, она ответила, что убили ее бывшего хозяина, доктора Мануэля Энрике Араухо. «Люди не знают, какого человека потерял Сальвадор, — добавила она. — Бог позаботится о нем, ведь он спас мою тетю Хуану от смерти, сделав ей операцию, и не взял ни одного сентаво». В это время моя мать стала маркитанткой в армии, так как ходили слухи о войне с Гватемалой. Эти слухи были распущены со специальной целью — отвлечь внимание от убийства Араухо и от подлинных виновных. Непосредственных же исполнителей преступления, двух забитых индейцев,

которым обещали щедрую награду, поспешно расстреляли. Кличка одного из них была Мул.

Расставшись с Хулианом Гонсалесом, Рванный Башмак, моя мать на свой страх и риск стала заниматься продажей рыбы. Теперь в доме уже не было мужчины-работника. Рано-рано утром она отправлялась на берег озера, где покупала рыбу. Затем складывала ее в большую корзину, ставила корзину на голову и шла от дома к дому, расхваливая свой товар. Иногда в попытках продать рыбу она доходила и до Сан-Сальвадора, и нередко случались дни, когда она возвращалась домой с полной корзиной, не заработав ни одного сентаво. Наше положение было настолько бедственным, что национальные гвардейцы с соседнего поста решили найти мне работу, чтобы помочь нашей семье. Мне поручили убирать помещение поста, таскать воду и за это платили один колон и пятьдесят сентаво каждые десять дней. Другими словами, мой ежедневный заработок составлял 15 сентаво. Но поскольку я был исполнительным пареньком, то мне стали давать и другие поручения, и наконец, когда меня лучше узнали начальники, я стал своего рода ординарцем у офицеров. Я был весь наполнен гордостью, потому что ординарец — это уже военный чин; к тебе обращаются и дают поручения, называя при этом твой чин. Ведь раньше мне просто говорили: «Мигелито, принеси вот то-то», «Мигелито, приברי вот здесь» и т. д. Командиром поста был лейтенант по фамилии Фунес, и он первым взял меня к себе на службу в качестве ординарца. Как я попал к нему на службу? У лейтенанта Фунеса был ординарец, которого звали Исмаэль. Ему было лет шестнадцать, он был выше и сильнее меня. Так вот этот Исмаэль невзлюбил меня и постоянно искал предлога, чтобы унижить или побить. Однажды без всякого повода, просто ради удовольствия, он сильно разбил мне лицо. А я, вместо того чтобы заплакать, набросился на него — мной овладел какой-то дьявол. Мы дрались уже минут пятнадцать, и, хотя он физически был крепче, он не смог одолеть меня. Наконец гвардейцы, которые стояли кругом и развлекались нашей потасовкой, разняли нас и стали насмехаться над Исмаэлем. Я разбил ему нос, а гвардейцы издевались: «Он разбил его всего в клубнику!» Лейтенант Фунес одобрил мое поведение и приказал дать Исмаэлю 25 палочных ударов — за трусость и тупость. Затем сам лейтенант отвел меня к матери, чтобы она подлечила мои ссадины, особенно огромную шишку на лбу, которая торчала как рог, и дал ей, кроме того, пять песо, с тем чтобы она купила мне хорошую рубаху, так как от моей остались лишь одни клочки. Когда мы вернулись на пост, Исмаэля уже не было — он удрал от бессильной злобы, и я автоматически и по завоеван-

ному праву стал ординарцем лейтенанта Фунеса. Это был не последний раз, когда мне приходилось кулаками завоевывать свое место в жизни. Лейтенант Фунес хорошо относился ко мне, он давал деньги и еду, чтобы я мог отнесть что-то домой, а я старался как можно лучше выполнять свои обязанности. Я должен был заботиться о том, чтобы одежда лейтенанта всегда была отглажена, башмаки начищены до блеска, оружие находилось в положенном ему месте. Я не испытывал никакой неловкости от того, что мне приходилось играть роль «служанки внутренних покоев», как говорят в Сальвадоре, потому что голод был куда хуже. Сегодня же при воспоминании о том времени со мной творится невесть что, меня всего колотит при мысли, что я был холуем у национального гвардейца, хотя он лично и был хорошим человеком.

Лейтенант рассказывал обо мне другим офицерам, и некоторые из них предлагали мне перейти к ним на службу. Я мог бы служить в других, больших поселках, и даже в главных казармах в Сан-Сальвадоре. Капитан Бонилья и полковник Дуке даже поссорились с лейтенантом Фунесом из-за того, что он не захотел уступить меня им. Помимо своих основных обязанностей, я ежедневно занимался строевой службой и вскоре стал сильным и ловким. Я настолько осмелел, что однажды, когда сержант отдал мне какой-то приказ в оскорбительном тоне, я отказался подчиниться. Тогда он попытался избить меня бамбуковой палкой. Я вырвал палку из его рук и сам врезал ему несколько раз, вынудив ретироваться. Так я завоевал известность парня, который не дает себя в обиду, и гвардейцы стали относиться ко мне уже не как к мальчишке. Лейтенант Фунес гордился своим ординарцем и в разговорах со мной обещал свою помощь и поддержку, с тем чтобы я мог продолжать свою военную карьеру, которая предвещала мне большое будущее. Я воображал себя верхом на коне, в генеральской каске с перьями, инспектирующим свои войска. Меня окружала целая толпа ординарцев, которые сломя голову бросались за стаканом воды, стоило мне лишь провести языком по губам.

В это время усилилась оппозиционная деятельность против подлой диктатуры Мелендесов. Заговоры были делом не только гражданских лиц, они захватили и некоторые круги армии. Однажды стало известно, что войска полковника Томаса Кальдерона, командующего гарнизоном в Сан-Мигеле, и полковника Хуана Амайи (по прозвищу Хуан Курица), командующего гарнизоном в Кохутепеке, сошлись около местечка Сан-Мартин, расположенного по соседству с нами, чтобы начать действия по захвату столицы. Лейтенант Фунес получил из Сан-Сальвадора приказ собрать под своим командованием национальных гвардейцев и выступить в направлении Сан-Мартина. Людей было мало, поэтому и меня, тринадцатилетнего

мальчишку, поставили под ружье. Мне выдали карабин, пятьдесят патронов, и я стал еще одним солдатом: чего только в жизни не бывает — впервые я взял в руки оружие, чтобы защищать преступную диктатуру олигархии, которую ненавидел весь народ! Мне, естественно, было наплевать на правительство, я тогда еще не разбирался в политических вопросах, чтобы как-то определять свое отношение к ним. И если я был готов сражаться, то только из уважения к моему непосредственному начальнику. Я не помню, чтобы испытывал какой-либо страх, скорей, с энтузиазмом и даже радостью готовился к предстоящим сражениям. Однако мятежные войска не пошли на Сан-Мартин, и после нескольких часов напряженного ожидания мы вернулись в Илопанго. Однако с этого момента командование национальной гвардии в Сан-Сальвадоре усилило свой контроль над всеми постами. Инспектора зачастили в Илопанго, и гарнизон был вынужден постоянно заниматься военной подготовкой. Даже мне пришлось участвовать в этих занятиях, так как на основе опыта прошлой мобилизации я сделал для себя вывод: в случае возникновения подобных же обстоятельств мне тоже придется драться, а потому лучше уж быть готовым. До этого, как я уже говорил, мне очень нравилось все относящееся к военной службе, хотя конкретно мало что знал о ней. Прежде всего я выучил наизусть устав национальной гвардии. Помню, что самой длинной статьей устава была статья 22, и на ней-то постоянно спотыкались все гвардейцы. Со мной же этот номер не проходил, я как заведенный «выдавал» всю статью с такой точностью, что инспектора всегда ставили меня в пример. Бедные гвардейцы изучали устав таким образом, что могли отвечать, если их спрашивали статьи по порядку. Я был единственным, кто мог ответить «вразбивку». Быстро освоил и «теоретическую», и практическую часть учебы. Движение в строю, команды, технику владения оружием. Через несколько недель я был одним из лучших в упражнениях по стрельбе, в преодолении препятствий, в рукопашном бою и в приемах по обезоруживанию противника.

Политическая обстановка того времени предоставляла богатые возможности для практического применения этих знаний. Однажды нас всех собрали в помещении главной штаб-квартиры национальной гвардии в Сан-Сальвадоре, которая помещалась тогда в здании, ставшем затем центральной тюрьмой. Говорили, что полковник Хуан Амайя вновь поднял мятеж и во главе большого войска направлялся к Сан-Сальвадору. Наша казарма готовилась к отражению возможного штурма; отряды национальной гвардии должны были стать основной силой в контрнаступлении, так что в течение двух дней я жил в обстановке, которую затем мне приходилось видеть в некоторых приключенческо-полицейских фильмах. Мы,

ординарцы, переносили боеприпасы из порохового погреба на стены, в башни и другие места крепости. Все это было для меня делом новым, как-то возбуждало — я еще хорошо помню свое состояние того времени. В мои тринадцать лет приближение военных действий было похоже на возможность принять участие в запрещенной игре старших, и это наполняло меня гордостью. Тогда я еще не понимал отсутствие всякого смысла в этих столкновениях между воинскими частями, которые истекали кровью исключительно из-за амбиций нескольких полковников и генералов. Я же видел лишь внешнюю сторону боя.

К счастью, это двухдневное пребывание в штаб-квартире дало мне и положительный опыт, который в значительной мере сказался на моем образе мыслей, на всей моей жизни. Дело в том, что, помимо подготовки к отражению предполагаемого штурма полковника Амайи (штурма, который так и не состоялся, как и многие другие, которых ожидали в те дни), национальная гвардия продолжала выполнять свои полицейские функции и их результаты открылись мне в таком виде, что я и представить себе не мог. Каждый день в штаб-квартиру доставлялись большие группы людей, арестованных за всяческие проступки и преступления: воры, пьяницы, крестьяне, нанесшие друг другу увечья в драке, подозреваемые в контрабанде, подпольные производители водки, игроки в карты, молодые люди, отказавшиеся жениться на соблазненных ими девушках, и т. д. И здесь мне пришлось познакомиться с одной из сторон полицейского и судебного процесса в Сальвадоре, которую мне не приходилось непосредственно видеть в Илопанго, — с пытками. Во время переноски боеприпасов я бывал в самых заброшенных уголках здания и здесь увидел, что в некоторых внутренних помещениях, сырых и мрачных, гвардейцы варварски избивали заключенных, с тем чтобы заставить их признаться в тех преступлениях, в которых их обвиняли. Я видел несколько человек, подвешенных к потолку за большие пальцы связанных за спиной рук. Их избивали бичами из воловьих жил — самыми страшными на свете бичами. Били их и прикладами винтовок, били до крови. Однажды этим истязаниям были подвергнуты три моих земляка, честные юноши из Илопанго, которых обвинили в краже скота. Им завели руки за спину и подвесили к потолку, вдобавок к этому один из гвардейцев повисал всей тяжестью на каждом из них, чтобы усилить страдания. У меня в ушах до сих пор стоят их страшные крики. Все эти варварские и преступные действия привели меня в бешенство, тем более что речь шла о честных ребятах. Когда я уже был не в силах выносить эту страшную сцену, я выбежал во двор и разразился проклятиями по адресу палачей; по лицу у меня текли слезы. Я понимал, что все это чудовищная несправедливость, но был бессилён что-либо сделать. Один из полковников, по имени Фло-

рес, услышал мои проклятия и подошел ко мне, но, вместо того чтобы отругать или наказать меня, он обнял меня, сказав, что рад, видя мои добрые чувства. Но тут же он стал говорить, что не следует так волноваться из-за увиденного, мол, такова жизнь: иногда невинные отвечают за преступников, и с этой несправедливостью ничего нельзя поделать, вся беда в том, что таковы приказы вышестоящих, а сами действия уже стали нормой.

Слова полковника не убедили меня, и я почувствовал, что с этого момента что-то во мне изменилось. С одной стороны, я уже не мог видеть ни одного гвардейца, чтобы не спросить себя: а сколько бедных невинных арестованных он пытал, а с другой — меня угнетала страшная мысль, о том, что в один прекрасный момент и меня могут заставить заниматься этим варварским делом. Я стал задумываться над тем, хорошо ли буду поступать, продолжая зарабатывать себе на хлеб службой в национальной гвардии. Да и после того, как сбор гвардейцев закончился и мы вернулись в Илопанго, неприятные для меня вещи продолжались. Несколько раз мои начальники обиняком говорили мне о том, что я должен шпионить за своими сослуживцами-гвардейцами и за другими ординарцами. Им хотелось, чтобы я доносил им о беседах гвардейцев между собой и с другими людьми, о том, чем они занимались, когда получали увольнительные, с кем были связаны и т. д. Это было противно всему моему характеру, и я не только под разными предложениями отвергал подобные предложения, но и чувствовал, как во мне растет ненависть вообще к национальной гвардии.

Хочу сказать, что во всех моих поступках сказывались все те советы и наставления, которые я получал от мамы с раннего детства. Ведь по самым незначительным вопросам мама ненавязчиво учила меня правильным поступкам, и ее уроки я запомнил на всю жизнь. Например, однажды я увидел, как моей тетке Чените целует руки незнакомый мужчина, и тут же побежал доложить маме. Мать же наказала меня, да еще пригрозила: «Если я узнаю, что ты кому-нибудь сказал об этом, я сожгу тебя живьем». С тех пор я запомнил это классическое «видеть, слышать и молчать». Помню, что однажды мама крепко поругалась с одной из соседок. На следующий день, когда мы проходили мимо ее домика, хозяйка случайно выглянула в дверь, но я не поздоровался с ней, потому что мама также не сделала этого. Тогда мать отругала меня, заявила, что ссора не касалась меня, и заставила вернуться и поздороваться. Соседка ответила на мое приветствие, хотя они с мамой были в ссоре еще долгое время. Но я, кажется, уже забрел куда-то в сторону.

В конце концов произошло событие, которое переполнило чашу моего терпения, и я покинул ряды национальной гвардии.

И сделал это очень своевременно, как мы увидим. А дело было так: в Илопанго служил некий майор Лопес, он был заместителем начальника поста, а по натуре — страшный палач. Он избивал гвардейцев, даже когда они были в военной форме, что категорически запрещалось уставом. Когда же он был пьян — а это случалось сплошь и рядом, — то жизнь маленького гарнизона превращалась в ад от его оскорблений, произвольных и абсурдных приказаний, его жестокой фантазии. Однажды он нализался в Сан-Сальвадоре и по дороге от Ла-Гариты в Сойапанго потерял свою шпагу. Когда он появился в помещении поста, то от злости из него сыпались искры. Судьбе было угодно, чтобы я оказался первым ординарцем, который попался ему на глаза, и он заорал, приказывая мне отправиться на поиски его шпаги, заявив при этом, что если я вернусь с пустыми руками, то он подвесит меня посередине двора и спустит шкуру. Я оделся, повесил на плечо карабин и приготовил несколько смолистых веток, чтобы освещать дорогу. Я прошел весь путь от Илопанго через Сойапанго до Ла-Гариты, но проклятая шпага не находилась. Или ее скрыл толстый слой пыли, или кто-то нашел ее и... «прости-прощай». Уже на рассвете я вернулся на пост, но решил не идти с докладом к майору. Через некоторое время появился кто-то из гвардейцев и спросил, что я тут делаю. Я рассказал ему всю историю, но он заявил, что я должен пойти и доложить майору, иначе будет еще хуже. «Я уже решил, что не пойду», — ответил я. «На что ты надеешься?» — спросил он. «В конце концов, у меня в руках карабин, а владею я им отлично». Гвардеец покусал губы и сказал мне твердым голосом: «Ты дал мне урок, малый. Действительно, эти офицеры — большие сукины сыны». Но надо было случиться тому, что нас услышала служанка майора Лопеса, которая рано утром приходила на пост готовить завтрак майору. Недолго думая, она побежала и сказала майору, что мы ругаем его. Майор Лопес, который продолжал пить всю ночь, мгновенно появился во дворе злой как дьявол. Сначала он набросился на гвардейца, обругал его последними словами и заставил стоять по стойке смирно с ружьем на вытянутой руке. Когда майор повернулся ко мне, гвардеец, еле сдерживая гнев, сказал: «Отмените это наказание, мой майор, или вы будете раскаиваться. Прежде всего я доложу, что вы, будучи пьяным, потеряли шпагу». В это время я сделал несколько прыжков назад, к кустам, и, пока гвардеец обращался к майору, зарядил свой карабин. Майор понял, что гвардеец настроен очень решительно, и отступил. Он отменил наказание и отправился в глубь двора, посылая к чертям всех святых. Этим же утром я попросил майора Лопеса дать мне отставку, которая была предоставлена немедленно; правда, во время расчета у меня столько высчитали, что в моих карманах почти ничего не осталось. Несмотря на все

это, мне очень повезло, так как в первую ночь, которую я за последние месяцы спал не в помещении поста национальной гвардии в Илопанго, произошло землетрясение 1918 года, известное под названием «потоп в Илопанго». Все солдаты и офицеры погибли под развалинами зданий. Единственным человеком, который отсутствовал в эту ночь, был мой старый покровитель лейтенант Фунес. И тем не менее при виде своих мертвых товарищей он выстрелил себе в голову.

Глава II

ОБУЧЕНИЕ ремеслу. ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПРОФСОЮЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Когда я оставил службу в национальной гвардии, мама приложила невероятные усилия с тем, чтобы найти мне такое место, где я мог бы выучиться почтенной профессии. Она всегда была против того, чтобы я работал в поле, занимался сельским трудом: ведь отношение землевладельцев и надсмотрщиков было чудовищным, в особенности к безземельным работникам, а у нас-то земли никогда не было. Моя мать совершенно не разбиралась в политике, но обычно говорила, что работать в поле — это все равно что быть рабом в те времена, когда распяли Христа. А надо сказать, что период, о котором я веду речь, был не самым худшим в истории Сальвадора. Мать попыталась устроить меня в педагогическое училище, но расходы, связанные с обучением в нем, оказались куда выше наших материальных возможностей. Кандидат в учителя должен был платить за учебу, иметь повседневную и выходную одежду, предметы личного пользования, книги, деньги на питание и лекарства, обувь и т. д. После этой попытки я чуть не стал телеграфистом, но и здесь наши усилия закончились провалом. Наконец я избрал профессию сапожника, которая пользовалась большим уважением и была довольно прибыльной. Я начал обучение в Илопанго, в небольшой местной мастерской, но вскоре понял, что здесь я не скоро добьюсь успеха и лучше всего мне перебраться в Сан-Сальвадор, в какую-нибудь крупную мастерскую, где были известны самые новые секреты профессионального мастерства. Несколько неудачных попыток устроиться — и наконец я ученик обувной мастерской «Американа», принадлежащей Фелипе Ангуло, которая располагалась напротив нынешнего здания центрального почтамта.

В мастерской работало свыше 100 человек, и она была самой крупной в стране. В первые дни мои обязанности заключались в уборке помещения, а также в поливке улицы и тротуара, чтобы ветер не поднимал тучи пыли. Работу я должен был начинать в 5 часов утра, с тем чтобы все блестело к приходу первого рабочего.

Моя бедная мама продолжала таскать корзины с рыбой между Илопанго и Сан-Сальвадором, чтобы давать мне 50 сентаво в день на еду. Мастер Ангуло заметил мою прилежность и вскоре поставил меня на работу, которая была уже ближе к процессу производства обуви: я стал готовить клей, подносить подошвы и другие заготовки. Когда мастер узнал, что мне приходилось добираться на работу из Илопанго, а это значило, что я должен был отправляться в путь часа в три утра, он официально включил меня в группу учеников и назначил жалованье и еду три раза в день. Именно с этого времени я смог по-настоящему заняться изучением ремесла. В скором времени я стал опытным работником, хорошо снимал мерки, подбирал фасоны обуви для особых клиентов. По мере совершенствования в этих делах я завоевывал все большее доверие мастера Ангуло, который поручал мне даже получение денег за готовый товар; вскоре же, чтобы избавить меня от ежедневной ходьбы в Илопанго и обратно, он разрешил мне ночевать в его доме. Мастер Ангуло был неграмотным, но ему нравилось быть в курсе всех событий в стране и в мире, и он постоянно спорил по всевозможным вопросам, в особенности политического характера. Шла ли речь о европейской войне и ее результатах, о достижениях науки, о планетах, о болезнях животных или о социальных теориях, у него всегда было готовое мнение, от которого он почти никогда не отказывался. В свое время он был сапожником в казарме «Эль-Сапоте». Когда я стал ночевать в его доме, он попросил меня читать ему газеты и различные рассказы, а также всякого рода публикации, которые в большом количестве он получал из-за рубежа. Диктатура Мелендеса в этот период проводила жестокую репрессивную политику и сама распространяла всякого рода слухи о подготовке народного восстания, но репрессивные органы режима работали очень примитивно и не занимались, в частности, агитационными материалами, направляемыми из-за рубежа. Со своей стороны местная печать ежедневно публиковала множество пропагандистских материалов против революции, совершенной в далекой стране, о которой я знал лишь понаслышке. Мне было известно, что эта страна — Россия — участвовала в первой мировой войне. Революцию в этой стране называли большевистской, потому что так называлась коммунистическая партия, руководившая революцией. Когда я читал о тех жестокостях, которые сальвадорские газетчики и международные информационные агентства приписывали советской власти, мастер Ангуло разъяснял мне, что речь идет просто о клеветнической кампании, которую богачи всего мира развернули после того, как в России бедные и угнетенные взяли в свои руки политическую власть. Мастер Ангуло говорил, что так оно должно и быть, что трудящиеся должны управлять, потому что это они шьют одежду, произво-

дят еду, строят дома и все другое, и что в нашей стране когда-нибудь произойдет то, что произошло в России.

Все эти разговоры вызвали у меня большие симпатии к тому, что все еще оставалось для меня просто словом, которое я должен был тщательно скрывать и произносить лишь полупешепотом: Революция. А вот поступавший тогда из Панама журнал «Большевистская подлодка» нашел во мне заинтересованного читателя. Чтения этих материалов с явной политической окраской, выражавших великие принципы освобождения, мы чередовали с чтением приключенческих рассказов, таких, как «Малазийский тигр» Эмилио Салгари или повести Жюль Верна. Произведения Жюль Верна приводили нас к горячим спорам о том, возможно ли то, что он описывал — путешествие на Луну или к центру Земли, — и когда это может сбыться в действительности. И, пока еще не осознавая четко и полностью, я стал понимать, читая эти страницы, что наиболее прекрасным качеством человека является его способность к борьбе. К борьбе против несправедливости и нищеты, против всех тех путей, которыми привязывают к нищенскому существованию, к борьбе во имя свободы и счастья для всех. Мастер Ангуло очень мне помог, потому что, как я уже говорил, он был не только внимательным слушателем, не только «переваривал» чтение, доставлявшее удовольствие или будившее мысль. Нет, он систематически и все чаще собирал в своем доме тайные сходки людей, относившихся к различным социальным слоям. Собрания происходили в одной из комнат, и голоса их участников были едва различимы. Я повторяю, что все это разжигало во мне интерес. Я сожалел лишь о том, что не мог участвовать в этих собраниях, так как мастер, учитывая мою молодость, запретил мне это. Мне доверяли почти безраздельно, в частности чтение журнала «Большевистская подлодка» поручали исключительно мне, даже не пасынку мастера, который учился в университете и время от времени положительно отзывался о революции большевиков в России.

Следует сказать, что обстановка заговора, которая царила в доме Ангуло, не являлась каким-то одиночным случаем в то время. В мастерской постоянно велась агитация, в резких тонах говорили о династии Мелендесов, об успехах большевистской революции и о коммунизме. Два лучших оратора того времени — доктор Сальвадор Рикардо Мерлос и профессор Франсиско Моран — тайно появлялись в мастерской и произносили страстные речи против деспотизма правительства, империалистической эксплуатации страны. Они также агитировали нас против религиозного фанатизма, предрассудков, говорили о важности научного мировоззрения и научного понимания жизни. Благодаря им мое примитивное восприятие мира потерпело полное крушение. В первые дни работы в «Американа»

я клялся, что видел дьявола и что меня однажды напугала Сигуанаба *; не только слепо верил в бога, но и с гордостью круглого невежды отказывался соглашаться, будто бы найдется такой, который перестанет верить в бога. Тем не менее именно в мастерской оказался такой человек — мой непосредственный учитель Гумерсиндо Рамирес; он был неверующим, и его неверие основывалось на могущественных причинах — могущественных именно потому, что они были простыми и очевидными. Что же касается Сигуанабы, то это был результат всей той обстановки, в которой я вырос, — вот почему я искренне считал, что видел Сигуанабу. По правде же говоря, через несколько лет в этой связи мне пришлось пережить нечто необычное, о чем я расскажу в свое время. Когда я навещал наш поселок, то мои новые мысли, высказываемые в беседах со старыми друзьями, стали вызывать некоторую тревогу и создавали мне славу своего рода неверующего человека, полностью свободного от предрассудков. Дело в том, что я действительно начал превращаться в либерала (хотя в голове у меня была полная путаница), все еще не отказавшегося от всякого рода предрассудков. Но мне уже было ясно, что такие вопросы, как вопросы существования бога, дьявола и даже Сигуанабы, не были основными. Кроме того, я считал, что если бы в конце концов оказалось, что бог существует, то он бы не был против того, что люди ведут борьбу за то, чтобы стать свободными и счастливыми. Именно эта борьба все больше казалась мне самым главным делом, хотя я тогда не знал, как к ней подступиться.

Пусть это будет неприятно тем, кто сегодня утверждает, будто борьба является чем-то чуждым самому характеру сальвадорцев, но я скажу, что многие формы борьбы, включая и вооруженное восстание, часто использовались в истории нашего народа. Достаточно было бы в качестве примера сослаться на историю 1921—1922 годов. Правда, необходимо сказать, что тогда не было правильного подхода к проблеме политической борьбы, а господствовали чисто каудилистские ** методы; я уже не говорю о вооруженной борьбе. Считалось также, что армия и ее различные организации являются единственной силой, которая играет решающую роль в стране. Мы, молодежь, радостно переживали все эти события и всегда старались внести свой вклад в какое-либо революционное выступление. Именно в этот период многочисленная революционно настроенная группа ремесленников и студентов, проводившая конспиративные собрания, разработала план по проникновению в ар-

---

* *Сигуанаба* — образ из народных сказок, то же, что и русская баба-яга или ведьма. — *Прим. ред.*

** *Каудилизм* — тирания, деспотизм, власть предводителя, главаря. — *Прим. ред.*

мию — они должны были проходить военную службу в гарнизоне Эль-Сапоте. Члены группы хотели изнутри поддержать вооруженное вторжение, которое планировалось осуществить с территории Гондураса под предводительством прогрессивного помещика дона Артуро Араухо, оставившего, как известно, большой, хотя и печальный след в истории нашей страны. Эти студенты и ремесленники надеялись оказать влияние на солдат армии, с тем чтобы они с оружием в руках перешли на антиправительственные позиции. Среди этих молодых людей было несколько сапожников из мастерской мастера Ангуло, и поэтому-то я и догадался о существовании заговора, хотя мне отказали в желании принять в нем участие.

Этот план провалился, так как командование гарнизона не взяло этих товарищей на службу. Его или своевременно предупредили, или попросту в той ситуации возобладал основной принцип сальвадорской армии — не вручать оружие в руки представителей наиболее развитых в политическом отношении народных слоев, то есть ремесленникам и студентам.

Сальвадорская армия принимала и принимает в свои ряды только тех, кого она надеется полностью обработать идеологически и политически. Крестьянство по своему невежеству, в котором его держали господствующие классы, всегда являлось главной жертвой этого исторического преступления, посредством которого его превращали в орудие собственного же угнетения.

Но, возвращаясь к нашей теме, должен сказать, что в указанный короткий период времени были осуществлены следующие вооруженные выступления — и все во имя народа.

1. Восстание учащихся политехнической школы. По разным причинам слушатели этой школы заявили о своем непризнании правительства и начали вооруженное наступление из Ауачапана. Получив сообщение о том, что армия движется им навстречу, они закрепились на позициях. Между ними и армией произошли отдельные стычки, хотя в основном стороны испытывали нервы друг друга. Затем учащиеся перешли гватемальскую границу и получили политическое убежище. Они считали, что сама весть об их восстании поднимет народ на стихийные выступления против диктатуры. Но этого не случилось, потому что среди масс не было проведено никакой политической работы.

2. Восстание 6-го пулеметного полка во главе с Оливейро Кромвелем Валье. Оно также было подавлено без особых усилий со стороны правительства; потери с обеих сторон были совершенно незначительными.

3. Мятежи полковника Хуана Амайи, о котором я уже говорил, когда описывал мое пребывание в национальной гвардии. Этот полковник ограничивался лишь тем, что «облаивал» ре-

жим, но так никогда и не отважился на решительные действия. Он пытался оказать давление и угрожал, с тем чтобы вырвать у правительства политические привилегии.

4. Восстание школы сержантов и ефрейторов.

Я чуть не принял участия в этом выступлении, был полностью в курсе его подготовки, развития и поражения. Все началось с тех контактов, которые мы, ремесленники, уже называвшие себя революционерами, установили с курсантами школы сержантов в местах их обычных прогулок. Они набирались из тех же социальных групп, что и мы, посещали те же места, что и мы, и ухаживали за теми же девушками, за молоденькими менгала * из Сан-Сальвадора. Один из моих двоюродных братьев, загоревшийся идеями свободы, решил примкнуть к заговору и с целью создания революционной группы в школе сержантов поступил в нее. Его звали Антонио Мармоль, и так же, как и я, он был сапожником. Антонио работал в обувной мастерской «Гватемалка», хозяином которой был индеец Грегорио Агильон,— это была мастерская по производству модельной обуви, ее продукция получила премию на Всемирной выставке в Барселоне. Случилось так, что в школе сержантов уже действовала революционная группа, и мой брат присоединился к ней. А условия для того, чтобы вызвать недовольство среди солдат, были благоприятными. Начальником школы был сам генерал Максимилиано Эрнандес Мартинес, который установил чрезвычайно суровую и жестокую дисциплину, державшуюся на телесных наказаниях и заключении в карцер. С другой стороны, существовала еще одна проблема: обучаемые в школе солдаты получали чрезвычайно низкое жалованье. Идея восстания быстро захватила всех, и вскоре уже можно было назначать дату выступления. Будущий президент Сальвадора, который пролил столько народной крови, генерал Мартинес со свойственным ему звериным чутьем что-то почуял, понял, что что-то неладное творится в школе. Он начал расследования, стал прибегать к подкупам и вскоре уже держал в своих руках основные нити этого столь примитивно составленного заговора, который был отмечен неопытностью молодости его участников. Однажды ночью он неожиданно построил личный состав школы во дворе казармы и по подземному ходу, который вел сюда из президентского дворца, привел самого президента Мелендеса, с тем чтобы он улестил заговорщиков и убедил их отказаться от своих планов. Начало восстания было намечено на следующий день. Мелендес пообещал солдатам значительно увеличить жалованье, улучшить их рацион, полностью изменить отношение к ним и обрушился на агитаторов, которые «смущали» солдатские души. Когда Мартинес почувствовал, что он сумеет

* Менгала — девушка из индейской семьи.— *Прим. ред.*

произвести достаточное впечатление на массу, тогда приказал выйти из строя тем, кто все еще был недоволен и упорствовал. Только восемь солдат и один сержант сделали шаг вперед, остальные же трусили, уступили обещаниям. Среди этих восьми солдат был и мой двоюродный брат. Их немедленно арестовали и предали военному суду. Военный судья, имени его я сейчас не помню, потребовал расстрелять всю группу. Прогрессивный адвокат, о котором я уже говорил, доктор Сальвадор Рикардо Мерлос взял на себя защиту и добился их спасения и освобождения, за исключением сержанта, который был приговорен к нескольким годам тюрьмы. Но через несколько дней после приговора сержанта нашли мертвым в одиночной камере тюрьмы, где его содержали в самой строгой изоляции. В тюрьме, а затем по всей стране поползли слухи о том, что его убил сам президент Мелендес: сначала он пытался всячески унижить сержанта и заставить его на коленях просить прощения за революционную деятельность. Я уже не помню имени мужественного сержанта, но в моей памяти этот эпизод остался навсегда как один из самых ярких примеров бесстрашия революционера в начале развития народной борьбы Сальвадора в нынешнем столетии.

На выборах 1918—1919 годов народным кандидатом считался доктор Мигель Гарсия Паломо, известный своими либеральными взглядами. Но династия Мелендесов нанесла ему поражение, навязав «победу» своей диктатуры с помощью штыков, развязав самый дикий террор против народа. Избиения и высылка из страны были теми основными средствами, которые подготовили результаты голосования. А сколько было убитых и раненых, арестованных и замученных пытками! Огромное количество сальвадорцев эмигрировало в другие центрально-американские страны, особенно в Гондурас и Мексику, спасаясь от правительственных репрессий.

О сальвадорцах обычно говорят, что это «бродячие ноги», что сальвадорец большой любитель бродить по миру — такая уж у него душа авантюриста. Все это ложь. Богатый сальвадорец может путешествовать ради своего удовольствия; он ведь может платить за это удовольствие. Бедняк-сальвадорец трогается в дорогу потому, что его вышвырнули с его небольшого клочка земли, потому, что его преследует правительство, или потому, что он стоит на пороге голодной смерти, будучи не в состоянии найти работу. Такова историческая правда, и если кто утверждает иное, то это бандит или подлец, что одно и то же.

Возвращаясь вновь к нити моего рассказа, скажу, что в 1921—1922 годах народная оппозиция объединилась вокруг так называемой конституционной партии, или «синей партии», которая выдвинула на пост президента республики доктора Ми-

геля Томаса Молину. Он, как я уже говорил, завоевал большую популярность, будучи министром внутренних дел в правительстве Араухо. Правительственным кандидатом был доктор Альфонсо Киньонес Молина, бандит с большой дороги. «Синья партия» была создана по принципу каудилизма, который является традиционным принципом сальвадорских политических партий, точнее, буржуазных партий, но в рядах этой партии многие были настроены против диктатуры Мелендеса. Они же открыто говорили как о незаконных действиях, так и внутренних противоречиях режима. Сблизившись с этими кругами, я начал восхищаться политической деятельностью видных буржуазных либералов, — гражданских и военных, — которые выступали против династии, за создание демократического правительства. Все еще громко звучало имя действительно легендарного либерального политического деятеля Пруденсio Альфаро, постоянно состоявшего в рядах оппозиции правительству, с честью выходявшего из всех ловушек, которые подстраивали ему его противники, — он обладал чрезвычайной ловкостью.

Другой известный фигурой был генерал Луис Алонсо Барона. Он был отравлен по приказу диктатуры после того, как она выманила его из Гондураса, дав заверение в том, что все будет улажено миром. Столь же мужественным я считал и поведение генерала Леона Боланьоса, который, несмотря на то что являлся начальником полиции Усулутана, пошел на прямую конфронтацию с президентом Мелендесом. Пользуясь своими полномочиями, генерал Боланьос заставил помещиков вернуть крестьянам-индейцам этого района грамоты на владение землей, которые были обманом отняты у них в счет уплаты смехотворно малых долгов. А когда один из этих помещиков, отец доктора Энрике Кордова, ставшего впоследствии знаменитым адвокатом и автором военно-уголовного кодекса, или «красного кодекса», вновь пустился на обман индейцев, то генерал силой одел его в женское платье и заставил провести его в таком виде по всему поселку. Семья Кордова пожаловалась президенту, и президент призвал к порядку генерала Боланьоса. Через несколько недель генерал арестовал всех подпольных фабрикантов спиртного в районе Усулутана, среди них и нескольких господ из этих, которые носили сюртуки и ходили с тростью. Президент Мелендес вступился только за последних, и тогда генерал Боланьос освободил всех арестованных — богатых и бедных. В результате он стал бельмом на глазу правительства, которое приказало прибегнуть к классическому способу того времени: в связи с проблемами, возникшими между феодалами из Усулутана и генералом Боланьосом, он был переведен в Сан-Сальвадор на пост генерального директора полиции и здесь отравлен.

Все эти личности и их поступки произвели на меня такое впечатление, что я решил вступить в конституционную партию доктора Мигеля Томаса Молины, либерала старого типа, человека, который с незапятнанной совестью дожил до столетнего возраста, что уже само по себе является подвигом для сальвадорского либерала, так как из рядов либералов вышло, пожалуй, наибольшее количество мерзавцев в нашей стране. По крайней мере самое большое количество предателей, это уж точно. Достаточно сказать, что Наполеон Биера Альтамирано из либералов, и сальвадорцы не станут оспаривать мое утверждение.

В этой партии я получил первый свой опыт политической деятельности. С учетом моих связей в городской зоне Сан-Сальвадора я был назначен секретарем местного комитета конституционной партии в Сан-Мартине, поселке неподалеку от Илопанго. Так я начал свою политическую карьеру, если можно назвать так то, что стало всей моей жизнью. Это было довольно распространенным делом среди ремесленников — революционеров Сан-Сальвадора в первой половине века: работа среди массы простого народа в поселках, деревнях и городах, расположенных вблизи столицы, из которых мы сами в большинстве были родом. Моя деятельность началась столь активно, я с такой страстью отдался делу Молины, что немедленно вызвал к себе глубокую ненависть со стороны местных властей. Я уже не был «симпатичным Мигелито», я стал врагом правительства, активистом враждебного лагеря, мятежником. И все это случилось чуть ли не в мгновение ока. По мере развертывания предвыборной кампании на меня обрушились все новые преследования, и наконец 24 декабря 1922 года меня предупредил местный фармацевт Габриэль Ортис, что национальная гвардия арестовывает всех активистов партии Молины и что я должен немедленно скрыться. Это было мое первое рождество в жизни, которое застало меня на положении преследуемого за политическую деятельность. Что предпринять? Один из двоюродных братьев моей матери имел в Сан-Мартине лавку по торговле упряжью, и я обратился к нему с просьбой вывезти меня из поселка. Мой дядя завернул меня в циновку, и вместе с другими тюками с товарами я очутился в возке. Одна из его дочерей уселась на «живой тюк», и так мне удалось выскользнуть из поселка, правда, пережив при этом множество неприятных минут — ведь в это время меня усердно искали бородачи из национальной гвардии. Эта предосторожность оказалась не напрасной, так как правительство было готово на любое преступление ради того, чтобы удержать власть.

И действительно, на следующий день местная олигархия и правительство совершили одно из самых черных преступлений за всю историю страны: в центре столицы была расстреляна де-

монстрация женщин, поддерживавших Молину. Армейские части и полиция расстреляли из пулеметов огромную демонстрацию женщин — сторонниц нашей конституционной партии. Демонстрация в поддержку нашего кандидата шла по улицам, соблюдая полный порядок, носила абсолютно мирный характер. Преступники, одетые в военную форму, обрушили на беззащитных женщин огонь из станковых пулеметов, которые были установлены на крышах высоких домов, казарм, государственных учреждений и т. д. Раненых они добивали холодным оружием или выстрелами из винтовок. Множество женщин было убито и ранено. Под пулями пали и мужчины, когда они бросились спасать или вытаскивать из-под огня своих жен и подруг. Обычная кровавая расправа над народом, такие же убийцы, как и те, которых мы увидим затем во время событий 1932, 1944, 1952, 1960, 1961 и 1966 годов. Волосы становились дыбом, когда описывали эту подлую расправу. По всей стране армейские части были приведены в боевую готовность, список погибших или пропавших без вести стал бесконечным. Чувство бессилия овладевало нами, «молинистами», и самые радикальные начали понимать, что политическая деятельность, заключающаяся в криках «Да здравствует Молина!» и в распространении листовок, является детской забавой в условиях, когда у врага были винтовки и пулеметы, когда на его стороне была вся армия. Это было похоже на борьбу связанного осла с диким львом.

В тележке моего дяди мне удалось добраться до самого Сан-Сальвадора, но после расстрела демонстрации преследования здесь стали более жестокими, чем где-либо, и несколько раз я чуть не попал в руки полицейских, которые обшаривали город в поисках оппозиционеров, «молинистов», подозрительных элементов или вообще всего того, что попадалось им в руки. После нескольких бесконечно тянувшихся дней я решил вернуться в Сан-Мартин, считая, что никому я в голову не придет искать меня теперь там, так как местные власти уже убедились в том, что я бежал. Когда я возвратился в Сан-Мартин, то узнал, что моя мама перебралась жить сюда же. Она нашла место маркитантки, и не где-нибудь, а в гарнизоне национальной гвардии Сан-Мартина. Сестер моих она поручила заботам друзей в Илопанго. К этому времени моя бабушка Томаса уже умерла. Она стирала белье своего сына Иларио и внука Рафаэля, то есть моего дяди Иларио и двоюродного брата Рафаэля, и уколола руку, рука воспалилась, и бабушка умерла в одночасье. Это случилось в 1920 году, когда мой дядя Иларио вместе со своим сыном Рафаэлем был насильно забран в солдаты в связи с угрозой вторжения Артуро Араухо, о чем я уже упоминал. Когда я смог увидеться с матерью, то она прежде всего рассказала мне о том, что мои политические противники —

«киньюнисты» — пытались навредить ей. Как только они узнали, что она является моей матерью, то отправились к командиру поста национальной гвардии и сказали ему якобы слышали, как мать грозилась угостить всех солдат отравленной пищей, чтобы отомстить за меня. Командир поста вызвал ее и сказал, не дай бог, если хоть один солдат заболит от ее стряпни... Но своей добросовестной работой мать завоевала уважение командира, и он изменил к ней отношение. Он был так великодушен, что даже сказал матери, что меня преследовали без причин, будто это были простые политические счеты маленького поселка. На основании достоверной информации он был убежден в том, что я честный человек и труженик, а потому он предложил мне перебраться в помещение поста, не делая при этом шума и так, чтобы об этом не узнали соседи. Здесь я находился бы в безопасности и мог переждать волну преследований.

Когда мать передала мне этот разговор, то я вначале подумал, что речь идет о ловушке, но она убедила меня в искренности командира поста, и я решил принять предложение. В конце концов, ведь речь шла о своего рода варианте моего плана возвращения в Сан-Мартин: кто бы стал искать меня в пасти волка? Все обошлось как нельзя лучше. Командир поста позволил мне выждать, пока уляжется буря. Хочу сказать, что этот командир был очень разумным человеком — таких вообще трудно найти в рядах наших военных институтов во все времена. Ведь они «начинены» отбросами нашего общества, наихудшими представителями каждой из социальных групп, причем наибольшие шансы на продвижение по служебной лестнице имеет тот, кто проявляет наибольшую меру бесчеловечности. Вспоминаю, как в последние дни моего пребывания под его защитой, когда уже несколько человек из поселка, включая и некоторых моих политических противников, уже знали, что я укрываюсь в помещении поста, командир вновь продемонстрировал присутствие духа и чувство справедливости. Мои противники подослали к нему одну старую сплетницу, которая сказала, что я, пользуясь обстоятельствами, завел любовные шашни с его женой. Жена командира поста была значительно моложе его, красавицей, с прекрасными глазами, обрамленными длинными ресницами, ртом, напоминавшим чудесный цветок. Жила она вместе с мужем в помещении поста. Она часто беседовала со мной, потому что ей надоело общество тупых гвардейцев. Наши беседы велись на самые невинные темы: мы говорили о деревне, о животных, об индейских легендах и т. д. Командир поста, когда до него дошла эта сплетня, не потерял головы. Своими средствами он узнал, кто был автором сплетни, а затем вызвал меня к себе в кабинет. Как говорится, с порога он спросил меня: «Кого вы считаете своими главными врагами в этом поселке?» Я откровенно назвал ему несколько имен, не подозревая, куда

он клонит, но среди них оказались и имена этих клеветников. «Вы совершенно правы, — сказал он мне, — они-то и есть ваши злейшие враги». И тут он рассказал о сплетне и заявил, что я не должен беспокоиться, так как он не имел никаких оснований не верить своей жене, которую хорошо знал. Он добавил, что верит мне, так как убедился в том, что я честный человек. «А как только подвернется малейшая возможность, то я покажу этим сплетникам, уж тогда-то я не отступлюсь», — закончил командир поста.

Незадолго до этих событий я ушел из обувной мастерской «Американа» мастера Ангуло. Этот мастер, несмотря на патриархальные черты своего характера, о которых я уже рассказывал, был очень вспыльчив и когда «заводился», то мог наброситься с кулаками на рабочего. Ко мне он относился по-особенному, что дало повод некоторым рабочим, не питавшим ко мне симпатий, распускать слухи, будто бы я подлизываюсь к мастеру. Я же подлил еще масла в огонь, заявив, что вся их болтовня идет от зависти. Сама жизнь показала, что я не был ни холуем, ни послушной куклой.

Однажды в отдел заказов мастерской зашла девушка, ей нужны были модельные туфли. В это время в моде был так называемый «стиль Дори», пришедший из Франции, который произвел фурор среди кокеток столиц. Я снял мерку и, получив от раскройщика заготовку, собственноручно сшил туфли. Но когда оставалось лишь отделать их, кто-то уничтожил или украл их, но так или иначе туфли «испарились». Искали мы их, искали, но все было безрезультатно. Мастер озверел как дьявол, но так как виновный не находился, то он стал ругать всех рабочих. Я молчаливо выслушивал все его оскорбления до тех пор, пока он не обозвал нас сучьими выродками. Подобное оскорбление действует на меня, как факел, сунутый под хвост тигру. И хотя в Сальвадоре это ругательство то и дело срывается с уст с того момента, как ребенок научится говорить (хотя, естественно, все зависит от тона, каким оно произносится), я не смог сдержать свою злость, вскочил со своего рабочего табурета и закричал мастеру: «Если вы это обо мне, мастер Ангуло, то сейчас вы заткнетесь!» Он двинулся ко мне с поднятыми кулаками. Это был высокий и сильный мужчина, и я был уверен, что мне с ним не справиться, поэтому я схватил свой сапожный нож. Когда он увидел все это, то застыл на месте, затем повернулся и ушел в свои комнаты внутри дома, который занимала мастерская. Вскоре он прислал свою жену сказать мне, чтобы я немедленно оставил мастерскую. Я так и сделал. Спустя пару дней мастер Ангуло, оступ после случившегося, вновь послал свою жену ко мне, уже в Сан-Мигель, предлагая забыть стычку, с тем чтобы все шло как раньше. Он даже послал мне денег. Но мне казалось, что все уже изменилось, что я не должен возвра-

щаться в мастерскую. Так я и ответил жене мастера. По крайней мере я доказал шептунам, что не был ни подпевалой, ни игрушкой в чьих-то руках, что, несмотря на бедность и нужду, я обладал честью мужчины и труженика. Через некоторое время, в 1921 году, мастерская Ангуло сгорела. Я нашел его и выразил ему свои соболезнования. Он заплакал, и мы восстановили мир. Но я уже больше не вернулся к нему на работу. Впоследствии он оказал мне большую помощь, когда я был в крайне сложном положении. Я вспоминаю о нем с любовью не только за его дружеское отношение, но и потому, что связываю его имя с моим открытием революционной литературы.

Каковы были основные причины всех тех политических событий, в которых я стал принимать участие, как тот малек, которого речной поток вытягивает из родной тихой заводи? В то время, отсчет которого я веду с 1914 года, финансовые рычаги страны находились в руках английских империалистов. Внешний долг Сальвадора составлял 20 млн. долларов. Это была астрономическая сумма для того времени, для возможностей и ресурсов страны. Этот долг возрос со строительством железных дорог, линий электропередач, убыточных государственных предприятий, с основанием банков. Американский империализм еще недостаточно закрепился в нашем регионе. Что же касается германского империализма, то следует сказать, что ему удалось завоевать определенные симпатии среди народных масс — потребителей, которые предпочитали немецкие товары высокого качества. Тем не менее как империализм он не представлял собой реальной силы в Сальвадоре, да и не сможет стать такой силой. Правда, в отношении того, что никогда не сможет стать, это нельзя утверждать категорично, так как в настоящее время германский (вместе с японскими и израильскими капиталами) представляет собой врага номер два для наших народов, уступающая первенство лишь американскому империализму.

Мне хотелось бы более детально остановиться на этом положении. Народу пришлось по душе немецкие товары, а отсюда симпатии — наивные, чисто индейские — перекинулись на все немецкое вообще. Я помню, какой славой пользовались немецкие иголки, нитки, рабочие инструменты, стальные изделия типа ножниц и ножей «Толледо-Золинген», медицинские препараты Байера, такие, как знаменитая сыворотка 914 для лечения сифилиса, известная под названием «немецкой инъекции». Что же касается гринго, то народ относился к ним враждебно из-за их подлых действий против Мексики, страны, которую сальвадорцы исторически считали своей старшей родней, землей, откуда пришли наши предки. Это несколько неопределенное положение в области иностранного господства наложило на явление внутриполитического порядка — на полную потерю авторитета и банкротство военного каудилизма. Что же касается

расстановки социальных сил, то картина была следующей: помещики, вслед за иностранными империалистическими хищниками, являлись той силой, которая контролировала государство. Когда Мелендесы и Киньонесы пришли к власти, то они, как группировка, уступали помещикам, которые в свою очередь начали предпринимать шаги, с тем чтобы превратить государство в свою вотчину, угрожая при этом привести в действие свои права в отношении государственного долга. Антинациональная династия, пришедшая к власти, с целью защиты от этих «акул» с длинными зубами заключила сделку с «морской змеей» *. В конце концов, все члены клана Мелендесов и Киньонесов сами были «пираньями». Этот клан отдал минеральные ресурсы страны в руки американских компаний, заключил соглашения с американскими банками о предоставлении займов. Кстати, разработка минеральных ресурсов в нашей стране была осуществлена американцами хищнически, на манер рабовладельческого хозяйства. Стоило бы написать историю горных промыслов страны — это была бы история преступлений.

Соединенные Штаты были недовольны нейтралитетом Сальвадора в первой мировой войне, и поэтому они решили «ухватиться» за клан Мелендесов — Киньонесов в качестве политического средства для своего проникновения в страну. Верхушка армии была целиком настроена прогермански, как и буржуазия, связанная с импортной торговлей, да и сам народ, как я уже говорил, симпатизировал немцам и верил в то, что у нас с немцами имелись некоторые общие интересы. Эта возня трех империалистических государств и находилась в основе агрессивных заявлений, угроз совершить военный переворот и тех вторжений, о которых мы уже говорили. Даже Артуро Араухо стал пешкой в руках английского империализма. Естественно, что эта картина стала ясна для меня лишь спустя много лет, когда я уже был активистом рабочего движения и почти коммунистом.

В то время я и многие мои друзья и товарищи по политическому движению каудилистского характера были слепыми орудиями в руках этих мощных сил. Ненависть к янки и симпатии ко всему немецкому в течение определенного периода были четко выраженным настроением сальвадорской армии. Многие сальвадорцы должны помнить, что в начале второй мировой войны президент страны Эрнандес Мартинес говорил о «прогнившей демократии Соединенных Штатов». Известно также, что он направил в гитлеровский генштаб тактический план высадки штурмовых отрядов на американской территории. Между тем американцы начали создавать свою огромную систему эксплуатации мира, в том числе и нашей небольшой страны. Заем, который они предоставили клану Мелендесов — Киньонесов (16 млн.

---

* Имеются в виду Соединенные Штаты Америки.— *Прим. ред.*

долларов), позволил ему выплатить долг англичанам, покрыть значительную часть внутреннего долга и перейти к отношениям со своими новыми хозяевами — григто, основанным на долларах. Династия Мелендесов — Киньонесов вошла в историю страны со «славой» людей, продавших родину Соединенным Штатам. Но несмотря на это, другие империалистические государства еще в течение долгого времени продолжали борьбу за свои интересы, пока не были полностью вытеснены империализмом янки, укрепившим свои позиции в мире в 40-х годах. Артуро Араухо стал, таким образом, последним видным представителем интересов британского империализма. Араухо упорно держался за лейборизм и кооперативную концепцию государства, которую он воспринял, еще будучи студентом в Ливерпуле. Гарсия Паломо и Мигель Томас Молина играли роль представителей «национального капитала, который противился планам правящей династии, и они вместе с народом получили и свою долю страданий. Естественно, что все погибшие были выходцами из народа, за исключением двух-трех отравленных генералов, о которых я говорил. Хотелось бы подчеркнуть, что главной военной опорой Мелендесов в борьбе с различными камарильями в армии являлась национальная гвардия. Этот корпус, как я уже отмечал, был во времена Мануэля Энрике Араухо гарантом гражданских прав населения, но Мелендесы превратили его в орудие репрессий, и с этого момента гвардейцев интенсивно обрабатывали в реакционном и антинародном духе. Если же придерживаться истины, то национальная гвардия никогда не служила образцом, так как ее создателем и руководителем был полковник испанской гражданской гвардии Гарридо. Этот полковник был личным телохранителем германского императора во время его визита в Испанию, в своей же стране он прославился как активный организатор репрессий. Что ж, яблоко от яблони недалеко падает. Тем не менее в первое время деятельность национальной гвардии сводилась в основном к борьбе с преступностью, и сами гвардейцы были в основном честными людьми. В настоящее время, как известно, национальная гвардия является одним из главных орудий сальвадорской реакции. Ее деятельность направляется американской разведывательной службой. Во главе гвардии стоят наиболее продажные и жестокие офицеры, такие, как известный Челе Медрано.

Какую же роль играли народные массы в тот период и какую реальную пользу извлек для себя сальвадорский народ из всех этих событий? Ясно, что протесты различного характера стали первым выражением всеобщего народного недовольства. Мы уже говорили о положении в армии. В среде учителей, традиционно важной социальной категории в Сальвадоре, возникла крити-

ческая ситуация в связи с длительной задержкой выплаты жалования. Учителя начали борьбу за свои требования, которая носила явно политический характер. Во главе ее стояли Франсиско Моран и Рубен Димас. Это были отличные агитаторы, прирожденные борцы. С каким сожалением видишь сегодня, как годы и жизненные удобства привели их к пассивности, к оппортунизму (речь идет о Моране).

В 1921 году правительство осуществило экономическую реформу: оно ввело денежную единицу на базе десятичного дробления, которая заменила старинные куартило, расионес, медиос и реалес. Указанное решение правительства было направлено против глубоко укоренившейся привычки использования старых монет, которая создавала множество неудобств в сфере банковского кредита для мелких торговцев. Но против этой реформы выступили реакционные, консервативно настроенные торговцы. Движение протеста возникло на рынках Сан-Сальвадора. Некоторые банки, почувствовав угрозу своим ростовщическим интересам, привели в движение своих агентов, с тем чтобы раздуть протест. И коль скоро народ был настроен против правительства, то вся эта деятельность очень быстро превратилась в достаточно организованное национальное движение. Были проведены митинги в Санта-Ане, Санта-Текле, Сонсонате, а затем и крупные марши протеста из ряда провинциальных городов в столицу. Для перевозки людей использовались даже железнодорожные составы и колонны телег. Одновременно (как мы еще увидим) разворачивалось движение наших объединений ремесленников за свои экономические требования. 28 февраля 1921 года правительственные силы расстреляли из пулеметов демонстрацию женщин — торговок с рынка Сан-Сальвадора. Правящий клан стал специалистом по кровавым расправам над женщинами. Но в этом случае (в отличие от расстрела демонстрации женщин, о которой я уже рассказывал) рыночные торговки не дрогнули. Они подобрали убитых и раненых подруг, вооружились камнями, палками, ножами и сами перешли в наступление, захватив небольшую казарму полиции в районе Калварио, неподалеку от рынка. Разъяренные женщины прикончили нескольких стражников, которые участвовали в расправе над демонстрацией. В этом своеобразном сражении особенно отличились женщины из мясных лавок. По случайному совпадению в этот день успешно закончилась всеобщая забастовка обувщиков, требовавших увеличения заработной платы, отмены увольнений, прекращения грубого обращения хозяев. Эта забастовка стала кульминацией выступлений ремесленников столицы в защиту своих требований.

Мне хотелось бы сказать несколько слов об этой забастовке. Для этого мне необходимо обратиться к 1917 году, и пусть читатели извинят меня за столь частые, но тем не менее необходимые

отступления. В 1917 году действовало торговое соглашение с Гондурасом, которое в значительной степени благоприятствовало обувной промышленности Сальвадора. Гондурас считался наиболее выгодным рынком для сальвадорской обуви, и обувные мастерские стали появляться по всей стране, как грибы после дождя. Были созданы довольно крупные мастерские, начался серьезный процесс концентрации рабочих этой отрасли. Спрос на рабочую силу был огромный, и рабочие отрасли значительно упрочили свое материальное положение. Они стали хорошо одеваться, в карманах у них завелись деньги, они начали попивать гуаро лучших сортов, носить в петлицах магнолии стоимостью в пять песо, курить настоящие гаванские сигары, выходить на прогулки в парки одетыми в широкие плащи, с пистолетами, отделанными перламутром, засунутыми за кожаные пояса, и так далее. В день выдачи зарплаты рабочие приклеивали себе на лоб самую крупную из полученных купюр. Обувь стала четко делиться по категориям. Первая категория, вторая категория, «заказная». После окончания первой мировой войны наступают перемены. Американский империализм проникает на рынки многих стран. Наша обувь постепенно, но неумолимо была вытеснена с гондурасского рынка, и обувная промышленность стремительно покатила вниз. Цены начали падать, конкуренция между мастерскими стала жесточайшей. Некоторые обувные мастерские при помощи лучшего оборудования оспаривали первенство, что, правда, больше было похоже на борьбу за выживание; это мастерские «Идеал» Луиса Паса, «Буфало» Педро Мелендеса, «Мода» Гонсало Фунеса и «Американа» мастера Ангуло, в которой я начал работать, хотя уже в период «тощих коров» *. В первых трех мастерских платили хорошую зарплату за производство модельной обуви. Мастер Ангуло платил меньше, но он давал больше возможности заработать, если ты умел делать свою работу. Еще больше зарабатывали на сдельщине. Конкуренция же была такова, что очень скоро возникли границы между рабочими одной и той же мастерской. Закройщики считались наиболее высокой категорией, опорой процесса изготовления обуви, без которых не могли работать те, кто подшивал подошвы. Эта более многочисленная прослойка оказалась в положении дискриминируемых, причем и в ее среде существовало разделение на две или три категории. В результате началась напряженная организационная работа в национальном масштабе, она велась тайно, и возглавлял ее как раз мой учитель — мастер по подошвам Гумерсиндо Рамирес. Цель этой работы заключалась в установлении тарифных ставок, которые

---

* Имеется в виду библейская легенда о семи «тощих коровах» — годах неурожаев, которые съели семь «тучных коров» — запасы от урожайных годов — и от этого не стали полней. — *Прим. ред.*

отвечали бы интересам всех рабочих — от закройщиков первой категории до подшивщиков подошв третьей категории. Проект тарифных ставок тайно ходил по рукам. Обсуждались главным образом следующие проблемы: зарплата, неоправданные и все более массовые увольнения, произвол со стороны хозяев и т.д. Постепенно приходили к единодушному решению: поддержать требование о тарифах непосредственными действиями. Было принято решение о проведении всеобщей забастовки обувщиков со следующими требованиями: повышение зарплаты в соответствии с тарифами, прекращение произвольных увольнений и жестокого обращения хозяев. Момент был выбран удачно — накануне рождества, когда люди обычно покупают новую обувь для участия в религиозных процессиях.

Некоторые владельцы мастерских заявили, что они не противятся требованиям, и использовали их в качестве средства в конкурентной борьбе между предпринимателями, с тем чтобы оказаться в более выгодном положении по сравнению с другими хозяевами. Что же касается мастера Ангуло, то он был настроен против забастовщиков. Конфликт был передан на рассмотрение комиссии, в состав которой вошли представители рабочих, предпринимателей и правительства. Предприниматели не оказали серьезного сопротивления, и рабочие одержали победу — решение комиссии полностью отвечало требованиям рабочих. Но в день, когда соглашения должны были войти в силу, произошла расправа над рыночными торговками. Правительственные репрессии усилились и обрушились буквально на всех, включая забастовщиков. В этот день, 28 февраля 1921 года, все руководители забастовки были арестованы и избиты. Хозяева мастерских воспользовались положением: они сделали вид, что никаких соглашений не было, уволили массу рабочих, снизили зарплату. Воцарился хаос. Правительство одним выстрелом убило двух зайцев: развернуло террор против всей оппозиции и одновременно обрушило его на первые серьезные выступления организованного рабочего движения страны. Я вспоминаю, что в те дни моего учителя Гумерсиндо, видного руководителя обувщиков, вместе с крупным деятелем оппозиции доктором Сальвадором Рикардо Мерлосом заставили голыми руками чистить отхожие места в полиции в течение всего времени, пока они содержались под стражей.

В результате всех этих событий произошло дробление обувных мастерских. Начиная с этого момента закройщик и рабочий, подшивающий подошву, снимали одну комнату, закупали материалы и работали непосредственно на рынок. В капиталистическом развитии был сделан шаг назад. Именно поэтому в этой отрасли не дошли до создания крупных фабрик, несмотря на то что она уже достигла второй фазы своего развития, то есть создания специализированного мануфактурного производства. Че-

рез некоторое время хозяин одной из мастерских Луис Пас попытался поставить станки, но рабочие, у которых перед глазами был пример трудящихся, уволенных с фабрики Сагрера после установок современных ткацких станков, выступили против. Их поддержали и владельцы других мастерских, у которых не было средств для импорта станков. Объединившись, они добились того, что правительство (а у власти стоял уже Пио Рамеро Боске) запретило импорт оборудования. Об этом мы еще поговорим в свое время. Забастовка обувщиков, о которой я рассказывал, не была изолированным явлением. Ей предшествовала крупная забастовка железнодорожников в 1919 году и забастовка портных в 1920 году. Отдельные забастовки происходили довольно часто вплоть до периода разгула насилия и репрессий.

Еще одно обстоятельство способствовало накоплению «взрывчатки» народного гнева. Речь идет о захвате помещиками земель бедных крестьян и крестьян-середняков. Именно в этот период сложились нынешние контуры сальвадорского латифундизма. Все это привело к тому, что в сельской местности немощные массы крестьян начали поиски решения своих проблем вопреки позиции правительства, которое стояло горой за интересы помещиков. Если же добавить, что международное положение явно способствовало подъему выступлений трудящихся и вообще всех бедняков (это Великая Октябрьская социалистическая революция в России и буржуазная революция в Мексике, которая в первый период носила ярко выраженный антиимпериалистический характер; революция в Германии; захват фабрик итальянскими рабочими; подъем пролетарской борьбы в Испании, Англии, Франции, Соединенных Штатах и т. д.), то можно понять, почему с той поры страна вошла в полосу конфликтных ситуаций объективного характера, из которой в то время не было выхода. Но нагнетание этого чудовищного давления должно было в силу исторической логики найти свой выход в последующий период, спустя десятилетие. Естественно, что, когда речь идет о вопросах развития и вызревания революционной ситуации, следует считаться с тем, что в руках господствующих классов имеются возможности создавать лишь видимость действий, которые оттягивают подлинное решение вопросов. Однако в тот момент, когда они навязываются, эти шаги вызывают перемены, которые революционеры должны учитывать, не теряя из вида своей конечной цели. В этот период правящему клану Сальвадора не повезло, так как американский империализм избрал Сальвадор в качестве трамплина для прыжка «в наши воды». Правда, это дало возможность клану Мелендесов временно ослабить бурю. Кроме того, это были послевоенные годы, когда на какое-то время поднялись цены на кофе. Американская экспансия привела к упадку промышленности в ряде

государств, в том числе и в нашей стране, а теперь, казалось, появился денежный «ручеек», который был как бы предвестником столь ожидаемого бурного потока. Начался кратковременный период если не «тучных коров», то момент, когда эти «коровы» (то есть финансовые группы, занимающиеся спекулятивными операциями) тучнеют. Появились новые источники занятости на рудниках и строительстве шоссе, было построено некоторое число примитивных небольших школ, и даже рабочим перепало несколько крох от этого жалкого пирога. У нас, рабочих и ремесленников, вновь зазвенели в карманах золотые монеты, и мы вновь стали прикалывать к лацканам бутоньерки магнолий ценой пять песо. Черт его знает, что это была за провинциальная мода, но, в конце концов, это была мода и своего рода средство оценки возможностей потребителя. Что же касается военных, то они по-прежнему получали свое жалованье крайне нерегулярно и ходили, как говорится, с рваным задом. Тем не менее продолжались репрессии против любой формы политической оппозиции или попыток создания народных организаций.

Коль скоро речь здесь идет о моей жизни, я не могу задерживаться на деталях, иначе этот рассказ никогда не кончится. Но когда я говорю «террор» или «репрессии», то надо понимать, что за каждым из этих слов стоят бесконечные страдания нашего народа, такие страдания, что при воспоминании о них тебе хочется или выть от бессилия, или выйти на улицу и убить кого-нибудь. Зверские избиения и высылка из страны были основными методами правления клана Мелендесов — Киньонесов. Тем не менее уже к 1924 году профессиональная организация трудящихся достигла невиданного в истории страны уровня. В недавнем прошлом, особенно после 1914 года, в этом направлении делались некоторые попытки, но все они без исключения закончились провалом. Но к 1923—1924 годам уже были созданы некоторые профсоюзы четкого классового характера. В крупных городах организационная деятельность охватила все мастерские и отдельных ремесленников: сапожников, каменщиков, плотников, водопроводчиков, парикмахеров, портных, кожевников, ткачей, пекарей, механиков и т. д. В небольших городах и в поселках профсоюз объединял ремесленников и рабочих различных отраслей производства и сферы услуг. Такие профсоюзы стали называться «профсоюзами разных профессий». Вскоре возникли условия для создания Региональной федерации трудящихся Сальвадора, призванной стать тем мощным орудием, при помощи которого рабочий класс начал завоевывать свое место в сальвадорской истории. Создание подобных федераций в Гватемале, Гондурасе и Никарагуа, дух общности центральноамериканских народов, царивший в то время, способствовали образованию Центральноамериканской рабочей

конфедерации. С ее созданием возникли и первые международные связи сальвадорских трудящихся.

В период с 1922 по 1924 год, чрезвычайно важный для развития сальвадорского рабочего класса, я не принимал участия в профсоюзной или революционной деятельности. После окончания политической кампании, уже при правительстве печально известного Альфонсо Киньонеса Молины, жизнь в Илопанго и в Сан-Сальвадоре сделалась для меня невыносимой, и мне пришлось укрыться в Сан-Мартине, чтобы хоть как-то зарабатывать себе на пропитание. Я работал в мастерских Камило Серроса и Энрике Панаменьо. Работа в крупной обувной мастерской столицы дала мне большие преимущества по сравнению с местными моими товарищами-обувщиками, так как я хорошо понимал требования моды и ее капризы, овладел множеством приемов, которые позволяли делать более элегантные швы и кокетливую отделку. Девушки из поселка быстро уловили все это и стали просить мастеров, чтобы именно я сшил бы им туфли, которые они собирались обновить в праздник. Таким образом, моя зарплата и дополнительные надбавки быстро выросли, и я решил скопить денег, с тем чтобы стать независимым и открыть свою собственную мастерскую. Когда я собрал несколько песо, то стал думать о том, как бы получить денег взаймы. Что касается нашей семьи, то здесь у меня не было больших тревог, мои сестры работали в небольших лавках. Они уже могли помогать нашей бедной матери и несколько облегчить ее жизнь. Поэтому я мог начать борьбу за свою самостоятельность, тем более что в голове у меня роились тысячи противоречивых мыслей в отношении политики и социальных выступлений. Я понимал, что не должен возлагать все свои надежды лишь на зарплату рабочего мастерской.

В поисках займов, которые я хотел присоединить к своим накоплениям, со мной произошел случай, его я и сейчас хорошо помню. Мне посоветовали обратиться с просьбой к сеньорам Мена, в особенности к донье Клеменсии. У ее семьи было столько денег, что ими можно было замостить все улицы Илопанго. Я отправился к донье Клеменсии и изложил ей мою просьбу. Это была элегантная, красивая вдова, родом, кажется, из Челатанго. О ней рассказывали множество историй, но я приписывал их зависти и желанию почесать языки. Донья Клеменсия приняла меня очень любезно, пригласила пройти в гостиную, велела подать кофе и печенье. Я почувствовал себя несколько не в своей тарелке, когда она села рядышком со мной на софу, обдав меня ароматом духов. Кожа у нее была чудесной. Она выслушала мою просьбу, высказанную, кстати сказать, заплетаящимся языком, так как я чувствовал себя совершенно ско-

ваным, и предложила перейти во внутренний дворик, где, как она сказала, было удобнее беседовать. Мы отправились туда. Внутренний дворик был просторным, здесь росли редкие сорта манго и кизила, расхаживали экзотические животные. Она провела меня в каретник, и здесь меня ждал такой сюрприз, что я с трудом скрыл свое изумление. Внутри каретника, поблескивая в темноте, как в фильме-сказке, стояла та самая белая карета, которую я увидел однажды в детстве. Эта карета навсегда запечатлелась в моей памяти. Колеса были сняты, она покоилась на больших чурбаках и казалась каким-то королевским тронem. У кареты была опущена приступочка, и донья Клеменсия предложила сесть в карету — там, мол, будет удобней. Так мы и сделали — поднялись в карету. Я чувствовал себя как во сне, и мое смущение стало еще большим. Я почти не помню подробностей беседы, помню только, что донья Клеменсия взяла меня за руку и сказала, что ей не хотелось бы просто одолжить сто или двести колонов, потому что такойобразительный и предприимчивый молодой человек, как я, мог надеяться на ее постоянное участие деньгами, что мы вместе могли бы войти в дело. Она лишь нуждается в гарантии, что я буду действительно серьезным и ответственным человеком: не должен знаться с другими женщинами, не связываться с гуляками и не пить. В заключение она сказала, что когда «дело» разрастется и я уже буду иметь в нем свою долю капитала, то смогу даже перебраться жить в ее дом. Она посоветовала мне подумать хорошенько — умному, мол, много говорить не надо — и через некоторое время дать ей конкретный ответ. Я вышел из этого дома как лунатик. Но это состояние не продлилось и получаса. Наоборот, после первых моментов понятного возбуждения — ведь не каменный же я, в конце концов, — меня охватило бешенство: «Да ведь эта донья Клеменсия просто хочет купить себе мужа». И я вдруг представил себя в положении песика с золотым ошейником, трущегося о юбку хозяйки, которая в любой момент могла дать мне пинка в зад. Нет, сказал я себе, не этого я ишу в жизни. Я больше не встречался с доньей Клеменсией, которая разрушила мой сон о белой карете.

К счастью, мои друзья из Илопанго достали мне денег, к тому же мне помогла и моя старшая сестра, у которой неплохо пошли ее торговые дела. В итоге я смог купить подержанную строчечную машинку, инструмент, заготовки и «оборудовать» собственную мастерскую. И получилось не так уж плохо: скоро у меня уже было достаточное число клиентов, что позволило мне нанять нескольких работников — одному уже было не под силу справляться с заказами. Постепенно я перетащил к себе моих друзей из Сан-Сальвадора, которые не имели постоянной работы. Вскоре в мастерской, помимо меня, трудилось еще семь человек. У нас никогда не существовало отношений типа «хозя-

ин — рабочий». Здесь мы были все равны, работы было достаточно, и денег хватало всем. Многие нынешние молодые коммунисты утверждают, что мы, «революционеры 32-го года», были людьми с мышлением ремесленника, высшая цель которых состояла в том, чтобы открыть свою мастерскую и нанять рабочих. Но это совсем не так: что касается меня, например, то если в тот или иной период моей жизни у меня и была своя мастерская, то это объясняется необходимостью иметь возможность решать насущные повседневные проблемы, одеваться, есть и т. д. Кроме того, мастерская зачастую служила средством защиты от действий врага, так как она давала определенный вес в обществе, позволяла завязывать многочисленные связи, служила прекрасным прикрытием — все это было очень необходимо в организационной и революционной деятельности. Как только я почувствовал, что наша мастерская обрела довольно прочные позиции, я решил расширить поле своей деятельности во всех направлениях. Прежде всего, чтобы проникнуть в более широкий район, мы включили в сферу продажи нашей продукции такие поселки, как Тенансинго, Перулапия, Сан-Педро-Перулапан, которые вскоре стали для нас столь же удобным полем деятельности, как и Сан-Мартин. Во-вторых, я решил сделать более разнообразными наши общественные связи: на заднем дворе дома, который занимала мастерская, было сделано приспособление для показа кинофильмов, мы стали организовывать занятия спортом. Наш «кинотеатр» имел огромный успех. Мы брали аппарат напрокат и показывали фильмы по вечерам, при большом стечении народа. За вход платили всего несколько сентаво, но тем не менее этого хватало для уплаты за аренду аппарата и фильмов, да еще кое-что оставалось для общего фонда, который мы образовали в мастерской. Небольшой оркестрик из четырех музыкантов сопровождал показ фильмов, и их бог тоже на забывал, как говорят у нас в народе. Помню, что больше всего нравились фильмы с участием Чарли Чаплина; показывали мы также, если память не изменяет, и фильмы Рамона Наваро, но в основном это были фильмы, о которых больше я никогда не слышал. Думаю, что то были мексиканские или американские с участием мексиканских актеров. В области спорта мы начали с организации команды боксеров. Боксерами стали я и мои товарищи. Раз в неделю мы проводили бой четырех пар, причем партнеры менялись. Но здесь возникло одно не совсем удобное обстоятельство: дело в том, что бои между одними и теми же партнерами повторялись и зрители начали скучать, так как за столько боев уже был выявлен сильнейший и заранее был известен победитель. Кроме того, молодых людей поселка не очень увлек бокс, так как после первых обменов ударами они входили в такой раж, что готовы были драться насмерть, а некоторые пытались закончить спор на ринге дракой на ножах

или мачете. Во время этих выступлений я больше десятка раз побывал в кокауте. Дело кончилось тем, что все мы вошли в местную футбольную команду, а боксерские перчатки и прочее снаряжение пришлось продать по бросовой цене.

Но тем не менее вся эта деятельность приносила положительные результаты: мы все больше и больше связывались с народом, непосредственно знакомились с его проблемами, его горестями и радостями. Что до меня, то мой небольшой опыт, полученный во время предыдущей политической кампании, убедил меня в том, что я блуждал в потемках и поэтому был обязан учиться, накапливать знания, с тем чтобы вновь посвятить себя рабочему и революционному делу. Вот почему в период моей работы в мастерской в Сан-Мартине я много читал, понимая, что это мой долг и что только так смогу в будущем с большей ответственностью, с большим пониманием сути дела работать в нашем профсоюзе. Я пытался возместить чтением отсутствие связей с рабочим движением в Сан-Сальвадоре, которое в это время действительно начинало становиться на ноги. Я не отчаивался от того, что не занимался практической работой, так как знал, что мне неизбежно придется заняться этим и что, когда наступит этот момент, он не должен застать меня в положении человека, пытающегося по тревоге спешно натянуть штаны, что необходимо встретить этот момент во всеоружии. Я стал большим поклонником поэзии, она подогревала мое воображение. Моими любимыми поэтами были Рубен Дарио, особенно те его стихи, в которых он восставал против Рузвельта и «северного орла», дон Франсиско Гавидиа с его поэмами, клеймившими тиранов в наших странах, Висенте Акоста и другие. Мне нравилась также романтическая и лирическая поэзия, поэмы-мистерии. Вспоминаю стихи молодой Лидии Вальенте, которые я даже декламировал в кругу своих друзей. Даже сейчас помню одну из ее поэм, которая начиналась так: «Или быть, или не быть ничем...» Я с жадностью проглотил книги Камило Фламариона; хорошо помню, какое впечатление произвела на меня книга Баррето «Религия, доступная для всех», которая вызвала яростные нападки священнослужителей. Но самым любимым моим писателем в то время был Альберто Масферрер. Я покупал, дарил и вновь покупал его «Проклятые деньги». Бывали случаи, когда я выходил на дорогу с десятком-другим экземпляров этой книги и дарил ее встречавшимся мне погонщикам, умевшим читать, с одной просьбой — рассказать о ней окружающим во время ночевки. Я с моими товарищами по мастерской посещали также места, где тайно торговали спиртными напитками. Ходили туда мы все вместе, потому что это было небезопасно. Мы вели антиалкогольную пропаганду, причем многие аргументы чер-

пали из книги дона Альберто *. С тех пор у меня сложились очень хорошие отношения с крестьянами.

Так называемое «общество» Сан-Мартина в свою очередь обратило внимание на меня. Богатеи, господствующие классы прибирают к рукам все, и людей тоже. Если кто-нибудь из бедного класса выделяется благодаря своим способностям, то они немедленно стремятся протянуть ему руку — правда, не снимая перчатки, — с тем чтобы поставить его себе на службу. Так настал день, когда несколько местных сеньоров пригласили меня быть членом местного «общества», своего рода клуба, который существует почти во всех поселках и городах и объединяет «порядочных» людей. Я все откладывал в долгий ящик решение этого вопроса, так как к тому времени уже был уверен, что мое место в обществе было не там, а в гуще бедноты, народа, где я родился и где я умру. Тем не менее местные господа не сдались и не сразу отказались от методов своего клана, в рамках которого не последнее место занимали месть и тонкий соблазн. К праздникам святых покровителей меня назначили старшиной в центральном, то есть в их, районе, на меня посыпались многочисленные приглашения. И хотя я не отвечал грубостью и участвовал в их праздниках и наносил многочисленные визиты, тем не менее моя душа и сердце были устремлены в ином направлении — к Сан-Сальвадору, откуда приходили сообщения об успехах молодой Региональной федерации сальвадорских трудящихся, объединившей нарождавшееся профсоюзное движение страны в такой степени, в какой этого не сумела сделать ни одна организация, существовавшая ранее в Сальвадоре.

Одно совершенно неожиданное событие открыло выход из этого периода моей жизни, который уже порядочно затянулся. Оно было связано с моей первой любовью. Хочу сказать, что речь идет о первой серьезной любви. До этого у меня были связи с женщинами, но ни одна из них не задела меня за живое. Несмотря на свою молодость и довольно большую популярность среди девушек, мне удалось избегать «кубончных» проблем. Вот почему, если я являлся организатором праздников, матери спокойно доверяли мне своих дочерей с наказом присматривать за ними и заботиться о них. Я даже ходил с группами девушек на речку и ни разу не дал пицци для сплетен кумушек поселка, каких хватает в каждом небольшом местечке. В народе правильно говорят, что, чем меньше де-

---

* Альберто Масферре — идеолог мелкой буржуазии Сальвадора, один из основателей и руководителей Трудовой партии Сальвадора, которая пришла к власти на выборах 1931 года. — *Прим. ред.*

ревня, тем длиннее языки соседок. Среди девушек была одна, с которой я дружил больше, чем с другими, потому что меня связывали с ней чисто родственные узы — это была моя двоюродная сестра Карменсита, дочь моего дяди Фелисиано, мужа сестры моей матери. Молодая прелестная девушка, она напоминала олененка: живые глаза, порывистые движения... За ней вечно таскалась толпа поклонников, а я, будучи ее двоюродным братом, делал вид, что она мне безразлична, хотя и сходил с ума. Постепенно я сделался поверенным ее тайн. Она рассказывала мне обо всем, а я старался давать ей искренние и разумные советы, хотя это были советы молодого человека, а не ворчливого деда. Однажды случилось так, что командир поста национальной гвардии, телеграфист и трое из музыкантов оркестра поселка (того самого, что сопровождал наши киносеансы) одновременно влюбились в нее. Карменсита не только не отдавала предпочтения кому-либо, но и отвергала всех их. Правда, это ее не радовало, так как эта пятерка стала смертельно враждовать между собой. Я советовал ей вести себя корректно со всеми, так как любое кокетство в таких условиях было бы равносильно команде «огонь!». Наверное, моя поддержка в эти дни и привела к тому, что наша дружба стала еще крепче. А коль скоро все пятеро претендентов видели, что она питает ко мне большое доверие и нежность, то стали ревновать еще больше. Все вместе и каждый в отдельности они стали распускать злые слухи в отношении нас с Карменситой. Вскоре эти слухи дошли до ушей моего дяди Фелисиано, и произошел взрыв. Дядя, охваченный приступом бешенства и не задав мне даже пары вопросов, посчитал за правду то, что было лишь сплетней: я якобы жил с Карменситой, она была моей любовницей. И как часто происходит в таких случаях, вместо того чтобы спокойно разобраться в этом, он передал дело властям к огромной радости моего самого яростного соперника — местного командира национальных гвардейцев, который был безумно влюблен в «соблазненную» мной. Меня арестовали и как насильника направили в распоряжение суда Тонакатепеке. И пока я, хлопывая по ягодицам в такт шагам связанными руками, как будто благословляя их, в сопровождении пары гвардейцев шагал в суд, дядя Фелисиано выгнал свою дочку, а мою двоюродную сестру из дому, хотя «обещана» она была лишь на словах. Тем временем мой отец нанял адвоката, который добился постановления о моем освобождении под залог. И меня действительно отпустили на полпути в суд, прямо на дороге, когда адвокат нагнал нас. Он скакал верхом на лошади, а мы плелись пешком по горной дороге. Да, я был освобожден (хотя и под залог), но тем не менее чувствовал такую горечь и сердечную боль, что решил не возвращаться в Сан-Мартин. Я направился прямо в Сан-Сальвадор, а своим товарищам по

мастерской направил просьбу постепенно продать мое имущество и выслать мне деньги.

В Сан-Сальвадоре я остановился у друзей, но скоро нашел работу в хорошей мастерской и смог снять себе комнату. В столице буквально бурлила политическая жизнь, и самым активным ее центром были рабочие организации. С этого момента раз и навсегда со всем пылом души я погрузился в дела революционного движения.

Что же до Карменситы, то она вслед за мной также пришла в Сан-Сальвадор и нашла меня на моем новом месте работы. Она была грустна, ее отвергли отец и семья, но она была готова к новой жизни. Она сказала мне, что если сплетни в отношении ее «падения» действительно были сплетнями, то сплетнями уже нельзя было считать ее чувства ко мне, потому что она любила меня и действительно хотела стать моей женой, а не быть ею лишь в людских сплетнях. Я все еще попытался объяснить ей, что жизнь рядом со мной будет трудной и голодной, что она еще слишком молода, чтобы взваливать себе на плечи такой груз, что, может быть, ей было бы лучше попросить у отца прощения и вернуться домой. Но она продолжала стоять на своем, и я подумал: а зачем мне отворачиваться от улыбки судьбы? И Карменсита стала моей женой. Очень скоро я был так влюблен в нее, как только может быть влюблен в таких случаях молодой человек, у которого вся жизнь впереди. И несмотря на все то, что случилось спустя годы и о чем читатель узнает в конце истории моей жизни, которая является также и частью истории многих людей, встретившихся на моем пути, любивших или ненавидевших меня, я никогда не раскаивался в том, что женился на Кармен и так сильно любил ее. С момента нашей женитьбы она всегда была верной, самоотверженной, одновременно терпеливой и мужественной подругой, отличной матерью для наших детей и прекрасной женой. И пока она боролась с жизненными невзгодами рядом со мной, это была та идеальная женщина, о которой мечтают все революционеры.

Прежде чем продолжить описание истории своей жизни, я хотел бы сказать несколько слов о президенте того периода, об Альфонсо Киньонесе Молине. Из всего уже сказанного видно, что клан Мелендесов—Киньонесов правил Сальвадором как своим поместьем, распоряжался как своей собственностью. Так вот, Киньонес был одновременно адвокатом, цепным псом, надсмотрщиком и наемным убийцей в этом «поместье». С одной стороны, он прибегал к репрессиям, с другой — к подкупу. Ему повезло — в тот период на мировом рынке держались высокие цены на кофе, в результате чего он получал около сорока миллионов колонов в год. Это был продажный человек, склонявший к продажности других и имевший средства для подкупа. Своим «слушачам» он давал разрешения на произ-

водство спиртного, любовниц назначал начальницами налоговых управлений и даже шефами полиции в деревнях, поселках и городах. Он страдал манией величия, обожал рекламу и тратил миллионы на пропаганду своей личности. Крупные американские и европейские акулы баснословно наживались, используя эту слабость: они широко рекламировали его за рубежом. Но народ ненавидел его всеми фибрами души, и напоминание о нем все еще вызывает у людей гримасу отвращения. Методы правления Киньонеса были методами Оскара Осорио в 20-х годах.

Глава III

ЗАРОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В САЛЬВАДОРЕ

Моя деятельность в рабочем движении Сан-Сальвадора носила самый разнообразный характер. Несмотря на любовь к чтению и тягу к культуре, нехватка знаний очень давала знать о себе. Вот почему я стал одним из самых активных слушателей так называемого «Народного университета», созданного Региональной федерацией профсоюзов. Во всей деятельности «Народного университета» явно ощущались антиимпериалистические настроения, классовые позиции федерации и, естественно, если учитывать время, то и симпатии к борьбе Сандино. Нет сомнения, что в те бурные годы фигура героического никарагуанского руководителя партизан являлась символом всех наших политических устремлений, пусть еще и не совсем четких. Ведь Сандино шел по пути, который был и остается актуальным для дела освобождения наших народов, — по пути борьбы против американского империализма (и не какой-то абстрактной борьбы, а той конкретной борьбы с оружием в руках, в которой участвовали лучшие люди). Именно в «Народном университете» я познакомился с Агустином Фарабундо Марти, ставшим нашим партийным руководителем во время событий 1932 года. Именно в «Народном университете» демократическим путем Марти был избран нашим представителем, который вместе с другими сальвадорскими трудящимися отправился сражаться в партизанскую армию Сандино. Преподавателями в университете были демократически настроенные представители интеллигенции, такие, как доктор Сальвадор Рикардо Мерлос; они читали нам лекции по вопросам экономики, права и политики. К счастью, все наши преподаватели настойчиво проводили мысль о том, что главным врагом наших народов является американский империализм, и в самых общих чертах раскрывали нам картину структуры общества, разделенного на классы. Что же касается идеологии пролетариата, то о ней рассказывали лишь бегло, отрывочно, причем здесь чувствовалось и незнание, и идеализм, и отсутствие знакомства с историческими фактами, и даже продуманное извра-

щение тех или иных положений, которое уже тогда стало про являться в ряде конкретных случаев.

Но несмотря на это, наш интерес к учебе не остывал. Мы, слушатели «Народного университета», чувствовали себя на положении человека, который наконец увидел свет, предвещавший выход из мрачного и страшного лабиринта. Учеба в «Народном университете», а также пропагандистская работа, проводимая мной среди рабочих — членов нашего профсоюза, привели меня к пониманию того, что в сложившихся обстоятельствах было бы глупо думать, что только в Сан-Сальвадоре найду убежище от всех моих личных горестей... Я не должен был замыкаться в границах столицы, так как начинал чувствовать себя своего рода носителем новой правды и считал, что прежде всего я обязан поделиться этой правдой с людьми тех мест, где родился и вырос, с людьми, которые стали для меня уже родными. В конце концов, ведь причина моего бегства из Сан-Мартина перестала существовать, когда мы с Кармен официально оформили наш союз, и даже ее отец, Фелисиано, вновь заговорил со мной, убедившись в том, что мое отношение к его дочери было серьезным, что основой нашего союза была взаимная любовь.

Когда я отвечал на занятиях в «Народном университете», то мне стоило большого труда побороть внутреннее сопротивление, моя речь была какой-то сумбурной, не связанной. Но этого со мной никогда не случилось в Сан-Мартине, Илопанго и в других местах: ведь я знал и любил там всех, так как все там знали меня и отвечали мне взаимностью, и был уверен в том, что мои слова дойдут до слушателей. Так постепенно, не оставляя пропагандистской и организационной работы в Сан-Сальвадоре, я стал вести ее и в родных местах. Скоро занялся еще одним делом, которое было совершенно неожиданным для моих земляков: я стал распространителем газеты «Эль Мартильо» * — официального органа Региональной профсоюзной федерации. Постепенно моя деятельность в качестве пропагандиста и продавца газеты обрела характер того, что мы сегодня назвали бы «мгновенными митингами», а от этого уже было относительно легко перейти к проведению настоящих митингов-собраний, которые устраивались каждую неделю. С самого начала мне стало ясно, что в районе Илопанго существуют хорошие возможности для организации трудящихся. В качестве первого шага я привлек нескольких товарищей из Региональной федерации к пропаганде и продаже «Мартильо», добивался, чтобы наши собрания приносили бы уже какие-то результаты в организационном плане. На этих митингах мы разъясняли трудящимся деревень и поместий,

---

* *Эль мартильо* — молот. — Прим. ред.

ремесленникам и крестьянам те большие выгоды, которые приносит объединение в профсоюзы, мы объясняли, за что следовало вести борьбу в рамках законности.

Люди также рассказывали о своих трудностях, о той чудовищной нищете, в которой им приходилось биться, о произволе, постоянн чинимом хозяевами и властями. Контакт между нами и местными тружениками можно было сравнить со своего рода электрическим разрядом — мы с самого начала добились блестящего результата, так как наши слова падали в почву, «удобренную» многими годами страданий, оскорблений, нищеты и обмана со стороны «традиционных» политика-нов. Не всем все сразу стало ясно. Но какой-то свет уже появился. Мы так «нажали» в нашей работе, что реакционные власти «сделали стойку» * и начали следить за нами, контролировать каждый наш шаг и злобно преследовать нас. Но мы не дали себя запугать, да и народ не отступил. Какого дьяво-ла — ведь мы только начали ту борьбу, которую не закончили еще и сегодня!

Однажды, когда я несколько увлекся, мне бросила вызов сама национальная гвардия. Меня арестовали в результате жалобы армейского кантонального начальника района Сан-Мартин — подлеца по имени Кабальеро. Дело в том, что каждое воскресенье армейский гарнизон проводил свой парад, а местные призывники были обязаны присутствовать на нем. Так вот, вместо того чтобы глазеть на этот парад, они в воскресные дни стали приходить на те митинги, которые мы устраивали для продажи «Мартильо» и где мы разъясняли собравшимся главные положения основных статей газеты. Меня отвели в помещение национальной гвардии, обвинив в том, что я заставлял резервистов нарушать их воинский долг. Начальник национальной гвардии начал читать мне нотации. А я, отвечая ему, вытащил из кармана экземпляр — он всегда был со мной — действовавшей в то время конституции страны и начал читать ему некоторые статьи, чтобы доказать, что мы, активисты Региональной конфедерации трудящихся, лишь пользуемся своим конституционным правом, когда проводим митинги, и поэтому я должен быть немедленно освобожден. Начальник не стал возражать, но перед тем, как отпустить меня, сказал мне: «Запомните, что, отпуская вас, я теряю на этом 25 колонов. Дело в том, что я получил циркулярное письмо генеральной дирекции национальной гвардии, в котором говорится, что такая сумма выплачивается за поимку каждого такого, как вы». «А кто эти «вы»?» — спросил я. «Да все вы, агитаторы». Я вышел из помещения, чтобы не дать ему время

---

* Имеется в виду «стойка» охотничьей легавой собаки, почуявшей дичь. — *Прим. ред.*

раскаяться и задуматься об этих 25 колонах. И сделал это очень своевременно, так как потом узнал, что меня разыскивали, чтобы вновь арестовать. Наша задача заключалась в том, чтобы закрепиться в этом районе. Мы уже всерьез взялись за организационную работу, она стала для нас делом чести. Ряды рабочих Сан-Сальвадора в значительной мере пополнялись за счет жителей сельских районов — Апопы, Нехапа, Кесалтепеке, Сан-Мартина, Илопанго и других. По субботам и воскресеньям они в своей массе были готовы к участию в политических мероприятиях, но не на месте работы, а там, где жили. Вот почему мы должны были идти туда, к их домишкам, где они отдыхали от тяжелого труда. Кстати, власти почти не держали в этих пригородных районах полицейские силы. Кроме того, здесь имелось множество поселков, разделенных друг от друга горами и большими расстояниями. Вот почему, когда мне стало трудно уходить от преследований в Сан-Мартине, я занялся политической деятельностью в Илопанго, а в Сан-Мартине эту работу продолжили другие товарищи, которые были меньше известны властям.

С Илопанго у меня связано воспоминание об одной из самых больших удач организационной работы того времени. Мой родной поселок казался, как и раньше, каким-то сонным царством, где суровая, глухая ко всему жизнь текла без особых событий. Но эта привычная для меня с детства картина на самом деле скрывала за собой народное недовольство, от которого был всего лишь один шаг до взрыва; оно таило в себе огромную силу, ждавшую выхода, с тем чтобы стать бурным и энергичным протестом против несправедливости и нищеты. Но несмотря на действительно позитивные перспективы, которые открывало это реальное положение, несмотря на доброе отношение соседей лично ко мне, мне было не так-то легко завоевать Илопанго в политическом отношении, то есть внушить людям мои идеи борьбы за свободу. Нет никакого смысла приукрашивать действительность, надо показать ее такой, какой она была. Дело в том, что разрушение «брони» традиций, страхов, предубеждений, особенно традиций, — дело архитрудное. Вначале люди избегали меня, и в ход пошли выдумки самого дикого характера: что я, мол, был евангелистом, лютеранином, масоном и так далее. Я не знаю, откуда пошли эти слухи, так как в наших разговорах мы никогда не касались религиозных тем и не выступали против католических священников: мы достаточно хорошо знали обстановку религиозного фанатизма в стране, особенно в те времена.

Столкнувшись с таким положением, которое угрожало провалом наших первых же усилий, я решил, что, прежде чем начинать широкую организационную работу среди масс, именно среди масс, мне следовало бы обратиться к друзьям

и создать небольшую группу, своего рода ячейку, которая впоследствии могла бы направлять, организовывать и руководить всей работой. Так, не зная еще революционной теории, я стал следовать одному из ленинских указаний — о создании ядра с целью мобилизации масс. Мне очень повезло в этом деле, потому что созданная группа действительно оказалась отличной во всех отношениях. Именно тогда мне удалось привлечь к делу рабочего движения, мировой пролетарской революции сапожника Исмаэля Эрнандеса — о нем я еще расскажу в моих записках, — Висенте Ассенсио, честно боровшегося за наше дело всю свою жизнь, Марселино Эрнандеса, пекаря, который был расстрелян рядом со мной в 1932 году, рыбаков Рейеса Пресентасиона и Андреса Маррокина, ставших в дальнейшем активными членами нашей коммунистической партии. Все они были верными товарищами; они-то и образовали ту группу, которая позволила нам полностью заняться проблемой организации населения района Илопанго.

Ради истины следует сказать, что не мы первыми предприняли попытку организовать население в этом районе. Несколько прогрессивно настроенных человек уже не раз пытались организовать трудящихся и крестьян всех деревень, расположенных вблизи озера, но все эти попытки закончились неудачей. Вот почему они с большим пессимизмом относились к нашей работе, скептически рассматривали наши шансы на успех. Среди этих людей можно назвать школьного учителя Эктора Калеро, железнодорожника по имени Бенхамин, бывшего в то время начальником станции и имевшего достаточно большое влияние в поселке. Все они упорно твердили, что здесь поделаться ничего нельзя, потому что все люди здесь были какими-то тупицами, не понимавшими даже собственных интересов. Мы же подозревали, что они в своей работе, совершенно не учитывая реальных проблем, с которыми сталкивалось население, с самого начала воздвигли непреодолимую стену между собой — «грамотными» — и местными жителями — «тупицами», по их выражению.

Мы же начали свою работу с того, что стали внимательно изучать положение местных жителей: нам нужно было знать, чем может заинтересовать их организация, на чем она может быть основана, с какой целью, каким образом внушить людям, что они нуждаются именно в этой организационной форме, а не в иной. Мы точно попали «по шляпке гвоздя», и люди восприняли идею организации как майский дождь. Мы избегали абстрактных лозунгов, организации ради организации — такой организации, которая основывалась бы на пустой болтовне, не берущей никого за живое. Нет, прежде всего мы вытащили на божий свет существо проблем, а затем только стали показывать, что организованность является единственным сред-

ством их разрешения. Созданное нами ядро наладило большую агитационную работу. Наши товарищи проводили ее кропотливо, включая беседы по душам с отдельными людьми. Так постепенно создавались условия для превращения Илопанго в настоящий очаг национального рабочего движения, в опорный пункт осуществления революции в Сальвадоре. После того как мы посчитали законченным первый этап нашей работы — этап агитации, — следующим нашим шагом на пути подлинного сближения с массами явилось создание организации, которую мы окрестили «Обществом рабочих, крестьян и рыбаков Илопанго». Это было смешанное общество, в этом районе оно стало прародительницей профсоюза, объединявшего трудящихся независимо от их профессии. Наше Общество особое внимание уделяло рыбакам, в силу того что они составляли большинство и в силу их высокого боевого духа. Однако эта «неоднородность» Общества проявлялась в самых различных формах и объяснялась не только участием в нем трудящихся разных профессий и связанными с этим определенными столкновениями интересов. Нет, в нашей молодой организации возникли проблемы, связанные, так сказать, с «борьбой поколений». Люди зрелого возраста выступали против смелых предложений молодых, и нам пришлось искать какой-то выход; он был найден — в создании более или менее самостоятельного молодежного отделения Общества, которое в конце концов стало выполнять наиболее трудную работу, то есть занялось практической работой по организации остальной части населения нашего района, по привлечению их в наши ряды.

Другая трудность была связана с отношением к Обществу женщин. Женщины этих мест с самого начала были настроены против нас. Под влиянием священника именно они в основном и распространяли слухи о том, что мы, рабочие из Сап-Сальвадора, являемся евангелистами или масонами, что, естественно, сильно задевало католические чувства всего населения. К счастью, мы хорошо знали, что женщины Илопанго, как, впрочем, и в остальных местах страны, сталкиваются с большими материальными трудностями, и с учетом этого мы и повели нашу работу. Значительная часть женского населения Илопанго и прилегающих к нему местечек жила за счет продажи рыбы, которую они покупали у рыбаков. Ведь и моя мать кормила этим меня и моих сестер. Небольшая группка богачей местечка одалживала этим «покупательницам-продавцам» деньги, с тем чтобы они могли купить утренний улов рыбы, а требовали от них «только» десять сентаво за каждое песо в день. Другими словами, за эту ссуду женщины должны были платить «умеренные» 10% в день. И вот та, которая получала утром ссуду в три песо, должна была заплатить рыбаку за рыбу, затем обойти с ней дом за домом с целью продажи, вернуть

вечером три песо и тридцать сентаво богатею, да еще ухитрится что-то заработать себе и своей семье на жизнь. И вот так целый день бедные женщины мотались как угорелые, пытались продать свой товар; иногда им этого вовсе не удавалось или они продавали столько, что не хватало для возврата ссуды и уплаты процентов и т. д. Богатеи же требовали уплаты долга, и здесь им на помощь приходила национальная гвардия. Кроме того, если для уплаты процентов не хватало нескольких жалких сентаво или если бедная женщина не исполняла какого-либо каприза богатея, то на следующий день у нее не было никакой надежды на получение ссуды. Положение этих женщин было невыносимое, чудовищное.

В самом начале мы создали так называемую «народную копилку», с тем чтобы покончить с этой преступной эксплуатацией; кстати, в эту «копилку» мы отдали все наши сбережения. Нашей «копилки» хватило для того, чтобы выдавать ссуды продавщицам рыбы с выплатой «трех сентаво за песо в течение недели», то есть 3% за неделю. Сами факты убедили женщин в том, что наше Общество действительно было выгодно для них и для всех бедняков. Они перестали относиться к нам с враждебностью и в своей массе перешли на нашу сторону. Я повторяю, что именно в таких нехитрых вещах и заключался великий секрет нашей тесной связи с сальвадорскими массами, которую реакционные силы приписывали таинственным средствам, полученным нами из России или от сил ада; мы устанавливали связи с народом путем борьбы за его насущные интересы, мы старались попасть точно в цель, стремились «исцелить его язвы не только молитвами», но и лекарствами. После успешной деятельности нашей «копилки» мы создали благотворительное общество, предназначенное для оказания помощи всем жителям, независимо от того, состояли ли они членами нашего общества или нет. Это общество занималось, в частности, оказанием помощи больным, оно помогало перевозить их в больницу Сан-Сальвадора, когда это требовалось (а ведь в то время плата за наемный автомобиль или за такси, как его зовут теперь, от Илопанго до Сан-Сальвадора составляла 30 колонов или даже больше, то есть превышала месячный заработок большинства жителей нашего района), организовывало посещение больных, покупало или «доставало» им лекарство и т. д. В эту работу включились и самые ярые реакционеры — католики, от которых нам раньше не было житья. Священник не смог найти убедительного объяснения, каким образом «евангелисты» и «масоны», враги бога и друзья дьявола, вдруг занялись такой не виданной доселе формой христианской благотворительности.

Как только мы достаточно окрепли для того, чтобы снять подходящее помещение, мы создали наш культурный центр,

который являлся своего рода филиалом в Илопанго «Народного университета» Сан-Сальвадора. И в этом культурном центре мы выступали на всевозможные темы: история, литература, естественные науки. Рассказывали об искусстве и о различных профессиях. В нашем культурном центре выступали наиболее видные ораторы Сальвадора того времени, такие, как доктор Сальвадор Рикардо Мерлос, профессор Чико Моран, Сойла Архентина Ховель, а в более поздний период и даже зарубежные революционеры, как, например, перуанский товарищ Эстебан Павлетич, который, как и Фарабундо Марти, сражался в отрядах Сандино. Когда наступал день лекции — он, как правило, совпадал с программой, носившей название «веселого воскресенья», — мы парами отправлялись на железнодорожную станцию встречать выступающего. Таким образом все население узнавало о том, что мы что-то планируем, и множество людей пополняло наши ряды. Некоторые посещали нас из чистого любопытства и пытались докопаться до мотивов нашей деятельности. Группки молодых людей и стариков приходили к нам так, будто они сделали это против своего желания, усаживались в молчании, выслушивали выступления и уходили, не произнося ни слова. Но таких было меньшинство. Основная масса активно участвовала во всем происходившем. Во время лекции о каком-либо разделе ботаники или минералогии устраивались пешие прогулки по окрестностям, во время которых лекции подкреплялись иллюстрацией на практике. Говорят, что такими были школы в Древней Греции и что поэтому ученики усваивали больше: ведь они были в постоянном контакте с природой. Может быть, поэтому греки и были тем, кем они были. Интерес населения Илопанго и окружающих поселков к нашим мероприятиям был очень велик, и мы со своей стороны делали все возможное для того, чтобы еще больше увеличить его. После лекций мы устраивали лотереи с занятыми призами, а также танцы под гитару и мандолину, что особенно привлекало молодежь. И если бы потребовалось дать цирковое представление, мы бы не задумываясь «пошли» в клоуны или канатные плясуны, даже если бы нам пришлось поломать кости.

Одновременно мы организовали библиотеку, где выдавали книги на дом. Кстати, почти весь книжный фонд был подарен нам — чего только не бывает в жизни — начальником укрепленной гарнизона Илопанго генералом Антонио Клараментом, тем самым Клараментом, который впоследствии стал чечным кандидатом на пост президента республики Сальвадор и обманывал столько людей своими предвыборными обещаниями. Все мы, активисты Региональной конфедерации, участвовали в работе Общества, понимали, что при его помощи мы создаем условия для того, чтобы наши связи с народом, наша пропа-

ганда освободительных идей в народе была бы постоянной. Кроме того, успех нашей деятельности был очевиден, и это умножало наши силы. Естественно, что не все шло гладко — помимо того, что власти смотрели косо на нашу деятельность и время от времени осуществляли репрессивные меры, мы не должны были забывать о хорошо известных злых языках. Хозяева из Илопанго пускали в ход всевозможные слухи: в деятельности нашей организации есть, мол, много странного, ведь никто не делает добрых дел бесплатно, что отцы не должны разрешать своим дочерям участвовать в деятельности нашего общества, если «они не хотят, чтобы те в конце концов забеременели, да еще неизвестно от кого». Мы, в свою очередь, отвечали им словами Христа о том, что человека можно познать через труды его, и еще чем-то в этом роде. Мы развернули широкую кампанию против потребления спиртного. В Илопанго, который, как я уже говорил, был небольшим поселком, насчитывалось свыше полудюжины кантин * и устрашающее число горьких пьяниц. Дело в том, что пьянство всегда было страшной проблемой в нашей стране, ничего подобного, думаю, не было в любой другой стране мира. Я считаю, что в день свершения революции в Сальвадоре нужно будет сразу же перекрыть поток гуаро, иначе все достигнутое полетит к чертям. Даже моя сводная сестра Луиса Чикас была в то время, бедняжка, страшной пьяницей. Зачастую она засыпала на улице или где-нибудь в диком кустарнике — там, где ее сваливал алкоголь. Она уже потеряла всякий стыд и частенько напивалась в дым. Так вот, в результате нашей кампании нам удалось спасти многих завязятых любителей спиртного и среди них — мою бедную сестру. Мы добились также того, что власти закрыли четыре кантины.

Все эти успехи нашего Общества помогли мне в личном плане: отец мой стал по-доброму относиться ко мне, по крайней мере в то время. Однажды он встретился со мной и в разговоре сказал, что чувствует угрызения совести, так как не уделял мне внимания, однако я доказал, что вырос хорошим человеком, и таким сыном мог бы гордиться даже самый требовательный отец. Он предложил мне переехать в один из принадлежавших ему домов, который он передаст в мою собственность. Я принял предложение, и вместе с женой мы перетащили наши пожитки в этот дом. Вслед за этим отец пообещал мне дать займы на длительный срок три тысячи колонов, с тем чтобы я вложил их в торговлю кофе и тем самым обеспечил бы себе сносное существование. Я ответил, что мне нужно подумать. Через неделю он вновь встретился со мной и сказал, будто считает дело с кофе ненадежным, но у него, мол, готов другой

---

* *Кантина* — буфет, закусочная. — *Прим. ред.*

план: эти деньги можно было бы вложить в создание магазина в центре поселка, и я должен стать во главе этого дела. Мой папочка разливался соловьем, стремясь доказать, что это дельце принесет выгоду нам обоим. «Но для того, чтобы работа шла успешно,— заметил он как бы мимоходом,— есть одно условие: ты должен бросить эти дурацкие занятия политикой, так как в твоём нынешнем состоянии любые капиталовложения обречены на провал». Я отверг его предложение, сказав, что, как мне показалось, он собирается купить меня, а это мне совсем не нравилось. Отец ушел в страшном возмущении, ведь я заявил ему, что меня и раньше пытались соблазнить деньгами и долей в прибылях, но соблазн этот исходил от любвеобильных женщин... Вечером этого же дня появились другие сыновья моего отца со своими работниками, они разрушили крышу дома, и мне пришлось покинуть его на следующий день.

Деятельность нашего Общества распространилась и на такие аспекты, которые входили в сферу деятельности муниципалитета и даже правительства страны. Например, она касалась ремонта местных дорог и строительства новых, в которых была острая нужда. Чтобы продолжить дорогу от Илопанго к шоссе, соединявшему Сан-Сальвадор с Сан-Мartiном, мы добились того, что некоторые владельцы уступили нам часть своих земельных владений, передали право на проезд и т. д. Население охотно откликнулось на призыв о помощи в строительстве дороги. Я помню, как из Санта-Мария-Остума прибыли группы людей, на своих лодках они пересекли озеро, чтобы принять участие в строительстве. Семьи, которые по тем или иным причинам не могли физически участвовать в строительстве, занимались тем, что приносили для строителей воду, еду, прохладительные напитки. Наша широкая деятельность в интересах общества стала известна и губернатору департамента, который направил муниципалитету Илопанго срочное указание немедленно приступить к строительству дороги (расходы он оплачивал из своих личных денег) от Илопанго в кантон Апуло, где имелся очень красивый пляж. Губернатор воспринял нашу деятельность как своего рода пропагандистскую работу какой-то новой политической партии, которая намеревалась принять участие в выборах. И он стремился вовремя «убить своего зверя», урвать свой кусок. Именно поэтому он попытался стать нашим конкурентом. Однако население было убеждено в том, что все эти планы в основном результат энтузиазма нашей группы и нашего Общества. Местные жители поддерживали нас, считая, что муниципалитет или губернатор должны осуществить свое намерение при помощи наемной рабочей силы: ведь они были обязаны заниматься этими делами по роду своей деятельности.

Эта примитивная форма организации на основе работы

сообща стала зародышем будущих профсоюзов в Илопанго и во всем районе. Деятельность Общества явилась своего рода школой и для других районов нашей маленькой страны. Я помню, как на собрании учителей в Ауачапане один из участников, Хосе Мария Мелендес, сказал: «В то время как во всех городах и поселках Сальвадора солнце заходит, в Илопанго занимается новая заря». А этой «новой зарей» были мы, наше Общество, планы организации населения в нашем районе. В сальвадорском революционном движении все еще много людей, которые свои первые шаги сделали в нашей школе, где жизнь была ключом. Вот почему в 1932 году силы карателей убили столько людей в этом районе, совершили столько чудовищных преступлений. Не думаю, что случайностью было и то, что меня расстреляли именно здесь.

Вся та деятельность, о которой я рассказываю в самой общей форме, имела то или иное значение, была необходима для того, чтобы твердо стать на ноги. Однако самые глубокие корни в этой благодатной «пролетарской почве» наше Общество пустило среди рыбаков. Они влачили самое жалкое существование, нуждались буквально во всем, но главными их требованиями были два. Основное выражалось в двух словах — «свободные берега». Помещики огораживали берега озера, примыкавшие к их владениям, и посылали своих работников ломать и сжигать жалкие лачуги рыбаков. Такое же положение было и на морском побережье, и на берегах крупных рек. Мы решили полностью поддержать рыбаков и начали широкую общенациональную (а не только в рамках Илопанго) кампанию, с тем чтобы правительство приняло закон о свободе действия на всех берегах — на полосе шириной в 100 метров, когда речь шла о морском побережье, в 50 метров — об озерных пляжах и в 25 метров — в отношении речных берегов. 900 рыбаков Илопанго, Мичапы, Чинамекиты, Тексакуангоса и Канделариа-Остума подписали петицию в адрес президента республики. Практически все группы рыбаков страны заявили о своей поддержке этой петиции.

Вся эта работа началась уже в конце 20-х годов. Кампания захватила¹ людей и получила отражение в печати. Требование рыбаков обрело характер национальной проблемы. Торговки рыбой единодушно поддержали наши позиции. В действительности это было первое широкое выражение огромных возможностей боевой организации трудящихся. Ведь мы действительно уже были организованной силой, хотя еще недостаточно мощной. Эта борьба продолжалась долгое время, она переплеталась с широкими выступлениями сальвадорских трудящихся за свои требования. Борьба сальвадорских рыбаков, оставившая след в истории страны, была прервана лишь после свер-

жения правительства Артуро Араухо (конец 1931 года). Я говорю об этом потому, что у нас была запланирована демонстрация в Сан-Сальвадоре с участием свыше тысячи рыбаков, но она не состоялась, так как в этот день был совершен государственный переворот и свергнуто правительство Араухо. К этому времени я уже был членом коммунистической партии, работал как представитель партии в общенациональном движении трудящихся крестьян. Деятельность «Общества рабочих, крестьян и рыбаков Илопанго» была как бы захлестнута этой широкой борьбой рыбаков, но оно отдало этой борьбе свой опыт, расширило рамки нашей деятельности, позволило выдвинуть более общие цели, которые до тех пор носили локальный характер. Естественно также, что, как только деятельность Общества обрела четко выраженный классовый характер, власти усилили преследования. Мы учились, как говорится, по ходу дела и вскоре могли продолжать работу, несмотря на репрессии. Да и стремление к созданию профсоюзных организаций стало таким, что уже нельзя было его подавить. Кстати, первые организационные шаги в этом плане были сделаны в нашем районе, именно в среде рыбаков.

Дело в том, что второе требование рыбаков (помимо требования «свободных берегов») заключалось в борьбе за создание кооперативов. Вот здесь-то мы полностью переключились на работу по созданию профсоюзов. Рыбаки, жившие в обстановке крайней бедности, понимали, что лишь объединенными усилиями они могли бы бороться с нищетой, пытаться улучшить условия труда, выступить против использования динамита или ядовитых веществ, которые приносили ущерб природной среде, за счет которой они существовали.

Должен сказать, что в самом начале эти требования носили характер вопросов, на которые не было ответа, но мы постарались дать этот ответ — нужна организация. Прежде всего это было создание кооперативов, которые больше соответствовали требованиям момента. Кооперативы отвечали нуждам трудящихся и не пугали буржуазные власти. Под лозунгом «Создадим кооперативы» мы добились объединения рыбаков. Многие из них впоследствии стали активными членами коммунистической партии; одни мужественно погибли во время кровавых расправ 1932 года, другие стали борцами-подпольщиками в период диктатуры Мартинеса и в последующие трудные годы. Эта борьба за создание рыбацких кооперативов позволила нам выйти за рамки работы среди рыбаков и установить контакты с батраками соседних поместий. Наша пропагандистская работа в поддержку их требований была, быть может, и примитивной, но тем не менее она носила наступательный, боевой, открытый характер и быстро нашла отклик среди этих пролетариев, живших в условиях чудовищной нищеты.

Наша первая работа в этом плане проводилась в поместьях «Коломбиа» (собственность семьи Саласар), «Алисиа» (кофейные плантации; если я не ошибаюсь, они принадлежали родителям того, кто стал президентом Сальвадора, — карикатурного диктатора Хосе Мариа Лемуса), «Новоа», «Эскобар» и других. В одном поместье, принадлежавшем чилийскому полковнику, который служил в сальвадорской офицерской школе, в качестве надсмотрщика работал Модесто Рамирес, член нашего общества, ставший затем одним из членов руководства партии (вместе с ним мы отправились в 1930 году в Советский Союз). Он оказал нам большую помощь в налаживании работы в этом районе.

Наша деятельность не ограничивалась агитацией, она носила главным образом организационный характер, и это понимали все. Успех пришел быстро. Особое впечатление на крестьянские массы произвела удавшаяся забастовка, которую мы организовали в поместье «Коломбиа» — здесь сельскохозяйственные рабочие требовали создания медпункта, повышения оплаты труда и улучшения рациона питания. В результате всех этих событий организация кооперативов отодвинулась на второй план и весь интерес сосредоточился на создании настоящих профсоюзов. В короткое время наше Общество рабочих, крестьян и рыбаков Илопанго превратилось в Профсоюз различных профессий Илопанго. Это уже было то, что отвечало нормам и установкам Региональной федерации. Наш профсоюз вошел в состав того организационного движения, которое разворачивалось по всей стране, перестал быть локальным «илопангским» явлением. Естественно, что наш профсоюз, ставший первым, не оказался последним. Через некоторое время мы создали профсоюзы подобного рода в Сантьяго-Тексакуангосе, Хойя-Гранде, Мичапе и в других местах. Здесь следует подчеркнуть, что сразу же после создания этих организаций их члены ясно заявили о том, что они вступили в них в силу интересов не только профессионального характера, но и политического. Как часто случалось, еще до того, как мы робко заговаривали о будущей борьбе данного профсоюза за повышение оплаты труда или улучшение питания, крестьяне сами начинали говорить о защите профсоюза от преследований и придираков судей, алькальдов и армейских начальников или даже о том, каким образом профсоюз должен был помочь поставить представителей рабочих и крестьян на государственные должности в районе, а если возможно, то и в департаменте, а то и на высшие должности в стране. Эти профсоюзы — при нашем содействии или без нас — начали устанавливать связи с подобными организациями в других районах страны и даже с организациями других стран.

В то время почтовая переписка еще слабо контролирова-

лась. Об уровне интернационалистского сознания того периода говорят многие факты. Так, например, профсоюз в кантоне Матасана взял себе имя Хулио Антонио Мелья *. В центральных районах Сальвадора профсоюзы брали себе имена Гуадалупе Родригеса и Иполито Ландеро — революционеров и крестьянских вожаков Мексики, убитых классовыми врагами. Этот зародыш пролетарского интернационализма, который в то время выражался в обращении к памяти павших в борьбе против буржуазии и империализма в Латинской Америке, развивался и стал ныне боевой традицией нашей коммунистической партии.

В этом плане следует еще раз сказать о том значении, которое имела для нас борьба генерала Сандино в Никарагуа. Антиимпериалистические настроения значительно окрепли во всех слоях сальвадорского общества, наша организационная работа опиралась на эти настроения и сама содействовала их углублению и расширению. Ведь в те времена день рождения дочери какого-нибудь соседа или церковные процессии в честь Святой Девы неизменно заканчивались здравицами в честь героя-партизана из Сеговии, проклятиями в адрес убийц-янки. Я помню, как на одном собрании я вынудил скандировать «Да здравствует Сандино!» даже моего отца. «Ведь поймал меня этот сопляк», — ворчал отец, хотя в душе он и не сердился. А ведь подобные лозунги были запрещены: за один такой выкрик можно было свободно угодить в тюрьму.

С того момента, как мы начали борьбу за насущные требования рыбаков, как я уже говорил, местные и столичные власти отметили нас красным крестом и усилили преследования. С ростом же кооперативного движения, с увеличением числа забастовок, возникновением профсоюзного движения репрессии стали еще более жестокими. Правительство направило подкрепления всем силам безопасности и отдало приказ всячески душить нашу работу. Но мы уже многому научились. Кроме того, нас поддерживала основная масса населения, до которой все лучше доходил смысл политической борьбы в стране.

В результате этого мы сумели — по крайней мере в течение определенного времени — успешно противостоять попыткам властей уничтожить наши организации и вытеснить нас из этого района. Огромное значение имела та поддержка, которую оказала нам Региональная федерация. Мы сумели получить отличное подкрепление из Сан-Сальвадора: Региональная федерация направила в наш район новые рабочие кадры, которые еще не были скомпрометированы в глазах властей.

---

* Хулио Антонио Мелья — один из первых коммунистов Кубы, активист студенческого движения. Родился 25 марта 1903 года, погиб от руки наемных убийц 10 января 1929 года, находясь в эмиграции в Мексике. — *Прим. ред.*

Эти товарищи особенно отличились в боевых выступлениях в столице. Я вспоминаю, как одними из первых к нам прибыли Факундо Лопес, чистокровный индеец, уроженец Сантьяго-Тексакуангоса, и молодой человек по фамилии Асеведо.

Репрессии усиливались день ото дня. Учитывая бурный рост организаций, нам пришлось покинуть наши рабочие помещения в населенных пунктах и избрать в качестве места для проведения собраний, встреч, изготовления пропагандистских материалов и т. д. сельскую местность, чаще всего горы. Наши собрания под открытым небом трудно забыть — и за их массовый характер, и за активность их участников, и даже за условия, в которых они происходили. Какой отклик получили собрания профсоюзов, которые мы проводили в горах неподалеку от таких мест, как Чапелтике, Канделариа-Остума, Нансе-Верде! А сколько говорили о ночном собрании в Ку-хуапа! Я помню, мы с Исмаэлем Эрнандесом прибыли туда из Илопанго в качестве делегатов от нашего профсоюза. Когда сообщили о нашем прибытии, гром аплодисментов разорвал ночную тишину.

Подобного рода собрания стали все чаще и чаще проводиться в различных уголках страны. И сколько дорог и тропинок пришлось пройти нам с Исмаэлем! Из Илопанго пешком мы отправились в западные и восточные департаменты, добирались до Аतिकисайа, Сакаколука, Чалатенанго и других мест. И представители Илопанго всегда тепло встречались присутствующими. В свою очередь и на наших собраниях бывали делегаты из других мест. Уже в 1931 году — я перескакиваю здесь через ряд событий — состоялось массовое собрание и у нас. Оно было проведено в ущелье Папатурро, во владениях поместья «Коломбиа». На нем присутствовали товарищи Фарабундо Марти и Макс Куэнка. После собрания на самых высоких деревьях были водружены красные флаги. Владельцы поместья сообщили о проведении собрания национальной гвардии, и местное командование запросило подкрепление, с тем чтобы окружить нас. Мы же знали все о том, где, как и в каком количестве передвигалась национальная гвардия, так как наши посты находились в окрестностях, на большом расстоянии. Правда, нас было столько, что при желании мы могли бы оставить национальных гвардейцев не только без винтовок, но и без штанов. Всего же их было около двухсот. Но чтобы не создавать дополнительных трудностей и не идти на ненужный риск, мы решили тихо разойтись. Когда национальные гвардейцы вошли в ущелье, то они увидели там лишь красные флаги.

Каждый из тех, кто участвовал в собраниях, приносил с собой еду. Это было волнующее зрелище: целые крестьянские семьи со всеми детьми, с запасом тортильяс, с кофейниками,

даже с одеялами на тот случай, если придется провести ночь на месте проведения собрания. Если же у профсоюза или группы, проводившей собрание, имелись возможности, то заранее забивали несколько свиней или пару быков, а мясо распределялось среди участников собрания. Казалось, что трудности должны были погасить энтузиазм людей, но все обстояло наоборот — он становился еще большим.

Власти предполагали — и не без основания, — что Илопанго стал своего рода центром всей этой массовой деятельности. Ряд событий привел к обострению положения, и в конце концов некоторые из руководителей были вынуждены оставить поселок и уйти работать в другие места.

Одно из этих событий заключалось в следующем: мы, трудящиеся Илопанго, решили, что в этом году праздник святого Христофора наш профсоюз, члены которого в большинстве своем были католиками, должен провести самостоятельно, отдельно от муниципалитета. Ведь на официальном празднике рабочие и крестьяне всегда оказывались в загоне, все внимание обращалось на богатые семьи, на помещиков и торговцев. Священник выступил против нашего намерения, заявив, что праздник организует он, и в качестве первой меры — от имени церкви и папы — отказался выдать нам изображение святого для нашей процессии. Но у одной моей знакомой в доме оказалось большое изображение святого, которое она нам и одолжила.

Однако наш священник закрыл на замки двери церкви, чтобы мы не смогли закончить нашу процессию у главного алтаря церкви. Все мы вместе со святым остались снаружи, недовольство было огромным, так как в нашей процессии приняло участие почти все население Илопанго. А коль скоро священник послал за национальными гвардейцами, то мы решили закончить процессию у церкви, унести нашего «профсоюзного святого» и разойтись по домам. Однако провокации на этом не закончились. В эту же ночь священник и некоторые богатые подожгли главный алтарь в церкви и подняли большой шум, утверждая, что поджигателями были мы. Однако в присутствии жителей они не осмелились трогать нас. Огонь потушили, и все отправились спать. Они намеревались на следующий день арестовать поодиночке всех руководителей профсоюза и отправить их в уголовный суд Сан-Сальвадора. Однако нам повезло: почти все мы рано утром отправились в Тонакатек, чтобы присутствовать там на судебном разбирательстве. Дело в том, что профсоюзные активисты Илопанго обвинялись в краже волов.

Организаторами репрессий и преследований были не только национальная гвардия и полиция, но и весь государственный аппарат, судебные органы, помещики и их вооруженные банды и т. д. Любого могли обвинить в воровстве и предать суду.

В поместьях стражники стреляли даже в тех, кто собирал старые сучья на дрова. Так было убито несколько человек.

Донья Лола де Альфаро, например, владела большими участками земли, расположенными вокруг поселка. На этих землях находились источники питьевой воды, небольшие пруды, где можно было стирать белье, купаться. Эта старуха просто-напросто приказала закрыть источники и стала продавать питьевую воду, как будто она и без того не купалась в деньгах. Естественно, что все это вызвало столкновения населения с теми, кто его угнетал. И как говорят, «повадился кувшин по воду ходить...». Это же можно сказать и о терпении народа. В суде Тонакатепека, который «избавил» нас от ареста в связи с пожаром в церкви, нам удалось добиться освобождения наших товарищей, но на обратном пути нам сообщили, что у Илопанго нас поджидает национальная гвардия и судебная полиция из Сан-Сальвадора.

Священник во время проповеди назвал наши имена и заявил, что мы являемся поджигателями и осквернителями. Мы решили, что нам не следует убегать, и, обманув засаду, вошли в поселок. Здесь на главной площади уже собралось множество людей, которые выступили против обвинений священника. Люди кричали, что они не позволят арестовать нас и отправить в Сан-Сальвадор. Большое число мужчин пришло на площадь со своими мачете. Впервые в то время люди вооружились мачете, чтобы положить конец произволу властей. Национальные гвардейцы вместе с судебными полицейскими составляли довольно большую группу. Однако, внимательно взглядевшись в лица людей и поняв, что те готовы пойти на все, они сделали вид, что им ничего не известно, и отправились в свою казарму.

Таким образом, по крайней мере в данный момент, мы были избавлены от ареста и суда, но в последующее время многие из нас, прежде всего мы с Исмаэлем Эрнандесом, были вынуждены уйти в подполье. Но, как говорят, за одного битого двух небитых дают.

Враждебные действия открыл и армейский гарнизон, который расположился в новой казарме на территории строящегося аэропорта в окрестностях Илопанго. Даже само строительство аэропорта вызвало всякого рода трения и тяжбы, так как правительство насильно экспроприировало большие земельные участки у крупных, средних и мелких владельцев; недовольство было огромным. К этому следует добавить и поведение солдат. Я уже говорил о том, что строительство аэропорта нанесло смертельный удар по Илопанго. Сегодня с еще большим основанием я повторяю это. Сельскохозяйственному производству был нанесен серьезный ущерб: большие земельные площади, занятые под посевы риса, кукурузы, фасоли и сахарного тростника, были превращены во взлетно-посадоч-

ные полосы для гражданских и военных самолетов. И если до строительства народ жил на грани нищеты, то легко представить, что произошло после начала строительства. А сам генерал Кларамонт, кажется, выдал индულгенцию своим солдатам, и те совершали самые различные злоупотребления по отношению к мирным жителям района. В нашей местности было много красивых девушек, и это была наша общая гордость. А теперь эта гордость стала еще одним нашим несчастьем. Приходили солдаты и силой уводили с собой тех женщин, которые им нравились, — замужних и незамужних. Наши юноши и мужчины ответили, как должны были ответить. Так появились первые убитые.

Положение достигло наибольшего накала, когда военный летчик по фамилии Веладо затащил в казармы 13-летнюю девочку и зверски изнасиловал ее. Затем он голый выбросил ее на улицу и заявил, что она была обыкновенной проституткой. Эту девочку очень любили в поселке, она не смогла пережить случившегося и попыталась отравиться. Девочка не умерла, но население пришло в бешенство, и, когда этот проклятый летчик появился на улице Илопанго, толпа схватила его и передала в руки судьи. Обвинение было предъявлено от имени родителей девочки, нашего профсоюза и Региональной федерации Сальвадора. Генерал Кларамонт во главе группы в 50 вооруженных солдат лично прибыл в суд и потребовал выдать ему летчика. Пока он вел свои переговоры, мы, человек 200, окружили здание суда. Все были вооружены мачете, палками, камнями, у некоторых были пистолеты. Все были готовы к тому, чтобы никого не выпустить из поселка, пусть даже произойдет самое страшное. Я от имени обвиняющих вошел в здание суда и услышал, как генерал Кларамонт оскорблял судью, но тот сам был возмущен поступком летчика и отвечал, что не может отпустить задержанного, что для этого он должен получить приказ от вышестоящего судьи из Тонакатепеке. Он позвонил по телефону. К счастью, оказалось, что судья из Тонакатепеке был старым крючкотвором. Он тут же приказал мировому судье Илопанго арестовать генерала Кларамонта и отправить его вместе с арестованным летчиком за оскорбление закона и еще уж не знаю за какие проступки. Естественно, что судья не смог этого сделать, но генералу Кларамонту с его солдатами пришлось поджечь хвост и уйти. Начался судебный процесс, причем обвиняющей стороной была Региональная федерация, так как семья пострадавшей передала ей все свои полномочия. Кларамонт несколько дней вел себя тише воды, но затем он дал волю своей злобе, обрушив на нас дикое преследование. Именно тогда нам с Исмаэлем Эрнандесом пришлось оставить Илопанго.

Все эти события были характерны не только для нашего

поселка. По тем или иным причинам подобные ситуации возникали в различных уголках страны. Недовольство и возмущение масс было таким огромным, что повстанческая «искра» 1932 года немедленно вызвала пожар как в центральных районах страны, так и в Ауачапане и Сонсонате. Положение в том или ином месте могло иметь какие-то оттенки, но одно было свойственно всем — это огромная нищета. Достаточно сказать, что средний заработок в сельской местности составлял 35 сентаво в день. Агитаторам не требовалось преувеличений или каких-то подтасовок фактов — положение говорило само за себя. Любой человек чувствовал себя глубоко задетым и понимал срочную необходимость осуществления перемен в стране. Может быть, это была очень примитивная форма воспитания революционного сознания, но следует помнить, что в то время у нас еще не было нынешних теоретических разработок, у нас не было того практического опыта, который накопили сегодня победоносные революции в различных местах земного шара.

Руководство Региональной Федерации трудящихся при всех обстоятельствах всегда находилось в гуще борьбы. Именно поэтому на нашей стороне были поддержка и симпатии народа. Наш лозунг был прост: не оставлять массы на произвол судьбы. Руководитель, который вынужден из-за преследований покидать место своей работы, прежде обязан обеспечить преемственность с помощью надежных людей. Наша работа в Илопанго, например, продолжала приносить свои плоды даже после того, как первая группа руководителей была вынуждена перебраться в другой район. Я помню, что когда генерал Кларамонт выдвинул свою кандидатуру на пост президента республики (в 1930 году), то в районе Илопанго он получил всего лишь один голос — голос Эрмоханеса Поланко, чьи волы паслись на землях генерала.

Глава IV

ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ САЛЬВАДОРА

Помещение Региональной федерации трудящихся Сальвадора было тем центром, куда поступало большое число пропагандистских материалов из-за рубежа. Мы получали публикации из Голландии, Аргентины, Франции, Италии, Соединенных Штатов, Мексики и других стран, которые отражали различные течения в международном рабочем движении того времени. Так в нашу страну стали проникать идеи реформизма, анархо-синдикализма, анархизма и коммунизма. Между этими идеями шла борьба за влияние на международное рабочее движение. В силу цехового характера Региональной федерации наиболее широкое хождение в первое время получили идеи анархо-синдикализма, а также реформизма, проводниками которого были оппортунисты из II Интернационала. Однако шло время, и мы, представители плотников, портных, ткачей, обувщиков и активисты Лиги квартиросъемщиков (она была создана параллельно с профсоюзами), все больше стали переходить на позиции коммунистов, знакомство с идеями которых происходило благодаря чтению брошюр Лозовского, пропагандистских материалов, поступавших из Советского Союза, газеты «Мачете» — органа Мексиканской коммунистической партии, Бюллетеня Карибской секции Коммунистического Интернационала, статей Сталина по вопросу о коллективизации и т. д. К этому времени Региональная федерация уже была членом Латиноамериканской профсоюзной конфедерации, которая оказала нам большую моральную и материальную помощь. С огромными трудностями (они были следствием главным образом идеологической отсталости всего движения) начал ставиться вопрос об авангардной роли сальвадорского пролетариата. С точки зрения своего реального влияния на массы Региональная федерация добилась успеха с самого начала. Она быстро объединила в своих рядах профсоюзы металлистов, мотористов, текстильщиков, обувщиков, пекарей, продавцов-лоточников, плотников, портных, каменщиков, парикмахеров, жестянщиков,

официантов, железнодорожников. Но самое важное заключалось в том, что в нее вошли также профсоюзы батраков и так называемые «профсоюзы разных профессий» — городские и пригородные, подобные тому, который был создан в Илопанго, то есть своего рода «смешанные» профсоюзы. Они назывались так потому, что их членами были одновременно городские рабочие, ремесленники и сельскохозяйственные рабочие. К тому времени численность Региональной федерации достигла 75 тыс. членов (число же трудящихся, на которых мы оказывали влияние и которые принимали участие в наших выступлениях, было еще большим), причем около 60% составляла молодежь. Идеологическая борьба, вследствие низкого уровня культуры, зачастую выливалась в насильственные действия: никто не удивлялся, если на профсоюзном собрании дело доходило до рукопашной, аргументы подменялись кулаками, а иногда в воздухе сверкали даже ножи. Бывало и такое, что вынимались пистолеты. Помню, что во время одной такой «дискуссии» доктора Сальвадора Мерлоса чуть не зарезали за его очень меткое выступление и он спасся только потому, что те из нас, кто в то время уже считал себя коммунистами, действовали сплоченными рядами. Мы защитили его от нападавших, смогли вывести из помещения и оградить от опасности.

Напряженная борьба между течениями в Региональной федерации убедила нас в том, что, стремясь к единству и стабильности нашей организации, мы должны выставить кое-кого за дверь. Мы и мысли не допускали о возможности даже частичного примирения. Вот почему в ожидании предстоящих схваток я и мои товарищи стремились в возможно короткий срок вооружить себя политическими знаниями: стали читать и обсуждать работы В. И. Ленина, которые действительно открыли нам глаза на новые организационные формы, на новые методы работы каждого в отдельности и всего коллектива, методы использования которых требовали революции и рабочее движение. Ленин — это неиссякаемый мир знаний, мы же, к несчастью, смогли в то время познакомиться лишь с некоторыми его работами, статьями, среди них такие, как «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», и некоторые другие. К этому времени мы стали получать помощь и от международного рабочего и революционного движения. В нашу страну прибыли такие опытные и подготовленные товарищи, как Хорхе Фернандес Анайя (от мексиканской коммунистической молодежи), Рикардо Мартинес по прозвищу Ролито (член Компартии Венесуэлы, активист реформистского профсоюзного движения, зависимого от II Интернационала; затем он перешел на революционные, ленинские позиции, завоевал большой авторитет и уважение), перуанец Хакобо Хоровитц. Ролито оказал нам большую помощь, раз-

яснив проблемы социального состава сельского населения. Хоровитц занимался с нами политэкономией. Особое внимание он уделил прибавочной стоимости, ее значению в пробуждении революционного сознания эксплуатируемого пролетариата. Хорхе Фернандес Анайя занимался организационными проблемами. Сальвадорская революция всегда будет благодарна этим товарищам, которые самоотверженно, не щадя сил, помогли многим из нас изучить основы того, что требуется для научной организации классовой борьбы. Правда, следует сказать, что еще до прибытия этих товарищей мы сами пытались создать школу по изучению марксистской теории. Первая такая попытка была предпринята с помощью Альфредо Диаса Нуила, который познакомился с некоторыми элементами марксизма во время учебы за границей. Это был очень хороший человек, дружески относившийся ко всем нам, но ему не удалось войти в нашу среду пролетариев, которых жизнь успела уже «обкатать». Может быть, мы были уж слишком требовательны к нему. В конце концов он порвал с нами под давлением своей семьи, в особенности матери. Вторая попытка была предпринята нами в 1928 году. На этот раз мы обратились за помощью к учителю Франсиско Луарка, известному под кличкой Индеец Луарка. Это был мечтатель, полупоэт, полуккомпозитор. С классовой точки зрения он стоял ближе к нам, чем Диас Нуила, но и здесь было одно «но» — он не был марксистом. Да чего там, он не знал даже элементарных положений марксизма-ленинизма. Это был радикал с революционными взглядами, очень честный, страстный человек, типичный сальвадорец, как у нас говорят о таких людях, но не более... Правда, он помог нам, молодым профсоюзным активистам, еще больше укрепить наш дух. Сами же его лекции представляли собой довольно забавную мешанину из художественной литературы и зачатков социологии, причем наиболее крупными фигурами были для него Хосе Васконселос и Хосе Энрике Родо. Часто в наши попытки наладить организованную учебу вмешивался Альфонсо Рочак. Но результатом его деятельности была еще большая путаница в наших взглядах. Альфонсо Рочак впоследствии стал министром экономики Сальвадора и был — если уж отдавать цезарю цезарево — одним из наиболее способных деятелей в вопросах организации экономики, которые использовались империализмом янки и местной олигархией. Я повторяю, что он был очень умным человеком, я никогда в этом не сомневался, но уже тогда у него была странная мания — ставить ясные вопросы с ног на голову. Он стремился навязать нам любовь к романтической литературе, но речь шла о любви к форме, а на содержание внимания он не обращал. Он утверждал, что Васконселос был лучше Родо, потому что стоял выше его в том, что касалось литературной формы. Однажды он подарил мне книгу

в белой обложке — сборник романтических стихов. И это был тот случай, когда я раз и навсегда высказал ему свое несогласие с его позициями. Но не потому, что мне не нравилась романтическая поэзия, совсем наоборот, она всегда заставляла меня трепетать, я никогда не оставался глухим к строкам хорошей поэмы — искренней, глубокой, вдохновенной. Дело было в том, что в тот период мы должны были сосредоточиться на исключительной и исключаящей все второстепенное задаче — идеологической подготовке группы почти неграмотных рабочих и ремесленников, которые «с голыми руками» взялись за решение сложнейших проблем общественной борьбы. Все, что не было связано с этой задачей, все, что отвлекало нас от главного, — наносило вред, и против этого необходимо было бороться. Особенно если это романтическая поэзия или дискуссии о дворе королевы Испании. Некоторые товарищи даже говорили, что я хватил через край, что это сектантство, дошедшее до крайности, но тем не менее стычка с Рочаком помогла поставить вещи на свои места и оградить нас от всяких маневров. Она послужила также тому, что Луарка в своих беседах стал уделять больше внимания политическим, социальным и даже организационным проблемам. Можно без всякого преувеличения утверждать, что Индеец Луарка, даже с его литературно-сентиментальными взглядами смог показать нам силу, заключающуюся в объединении. Во время экскурсий на природу — обычно, родившийся в Илопанго и укрепившийся в процессе нашей профсоюзной деятельности в Сан-Сальвадоре, — Луарка демонстрировал нам гармонию, царящую в природе, рассказывал о насекомых, цветах. И всегда при этом он находил ту точку, которая позволяла перейти к полезным для нас сравнениям в практической жизни. Среди множества его рассказов некоторые сохранились в моей памяти, несмотря на все перипетии времени.

Например, его рассказ о змее и комарах. Жил в одном пруду огромный змей, который съедал всех комаров, прилетавших напиться и отложить яички в ил. Но так не могло продолжаться вечно, говорил Луарка, и самый умный из комаров попросил аудиенцию у бога и стал умолять его «устранить» змея, чтобы его братья-комары могли бы жить на свете. Бог не хотел вмешиваться в споры своих созданий, но, чтобы не оставлять их совсем без внимания, согласился сделать что-нибудь: он обрушил град камней на змея. Но «божий» град лишь чуть задел его хвост, и комары, прилетавшие к пруду, по-прежнему пожирались змеем. Тогда этот умный комар организовал своих товарищей и начал партизанскую войну. Пока одни «отряды» кусали глаза змея, другие атаковали его брюхо, третьи — хвост. В конце концов змей убрался к дьяволу, освободил пруд... Мораль: когда создается организация, то даже комары

способны сделать больше, чем сам бог со всем его могуществом...

Рассказы Луарки мы запоминали, записывали и публиковали в тогдашней рабочей печати. Они помогали нам избавляться от наивности в организационных вопросах. Луарка в значительной мере способствовал обострению наших чувств, причем он не заставлял нас выбирать между чувством прекрасного и чувством реальности, как это пытался сделать Рочак, но тем не менее и это было не **то**, в чем мы так нуждались в то время.

Поэтому была организована третья группа, занятиями которой руководил Хуан Кампос Боланьос. Он был немного знаком с марксизмом, но основные его знания базировались на писаниях Густаво ле Бона и ему подобных. И эта группа распалась, что было естественно: из-за неспособности руководителей. Тем не менее они сыграли большую роль, потому что объединяли в учебе именно тех трудящихся, которые к этому времени считали себя коммунистами или хотели быть ими, стремились создать условия для сознательной и организованной деятельности коммунистов. В этих еще примитивных группах мы по крайней мере научились пользоваться критикой и самокритикой в качестве метода дискуссии и развертывания работы среди революционеров. Кроме того, поскольку мы использовали наши собрания и для обсуждения конкретных вопросов рабочего движения, значительная часть планов действий профсоюзов начала разрабатываться именно здесь или в «коммунистической» группе. Полностью отдавая себе отчет в нашей собственной идеологической и политической слабости, в нашей неспособности организовать необходимую подготовку для самих себя и для совсем «зеленых» кадров, мы обратились к международному опыту. Если система угнетения и эксплуатации носит международный характер, то почему рабочее движение должно зависеть исключительно от уровня развития в данной стране? Прежде всего мы направили пекаря по фамилии Коликстро перенимать опыт профсоюзной работы в Мексику, а затем, как я уже говорил, в Сальвадор стали приезжать кадровые работники международного движения, чтобы оказать нам помощь. Это уже был решительный шаг, чтобы покончить с импровизацией в учебе, которая при всех ее положительных моментах и добрых намерениях не была марксистской и уж тем более ленинской. Это импровизированное обучение для трудящихся было организовано в Сальвадоре в 1920 году в «Рабочем культурном центре Хоакин Родесно». Я вспоминаю, что посещал — хотя и нерегулярно — этот центр, когда начал работать в Сан-Сальвадоре, потому что мой мастер Гумерсиндо оплачивал мои занятия. В этом центре главным преподавателем был учитель Франсиско Моран, который выступал с рассказами о советах, о перспективах большевистской революции,

о том, что собираются сделать русские на своей освобожденной родине. Иногда — я говорю здесь о первой половине 20-х годов — кто-либо из доброжелательных слушателей говорил Морану, чтобы он был осторожней в своих словах, так как среди слушателей могли оказаться полицейские агенты или «слухачи». В таких случаях Моран начинал бушевать и заявлял: «Я не боюсь львов, так чего же мне бояться мышей!»

Основная революционная задача мирового рабочего движения в этот период заключалась в том, чтобы вырвать руководство из рук анархо-синдикалистов и реформистов. К этому времени мой мастер Гумерсиндо Рамирес, Рауль Монтерроса, рабочие Техада и Сориано, обладавшие отличными человеческими качествами, активные члены профсоюзов, известный пролетарский оратор Хойа Пенья перешли на позиции реформизма. Мы исключили их из профсоюза в 1928 году. Это дело было нелегким, так как, несмотря на их позиции, тормозившие все движение, они еще пользовались авторитетом у масс, который завоевали своим прошлым. Однако тот вес, который мы имели в пригородных организациях, главным образом в организациях Илопанго и соседних поселков, позволил нанести им полное поражение.

В 1929 году был проведен V съезд нашей Региональной федерации, и мы, кто уже считал себя коммунистами, были избраны в руководство. К тому времени реформисты, как я уже говорил, были вытеснены, и поэтому основная борьба началась с анархо-синдикалистами. Мне был поручен пост ответственного за финансы Федерации. Я занял его при поддержке коммунистов и анархо-синдикалистов, но когда последние увидели, что в своей работе я не следую их линии и не иду им на уступки, как они надеялись, когда поддерживали мою кандидатуру, то стали мне мстить: они решили не платить взносы и начали вести среди низов кампанию финансового саботажа, с тем чтобы ослабить позиции руководства. Если учесть, что финансовые возможности Федерации были чрезвычайно ограничены, то этот саботаж нанес нам огромный ущерб. Нам и нашим твердым сторонникам пришлось преодолевать большие трудности. Хозяин помещения, в котором размещалась Федерация, выселил нас, и с большим трудом нам удалось найти средства и перебраться в другое помещение, напротив «Парке Бельосо». Здесь события обрели иной характер: в связи с тем что идеологическая борьба велась на «высоких тонах» и зачастую выливалась в шумные перепалки, хозяева помещения в скором времени отказали нам. И вновь нам нужно было куда-то перебраться, но на этот раз мы не могли заплатить за аренду помещения, так как касса была пуста. Мы предприняли чрезвычайные усилия по сбору средств — каждый вносил то, что мог: наличные деньги, пред-

меты личного пользования, домашних животных, которых можно было продать, дешевые украшения своих жен, старую мебель, закладные билеты, поношенную одежду, обувь и т. д. За один раз мы собрали сто колонов, что было достаточно для того, чтобы снять один из домов, который сдавал в аренду доктор Энрике Кордова-старший. Вот в такой трудной обстановке, напрягая все силы, мы утверждали революционную линию в сальвадорском рабочем движении, пока она сама не стала оказывать активное воздействие на развитие всего массового движения в стране.

В это же время наше рабочее движение стало направлять своих представителей на различные международные конференции и конгрессы. Рабочий Давид Руис был направлен в Вашингтон для участия в V Панамериканском конгрессе трудящихся. Гумерсиндо Рамирес и Рауль Мантерроса были — до своего исключения — нашими делегатами на съезде Рабочей конфедерации в Мехико и вернулись под глубоким впечатлением от революционной и антиклерикальной направленности буржуазно-демократической революции в Мексике того времени. Наиболее важная наша делегация участвовала в работе I конференции коммунистических партий Латинской Америки, состоявшейся в Буэнос-Айресе после съезда Латиноамериканской профсоюзной конфедерации в 1929 году. Сальвадорские представители на съезде этой конфедерации были приглашены на конференцию компартий и участвовали в ней в качестве «сальвадорской коммунистической группы». В ее состав входили: Серафин Мартинес, механик, который был расстрелян рядом со мной в 1932 году; Хосе Леон Флорес из профсоюза обувщиков, который впоследствии занялся изучением экономических наук, стал консулом Сальвадора в Нью-Йорке и известным дельцом в нашей стране, и Луис Диас, плотник. Никто из них в то время не был коммунистом, и лишь один из них стал им впоследствии — Луис Диас, который был избран Генеральным секретарем первого Центрального Комитета нашей партии, избранного при ее основании в 1930 году. После своего возвращения в страну они провели важную работу по распространению идей конференции на фабриках Сан-Сальвадора, в отраслевых профсоюзах, среди рабочих-электриков. Дело в то время не дошло до большего, так как основное внимание Региональной федерации уделялось организационной работе в сельской местности и в пригородных зонах. В те дни, насколько я помню, были организованы захваты земель крестьянами и батраками. В числе этих земель оказались поместье «Турин» и старые эхидальные земли*, присвоенные семьей Салаверриа. К подготовке VI съезда Ре-

---

* Эхидальные земли, эхидо — общественные земли (поля, пастбища), примыкающие к селу.— Прим. ред.

гиональной федерации мы подошли в обстановке разногласий и враждебности. Мы все еще переживали острые финансовые трудности в результате саботажа анархо-синдикалистов. Дело дошло до того, что многие профсоюзы перестали платить взносы, так как им было неясно, кто же прав в этом внутреннем споре. В таких условиях решение о созыве нового съезда явилось совершенно правильным шагом с нашей стороны. Благодаря моей настойчивости Региональная федерация обязалась взять на себя расходы по проезду и пребыванию делегатов из сельских районов, которые, кстати, составляли большинство. VI съезд закончился успехом. К этому времени уже была создана наша коммунистическая партия.

До 1929 года рабочие являлись просто игрушками в руках заправил политических партий, делавших свою ставку лишь на выборы. Студенты университетов были в такой оппозиции режиму, которую я назвал бы «оппозицией грубых шуток». Она заключалась лишь в стремлении поиздеваться над очередным правительством, но основные причины народных бедствий оставались в стороне. Студенты сочиняли сатирические памфлеты, анекдоты, рисовали карикатуры и т. п. Эта оппозиция была на руку правящим классам, она давала народному недовольству совершенно безобидный выход. Пользуясь своим беспспорным влиянием на массы, главным образом в крупных городах, студенты выдвигали через различные партии, участвовавшие в выборах, таких кандидатов, которые только им приходили в голову, пусть даже это были совершенно никчемные люди с политической или моральной точки зрения. Студенты говорили, что поступают таким образом, «чтобы поиздеваться». Вследствие этого мэрами Сан-Сальвадора избирались в свое время такие «деятели», как горький пьяница доктор Антонио Ромеро и «знаменитый» Северо Лопес, мошенник самой высшей пробы. Естественно, что в результате подобных «спектаклей» в умах трудящихся все больше созревала идея о необходимости собственной политической партии, которая защищала бы их интересы во всех областях.

Наш революционный кружок, в который входили те, кто считал себя коммунистом, и к которому с каждым разом примыкало все большее число наших товарищей, с еще большей ясностью представлял себе эту проблему: мы понимали, что такой партией не может стать любая партия, что такой партией может быть марксистско-ленинская коммунистическая партия. Идея создания такой партии все больше и больше переставала быть просто абстрактной идеей. Условия для ее окончательной реализации сложились с приездом молодого мексиканского коммуниста Хорхе Фернандеса Анайя, который, прибыв в Сальвадор с заданием оказать теоретическую и политическую помощь проф-

союзному движению, объективно помог нам установить связи с международным коммунистическим движением.

В марте 1930 года была основана Коммунистическая партия Сальвадора. Ее создали наиболее активные, стойкие и революционно настроенные товарищи из рабочего и профсоюзного движения того времени. Мы не извращаем историю, когда говорим, что наша коммунистическая партия — это детище сальвадорского рабочего класса. Она родилась в среде рабочего класса, профсоюзного движения в качестве высшей политической формы классовой организации. Представители интеллигенции, которые внесли свой основной теоретический вклад, являлись людьми, уже прошедшими школу борьбы в рядах мирового рабочего движения. Сальвадорская мелкобуржуазная интеллигенция сыграла важную роль в период, предшествовавший созданию партии. Она пропагандировала некоторые элементы коммунистической идеологии, однако ее непосредственная роль в создании партии в период ее организационного становления была незначительной. В период, последовавший после создания партии, действительно было отмечено значительное вступление в нее мелкобуржуазных элементов, по крайней мере мелкобуржуазных по своему происхождению. Это было и хорошо и плохо. Но об этом мы поговорим в другой раз.

С помощью рыбаков с озера Илопанго было найдено подходящее укромное место для проведения учредительного собрания с целью создания партии: это было пляж, скрытый густой листвой деревьев, неподалеку от Асино. Участников этого знаменательного события легко можно было принять за людей, которые в жаркие вечера обычно приходили сюда выпить, закусить, искупаться. Дома тех, кто собирался стать настоящими, то есть организованными в партию, коммунистами, были слишком бедными: это были или глинобитные хижины, или убогие комнатенки в бараках. Поэтому ни одно из этих жилищ не представляло собой надежного места для проведения столь ответственного мероприятия. Собрание, на котором была создана наша партия, прошло под сенью развесистых деревьев. Участвовало в нем не больше 30—35 человек, но теперь я считаю, что для того времени это была даже большая группа. После обсуждения вопроса мы приняли решение о создании Коммунистической партии Сальвадора и перешли к избранию ее первого Центрального Комитета. Моя память не сохранила всех подробностей, но я помню, что членами первого ЦК партии были избраны, в частности, следующие товарищи: Луис Диас, плотник, ставший первым Генеральным секретарем ЦК партии, каменщик Луис Лопес, учитель Виктор Мануэль Ангуло (секретарь по организационным вопросам), учитель Хуан Кампос Болапос (секретарь по пропаганде). Эти два учителя были первыми представителями интеллигенции в составе ЦК партии, хотя к этому

времени они уже мало чем отличались от нас, да и работали не учителями, а рабочими. В составе ЦК партии были образованы секретариаты по финансовым, профсоюзным, крестьянским, культурным вопросам и т. д. После этого кто-то из присутствовавших внес предложение о создании Союза коммунистической молодежи. Был также поднят вопрос о том, что мы должны выполнить и наши интернациональные обязательства — создать и наладить работу сальвадорской секции Международной организации помощи революционерам, призванной помогать мировому пролетариату в его антиимпериалистической борьбе.

Оба предложения были приняты. В руководство Союза коммунистической молодежи Сальвадора вошли товарищи Бельосо и Сорто, типографские рабочие, обувщик по имени Ладислао, фамилии которого я не помню, плотник Хосе Сентено, который впоследствии был направлен на учебу в Советский Союз, где провел несколько лет; затем, уже после событий 1932 года, он попал на Кубу, остался там жить и потерял с нами всякую связь. Я же был избран секретарем по организационным вопросам нашего Союза коммунистической молодежи. Ответственными за работу сальвадорской секции МОПР стали товарищи Хосе Исмаэль Эрнандес (обувщик) и Бальбино Маррокин (каменщик). Естественно, цель создания сальвадорской секции заключалась не только в выполнении наших интернациональных задач, главным было подготовиться к трудностям предстоящей борьбы. Сальвадорская секция МОПРа взялась не только за распределение в стране той международной помощи, которую мы получали, но главным образом за сбор средств среди самого сальвадорского народа, включая и прогрессивно настроенную мелкую и среднюю буржуазию, для оказания помощи жертвам правительственных репрессий. Перед организацией Союза коммунистической молодежи была поставлена задача по проведению работы среди студенчества и по сплочению молодых рабочих. Кроме того, ей была поручена работа в армии, основную массу которой составляли насильно мобилизованные молодые крестьяне.

В то время ни в партии, ни в Союзе коммунистической молодежи еще не существовало ячеек. Низовыми организациями считались местные комитеты в составе от 8—10 до 20 человек, причем их численность на практике могла расти без ограничений. Они подчинялись руководству департамента или национальному руководству, хотя имели большую свободу действий, особенно в вопросах внутреннего характера в своей местности. Мы выбрали подобную организационную структуру не потому, что не были знакомы с ленинскими принципами построения партии, так как к этому времени мы уже прекрасно знали их. В этом нам помог журнал аргентинских товарищей, подробно

разобравший схему организации ячеек, их преимущества и задачи. Но, учитывая политический уровень рабочей массы Сальвадора, ее характер, мы считали, что местный комитет больше, чем ячейка, отвечал нашим потребностям.

После создания коммунистической партии сальвадорское революционное движение неизмеримо укрепило свои позиции во всех областях национальной жизни. Оно характеризовалось довольно высоким уровнем организации, большой ясностью в отношении целей и задач и высочайшим боевым духом. Естественно, в ответ на этот подъем народного движения враг значительно усилил репрессии. По мере проведения митингов и демонстраций по всей стране росло и число брошенных за решетку, преследуемых, подвергнутых избиениям. Борьба за свободу заключенных, поддержанная международной солидарностью, стала новым средством повышения сознания нашего народа, способствовала тому, что о наших повседневных выступлениях узнало и международное рабочее движение и они стали составной частью борьбы за мировую революцию.

Руководство Региональной федерации находилось в руках тех, кто считали себя коммунистами, а с марта 1930 года они уже с полным основанием могли называть себя коммунистами. Карлос Кастильо, один из руководителей компартии (я не могу вспомнить, входил ли он в состав Центрального Комитета), занял пост генерального секретаря Федерации. Хотя в составе Федерации продолжало действовать несколько групп, находившихся под влиянием реформизма и анархо-синдикализма, наша партийная линия стала воплощаться в действиях и в программе Федерации. Более того, программа коммунистов начала захватывать самые широкие народные массы, выходя за пределы рабочего движения. Я считаю, что это объясняется тем, что мы начали действовать в национальной политической жизни, исходя из наших конкретных нужд, из специфических условий Сальвадора, хотя наше видение мира все больше и больше наполнялось научным марксистско-ленинским содержанием и обогащалось международным опытом. Мы уже имели представление — пусть еще довольно расплывчатое — о важности для дела революции сочетания реальной борьбы в стране с широкими международными действиями. Вооруженная таким пониманием революционных задач, наша партия стремилась возглавить объединенные силы народа ради осуществления буржуазно-демократической революции. Я считаю, что этот лозунг был правильным в тот период и что наши организационные и агитационные действия достаточно полно соответствовали ему. После взятия в свои руки руководства рабочим движением мы повели борьбу за его единство и укрепление и только лишь после достижения этих целей — пусть даже в минимальной степени — приступили к пропаганде нашей революционной

программы, которая предполагала завоевание политической власти сальвадорским народом. Полностью ошибаются те, кто обвиняет нас в том, что мы чисто механически выдвинули лозунг буржуазно-демократической революции, исходя из указаний, полученных от Коминтерна. Действительно, это был общий лозунг того времени для зависимых и полуколониальных стран, но в нашем случае эта задача была поставлена вследствие анализа условий в стране. Мы действовали в стране, которая уже вступила во второй этап своего промышленного развития, хотя в ней и существовали многие феодальные пережитки. Тогда еще не было мощного социалистического лагеря, который мы видим сегодня! Мы не могли, если не хотели быть безответственными, сразу же выдвигать требования о национализации, о проведении глубокой аграрной реформы или о развитии экономики по некапиталистическому пути, как это можно делать сегодня, например, в ряде стран Африки.

Мы тщательно следили за тем, чтобы общий лозунг не отрывался от повседневной борьбы за самые насущные требования трудящихся, стремились к тому, чтобы вселить в народ веру в свои собственные силы, что, по моему мнению, является самым лучшим средством воспитания революционного сознания. Допущенные нами ошибки, даже те, которые объяснялись нашим довольно сильным сектантством, не были ошибками в области стратегии, не касались таких проблем, как революция и ее характер. Я думаю, что это станет ясным, когда я перейду к анализу восстания 1932 года. Повторяю, мы как черт ладана боялись пустых лозунгов. Мы не упускали даже самых мелких вопросов в работе по мобилизации масс. Так, например, в деревне мы использовали различные средства, чтобы подвести батраков и бедняков к идее буржуазно-демократической революции. Мы учили их пользоваться таким оружием, как забастовка. На практике показывали, как можно добиться удовлетворения различных требований: начиная с требования о выпечке более крупных лепешек, входивших в дневной рацион, увеличении порций фасоли и включении в этот рацион кофе и кончая требованием увеличения зарплаты и улучшения отношения к работающим и т. д.

Результаты подобных форм борьбы, работы по пропаганде среди масс нашей общей программной линии не заставили себя долго ждать. Они не заставили себя ждать и в том, что касалось удовлетворения требований трудящихся, а это в свою очередь усиливало веру масс в те методы борьбы, которые мы пропагандировали. В качестве примера можно привести борьбу батраков поместья «Агуас фриас», принадлежавшего семейству Сол. Батраки пригрозили начать забастовку, и через несколько дней владельцы уступили, повысив дневную оплату с 37 сентаво до одного колона. То же самое произошло в поместье «Ко-

ломбия» и в других. Большой отклик получила забастовка трудящихся компании по строительству курортного комплекса «Ла-Чакра» и предприятия «Танкес де Оланда» в Сан-Сальвадоре. Эта забастовка, как и все остальные, проходила под нашим руководством. В ней приняло участие около 900 рабочих. Они добились повышения зарплаты на 50%. Мы проиграли очень боевую забастовку против компании, занимавшейся мощением улиц в Сан-Сальвадоре, но добились снижения квартирной платы в бараках и тарифов за пользование электричеством; эти требования были поддержаны широкими массовыми выступлениями. Мы одержали победу в Санта-Ане, где также добились снижения тарифов за пользование электричеством, но здесь победа оказалась неполной, так как компания одновременно со снижением тарифов сократила и время пользования электричеством.

Вся эта деятельность была связана с большим самопожертвованием. Нищета была чудовищной, безработица — жесточайшей. Мы ели тогда, когда это удавалось, ходили грязными, чуть ли не в лохмотьях. Генеральный секретарь ЦК нашей партии был вынужден устроить свою жену на кухню в один богатый дом, а так как у него не было денег на то, чтобы есть каждый день, то он часто приходил в дом, где работала жена, чтобы подкрепиться остатками от обеда, которые жене удалось добыть для него. Я и мой товарищ Исмаэль Эрнандес со своими семьями устроились в одной небольшой комнатухе в бараке, который больше был похож на свинарник. Денег на большее у нас не было. Всего нас было семь человек — четверо взрослых и трое детей. Наши жены по утрам отправлялись продавать фрукты, а по вечерам они готовили тамале* для продажи, с тем чтобы как-то прожить и чтобы мы, мужчины, могли полностью заниматься революционной деятельностью.

В 1930 году вновь началась подготовка к выборам. Конституционалистская партия, которая выдвигала на пост президента республики Мигеля Томаса Молину, предложила мне место агитатора с оплатой в 150 колонов в месяц. Кстати, от имени самого доктора Молины это предложение сделала мне мать братьев Марин, которые стали героями-мучениками военно-гражданского восстания 1944 года, поднятого против Мартинеса. Другая политическая партия — сейчас я уже не помню ее названия — обратилась с таким же предложением к Исмаэлю Эрнандесу. По настоянию Исмаэля мы решили проконсультироваться с партией — как нам поступить с этими предложе-

---

* Тамале — пирог из кукурузной муки с мясом и специями. — Прим. ред.

ниями? Что касается меня, то с самого начала я считал, что мы не должны соглашаться, так как в противном случае мы будем прислуживать в этом буржуазном избирательном балагане, даже если в нем и участвовали более или менее честные люди, как, например, Молина. Генеральный секретарь ЦК партии товарищ Луис Диас согласился с моим мнением и заявил, что прежде всего — это престиж партии, что мы, коммунисты, должны оберегать нашу честь, особенно в такой обстановке, какая царила в Сальвадоре, где люди считают, что девушка перестает быть честной не с того момента, как она где-то что-то совершила, а со времени, когда об этом стало всем известно. Так Луис Диас снял все сомнения Исмаэля.

Естественно, что в той нищете, в которой мы жили, наше стремление высоко держать честь коммуниста вело нас иногда к поступкам «чрезмерной чистоты». Так, например, волна того, что я называю «пролетарским сумасбродством», нанесла нам много вреда как в те времена, так и в последующие. Если коммунист носил галстук, то это считалось преступлением. Мне пришлось расстаться с моими рубашками с воротничками, так как в среде товарищей тебя принимали как своего, только если ты носил майку. В противном случае на тебя обрушивались насмешки и даже оскорбления. Вместо кожаного ремня, чтобы поддерживать брюки, я стал пользоваться бечевкой из тростника. Естественно, что этого не понимали ни наши семьи, ни многие товарищи. Были и такие, которые высказывали сомнения в отношении этого «кодекса»: выходит, что, для того чтобы стать коммунистом, нам нужно быть самыми бедными и жить исключительно в обстановке трудностей? Давление со стороны моих сестер (они, кстати, помогали мне и семье, с тем чтобы мы могли покупать что-то из еды и платить за комнатку в бараке) было еще более настойчивым: они не могли понять, почему мы, молодые, сильные и ловкие рабочие, должны были жить в такой нищете.

Однажды я был дома у старшей сестры, когда к ней пришла мама. И сестра обратилась ко мне с вопросом, заданным в драматическом тоне: «Сегодня в присутствии мамы я хочу, чтобы ты сказал мне: кого ты любишь больше — эти глупости, которыми ты занимаешься, или маму?» «Я очень люблю свою мать, — ответил я, пристально глядя в глаза сестре, — но эти «глупости» нужны всем, и необходимо, чтобы кто-нибудь ими занимался. Моя мама много рассказывала мне о великих людях и учила отличать их от предателей. Она же много рассказывала мне о страданиях святой девы Марии, матери революционера, которого звали Христом. Нас здесь всего трое, и я знаю, что все мы очень любим друг друга, но я борюсь за миллионы людей, у которых миллионы мам, миллионы детей, миллионы жен, братьев, сестер. Что бы вы сказали, если бы генерал Сандино

«спустился с Чипотона и сдался гринго для того, чтобы успокоить свою мать?»

Моя мать посмотрела мне в лицо, а затем повернулась к сестре и сказала ей: «Знаешь что, Пилар? Я его родила и уверена, что у него благие намерения, хотя я и ничего не понимаю в том, что он говорит».

На мою мать незадолго до этого разговора большое впечатление произвели слова ее самого любимого брата Фелисиано Мармоля, сказанные перед смертью: «Не презирайте Мигелито, я его понимаю. Деятельность, которой он занимается, приведет его к смерти, но речь идет о великом и достойном деле, в котором могут участвовать лишь лучшие из лучших».

Время от времени моя жена рассказывала мне, что кто-то из ее родственников или близких подруг опять советует ей бросить меня, потому что со мной у нее нет никакого будущего. Я отвечал ей, что на стороне тех, кто советовал ей подобное, вся правда мира и что, возможно, они говорят такие вещи, заботясь о ее судьбе, но такова уж жизнь солдата революции, и я не могу положить конец нашей бедности, не перестав быть честным человеком. Она меня очень любила, как хорошая жена любит своего мужа, и я ее тоже очень любил, как хороший муж любит свою жену. Молодость и любовь помогали нам забывать даже о голоде, и моя жена отвергала самые «трезвые» советы. Я просил ее быть со мной откровенной, если она решит жить иначе, ведь любовь—это такая вещь, которая может исчезнуть в любой момент, но остается верность, которая связывает двух людей: можно совместно одолеть любые невзгоды и решить любые проблемы лучшим образом для каждого. Самое же страшное здесь — это ложь.

Бедность не была единственной трудностью, с которой сталкивались мы, революционеры того времени. Когда в ряде случаев я говорил о том, что репрессии ужесточались, то это были не пустые слова. Просто дело в том, что мне не хочется углубляться в эту тему, рассказывать о тех преследованиях, которым мы подвергались: ведь мое повествование не приключенческий роман, а воспоминания, которые могут в какой-то мере быть полезными и для нынешней революционной молодежи. Настоящие революционеры никогда не любили рассказывать о своих бедах. Тем не менее ненависть и злоба буржуазии и ее очередных марионеток в правительстве все больше обрушивались на нас.

Уже в последние месяцы 1929 года и в течение 1930 года я был вынужден скрываться от полиции в различных потайных местах и несколько раз прибегать к «маскараду». Моим основным убежищем продолжало оставаться Илопанго, потому что там люди знали меня лучше и скрываться было легче. Кроме того, личный состав национальной гвардии и полиции регуляр-

но менялся, и «стражи порядка» не успевали как следует узнать всех жителей. Окрестные крестьяне устроили мне небольшую землянку, и в ней я мог в любое время работать — печатать на машинке тексты листовок, воззваний, документы и т. д. Несколько ребятишек, детей коммунистов, были моими дозорными, и, если поблизости появлялся национальный гвардеец или вообще посторонний человек, они предупреждали меня звонком колокольчика или взрывали хлопушки, которые я же им и покупал. Для них это было развлечением, а мне они оказывали большую помощь. В крупных же городах, особенно в Сан-Сальвадоре, мне приходилось туго. Однажды в парке «Кастильо» у нас была назначена встреча с Карлосом Кастильо. Мы поговорили несколько минут и разошлись. Но при выходе обнаружили, что нас окружают полицейские. Кастильо был арестован, а мне удалось скрыться. Когда мы увиделись с ним вновь, он рассказал, что его выпустили после допроса, который сопровождался «искупляющим» избиением. Дом же наших жен — Исмаэля и моей — был под постоянным наблюдением. Полицейские агенты даже притворялись пьяными, спавшими прямо на улице, — они надеялись захватить меня врасплох. Но мне всегда удавалось обманывать их, и я даже ухитрялся видеть моих маленьких детей, которые всегда были моей самой большой слабостью. Однажды, считая, что вблизи нет шпиков, я проник к себе домой. Мой маленький сыночек исходил криком: он испачкал пеленки, а матери дома не было. В то время как я менял ему пеленки, я увидел в окно, что полицейские окружают дом. С болью в душе мне пришлось оставить перепачканного сынишку и бежать через отверстие в крыше. Я добрался по крышам соседних домов до того места, где проходила железнодорожная линия, а затем скрылся в горах. В другой раз, когда я писал воззвание против Араухо, меня застали врасплох трое полицейских. Но на мое счастье, вместе со мной было двое здоровых молодых парней, которые готовы были проломить голову самому черту. Полицейские бросились за подкреплением, а мы воспользовались этим, чтобы скрыться. Один из соседей, гватемалец, который даже не был нашим другом, но догадывался о том, чем мы занимаемся, понял, что произошло. Он вошел в нашу комнату, забрал пишущую машинку и материалы и спрятал их в коляску своего сына, поверх всего он посадил ребенка, завернутого в пеленки. Через пару минут прибыла большая группа полицейских, но в комнате ничего не нашли. Спустя некоторое время сосед-гватемалец все в той же детской коляске доставил нам наше имущество.

Народ с большой симпатией относился к нашей деятельности. Однажды я ушел из рук полиции из убежища, которое было неподалеку от военной школы. Мне пришлось воспользоваться тоннелем для сточных вод, а выходной люк из него оказался на

довольно оживленной улице. Когда жители увидели меня, то приняли за бежавшего вора и решили схватить. Но, узнав, что я рабочий, что меня преследуют по политическим мотивам, меня тут же отпустили, указали безопасный путь и даже дали денег.

А уж о наших товарищах и говорить нечего. Существовала крепкая дисциплина как в партии, так и в Союзе коммунистической молодежи и вообще в широких кругах профсоюзного движения. Может быть, мы иногда были в этом отношении и чрезмерно жесткими, но на основе дисциплины и личного примера довольно быстро удалось добиться революционного и пролетарского единства. Обязательность в том, что касалось участия в собраниях, являлась постоянным и серьезным требованием, пусть даже нам, руководителям, приходилось проходить десятки километров пешком по горным дорогам.

Однажды мне было поручено вести собрание рыбаков на другом берегу озера. На землю обрушился сильный ливень, и небольшие речушки превратились в бурные потоки. Один из таких мне не удалось перейти. Время шло, а я не знал, что же мне предпринять. Тут появилась повозка, запряженная парой обезумевших волов. Я нерешительно попросил погонщика перевезти меня через реку, но он, занятый своей бедой, послал меня ко всем чертям. Когда показалась еще одна повозка, то тут я действовал решительно: «Стой!» И погонщик, испугавшись, перевез меня. Из-за угрызений совести я дал ему одну песету — все, что у меня было. В пять утра я пришел к месту собрания, а рыбаков еще не было. Но когда появились первые в полной уверенности, что ни собрания, ни чего-либо подобного не состоится, и увидели, что я ожидаю их в условленном месте, то им стало неловко. Они бегом бросились за остальными, и собрание прошло с успехом. Вывод: пусть льет дождь, гремит гром и сверкают молнии, но руководитель всегда должен держать свое слово перед людьми и служить примером.

Глава V

ПОЕЗДКА В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Через мексиканского товарища Хорхе Фернандеса Анайя нашей молодой партии сообщили, что Региональная федерация трудящихся Сальвадора приглашена для участия в конгрессе Профинтерна, который состоится в Москве. Это сообщение вызвало большую радость у коммунистов и трудящихся — членов Региональной федерации. Ведь мы, как говорится, только что вылупились из яйца, а нас уже приглашают на форум мирового пролетариата, мы стали частью великой семьи трудящихся, которые не желали жить дальше под гнетом капитала. Первоначально нашим представителем был избран Луис Диас, ведь он занимал пост Генерального секретаря ЦК партии, но поскольку он был смещен с этого поста, то пришлось провести новые выборы. Голосами членов руководства партии, Союза коммунистической молодежи и сальвадорской секции МОПРа был избран наш товарищ Модесто Рамирес, крестьянин. Но вскоре пришло сообщение о том, что мы должны направить двух делегатов, и вновь были проведены выборы. На этот раз выдвинули мою кандидатуру, и я был избран делегатом. Сам я об этом ничего не знал, так как в то время выполнял поручение за пределами Сан-Сальвадора и не присутствовал на собрании. Говорят, что выборы проходили очень бурно, обсуждалось несколько кандидатур, но крестьянское представительство в руководящих органах Региональной федерации решительно поддержало мою кандидатуру.

Мне не хотелось уезжать. Отчасти потому, что я побаивался такой дальней дороги (буквально на другой край света, а ведь мне никогда не приходилось ездить даже в соседнюю Гватемалу), отчасти потому, что у меня действительно было много работы среди молодежи — членов профсоюзов, отчасти потому, что моя мать страдала тяжелым сердечным заболеванием и я опасался, что сообщение о моем отъезде ускорит ее кончину. Когда я поделился своими думами и сомнениями, с тем чтобы попытаться отказаться от поездки, то Фернандес Анайя, который сообщил мне о решении руководства, пришел в бешенство и потребовал, чтобы я выполнил постановление руководства, то

есть рабочей массы, которую оно представляло. Ведь речь шла не о прогулке, не о туристской поездке, а об очень ответственном революционном задании. В конце концов он в нескольких словах изложил мне свой взгляд на то, что я должен был делать, причем, естественно, его речь отнюдь не отличалась салонной изысканностью. «Послушай, осел,— сказал он мне,— если ты будешь настаивать на своих глупостях, то тебе придется раскаиваться всю жизнь — это ведь не игрушки. Если твои товарищи проголосовали за тебя, то это значит, что они верят тебе. Поэтому давай-ка готовь свои манатки, а если ты и дальше будешь упираться, то я сам пинком вышвырну тебя из страны». Так, подумал я, придется мне вытаскивать душу из пятки и готовиться катиться по свету вместе с Модесто Рамиресом. Естественно, что моей золотой мечтой с давнего времени была возможность познакомиться с Советским Союзом, но теперь, когда эта возможность стала реальностью, мною овладела нерешительность. Отповедь Фернандеса Анайя вернула мне твердость духа. Иногда добрая порция брани стоит больше любого совета, высказанного согласно руководству о примерном поведении.

Если я не ошибаюсь, мы выехали из Сальвадора в начале июня 1930 года. За несколько дней до этого в страну вернулся в качестве представителя МОПРа товарищ Агустин Фарабундо Марти. Он приобрел большой авторитет в международном коммунистическом и рабочем движении, по крайней мере в Латинской Америке. Марти, принимавший участие в партизанской борьбе генерала Аугусто Сесара Сандино в никарагуанской сельве, являлся легендарной фигурой. За боевые заслуги он стал полковником в армии Сандино и его личным секретарем. У него был авторитет, завоеванный в боях, а хотим мы этого или нет, но именно этот авторитет больше всего по душе народным массам, так как они знают, что он завоевывается с риском для жизни. В человека, который готов страдать и умереть за свои идеи, можно верить — так говорят у нас в народе. И это верно.

Фарабундо Марти вскоре стал центральной фигурой революционного движения Сальвадора, человеком-символом во время народного восстания в 1932 году и главной фигурой коммунистического движения в нашей стране. Несмотря на то что его участие в нашей борьбе охватывает очень небольшой период времени, он оставил в истории Сальвадора глубокий след, хотя мы еще и не во всех подробностях знаем о его деятельности. Но в этом уже вина нас, революционеров. В рамках моего рассказа я не осмелился углубляться в анализ значения Негра Марти в нашей истории. Это пусть останется на долю тех коммунистов, которые имели возможность учиться в университете. Марти еще не раз появится на страницах моего повествования, потому что

среди нас он был, несомненно, самым активным, самым самоотверженным, самым лучшим. Но я не буду заниматься исследованием его деятельности, считая, что это задача всей нашей партии. Некоторая работа в этом направлении уже проделана: опубликован небольшой биографический очерк о жизни и деятельности Агустино Фарабундо Марти, — но требуется большее — необходимо глубокое исследование его личности и его роли на первом этапе нашего революционного и рабочего движения (еще живы те, кто хорошо знал его, — родственники, друзья). Сейчас я хотел бы только отметить, что в те дни, когда я готовился к поездке в Советский Союз, Негр прибыл в Сальвадор из Мексики. Тех месяцев, в течение которых я отсутствовал, оказалось достаточно, чтобы после своего возвращения я нашел Фарабундо Марти уже нашим неоспоримым лидером, руководителем коммунистов Сальвадора.

За несколько дней до моего отъезда я отправился к матери сообщить ей об этом. Она изо всех сил пыталась показать мне, что не расстроена моим отъездом, и даже, несмотря на сильные боли и мои мольбы, собиралась сама пойти купить мне новую одежду для этой поездки. Мать говорила мне, что не может взять в толк, где же находится Россия, но понимала, что мне придется объехать полмира, чтобы добраться до цели. Я не хотел, чтобы мать покупала мне одежду, но она настаивала на своем. «Пусть за границей не думают, что ты умираешь от голода, — сказала она мне, — и что у тебя нет смены белья». Уже после я узнал, что мать каждый день ходила в кафедральный собор, чтобы помолиться за меня, поплакать перед ликом Спасителя и попросить у него счастья в моем долгом путешествии и благополучного возвращения домой. За четыре дня до нашего отъезда она умерла. Ее навещал доктор Дионисио Мерлос, но все его усилия оказались тщетными. Я получил это страшное для меня сообщение в то время, когда занимался пропагандистской работой, связанной с борьбой в защиту права на свободную организацию торговцев-лоточников, которые были излюбленной жертвой муниципальной полиции. Я был потрясен. Ничто не могло меня утешить, и если я и отправился в путь, то только потому, что был связан обещанием, из-за чувства долга, хотя в определенной степени я просто отдал себя на волю событиям. Приблизительно такое же состояние я пережил, когда потерял свою первую жену. Моей матери я был обязан не только рождением, она сыграла очень важную роль в моем становлении как революционера.

Вместе с Модесто Рамиресом мы выехали в Гватемалу, чтобы там, в порту Барриос, сесть на пароход, отправляющийся в Европу. Я помню, что, несмотря на то что был подавлен тоской и

печалью, меня поразила красота Гватемалы, ее горы, сельва, реки, в которых резвилась рыба. Впервые я понял, что есть страны, которые своей красотой превосходят мою родину, именно красотой природы, а не уровнем жизни, так как и в Гватемале простой люд также одевался чуть ли не в лохмотья. Мы задерживались в столице и в других городах лишь для того, чтобы поесть и поспать. В Пуэрто-Барриосе встретились с представителями местного рабочего движения. Беседовали, обменивались опытом. Все это делалось с необходимой предосторожностью, чтобы полиция не обнаружила нас и не помешала отплытию. Я до этого ни разу в жизни не видел моря. Пароходы же видел только в кино. Самым большим морем были для меня воды озера Илопанго, где я чувствовал себя королем, несмотря на нищету и трудности жизни. Поэтому беспредельность моря, громады пароходов напугали меня, они вдруг заставили почувствовать себя таким маленьким и бессильным.

Мы сели на германский пароход «Рухиа» — по своим размерам он, казалось, превосходил самое высокое здание или даже целый квартал домов. Среди стольких различных чувств и мыслей одна стала овладевать нами — мысль об огромной ответственности, которая должна была лечь на наши плечи во время всемирного пролетарского съезда, куда мы направлялись. На первый взгляд наша миссия была простой и конкретной: информировать о достижениях сальвадорского рабочего движения представителей трудящихся всего мира, впитать в себя живой опыт мирового пролетариата и с этим богатством вернуться в Сальвадор. Тем не менее я не находил себе места, и меня охватывал страх при мысли о том, что произойдет, когда мы начнем рассказывать о нашей работе в забытой богом стране в присутствии руководителей мирового рабочего движения.

В гостинице, в которой мы остановились в Пуэрто-Барриосе (гостиницей она только называлась, а на деле была отвратительным тараканником), мы познакомились с одним симпатичным белокурым датчанином, оптовым продавцом линз для очков, и завязали с ним дорожное знакомство. Уже на борту «Рухиа» он пригласил нас выпить пива, и за оживленной болтовней в пароходном баре я не заметил, как мы отошли от причала, несмотря на пароходные гудки и суету пассажиров и экипажа. Когда мы вышли на палубу, пароход был уже в открытом море и земли нигде не было видно. Очарование моря, обилие воды привели меня в восторг. Повсюду было только небо и море. Наш друг-датчанин подробно объяснил нам устройство парохода, он хорошо знал принцип работы котлов и других механизмов, так как сам в течение какого-то времени плавал матросом. По-испански он говорил так, как будто полоскал горло, но тем не менее мы хорошо его понимали. Чувствовалось, что он был хорошим продавцом — язык у него работал великолепно.

С момента нашего отъезда из Сальвадора мы с Модесто, следуя наставлениям партии, решили всегда быть настороже, не поддерживая ни с кем разговоры на политические темы, чтобы не дать ни малейшего повода рыскавшим повсюду полицейским и фашистским агентам. Вот почему с датчанином мы вели разговоры лишь о работе машин, о линзах, микроскопах и тому подобном, причем на наших лицах было написано такое изумление, что оно вызывало сострадание. Однако интерес к мировым делам, к крупным политическим событиям того периода должен был обнаружить себя, тем более во время морского плавания, когда столько людей вынуждены быть вместе, а многодневное путешествие начинает надоедать. Так и случилось. Вместе с нами за обеденный стол садились еще два итальянских господина и мексиканец, которые при виде нас не скрывали своего презрения и насмешки. Очевидно, от нас за версту несло бедностью, «запахом» рабочего или крестьянина из бедной страны. Что делать: ведь ты можешь натянуть на себя самую лучшую одежду, но «хвостик»-то все равно торчит. Я давал этим типам возможность покуражиться, притворялся простаком и внушал сам себе, что, в конце концов, наш путь простых гуанако * лежит дальше, чем их. Но этим дело не кончилось. Когда мы проходили мимо берегов Никарагуа, мексиканец издевательски спросил нас, действительно ли мы являемся сальвадорцами, хотя мы уже не раз говорили ему об этом. После того как мы ответили утвердительно, он начал задавать нам вопросы о генерале Сандино, о том, как относится к нему сальвадорский народ. И коль скоро я уже чувствовал себя задетым, то — больше для того, чтобы поиздеваться над ним и сказать ему что-нибудь неприятное, — я ответил, что мы, рабочие всей Центральной Америки, поддерживаем справедливую борьбу генерала Сандино против интервентов-янки, но что в данный момент мы крайне возмущены тем, что никарагуанский партизанский вождь встретился с президентом Мексики Кальесом. «И отчего вдруг это возмущение?» — спросил меня мексиканец. «Да потому, что президент Кальес, — ответил я, — всего лишь марионетка и цепной пес империализма янки». Мексиканец тут же вышел из себя, и я на всякий случай приготовился к драке. Он заорал, что я немедленно должен доказать сказанное. И тогда я, к этому времени уже достаточно вооруженный цифрами и данными, почерпнутыми из получаемых нами международных пропагандистских материалов, обрушился на него. «Ясней и петух не пропоет, — сказал я ему. — Какова основа мексиканской экономики? Кому принадлежат банки, нефтяная промышленность, железные дороги, шахты, электростанции, средства связи? По-

---

* Гуанако — простак, неотесанный человек, деревенщина. — Прим. ред.

жалуиста, ответьте мне...» Итальянские друзья мексиканца не принимали непосредственного участия в споре, но подняли его на смех: ведь я действительно припер его к стенке. «Сальвадорец-то тебя отделал...» — говорили они посмеиваясь. Мексиканец не мог найти достойного ответа и в конце концов заявил: «Вы — коммунист, в этом все дело». «Вы несете ерунду, сеньор, — ответил я. — Дело просто в том, что в Сальвадоре выходят газеты и умеющий читать может кое-что понять, хотя в них столько лжи. Я не знал, что Кальес запретил издание газет в Мексике, но теперь вижу, что это так, раз вы не знаете, в какой стране живете». С этого момента он оставил свой насмешливый тон и сделался даже любезным, и мы могли время от времени поддерживать вежливую беседу, чтобы убить время. Вообще он оказался неплохим человеком, просто ему нравилось посмеяться над другими. По прибытии в Пуэрто-Лимон мы окончательно помирились за кружкой пива. В Картахене, этом красивом колумбийском порту, он очень любезно распрощался с нами. Когда же я сказал ему, что цель моей поездки — Берлин, где я намерен лечиться от серьезного нервного заболевания, он обнял меня и сказал: «Желаю, чтобы после лечения в Берлине вы могли бы поехать дальше, например в Москву». И, схватив меня обеими руками за голову, добавил: «Эта голова должна наполняться новыми знаниями». Мексиканец и итальянцы направлялись в Колумбию за останками летчика, погибшего в нашу самую страшную катастрофу: он был одним из пионеров панамериканской линии и разбился в Колумбии. Я сейчас не могу вспомнить, как его звали: что-то вроде Сесар или Сисар.

В Картахене мое внимание привлек один новый пассажир: смуглый, с кудрявыми волосами молодой человек, несколько нервный. Он казался представителем интеллигенции. Соблюдая меры предосторожности, мне удалось выяснить, что это был эквадорский гражданин по фамилии Кеведо. Не могу объяснить, почему я приглядывался к нему и попытался сблизиться с ним, чтобы побеседовать. В этот же вечер мы разговорились на палубе парохода. Я спросил его о том, что он думает о войне в Чако, и в ответе прозвучали именно те слова, которые я ожидал услышать. Он говорил о монополиях, английском империализме, шовинизме и тому подобных вещах, я тоже пустил в ход свой «словесный арсенал». В конце концов мы выяснили, кто есть кто, и обнялись. Эквадорец был студентом юридического факультета и также направлялся в Москву в качестве делегата эквадорских коммунистов. Я был счастлив тем, что в самом начале нашего путешествия встретил брата из другой страны, который разделял наши идеи.

Состав пассажиров на борту парохода был самый разношерстный. Люди различных национальностей и убеждений. Я помню, что была группа чехов, которые говорили по-испански, це-

лая колония палестинцев, гватемальские сеньоры, направлявшиеся в Европу, чтобы отдохнуть там. Дело это было очень редким по тем временам, так как даже для поездки в Мексику нужно было иметь много денег. Среди пассажиров был немец-пивовар (не из числа коричневых), который возвращался домой после окончания строительства пивного завода «Поляр» в Сан-Сальвадоре. Был еще один молодой немец (вот этот-то оказался нацистом). Он, чтобы убить скуку, решил организовать ежедневные беседы на самые различные темы с участием всех пассажиров в качестве слушателей или докладчиков. Мне он предложил выступить на тему социальных и рабочих проблем, очевидно, мои мысли были написаны у меня на лице. Я немедленно согласился и рассказал о тех проблемах, с которыми сталкивались трудящиеся в то время: мировой кризис, безработица, эмиграция, репрессии со стороны правительств и предпринимателей и т. д. А когда я упомянул о той напряженной борьбе, которую вел рабочий класс Германии, то организатор этих встреч, этот буржуазный выкормыш, начал грубо возражать мне, кричать, что я не должен ехать в Германию, если считаю, что немецкие трудящиеся являются жертвами эксплуатации со стороны буржуазии его страны. Я ответил, что у меня, к счастью, есть деньги и я еду лишь затем, чтобы получить врачебную помощь. «Вы — типичный пример среднего человека тропиков, — продолжал кричать немец. — Вы — тупица с узким кругозором, который едет искать исцеление в Европе, но позволяет себе ругать порядки в ней». Я принял бой и ответил, что больных больше всего в странах, подвергающихся эксплуатации, но виновниками болезней наших народов являются заправилы мирового капитализма, среди которых видное место занимает крупная империалистическая буржуазия Германии. Мы прекратили дискуссию, чтобы дело не дошло до более «весомых» аргументов, но этот тип пустил слух среди немцев, составлявших команду корабля, о том, что я являюсь антигермански настроенным элементом. С этого момента матросы всячески стали испытывать наше с Модесто терпение. Когда мы прогуливались по палубе, то матросы свистели и улюлюкали, чтобы показать, что они считают нас дикими индейцами. Однажды я вышел из себя и уже был готов наброситься на группу немец-матросов, которые даже оставили работу, чтобы поиздеваться над нами, но один из пассажиров-чехов удержал меня и успокоил. «Все дело в том, что кто-то сказал матросам, что вы японец, — объяснил он мне. — А этот корабль в прошлую войну был военным, и на нем в качестве кока-китайца служил опасный японский шпион, который, кажется, оставил у немцев самые неприятные воспоминания». Не в последний раз меня принимали за японца, но в тот раз эта ошибка не доставила мне никакого удовольствия. Мне так захотелось, чтобы дни пролетели как

стрижи, так как в сложившейся обстановке я чувствовал себя униженным и бессильным что-либо предпринять.

В качестве любопытной детали добавлю, что лучше всего я чувствовал себя во время шторма. Шторм не заставлял меня скрываться в каюте, как других пассажиров, потому что в такое время я вновь чувствовал себя парнем с озера, человеком, который был на ты с водой, меня совершенно не укачивало. А вот других, включая и матросов, некоторые особенно сильные порывы штормового ветра заставляли выворачивать кишки назнанку.

Понемногу мы приближались к Европе. В то время корабли шли черепашьям шагом. Прошли Азорские острова, заходили в Плимут и еще в какой-то порт, сейчас уже не помню какой. Наконец ранним туманным, холодным и дождливым утром мы прибыли в Гамбург. Эквадорец Кеведо очень помог нам, так как он довольно хорошо говорил по-английски. В Гамбурге нас никто не встречал, и нам пришлось нелегко. В порту Кеведо договорился с одним негром, продававшим конфеты, и тот согласился проводить нас до какой-нибудь дешевой гостиницы, где мы собирались оставить наши пожитки и уже налегке продолжить поиски нужных нам людей. Но все встречавшиеся нам захудалые гостиницы оказывались для нас слишком дорогими, ведь мы приехали в Европу не для того, чтобы провести отпуск. В конце концов негр привел нас в клуб моряков. И хотя над входной дверью был укреплен красный флаг (что придало нам надежду), клуб оказался битком набит пьяными, которые во все горло орали песни. Никто не собирался заниматься нами, нас не понимали, так как никто не говорил по-английски и уж тем более по-испански. Мы начали поглощать большие кружки пива с ромом, которыми матросы угощали нас. Кому-то пришлось в голову пойти поискать одного молодого матроса, который понимал по-испански, так как бывал в Южной Америке. Когда матрос появился, то выяснилось, что он был коммунистом. Как говорится, одним выстрелом — двух зайцев.

С этого момента все пошло иначе. Матрос сообщил о нас партии, и вскоре за нами приехал товарищ по имени Вальтер, который был депутатом парламента. Он приветствовал нас от имени пролетариата Германии, извинился за то, что не встретил нас в порту (наши сообщения о прибытии не были получены). Затем Вальтер отвез нас в небольшую, скромную, но очень чистую гостиницу. На стене там висели портреты Маркса и Ленина. Каждому из нас вручили 44 марки на карманные расходы. В вестибюле гостиницы мы встретились и с другими латиноамериканцами — делегатами конгресса Профинтерна, которые прибыли раньше нас. Здесь были товарищи из Бразилии, Аргентины (крестьянин по фамилии Диас), Уругвая (товарищ Суа-

рес). Вместе с ними была Ирма, советская гражданка, которая стала нашей переводчицей. Она была замужем за мексиканцем и несколько лет прожила в Гвадалахаре, так что мы с самого начала отлично понимали друг друга. Она говорила, что в душе — да и в привычках — осталась ленинградкой, но тем не менее в ее манерах уже проявлялись симпатичные черточки мексиканок.

В качестве первого коллективного мероприятия было проведено собрание всех говоривших по-испански, на котором было принято решение совместно решать все повседневные житейские вопросы. Мой товарищ Модесто Рамирес был назначен «шефом кухни», эквадорцу Кеведо было поручено делать закупки продуктов, а же стал ответственным за наши финансы. В последующие дни мы с Кеведо ходили по лавкам, чтобы купить съестное — сосиски, яйца, ветчину, молоко и т. д. Торговцы служащие очень любезно обходились с нами. Однажды вечером матрос, который привел к нам товарища Вальтера, пригласил меня пройтись с ним в кафе или кабаре Гамбурга, что явилось совершенно новой страницей в моей жизни. Кабаре я видел лишь в фильмах. Мне очень понравились оркестры всевозможного рода, и закружилась голова от количества выпитого нами пива. У моего товарища-немца оказалось много знакомых девушек, и мы танцевали с ними до поздней ночи. Когда мы вернулись в гостиницу, то привратница, очень симпатичная старушка, в шутку потрепала меня за уши, приговаривая по-немецки «гукляк»), как перевел мне мой слутник-матрос. Советская переводчица Ирма, которая всюду ходила со своей маленькой дочкой, пригласила меня на следующий день посмотреть соборы города. Я согласился из чистой вежливости, так как церкви меня совершенно не интересовали. Но на месте все виденное произвело на меня большое впечатление: мы заходили в такие внушительные соборы, каких я себе и представить не мог.

1 августа, если не ошибаюсь, в Гамбурге состоялась многолюдная рабочая демонстрация. Она была проведена по случаю Международного дня борьбы с империализмом, и в ней приняли участие представители всех профсоюзов города. В первых рядах демонстрации вместе с местными профсоюзными руководителями шли и мы, делегаты из Латинской Америки. Народ скандировал: «Рот фронт!» Неожиданно наш путь преградил отряд конной полиции, которая арестовала одного из видных рабочих руководителей и попыталась остановить демонстрацию. Однако, встретив энергичный отпор со стороны масс, полицейские не решились действовать дальше; они освободили арестованного, и демонстрация продолжалась. На большой площади состоялся митинг. Выступавшие, так же как и у нас в Сальвадоре, говорили о необходимости борьбы с безработицей и нищетой. От имени латиноамериканцев выступил уругваец Суарес, ко-

торый выразил наше восхищение высоким уровнем организации немецкого рабочего класса.

На следующий день реакционная печать Гамбурга обрушилась на иностранных «агитаторов», и было заметно, что ее больше всего задело выступление товарища Суареса.

Наконец настал час продолжить наше путешествие. Мы все пришли к выводу, что нам не следует ехать через Польшу, так как при пограничных проверках в поезде было легко установить конечную цель нашего путешествия, да и существовала угроза того, что нас могли задержать. С другой стороны, нечего было и думать о том, чтобы получить немецкую выездную визу для поездки в СССР. В результате мы тайно выехали из Германии на борту советского корабля. В закрытом грузовичке всех нас доставили прямо к борту корабля, опустили в трюм, и мы находились там до тех пор, пока не вышли в открытое море.

За нами пришел боцман и провел в столовую, где от имени народа и правительства Советского Союза нас приветствовал капитан судна. Это был совсем молодой человек, белокурый и очень любезный. Нас накормили обедом — не очень роскошным, но и не скудным — и развели по каютам. Каюты были лишены какой-либо роскоши, но значительно удобней, чем на «Рухиа». Вечером, после ужина, нас пригласили на концерт самодеятельности. Члены экипажа — мужчины и женщины (официантки, уборщицы) — играли свои роли живо и естественно. И сам концерт нес в себе большой революционный заряд. В один из вечеров мы присутствовали на профсоюзном собрании членов экипажа. Руководили собранием кочегар и простые матросы, а капитан с помощниками устроился вместе с рядовыми членами экипажа где-то в задних рядах. Профсоюзный и партийный комитеты осуществляли политическую власть на корабле, а капитан с помощниками являлись «техническими» руководителями. Все это на нас произвело сильнейшее впечатление, потому что мы знали (и наш опыт плавания на «Рухиа» подкреплял это убеждение), что на кораблях капиталистических стран дело обстоит совершенно иначе. Иные отношения между людьми на корабле, который тайно вывез нас из Германии, были знаком того, что мы вступили на территорию Советского Союза, страны, где была осуществлена первая в истории человечества социалистическая революция.

В Ленинград мы прибыли без каких-либо осложнений. Когда мы входили в порт, к нашему великому удивлению, на поверхности показалось несколько советских подводных лодок, которые, оказывается, вот уже некоторое время сопровождали нас. Наше любопытство было огромным.

Нас отвезли в гостиницу, расположенную неподалеку от огромного Исаакиевского собора, одного из самых красивых среди тех, которые мне довелось повидать.

Мы перекусили в гостинице, а затем разбились на группы и отправились осматривать город. Я увидел — и эта картина до сих пор стоит перед моими глазами — огромный круг веселых людей, среди них были и военные, которые под гармошку и гитару пели и плясали. Казалось, что же в этом необычного? Но на меня все произвело огромное впечатление. Если в моей стране я увижу такое братание представителей власти и народа, значит, произошло что-то очень серьезное. Мы долго ходили по огромному городу, и в конце концов мы с Модесто отстали от товарищей и заблудились. Погода была приятной, ночь длилась всего несколько часов — не более четырех-пяти. Мы подошли к зданию, куда входило и выходило множество людей, и подумали, что здесь сможем поесть. Но это был народный театр. Люди поняли, что мы иностранцы, и начали спрашивать, как я думаю, из какой мы страны. Мы показали наши делегатские карточки и всячески давали понять, что хотим есть. Слово «ресторан» понятно и по-русски. Нас никуда не повели, а прямо на месте люди стали вытаскивать из своих карманов черный хлеб, колбасу, лук и огурцы и сооружать для нас огромные бутерброды. Даже чаем нас угостили прямо на улице. После этого нас провели в театральный зал, и мы посмотрели спектакль. По-русски мы не знали ни слова, но поняли, что речь шла о борьбе с мировым капиталом и о мировой революции. Как только все закончилось, группа людей проводила нас до гостиницы. Когда мы встретились с другими латиноамериканцами, то каждый мог рассказать о собственном приключении. На следующий день мы отправились осматривать город уже организованно, все вместе, в сопровождении переводчиков. Мы обратили внимание на оживленное строительство и реставрацию зданий, на уборку улиц.

Все мы, делегаты, написали письма на родину, в которых делились своими первыми впечатлениями о Советском Союзе; они адресовались нашим товарищам по партии, профсоюзу, друзьям и родственникам.

Через несколько дней без всякого предупреждения нас перевезли в другую гостиницу. Это был роскошный отель, где размещались дипломаты и крупные иностранные специалисты, с которыми советское правительство заключило контракты. Все эти господа имели важный, самоуверенный вид и вели себя так, как будто каждый из них оказывал бесплатную услугу мировому пролетариату. Жены иностранных специалистов были шокированы нашим присутствием и всячески демонстрировали нам свое презрение. Я как будто снова очутился на борту «Рухиа», хотя понимал, что мы оказались просто на

капиталистическом «островке» в социалистическом «море». К счастью, мы пробыли в этом отеле всего два дня и поездом выехали в Москву.

Сразу же по прибытии в советскую столицу мы отправились в помещение Профинтерна, чтобы в обмен на мандаты представителей рабочего класса своих стран получить постоянные удостоверения делегатов конгресса. В здании Профинтерна я, к великому своему удивлению, услышал возглас: «А ведь это Мигель Мармоль!» Это были два товарища из Гватемалы, которых я знал по их посещениям нашей страны и которых мы очень уважали, — плотник Антонио Овандо Санчес и пекарь Луис Чигуичон. После оформления документов советские товарищи пригласили нас на банкет в один из залов дворца, который в то время занимал Профинтерн. Дворец был роскошным. Я сказал Овандо Санчесу, что в наших странах, прежде чем допустить нас в подобное место, нас бы вымыли и надушили с ног до головы. В течение нескольких дней в ожидании открытия конгресса мы смогли хорошо познакомиться с городом и его жизнью. Мы были в опере, смотрели балет и цирковые программы. Цирк мне понравился больше всего, особенно дрессированные животные. Балет же никогда не вызывал у меня особого восторга: я не мог привыкнуть к виду балетных танцовщиков. А вот русская опера очень понравилась, она более мужественная, чем итальянская или те оперные труппы, которые бывали в Сан-Сальвадоре.

Вскоре начались предварительные заседания информационного характера, с тем чтобы познакомить нас с вопросами, которые должны были обсуждаться на международном конгрессе. Я дал себе слово не пропускать ни одного заседания. Среди делегатов я помню товарища Вальдеса из Гондураса, негра-панамца, имя которого я забыл, товарищей Састре и Пьедраита из Колумбии, некоторых других. Мы договорились регулярно проводить собрания латиноамериканцев в течение всего времени нашего пребывания в СССР, чтобы совместно обсуждать любые общие вопросы. Так мы начали выступать в качестве организованной группы. С нами часто встречался товарищ Лозовский, один из лидеров международного профсоюзного движения. Он давал нам разъяснения по многим вопросам. Однажды он сказал: «Да, верно говорит филиппинский товарищ: тяжело видеть, как в Москве все еще используют старые сани и извозчиков в качестве средства транспорта, в то время как на Филиппинах, в этой страшно отсталой стране, современный транспорт. Но я спросил филиппинского товарища: эти московские сани принадлежат рабочему классу или империализму? А современный транспорт на Филиппинах является собственностью рабочего класса или империализма?»

Я тогда подумал, что, хотя аргументы товарища Лозовского были верными и вскрывали основное различие, тем не менее следовало бы открыто признать отсталость транспорта и некоторых элементов экономики страны в 1930 году: ведь все эти проблемы были неизбежны в блокированной стране, начинавшей строить новый мир в обстановке огромных трудностей, которых никак не должно было стыдиться. Потому что если следовать правилу «все мое — хорошее, потому что оно мое», то можно зайти слишком далеко. «Некоторые латиноамериканские товарищи со своей стороны, — сказал нам однажды Лозовский, — много говорят о роскошных европейских витринах, о шикарных упаковках, где даже яйца уложены в цветную вату, и добавляют, что здесь, в СССР, в витринах ничего нет. Я приглашаю вас своими глазами посмотреть наши заводы и зайти в магазины потребительской кооперации». Прежде всего мы отправились по заводам; их работа сама по себе говорила о порыве и перспективах советской страны. Мы побывали и в кооперативах. Лозовский говорил нам, что в Европе у людей не хватало денег, была низкая покупательная способность и поэтому буржуазия вынуждена стимулировать покупки путем рекламы и улучшения внешнего вида товаров. С этой целью она затрачивала крупные суммы, которые также выкачивала путем эксплуатации трудящихся. В Советском Союзе же трудящиеся зарабатывали столько, что во многих случаях производство не успевало удовлетворять спрос. Товарищ Лозовский очень подробно остановился на этих вопросах, он помог нам глубже понять множество проблем строительства социализма. У нас он пользовался огромным уважением. Его брошюра о профсоюзах многому научила нас еще там, в наших странах, и все мы высоко ценили его теоретическую помощь нашим молодым движениям и организациям.

Перед нами выступали специалисты с рассказами о различных сторонах жизни и экономики советской страны.

Рабочие руководители из других стран также рассказывали о своем опыте борьбы.

Особенно мне запомнились беседы с итальянским профсоюзным руководителем товарищем Джерманетто об опыте подпольной борьбы рабочего движения против Муссолини. Каждый его ответ на наши вопросы представлял собой ценный урок. Советские товарищи отвечали на наши самые разнообразные вопросы. Было очевидно, что они заинтересованы в том, чтобы мы увезли с собой по возможности наиболее полное представление о Советском Союзе.

Что касается условий жизни в Советском Союзе в те времена, то мне помнится следующее: существовала карточная система на потребительские товары, не хватало продуктов

питания. Но самое главное состояло в том, что люди воспринимали все эти трудности с бодростью и полным пониманием. Все они знали о тех причинах, которые вызвали эти трудности, знали, почему их следует переносить и как они будут преодолены. Все, начиная от высших руководителей и кончая детьми, были в курсе всех проблем хода строительства социализма, трудностей и перспектив, потому что Советское правительство говорило людям только правду, не обманывало их лживыми обещаниями, не имеющими ничего общего с действительностью, как это делают политические заправилы буржуазного государства. Все это объясняет, почему народ был так сплочен в решении проблем и обрушивался со всей силой на саботажников и врагов. Классовая борьба все еще была напряженной. Церковь выступала против революции и стимулировала саботаж. Кулаки забивали скот и отравляли колодцы. Но всем им приходилось туго, потому что народ бдительно охранял свои завоевания.

Конгресс имел большой успех. Основным докладчиком был товарищ Лозовский, содокладчиком — представитель красных профсоюзов Китая, он выступил с сообщением о положении и задачах рабочего движения в колониальных, полуколониальных и зависимых странах.

На конгрессе была представлена широкая картина опыта мирового профсоюзного движения. Должен сказать, что работа конгресса проходила в такой обстановке критики и самокритики, которую мне за мою жизнь редко доводилось наблюдать даже на съездах политических организаций, на которых мне пришлось присутствовать. Я сделал доклад о Сальвадоре, в нем рассказал о существующих в стране формах эксплуатации, об организациях рабочего класса и крестьянства и о революционных выступлениях. Доклад был проиллюстрирован большим количеством фактов, взятых из повседневной действительности. Помню, какое большое впечатление на слушателей произвел рассказ об условиях жизни батраков в поместье «Конгрехера», принадлежавшем семье Гуирола. Люди здесь работали от восхода до захода солнца, платили же им всего 37 сентаво, и раз в день они получали обед, состоявший из кукурузной лепешки и варева из фасоли, точно такого же, каким в этом поместье кормили свиней. Наш доклад был принят с большим интересом, в последующие дни делегаты задавали мне много вопросов, просили рассказать о том, как тот или иной вопрос решался в условиях Сальвадора.

На конгрессе из представителей латиноамериканских профсоюзов были созданы две комиссии. Первая комиссия занималась исключительно вопросами организационной работы в сельской местности. Так, например, здесь разгорелась жаркая

дискуссия по вопросу о том, могли ли исполщики и бедные крестьяне вступать в сельскохозяйственные профсоюзы с пользой для дела революции. Верх одержала точка зрения, согласно которой в этих профсоюзах должны были состоять исключительно сельскохозяйственные рабочие. Исполщики и бедные крестьяне должны были создавать свои собственные организации — кооперативы и т. п., а профсоюзы должны были быть тем, чем они являлись в городах, — прочными ячейками рабочего класса. Этот вопрос был ясен для нас еще со времени наших попыток организации крестьянства в Сальвадоре, и тот факт, что это положение одержало верх на конгрессе, наполнил нас гордостью. Ведь это доказывало, что мы не блуждали по окольным дорожкам, не пытались «вспахать море». Большая работа была проделана, чтобы внести ясность в подход Профинтерна к проблеме социальной структуры деревни. Вторая латиноамериканская комиссия занималась политическими вопросами: характером революции в наших странах (которые в то время входили в группу «колонизальных, полуколонизальных и зависимых стран»), формами борьбы (вооруженной и невооруженной) и их правильным сочетанием и т. д.

Мы обратились к видному советскому деятелю Коминтерна и Профинтерна товарищу Мануильскому с просьбой выступить по некоторым спорным теоретическим проблемам, над которыми в течение долгого времени мы ломали голову. Правда, все латиноамериканские делегации были едины в подходе к ряду коренных проблем, например к проблеме характера революции в Латинской Америке. Все мы сходились в том, что по своему характеру революция того времени должна была быть буржуазно-демократической.

В тот раз была разработана даже конкретная программа латиноамериканской буржуазно-демократической революции: конфискация земли, которая не используется владельцами, конфискация земли, захваченной латифундистами, и ее распределение среди крестьянства, национализация иностранных предприятий, обобществление средств производства там, где существовали профсоюзы, способные эффективно использовать их, национализация банков, стимулирование промышленного развития и т. д. Наши выступления на конгрессе, рассказ о нашем опыте на встречах латиноамериканцев оставили у нас чувство удовлетворения тем, что мы смогли внести и наш вклад в дело мирового революционного рабочего движения. То, как к нам относились, свидетельствовало о нашем международном авторитете, завоеванном в течение немногих лет. По нашему настоянию был принят тезис для Латинской Америки, согласно которому небольшая, но пользующаяся авторитетом и осуществляющая реальное руководство массами

коммунистическая партия может начать непосредственную борьбу за власть, с учетом, естественно, объективных условий каждой страны. Ясно, однако, что в то время мы, сальвадорцы, еще не овладели в должной мере вопросами стратегии и тактики революции. Думаю, что от нас и нельзя было требовать этого. Мы были настоящими «приготовишками», причем «приготовишками» 1930 года, а это не одно и то же, что быть нынешним «приготовишкой», когда у революционной молодежи перед глазами такой богатый опыт. Наш местный враг — сальвадорская буржуазия не была столь вооруженной до зубов, какой она является ныне. Не менее верно и то, что у нас не было ни нынешних книг по марксизму, ни тех работ, которые так обогатили ныне наше международное движение. Фарабундо Марти, Альфонсо Луна и Марио Сапата, эти три представителя интеллигенции, погибшие в 1932 году, читали «Капитал» на французском языке, перепечатанный на машинке или даже переписанный от руки. Я тоже говорил, что читал «Капитал». Но кому в голову придет утверждать, что я хоть что-то понял во всем этом? Да, мы в состоянии были понять теоретические концепции, изложенные на языке пропаганды, на языке резолюций и решений съездов. Вот почему мы, сальвадорцы, так хорошо «вписались» в обстановку конгресса Профинтерна, о котором я рассказывал.

Сразу же после окончания работы конгресса мы совершили длительную поездку по Советской стране. Ростов-на-Дону, Северный Кавказ, Закавказье — вот по каким местам пролегал наш маршрут, который мы проделали в железнодорожном вагоне, в автомобиле, в телеге и даже верхом на лошадях и пешком. Группа, в составе которой я совершил эту поездку, в большинстве своем состояла из латиноамериканцев. Единственным представителем иных краев был североамериканский крестьянин, который знал всего несколько слов по-испански. Мы создали свою организацию внутри группы и приняли все меры безопасности, с тем чтобы враг не смог проследить за нами. Мы даже называли друг друга по кличкам. Я взял себе кличку Герреро. Издавали мы и рукописную стенную газету, которая содержала множество материалов, написанных в духе критики и самокритики. Газета вывешивалась на видном месте в нашем вагоне. У каждого из товарищей были свои обязанности: ежедневно готовить еду, убирать вагон или те помещения, в которых мы временно останавливались, и т. д. Однажды крестьянин-американец подверг критике гватемальца Чигуичона и меня за то, что мы уклонялись от приготовления обеда. Он написал об этом большую заметку в нашу газету. Она походила на передовую статью. Мы, чтобы исправиться, бросились готовить еду, причем в большом количестве, и угощать

всех подряд большими порциями. Но это привело к тому, что нас раз и навсегда прогнали с этой должности — нам было сказано, что такая щедрость скоро оставит нас всех без припасов.

Одно из мест, которое произвело на меня наибольшее впечатление во время поездки, — угольная шахта недалеко от Ростова. Для нас, трудящихся из стран со слабым промышленным развитием, было очень поучительным знакомство с темпами труда советских рабочих. Работа была очень тяжелой, но наряду с теми усилиями, которых она требовала, огромными были льготы, установленные для шахтеров и их семей. Мы побратались с шахтерами, пообедали вместе с ними. Я помню, что съел столько фруктов, что даже мексиканец Валентин Кампа начал подшучивать надо мной. Затем мы прибыли в Тифлис, столицу Грузии. Здесь нас приняли руководители республики. В этом городе программа посещения была чрезвычайно насыщенной: мы хотели увидеть все, а советские товарищи стремились показать как можно больше. В результате у нас почти не оставалось времени для сна. Через несколько дней я возглавил «забастовку» с требованием дать нам хотя бы один день отдыха. Мы победили: нам дали поспать часов двадцать, а затем вновь началась работа. С волнением я вспоминаю наше прибытие в Баку. Нас встретили депутаты местного Совета, и прежде всего бросилось в глаза то, что они совершенно не придавали значения одежде. Их костюмы были в заплатках, старые башмаки чинены и перечинены. Вместе с ними мы возложили цветы к могиле 26 бакинских комиссаров, расстрелянных реакцией. Это был волнующий боевой митинг, и мы, латиноамериканцы, спели наши революционные песни надежды — «Красная кавалерия», «Интернационал», «Дети народа» и гимн Союза коммунистической молодежи Уругвая.

Обратный путь в Москву проходил по Военно-Грузинской дороге. Пора было думать о возвращении в наши далекие страны. Товарищ Мануильский предупредил нас о трудностях предстоящей поездки через страны Европы. Для некоторых делегатов это была смертельная опасность. Из-за отсутствия конспиративного опыта мы допустили множество промахов, и большинство из нас «засекли». Неожиданно я получил от советских товарищей предложение остаться года на четыре в Советском Союзе для учебы. Я по-братски поблагодарил за предложение, но отклонил его и попросил принять нескольких активистов сальвадорского профсоюзного и революционного движения. Моя просьба была немедленно удовлетворена: 4 сальвадорца могли приехать на учебу. Кстати, лишь через несколько месяцев мы смогли направить товарищей, но всего лишь двух: в Советский Союз поехали Акилино Мартинес и Хосе Сентено, оба члены Союза коммунистической молодежи.

Акилино Мартинес после окончания учебы выехал на родину, но в Берлине был схвачен нацистами, которые подвергли его варварским пыткам (в частности, с помощью каких-то инъекций). Акилино выдержал пытки и ничего не сообщил палачам. Он даже попытался ускользнуть из их рук, решившись на самоубийство: воспользовавшись оплошностью своих мучителей, он выбросился из окна четвертого этажа. В конце концов его в наручниках отправили в Сальвадор, но по прибытии было заметно, что у него неполадки с головой, и сальвадорское правительство поместило его в сумасшедший дом. Второй наш товарищ, Сентено, узнав о случившемся, изменил маршрут. Он добрался до Кубы, но, учитывая ситуацию в Сальвадоре в то время — шел 1934 год, — был вынужден остаться в Гаване. Мы больше ничего не слышали о нем.

В ноябре мы покинули Советский Союз на борту грузового парохода «Герцен», который вышел из Ленинграда. К этому времени стало ужасно холодно. Шел снег с дождем, настроение было отвратительным. Мы сошли с советского корабля в Киле и тут же столкнулись с трудностями. Портовые чиновники начали тщательно осматривать вещи всех, кто прибыл на советском корабле. Нас же с уругвайцем Суаресом ждал сюрприз: когда чиновники, которые занимались нами, открыли чемодан Суареса, то сразу же наткнулись на значки с изображением серпа и молота. Однако они лишь переглянулись между собой, с улыбкой посмотрели на нас и поставили на наши чемоданы отметку «проверено». Из Килиа через Гамбург и Кёльн мы поездом добрались до Льежа. Здесь бельгийская полиция арестовала меня из-за моей «японской» внешности. Меня пытались допросить на японском языке. Но в конце концов полицейским стало ясно, что я латиноамериканец, и меня отпустили. Создавалось такое впечатление, что в то время японские шпионы кишели повсюду. Наконец мы добрались до Парижа. На вокзале нас встретила группа венесуэльских товарищей, которым Коминтерн поручил опекать нас и заботиться о нашей безопасности, так как, по их же словам, наш общий враг вел активную борьбу в Париже. Мы переезжали из одной гостиницы в другую, с тем чтобы избежать преследований французской и международной полиции. Выдавали мы себя за латиноамериканских артистов, так как сопровождавшие нас девушки играли на гитаре и мандолине, и в целях конспирации никогда не расставались со своими музыкальными инструментами. В таких условиях мы пробыли в Париже 26 дней. Несмотря на такую нашу «мобильность», товарищи, связанные с Коминтерном, поддерживали с нами постоянный контакт и передавали информационные бюллетени, в которых были сообщения, представлявшие для нас особый

интерес. Из них мы узнали, что пароход, на котором плыли бразильские товарищи, был обстрелян в пути. Мексиканский товарищ Гонсалес был убит по приказу местных властей сразу же после возвращения в свой родной городок. Наши немецкие товарищи все без исключения были уволены с работы. Один молодой мексиканский товарищ, который ехал вместе с нами, принял все это чрезвычайно близко к сердцу, и в результате у него помутился разум. Венесуэльский коммунист Густаво Мачадо, получивший медицинское образование в Париже, ухаживал за мексиканцем. Мне навсегда запомнилось лицо нашего бедного товарища, его глаза, налившиеся кровью. Нет, всегда говорил я, не следует поддаваться страху. Я лично больше всего боюсь именно страха: ведь страх и заставляет умирать раньше времени.

Мы, салвадорцы, последними покинули Париж. Это было вызвано различными причинами.

После длительных поисков мы остановились на французском грузовом пароходе «Магдалена», который шел в Карибское море. Капитан был готов взять пассажиров, чтобы заработать. Каютки были ужасными, но другого выхода не было. Не пересекать же океан вплавь! В ожидании дня отплытия мы отправились в Гавр. В последние дни мы жили под открытым небом, ночевали в парках, питались фруктами, которые запивали водой. В порту мы свели дружбу с будущими пассажирами «Магдалены» — мелкими торговцами, в большинстве своем арабами. После пребывания в Гавре даже тесные каюты и отвратительная пища показались нам королевскими. На этот раз путешествие было еще более однообразным. Первую остановку пароход сделал в Тенерифе, и я с удовольствием вновь услышал испанскую речь, хотя первые слова, с которыми канарский матрос буксира обратился к матросам из нашего экипажа, отнюдь не принадлежали к салонной лексике. Здесь же в помощь нашему экипажу на борт поднялись несколько испанских матросов. Среди них был один барселонец-социалист, который очень быстро подружился с нами. Когда мы сказали ему, что намерены на Кубе пересечь на другой пароход, который доставил бы нас в Центральную Америку, барселонец предупредил нас о том, что политическое положение на Кубе было чрезвычайно напряженным — при преступной диктатуре Херардо Мачадо постоянно действовал закон о военном положении, и кубинская полиция свирепствовала по отношению к революционерам, даже если они были иностранными подданными: их арестовывали, пытали и убивали. Мы должны были срочно предпринять ряд мер, чтобы не очутиться в Гаване на положении круглых дураков и не отдать свою голову в руки полиции. Мы с Модесто Рамиресом устраивали друг другу допросы, чтобы выявить те возможные детали, на кото-

рых полиция могла бы «поймать» нас. Матрос-барселонец предложил взять у меня материалы конгресса, чтобы вернуть на земле. Дело в том, что матросов полиция не подвергала досмотру, так как все полицейские были соучастниками контрабандного провоза товаров. Но я не воспользовался его предложением, а зашил за подкладку пальто мои записи, сделанные на конгрессе.

Так мы готовились к встрече с Кубой. Наше беспокойство еще больше усиливал однообразный и медленный ход судна, когда в течение долгих дней мы видели вокруг лишь воду и воду. Моя поэтическая восторженность при виде бескрайнего водного пространства улетучилась еще во время первого морского путешествия, и уже тогда мне хотелось поджечь всю эту громаду волн.

Матросы рассказывали чудеса о Гаване. Говорили, что в Гаване лучшие в мире женщины, лучший в мире ром и лучший в мире табак. Они делились воспоминаниями о самых невероятных похождениях, которые заставляли меня краснеть, хотя я никогда не был святошей. Меня, правда, не привлекали эти песни сирен. Не хватало мне еще думать о женщинах, когда все мысли были сосредоточены на том, что в Гаване меня ждет встреча с одной из самых продажных и жестоких полиций Латинской Америки!

В Гаване события не заставили себя ждать. Судно бросило якорь часов в шесть утра, но полиция Мачадо не дала нам даже позавтракать. Большая группа полицейских поднялась на борт и выстроилась в две шеренги. Что касается пассажиров, то их разделили на две группы. Одну составили те, которые должны были пройти нормальный таможенный досмотр. Это были пассажиры первого класса. Исключение составили лишь два-три человека, которых грубо втолкнули во вторую группу. Все входящие в эту группу здесь считались с первого же момента задержанными. Стоит ли говорить, где оказались мы с Модесто Рамиресом! Вместе с несколькими итальянцами нас доставили в тюрьму Тискорния, где содержались сотни кубинцев и иностранцев, которые по тем или иным причинам не смогли «нормально» попасть в страну. Почти все пассажиры третьего класса были вынуждены пройти через эту тюрьму. Одни пробыли здесь несколько часов, другие были задержаны на несколько дней, некоторые оставались там, когда нас отпустили. После полудня полицейские еще раз тщательно обыскали наши чемоданы. Они ничего не нашли, потому что мы ничего не везли в них, кроме нескольких пар нашего скромного белья. Они приказали мне снять пальто — я неизбежно должен был изжариться, но я притворился, что мне очень холодно: я, мол, не только «мерзляк» от рождения, но и давно страдаю тропической лихорадкой, от которой меня постоянно

бросает в озноб. «Кроме того, — заявил я, — мое нервное состояние, вызванное этим несправедливым задержанием, еще больше усиливает ощущение холода». Когда начался допрос, то я понял, что меня вновь принимают за японца, причем за подозрительного японца, чуть ли не за шпиона. Я стал сыпать проклятиями, заявил, что лучше, чем они, говорю по-испански, что я — сальвадорец. Требовал, чтобы меня оставили в покое из-за моего лица индейца, что латиноамериканские индейцы пришли из Азии и что поэтому мы похожи на японцев, что я не виноват, если кубинцы не в состоянии отличить индейца от японца, — вину за это несут испанцы, истребившие на Кубе всех индейцев: с кем же тут было сравнивать?

В конце концов нам заявили, что мы должны оставить в тюрьме наши чемоданы — их собирались проверить с помощью специальной аппаратуры и подвергнуть дезинфекции. Нас же отвели в тюремные камеры, построенные таким образом, что убежать из них было невозможно; здесь мы должны были ждать решения нашей судьбы. К счастью, полицейские поверили в мои басни о том, что я боюсь холода, и не отняли у меня пальто. И если с меня пот лил в семь ручьев, то бумаги мои оказались в сохранности.

Мы с Модесто стали думать над тем, как установить связь с внешним миром. Конечно, больше всего нам хотелось бы выйти на кубинских коммунистов, которые, хотя и находились в трудном положении в результате репрессий, могли бы во многом помочь нам. Дни шли, а наше положение не менялось ни к лучшему, ни к худшему. Мы были такими же заключенными, как и другие.

Понемногу мы установили кое-какие приятельские отношения с одной молоденькой кубинкой, кстати очень красивой, днем она ухаживала за цветами в саду при доме начальника тюрьмы, которого все боялись больше бубонной чумы и желтой лихорадки, вместе взятых. Мы начали заводить с ней робкие разговоры о фильмах и песнях, затем она стала приносить книги и журналы, чтобы мы могли убить время, и надолго задерживалась с нами, слушая наши рассказы о Сальвадоре, о морских путешествиях и т. д. И однажды она сказала, что начальник тюрьмы — ее отец, и пообещала вступить за нас, так как убедилась в том, что мы хорошие люди, честные и скромные. Она считала, что с нами произошла ошибка. Мы тоже пытались помочь себе и после получения соответствующего разрешения написали письмо в Сальвадор, в котором комментировали публикации гаванских газет, восхвалявших Мачадо. В нашем письме мы добавили еще несколько льстивых фраз в адрес цензуры, которая должна была обязательно ознакомиться с письмом. Письмо «прошло» хорошо, а уже у себя дома мы узнали, что оно было получено адресатом. Чего

только не приходится делать в жизни! Дня через два после отправки письма наша кубинская знакомая сказала, что ее грозный отец встает утром очень рано и выходит поработать в саду. В это время он всегда в хорошем настроении, и мы могли бы рассказать ему о нашей беде. Одним словом, в эти часы он похож на сытно пообедавшего льва. Так мы и поступили: мы поднялись рано-рано, чтобы подкараулить начальника тюрьмы, и подошли к нему, когда он занимался своими садовыми делами. Разговор был настолько успешным, что он назначил нам встречу в своем кабинете в этот же день. Когда мы вошли к нему, он был в кабинете вместе со своим секретарем, готовым стенографировать нашу беседу. Начальник тюрьмы начал разговор о Сальвадоре, и я понял, что он все еще сомневался в том, что мы являемся сальвадорцами. Что касается меня, то он продолжал считать меня японским шпионом. Он спросил меня, когда испанцы начали завоевание Сальвадора, задавал вопросы по истории и географии нашей страны. Я еще хорошо помнил все исторические события и пустился в рассказ о Сальвадоре, но мало-помалу свел разговор к Масео и Хосе Марти, которые в определенный период своей революционной деятельности получили убежище в Центральной Америке — здесь у них были и любовь, и дети, и друзья, и враги. В свою очередь начальник разразился целой речью: он оказался страстным поклонником Хосе Марти и прочитал мне настоящую лекцию о нем. Оказывается, до революции у Марти были и такого рода «последователи» — люди, лишенные совести. По крайней мере этот начальник тюрьмы больше подходил на роль ученика Гитлера, чем Марти. Правда и то, что и в Сальвадоре множество негодяев использовали имя Хосе Марти с тем, чтобы обогащаться и прикрывать свое обогащение, вводя в заблуждение старичков, считавших себя либералами. Где-то в середине беседы начальник тюрьмы убедился в том, что мы действительно являемся сальвадорцами, и послал за консулом нашей страны. Это был старый индеец по фамилии Бланко, отец одного журналиста из Сан-Сальвадора. Этот консул плохо соображал — от него несло таким ромовым перегаром, что было видно: дело не ограничилось одной бутылкой. Поэтому нам удалось убедить его в том, что мы были матросами, что пароходная компания оставила нас без гроша во Франции, но ценой больших усилий нам удалось достать денег для возвращения на родину. В нашем же присутствии консул взял нас на поруки и от имени сальвадорского правительства попросил дать нам возможность продолжать путь. Если бы не он, мы ждали бы освобождения до 1959 года, то есть до победы Фиделя Кастро.

Для того чтобы вступить на землю Центральной Америки через порт Барриос, нам нужна была гватемальская виза.

Пришлось ехать в Гавану. Из Тискорнии нас отправили в сопровождении полицейского агента, по лицу которого было видно, что это большой мошенник. Мы быстренько подкупили его небольшими «подарками», угостили пивом и получили разрешение взять такси для поездки в гватемальское консульство и заодно хоть немного посмотреть Гавану. Мы нашли такси и отправились к центру города. Все было интересно, мы задавали бесконечные вопросы. Коль скоро было очевидно, что нас сопровождал полицейский агент, шофер спросил, не кубинцы ли мы. Когда он узнал, кто мы и откуда, то воскликнул: «Ай! Сальвадорцы, арестованные на Кубе! Ну и времена! А все потому, что эти полицейские и правительственные чиновники — настоящие подонки, которые не умеют обращаться с приличными людьми, так как сами выросли среди воров и преступников. И в дополнение ко всему нами всеми командует старый сукин сын, который зовется Мачадо». Мне стало не по себе, потому что почувствовал, что назревает скандал, — я не знал, что подумать и что предпринять. Существовала также и возможность того, что шофер мог оказаться провокатором, который пытался поступать с нами по правилу «если тебе худо, то надо сделать так, чтобы тебе стало еще хуже». Но полицейский лишь тихо сказал шоферу: «Кончай, парень, есть же предел». Он отвез нас в гватемальское консульство, подождал, пока нам дали визы, и повез показывать Гавану. Город не выглядел веселым, чувствовалась какая-то напряженность. Единственное, что сразу привлекало внимание, — красота кубинских женщин. Когда мы проезжали мимо Капитолия, шофер показал на него и заявил: «Посмотрите на это дерьмо, все это будет нам стоить свыше 18 миллионов долларов, и все для того, чтобы старый сукин сын мог бы вкусно поужинать с гринго. Стыдно за Кубу, сеньоры». Мы лишь пробормотали в ответ, что ничего не понимаем в политике, но единственное, что можно сказать, — в Сальвадоре дело было хуже, было больше нищеты и не было такого утешения, какое было у кубинцев, — такого количества красивых женщин. Полицейский в свою очередь прикидывался дурачком и смотрел на небо или куда-то вдаль. Мы заехали в ресторанчик пообедать, и шофер поведал нам некоторые подробности о стране, которые красноречиво говорили об обстановке коррупции и террора при правлении Мачадо. «Рабочий класс не смирился, — говорил шофер. — Положение на Кубе критическое. Полиция убивает без разбору. Нельзя собраться небольшой компанией на улице — особенно вечерами или в бедных кварталах, — так как сразу открывают огонь. Штрафы дают на народ невыносимым прессом. Экономический кризис ужасен, правительство стремится выжать из народа все. Платишь штраф, если твой рабочий инструмент — в данном случае мой авто-

мобиль — покажется грязным. Платишь штраф даже за то, что носишь большие карманные часы, так как они считаются тупым оружием. Одним словом, все это — дерьмо».

В конце дня шофер отвез нас в порт, и, хотя мы настаивали на том, чтобы заплатить ему по справедливости, так как он провел с нами целый день, он не захотел взять ни цента. Может быть, это был товарищ-коммунист, но мы, хотя и чувствовали к нему симпатию, не открылись. Вообще-то мы не впервые на Кубе слышали подобные разговоры о правительстве. В Тискорнии «весь мир», не таясь, говорил о политике и страстно спорил, даже о марксизме. И коль скоро кубинцы народ шумный, то мне всегда казалось, что спор из-за политики или астрономии вот-вот выльется в драку, но до этого никогда не доходило. Здесь не так, как у нас, где прежде, чем закричать или громко предупредить о чем-то, уже начинают доставать ножи или мачете. Но тем не менее было видно, что кубинцы не склонились перед тираном и, очевидно, в них есть что-то, если они первыми среди латиноамериканцев сбросили со своей шеи империализм янки.

Больше затруднений у нас не было. Мы сели на корабль и отплыли в порт Барриос. И только здесь я почувствовал, что закончилось наше путешествие, что мы возвращаемся к себе домой живыми и невредимыми.

Глава VI

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В гватемальском порту Барриос мы легко прошли пограничный контроль благодаря доброму настроению одного из чиновников. Лишь взглянув на наши сальвадорские паспорта, он заявил, что все мы, жители Центральной Америки, — братья, и поставил штамп прибытия, не задавая никаких вопросов. Нас не обыскивали и не задерживали. Мы чувствовали себя свободными, считали, что находимся почти что в Сальвадоре, в крайнем случае мы могли бы добраться до родины хоть на карачках. Но когда мы связались с профсоюзом портовиков, то узнали, что избежали ареста просто чудом, так как политический контроль был ужесточен и по малейшему подозрению можно было попасть в тюрьму. Мы благословили чиновника, который оказался в добром расположении духа, может быть, потому, что перед этим поболтал всласть с какой-нибудь красоткой. Во время нашего пребывания в Пуэрто-Барриос мы беседовали с рабочими банановых плантаций, с группами друзей и симпатизирующих революционным идеям, но местные товарищи предупредили, что полиция уже искала нас. Одним словом, нам пришлось ускорить отъезд в город Гватемалу. В столице нас тепло встретили товарищи из рабочего движения. Гватемальские делегаты конгресса, состоявшегося в Москве, Овандо Санчес и Чигуичон еще не вернулись из Советского Союза, и нам пришлось выступать перед группами революционных рабочих Гватемалы, рассказывать о советской стране, о конгрессе Профинтерна. В гватемальской столице в то время находился наш соотечественник Мигель Анхель Васкес, высланный из Сальвадора за коммунистическую деятельность. Вместе с товарищами, о которых я уже говорил, он был одним из тех, кто первым начал распространять марксистские идеи в странах Центральной Америки. Васкеса очень уважали как за его способности, так и за большие знания. Он знал несколько языков, в том числе французский, читал марксистскую литературу, издаваемую в Европе, и переводил ее. Этот товарищ после стольких лет самоотверженной и трудной борьбы, стольких лет лишений, бедствий и голодного

существования продолжает служить делу революции и заслуживает того, чтобы ему воздали должное. В Гватемале Мигель Анхель Васкес познакомил нас со многими людьми, вступившими на революционный путь. Для нас большой радостью было видеть, как растет и крепнет народное движение во всей Центральной Америке. Васкес получил от Компартии Сальвадора указание принять все необходимые меры предосторожности, так как правительство нашей страны отдало приказ о нашем аресте. Но стремление вернуться на родину было столь велико, что через несколько дней мы решили пойти на риск, к тому же дополнительные инструкции от руководства нашей партии так и не были получены.

Мы разработали подробный план возвращения на родину. Было решено, что Модесто Рамирес, который не был так известен, как я, попытается вернуться обычным путем — по железной дороге. Модесто без каких-либо особых трудностей добрался до Сан-Сальвадора, но, оказавшись в кругу семьи и товарищей, он забыл послать мне сообщение, и я попал в трудное положение.

Я прождал еще несколько дней, а затем решил повторить маршрут Модесто. Перед моим отъездом товарищ Васкес сказал мне, что всему Сальвадору стало известно о моей поездке в Советский Союз, так как об этом сообщили в своей печати анархо-синдикалисты. Радоваться особенно было нечему. По прибытии на сальвадорскую границу мне пришлось пережить первые опасные минуты. Полицейским офицером на пограничном посту оказался мой старый знакомый по Сан-Мартину — Росарио Колорадо, тот самый, жена которого так внимательно и дружески отнеслась ко мне в свое время, чем пытались воспользоваться мои недруги, чтобы вызвать ревность у супруга. Делать было нечего: мне пришлось столкнуться с ним лицом к лицу. К моему удивлению, он, поприветствовав меня и спросив о том, как мне путешествовалось, оформил мои документы. Колорадо сказал мне, что он не получал приказа о моем аресте, а сам, по своей инициативе, не намерен пакостить земляку, но посоветовал быть с этого момента предельно осторожным, потому что меня, без сомнения, подстерегает опасность: ведь все уже говорили, что я коммунист и возвращаюсь из России бог знает с какими подрывными планами. На первой же железнодорожной станции, уже на сальвадорской территории, я встретил одну знакомую женщину (правда, не смог вспомнить ее имя), которая также сказала мне, что меня ищут и могут арестовать в любой момент. Я стал принимать меры предосторожности: много времени проводил запершись в туалете и был готов к тому, чтобы в случае опасности моментально выпрыгнуть из вагона. Мне удалось добраться до Апопы, поселка, который расположен вблизи Сан-Сальвадора. Было

30 декабря 1930 года. Я спрыгнул с подножки вагона, когда поезд стал набирать скорость, и отправился на поиски подходящего транспорта, чтобы закончить мое путешествие. Мне повезло «поймать» грузовик, который вечером должен был прибыть в Сан-Сальвадор. Шофер согласился довезти меня.

На следующий день после прибытия в Сан-Сальвадор я установил контакт с руководством партии. Вскоре состоялась встреча с членами Центрального Комитета, на которой я кратко доложил о моей поездке, а товарищи сообщили мне некоторые сведения. Уже в Гватемале я слышал о некоторых изменениях в составе руководства партии, на встрече же мне рассказали о них. Нарсисо Руис, один из активистов профсоюза пекарей, сменил Луиса Диаса на посту Генерального секретаря ЦК партии. Другой сюрприз заключался в том, что я встретился с Агустином Фарабундо Марти. Я узнал также о том, что в партию вступили и активно сотрудничали с руководством товарищи Альфонсо Луна, Марио Сапата, Мойсес Кастро и Моралес и Макс Рикардо Куэнка, молодые представители интеллигенции.

Естественно, что мои первые встречи с руководством партии состоялись в обстановке секретности, но мое возвращение в Сан-Сальвадор не удалось долго хранить в тайне. Очень скоро меня стали навещать группы рабочих и крестьян из Илопанго, Сан-Мартинеса и даже из других мест: всем хотелось, чтобы я рассказал им о своих впечатлениях о Советском Союзе. Некоторые приходили с тетрадками и записывали мои рассказы. Интерес был огромным, и вопросы задавали самые разнообразные. Верно ли, что в Советской стране царит голод и преследуют верующих? Верно ли, что отсутствует свобода собраний? На каждый вопрос я стремился дать обстоятельный ответ. Что это за штука — «свободная любовь»? Я объяснял собравшимся, что речь не шла о разрушении всяких моральных устоев, которое лицемерно осуждала буржуазная печать. Как раз наоборот, о возвышении отношений между мужчиной и женщиной в новых общественных условиях, основанных на освобождении человека от эксплуатации. А что там относительно рабского труда? И о том, что у родителей отнимают детей? Я рассказывал о системе яслей и детских садов, о заботе о детях, о том, как благодаря этим мерам работающая женщина-мать была освобождена от многих забот. Что думают советские рабочие о солидарности с борьбой трудящихся всего мира? Я рассказывал о митинге, который состоялся на крупнейшем в мире хлебозаводе, и о том, что сказали нам выступавшие советские рабочие — они работают также и для нас. Есть ли католики в Советском Союзе? Я рассказал о беседе, которую

имел там с одной женщиной, ответившей на этот вопрос так: я — католичка и верую в бога, но молюсь лишь перед тем, как лечь спать, так как у меня нет свободного времени, чтобы отдавать его церкви, — днем я работаю, а вечером занимаюсь астрономией. Бог меня понимает и доволен мной, он благословляет меня и желает счастья. Я подробно рассказывал крестьянам о системе организации колхозов, об условиях жизни колхозников. Делился также и своими впечатлениями о посещении частей Красной Армии. Я стремился развеять сомнения в отношении проблемы, которую в ту пору усиленно муссировала реакционная сальвадорская печать, утверждавшая, что Советский Союз стремится вызвать демпинг на мировом рынке, хотя сама такая возможность исключалась наличием экономической блокады и отсутствием международных торговых связей — все это империализм использовал против Советской страны. Нередко мне приходилось беседовать в течение целого дня и продолжать разговор в вечерние часы, так как подходили новые группы представителей рабочих и крестьян. Естественно, что я рассказывал не только об успехах, достигнутых в Советском Союзе, не пытался рисовать все в розовом цвете. Нет, я говорил также о тех больших трудностях, с которыми сталкивалась эта огромная страна: о нехватке продуктов питания, о большом дефиците потребительских товаров, об отсутствии достаточного количества технических специалистов, необходимых для развития производства, о саботаже врагов социализма и т. д. Но за всем этим, хорошим и плохим, вставала титаническая борьба советского народа и его коммунистической партии по решению поставленных задач. Я рассказывал своим товарищам и о личных качествах тех видных советских деятелей, с которыми мы познакомились и поддерживали тесные контакты — о Лозовском, Мануильском, Ворошилове, Буденном. Лозовский был наиболее популярен среди сальвадорского пролетариата. Я рассказывал о том, как мы были в гостях у него дома, о том, как Модесто Рамирес приготовил асадо * по-сальвадорски, как мы выпили за здоровье сальвадорских трудящихся.

Интерес людей к моим рассказам был таким, что Центральный Комитет партии решил, что мы должны выступать на собраниях. В результате мне пришлось написать довольно объемистый доклад (он потерялся в 1932 году), и я выступил с ним на ряде массовых собраний — открытых или нелегальных — в различных местах района Илопанго, в Санта-Текле, Ауачапане, а также на различных нелегальных собраниях крестьян, которые мы называли «овражьими». Эти собрания с участием 300—400 крестьян организовывались в каком-

---

* *Асадо* — жареное мясо.— *Прим. ред.*

нибудь овраге или на плантации сахарного тростника после захода солнца и продолжались до рассвета. Для того чтобы обеспечить безопасность участников собрания и избежать вмешательства властей, требовалась отличная организация. Обстановка на этих собраниях была действительно волнующей, я чувствовал боевое настроение собравшихся, их революционный пыл. Я помню одно особенно многолюдное и боевое собрание, состоявшееся на земле поместья «Монтаньита», в районе Ауачапана. Именно здесь вспыхнула забастовка после выборов 1932 года, которой правительство Мартинеса воспользовалось в качестве предлога, чтобы развязать массовые репрессии. Моя пропагандистская деятельность, связанная с поездкой в Советский Союз, стала составной частью политической работы того периода. Она постоянно расширялась, и где-то ближе к середине 1931 года власти стали усиленно преследовать меня. В результате я был вынужден значительно сократить число своих открытых выступлений и сделать их более краткими. Вскоре всякой возможности даже ограниченных легальных выступлений, чего я добивался по указанию партии, пришел конец, и я полностью перешел на нелегальное положение.

Подпольную работу по организации и агитации необходимо было углубить, и она заняла первостепенное место в нашей деятельности. Мне лично довелось создавать и руководить подпольными группами Союза коммунистической молодежи и местными комитетами партии в Сойапанго и Илопанго. Затем с товарищами из этих мест мы перебрались в Сан-Сальвадор, чтобы создать группы численностью до 15 человек — членов комсомола и партии в кварталах Канделария, Консепсьон, Калварио, Сан-Эстебан и Мехиканос и помогать им в работе. Все эти группы были вынуждены собираться за городом, чтобы избегать полицейских налетов. Довольно часто эти собрания проводились в заброшенном районе Флор-Бланка, в окрестностях Чакра, в горах Сан-Хасинто и т. д. Модесто Рамирес работал вместе со мной, он был неутомимым помощником, трудился днем и ночью, спал урывками по два-три часа в сутки, ел что приходилось. Одновременно с этой подпольной работой продолжалось организационное укрепление профсоюзов Региональной федерации, в рядах которой мы, коммунисты, стремились быть лучшими, подавать пример: ведь из профсоюзов мы черпали новые силы для партии. Только за то время, что я был в Советском Союзе, ряды сальвадорского профсоюзного движения значительно выросли. Естественно, что власти, как гончие, шли за нами, и нам приходилось избирать тысячу и один способ, чтобы обеспечить свою безопасность и ни на минуту не бросать работу. Что это были за времена! Наши ночные собрания мы проводили в жалких крестьянских хижинах, затерянных в горах. Даже дети местных

товарищей помогали оберегать места встреч — взрывами хлопушек или колокольчиками предупреждали о приближении патрулей армии или национальной гвардии. Уже в Гватемале нам рассказали, что массовое движение в Сальвадоре обрело большой размах и что очень чувствовалась нужда в подготовленных работниках, которые могли бы руководить всей этой гигантской работой. Партия, Союз коммунистической молодежи и Региональная федерация прилагали большие усилия, но эти усилия все еще не отвечали потребностям, хотя каждый из активистов выполнял одновременно несколько трудных поручений. Карибская секция Коминтерна направляла нам информационные материалы, по мере возможности сообщала об опыте борьбы в других странах мира, но все это было подобно глотку воды в пустыне.

Наше массовое движение по своему содержанию было глубоко демократическим, антиимпериалистическим и революционным: подпольная организационная деятельность приносила видимые результаты на многотысячных боевых митингах протеста против правительственных репрессий, в защиту требований трудящихся города и деревни, за демократизацию правительства как в период правления Пио Ромеро Боске, так и Араухо, против империалистического проникновения в Гватемалу в результате предательской политики Убико, против антинародных репрессий империализма в различных странах мира. Наша массовая деятельность получала отклик в международной рабочей и коммунистической печати того времени.

Естественно, что за эту работу приходилось платить свою цену. Ведь наш враг был значительно сильнее и организованней нас. Тюрмы переполнились политическими заключенными. Одновременно правительство начало осуществлять план по выявлению и изгнанию из страны всех революционеров-иностранцев. Особенно широкий резонанс получил арест гватемальских товарищей — обувщика Эрнесто Хуареса и плотника Эмилио Вильеграна, которые своей активной деятельностью снискали любовь сальвадорских трудящихся. Политических заключенных посылали на строительство дороги к Кохутепеке, однако массовые движения протеста, организованные МОПром, вынуждали правительство довольно быстро освобождать их. Ромеро Боске лишь в течение первых двух лет своего правления делал вид, что является другом рабочих и демократов, а затем он обрушил на нас жестокие удары.

Твердая позиция, занятая сальвадорской секцией МОПра в защиту жертв правительственных репрессий, привела к тому, что ее основные руководители Агустин Фарабундо Марти и Исмаэль Эрнандес были арестованы полицией во время очередной кампании по подавлению движения со-

лидарности. Оба в знак протеста против своего ареста немедленно объявили голодовку. Марти был прирожденным борцом, которого ничто не пугало, его наступательный дух мог сломить любого, его стойкость являлась следствием абсолютной верности делу угнетенных. Он говорил, что руководитель бедняков в столкновениях с классовым врагом должен держаться с наибольшим достоинством. И я думаю, что он был прав в этом.

Во время этого ареста, о котором я рассказываю (я еще не вернулся тогда из поездки в Советский Союз), голодовка Марти и Эрнандеса продолжалась четыре дня, по истечении которых начальник полиции генерал Лейтселар приказал доставить их в свой служебный кабинет. Здесь он встретил их вопросом, заданным в притворном и любезном тоне: «Как чувствуете себя, уважаемые сеньоры?» И Марти ответил ему во весь голос: «Так, как всегда чувствуют себя мужчины, распоследний ты сукин сын, мы не отступаем!» В партии были такие товарищи, которые считали ненужным рассказывать об этом и подобных ему эпизодах, так как они говорили, что это свидетельствовало о «дурном воспитании» Марти. А я считаю такое поведение достойным всяческого подражания. Марти в то время был глашатаем движения народного протеста, он представлял обездоленные массы, страдавшие от преследований власть имущих. Находясь на гребне волны народной ярости, нельзя прибегать к полутонам и тем более поступаться принципами. Дипломатия остается на то время, когда борьба не носит такого фронтального и бескомпромиссного характера. И если в лицо генералу Лейтселару, который, возможно, был не из числа худших в истории сальвадорской армии, была брошена такая резкая фраза, то что ж, поделом: речь шла не о том, чтобы просить извинения, все обстояло наоборот. Естественно, что ответ Марти заставил ошешить офицеров, доставивших его к своему начальнику. Некоторые из них вытащили свои пистолеты и приставили к груди Негра. Один из них потребовал от Марти извиниться перед генералом, но в ответ получил пинок. Марти грубо швырнули в камеру. Полицейские поняли, что люди такого склада не идут на сделку с совестью. Через два дня Марти был насильно посажен на торговый пароход и выслан из страны. На борту этого судна он был доставлен в Соединенные Штаты, где ему предложили продолжить — за счет сальвадорского правительства — путешествие до Советского Союза. Марти решительно отказался высаживаться на американской территории и от провокационного предложения сальвадорских властей оплатить ему проезд до Советского Союза. На этом же судне он вернулся в Центральную Америку, обманул бдительность полиции и бежал с борта парохода в никарагуанском порту Коринто. Здесь он связался с революционным движе-

нием Никарагуа и немедленно стал готовить свое возвращение в Сальвадор, на боевой пост. Тем временем Исмаэль Эрнандес продолжал оставаться в заключении, выдерживая в одиночестве все муки голодовки. Голодовка продолжалась уже одиннадцать дней, когда власти начали перевозить его из тюрьмы в тюрьму, чтобы дезориентировать широкое движение протеста трудящихся. Настал день, когда Эрнандеса, закованного в кандалы, поместили в сумасшедший дом, в одиночную камеру, где целыми днями в него вливали воду. Исмаэль не дрогнул, он решительно отказывался прекратить голодовку до того, как будет освобожден. Президент страны Пио Ромеро Боске приказал доставить Эрнандеса из сумасшедшего дома к себе в кабинет в надежде запугать его и заставить отступить. Эрнандеса привели в президентский дворец в наручниках, закутанного в плащ из прорезиненной материи, потому что от пытки водой его тело чудовищно разбухло. Когда он оказался перед президентом, тот начал кричать на него: «Вы несознательный элемент, настоящий бандит. Вы плохой сын, у вас нет ни сердца, ни совести. Как вы можете спокойно смотреть на то, как ваша мать ходит по тюрьмам, пытаясь спасти вас? А ведь стоит вам отказаться от этих идиотских подрывных идей, и вы вернетесь в общество. Мы готовы предоставить вам такую возможность, если вы проявите полное раскаяние». Все это время Исмаэль буквально обливался потом, и дон Пио приказал стражникам снять с него плащ. Полицейские исполнили приказание, и тогда перед глазами предстала ужасная картина: закованный в кандалы Исмаэль, страшно распухшее тело. Она произвела впечатление на дону Пио, он заколебался, и тогда Исмаэль перешел в наступление: «Нет, это вы лишены всякой морали, это вы полны жестокости, это вы причиняете столько боли семьям простых людей. Я служу интересам бедняков, и это дает мне силы переносить все эти испытания. Я — коммунист, который стремится последовательно бороться за свои убеждения, как это делают коммунисты во всем мире». Дон Пио опустил голову и забормотал, что он не знал о таком обращении с политическими заключенными. Он сказал, что отдаст приказ о немедленном освобождении Исмаэля, выдаст ему денег, чтобы он смог основать свое «дело» и забыть о революционных идеях, чтобы ему больше не пришлось бы сталкиваться со столь жестокими испытаниями. Исмаэль отказался взять хоть одно сентаво и лишь попросил вернуть ему его рабочие инструменты, изъятые при обыске. Дон Пио приказал освободить Исмаэля и установить за ним строжайший полицейский надзор. Исмаэль вышел на свободу прямо из президентского дворца. Через некоторое время партии удалось отправить его из Сан-Сальвадора в восточный район страны, чтобы спасти от полицейского надзора. Исмаэль обосновался

в Сан-Мигеле. Кстати, именно в это время в Сан-Мигеле вспыхнул острый социальный конфликт: это было «сотистское восстание». Управляющий семьи миллионеров Мearди по фамилии Сото был несправедливо обвинен в махинациях. Сото был очень добрым и честным человеком, который часто помогал беднякам. Его хорошо знали в народе. Судьи, подкупленные Мearди, осудили Сото, несмотря на народные протесты, и тогда неожиданно народ выступил против местных властей. И действительно, ничто не говорило о возможности подобного восстания, но этот случай послужил поводом для стихийных выступлений. Народ разгромил подвалы и склады семьи Мearди и отказался подчиняться властям департамента. Президент республики объявил осадное положение на всей территории департамента Сан-Мигель и направил туда армейские части. По согласованию с семьей Мearди были приняты различные меры, чтобы локализовать и погасить недовольство, и выступления были быстро подавлены.

Состояние здоровья Исмаэля Эрнандеса было очень тяжелым — ему чуть не пришлось ампутировать ногу вследствие тех пыток, которые он перенес. Тем не менее он воспользовался сложившимся положением и создал крепкую партийную организацию и местную группу МОПра. После «сотистского выступления» он привлек в наши ряды множество людей, пользовавшихся авторитетом и влиянием среди крестьян этого района. В это время здесь началось создание подпольного отряда милиции, численность которого составила 700 человек, все они прошли тщательную проверку. Во время событий в январе 1932 года весь отряд был собран на кладбище Сан-Мигеля и ожидал приказа о вооруженном захвате города.

Из моего рассказа видно, что у нынешних молодых коммунистов нет никаких оснований для того, чтобы с олимпийским спокойствием говорить о том, что всем нам было свойственно глубоко укоренившееся сознание ремесленников. Если подходить к вопросу формально, то действительно большинство из нас (я говорю о руководящих кадрах) были ремесленниками, но жизнь, которую мы вели, была жизнью пролетарских революционеров.

Дело в том, что работа среди масс, напряженная политическая деятельность не позволяли нам долгое время задерживаться в какой-либо одной мастерской. Владельцы же мастерских в свою очередь знали, что они не могут рассчитывать на нас. И действительно, не могли же мы терять время на изготовление пары туфель для какой-нибудь дамы в то время, как было необходимо срочно подготовить и распространить очередное обращение к рабочим. Вот почему мы пытались создать собственную мастерскую, чтобы зарабатывать на жизнь

и быть независимыми. В этот период борьбы, о котором я рассказываю, мне пришлось, насколько я помню, работать (после того, как я ушел от мастера Ангуло) в мастерской Луиса Риваса, в мастерской Сирилио Переса, обслуживавшей первый пехотный полк, в мастерской Пруденсио (он был родом из Сакатеколука, расставался со мной он со слезами на глазах) и даже у Хосе Энрике Коньеса, который очень хорошо относился ко мне, несколько раз прятал меня от полиции (именно он подарил мне пару ботинок для поездки в Советский Союз). Но, переходя из одного места в другое, бросая работу ради участия в очередных боевых выступлениях, я не мечтал о собственной мастерской ради самой мастерской. Повторяю: если кто-то и стремился основать свое собственное небольшое «дело», то это лишь ради того, чтобы не быть связанным обязательным рабочим днем, чтобы иметь возможность заниматься политической работой тогда, когда необходимо. И если у кого-то из нас и были собственные мастерские, то это следствие тактических соображений, а не результат мелкобуржуазных устремлений. Это относится ко мне, к Исмаэлю Эрнандесу и к Леону Понсе. Кроме того, были и другие соображения, не связанные с проблемой времени: мастерская служила превосходным прикрытием. В качестве владельца вы становились мастером доном Мигелем Мармолом, что в глазах властей звучало уважительней, нежели товарищ Мармоль, рабочий Мармоль. Здесь и речи нет о каком-то стремлении подняться вверх по социальной лестнице. Дело заключалось в том, чтобы использовать лучшие возможности для пропагандистской работы. Естественно, что настал момент, когда репрессии вынуждали нас передавать наши небольшие мастерские в руки товарищей, которые еще не «сгорели», или закрывать их.

Репрессии не носили локального характера, они осуществлялись по всей стране. Я уделял большое внимание совершенствованию методов работы, с тем чтобы избегать полицейских ловушек. В результате за весь этот период широких преследований меня удалось арестовать лишь один раз. Это случилось в начале 1931 года, во время избирательной кампании, в которой мы принимали участие. Арестовали меня и Чико Санчеса, крестьянского руководителя из Исалко, расстрелянного в 1932 году. Национальная гвардия поместила нас в местную тюрьму и угрожала расстрелять — этого требовал, как говорили солдаты, алькальд Эмилио Радаэли, который был убит во время событий 1932 года. Но народные массы выразили такой резкий протест, что власти были вынуждены освободить нас. Когда люди разошлись, нас вновь арестовали. Но вновь собралась огромная толпа, и нас снова выпустили. Стоит сказать несколько слов об этих выборах, поскольку они тесно связаны с началом народного восстания.

Выборы депутатов и мэров, о которых я буду вести речь, состоялись при правительстве Араухо. Избирательный процесс был прерван государственным переворотом, в результате которого Араухо свергли. Переворот был непосредственно организован и использован настоящим преступником — генералом Максимилиано Мартинесом. Готовящиеся выборы означали, что исключалось всякое мирное решение политических проблем Сальвадора того времени. Почему же мы, коммунисты, приняли участие в них? Мы лишь откликнулись на настроения масс. Экономическое положение Сальвадора было ужасным, потому что мировой кризис капитализма, разразившийся в 1929 году, сильно ударил по нашей стране. Особенно бедственным было положение в сельской местности; здесь царил настоящий голод, и крестьянские массы были в отчаянии. Крестьяне с каждым разом проявляли все больший интерес к политическим решениям проблем, и их все больше тянуло в наши ряды. И достаточно было того, чтобы требования крестьян получили свою политическую окраску, как буржуазия и правительство, помещики и контролируемые ими государственные органы власти начали применять насилие против народа. Вообще-то буржуазия осуществляла систематическое насилие против трудящихся начиная с 1930 года. Помещики уничтожали посеvy бедных крестьян, выгоняли свой скот на поля колоннов * и издольщиков, прибегали к массовым увольнениям сельскохозяйственных рабочих, чтобы переложить на их плечи основную тяжесть кризиса. Помимо этого, была создана обстановка террора: совершалось огромное количество убийств. Репрессивные силы правительства также вносили свою «лепту» в создание такой обстановки, так как было достаточно малейшей жалобы помещика — и сельские труженики подвергались немилосердному наказанию.

Наиболее жестокие репрессии были осуществлены в начале 1931 года в поместье «Асучильо» в департаменте Ла-Либертад. В этом поместье было созвано профсоюзное собрание, чтобы обсудить проблемы экономического кризиса. Хозяин поместья запретил проведение собрания и вызвал национальную гвардию. Прибывший отряд открыл огонь по собравшимся, множество людей было убито. Эти события заставили Фарабундо Марти покинуть свое подпольное убежище и отправиться на встречу с президентом Араухо. Однако этот президент «трудящихся» остался глух ко всем доводам. Фарабундо вышел из себя и обозвал президента последними словами. На улице его арестовали и отправили в тюрьму, но Фарабундо, как и во время предыдущего ареста, немедленно объявил голодовку.

---

* Колон — арендатор небольшого земельного участка у крупного землевладельца, за пользование которым он платил натурой или деньгами. — *Прим. ред.*

Голодовка Марти продолжалась 27 дней, и все это время сальвадорский народ боролся за его освобождение. В печати поднялась настоящая кампания вокруг ареста Марти и массовых выступлений. Prestиж правительства Араухо стремительно покатился вниз. Однако это падение престижа, к сожалению, было использовано буржуазными политическими противниками правительства Араухо и позволило осторожному и хитрому военному министру правительства генералу Мартинесу, который также был кандидатом на пост президента, но потерпел поражение, предпринять ряд маневров. Что же касается Марти, то народная борьба за его освобождение увенчалась успехом — он был освобожден. Марти не был единственным политическим заключенным в стране. Тюремны были переполнены, и насильственное изгнание из страны стало обычным делом. Правительственные репрессии привели к тому, что массы все больше и больше стали отвечать соответствующим образом. Крупные массовые выступления и даже открытые столкновения с отрядами армии и национальной гвардии происходили в Сонсонате, Санта-Ане и в других местах страны. Так, например, 17 мая 1931 года в Сонсонате состоялась народная демонстрация с требованием освобождения Марти. Против нее была брошена кавалерийская часть из Санта-Аны и солдаты пехотного полка Сонсонате. В результате столкновений с войсками было убито 10 или 12 товарищей, десятки человек получили серьезные ранения, многие были жестоко избиты, арестованы. Перед лицом этих насильственных действий народные массы, а не партия, начали выражать — через посредство профсоюзов и других организаций — стремление дать бой буржуазии на выборах депутатов и муниципальных советов.

Коммунистическая партия не участвовала в президентских выборах, которые принесли победу Араухо, — выборах, известных, и не без основания, как единственные действительно свободные выборы в Сальвадоре в нынешнем веке. Вот почему старого лиса дона Пио некоторые продолжают называть «отцом сальвадорской демократии». На этих выборах были выставлены и другие кандидатуры — Кларамонта, Энрике Кордовы, Мигеля Томаса Молины, генерала Мартинеса и других. Народ выбрал Араухо. И несмотря на все более явственную угрозу государственного переворота, массы надеялись на то, что путь выборов еще не исчерпал себя. В этот период контроль над какой-либо мэрией означал также и контроль над местным правлением, местной полицией, местными судебными органами и т. д. Народ был уверен в том, что смена властей в административном аппарате действительно могла бы решить множество проблем. Это свое требование массы настойчиво выражали на собраниях и митингах. На мой взгляд, мы, ком-

мунисты, не понимали, что, несмотря на свою ошибочность, это требование одновременно свидетельствовало об огромном стремлении сальвадорских трудящихся политизировать свою борьбу. Ведь не следует забывать о том, что хотя борьба нашей партии и рабочего движения велась в обстановке жестоких преследований, она в основном сводилась к экономическим требованиям.

В октябре, после продолжительной и бурной внутренней дискуссии, партия приняла решение об участии в выборах. Эта дискуссия состоялась на расширенном заседании Центрального Комитета, в котором приняли участие представители всех массовых организаций. Заседание было проведено нелегально в том месте, где сегодня расположен поселок Флор-Бланка, в то время это было заброшенное поле. Мы, представители Союза коммунистической молодежи и Региональной федерации, были против участия в выборах, но не по той причине, по которой ранее против этого была партия, то есть не по причине того, что не следует смешивать экономическую борьбу с политической. Наоборот, мы утверждали, что лозунги экономического характера, которые занимали основное место, «гасили» политический энтузиазм народа, но неблагоприятная конкретная ситуация заключалась в следующем: выборы должны были состояться в декабре, то есть у нас оставалось всего несколько недель для пропагандистской и агитационной работы. Но даже если предположить, что мы смогли бы получить значительное число голосов, что дало победу нашим представителям, не было сомнения в том, что они не были бы утверждены на своих постах в результате подлога, который готовился правительством, или в результате применения силы репрессивными органами, что в свою очередь в обстановке острой классовой борьбы, несомненно, привело бы к развязыванию всеобщего насилия, а мы же в то время еще не были готовы к тому, чтобы возглавить выступления масс и направить их по революционному пути.

ЦК партии выступил в защиту съеза нового тезиса об участии в выборах. Наиболее страстными защитниками этого тезиса были товарищи Моисес Кастро и Моралес и Макс Рикардо Куэнка. Моисес Кастро заявил, что даже если мы не выиграем выборы, то сама кампания позволит укрепить нам связи с народом, познакомить его с нашей позицией и откроет возможности для его политической организации на основе широкой программы. В действительности, его аргументы были очень убедительными. Макс Рикардо Куэнка говорил о важности дисциплины в укреплении этой дисциплины и в повороте масс в направлении долгосрочных целей партии. Сегодня я мог бы сказать, что нам следовало серьезно спросить себя (и этот

вопрос всегда должна задавать себе коммунистическая партия): в какой степени мы были в состоянии обеспечить борьбу масс перед лицом организованного насилия со стороны буржуазного государства? Во всяком случае,⁸ Фарабундо Марти был согласен с Кастро и Моралесом и Куэнка. В конце концов все мы согласились с тезисом об участии в выборах, с одной оговоркой, предложенной Союзом коммунистической молодежи и Региональной федерацией (это предложение внес я), в том плане, что одновременно следовало готовить крупную национальную забастовку батраков кофейных плантаций с требованием существенного повышения заработной платы, причем такая забастовка могла обрести и политический характер, если ее увязать с участием в выборах. Подобный подход был чрезвычайно важен для нас. Это крупный шаг вперед в забастовочном движении сальвадорских трудящихся, так как речь шла об общенациональной забастовке и одновременно предусматривались солидарные выступления трудящихся других отраслей производства. Тем самым мы оставляли позади традиционный подход, заключавшийся в организации частичных забастовок.

Была избрана «комиссия по выборам» при ЦК партии. Я назначен ответственным по работе в рабочих поселках и в сельских районах департамента Сан-Сальвадор. В эти дни из тюрьмы вышел наш тогдашний товарищ Карлос Кастильо, которого партия выдвинула на работу в руководстве Региональной федерации (о нем я уже рассказывал). При нашей же первой встрече он стал упрекать меня за то, что на расширенном пленуме ЦК партии я не отстаивал позицию Региональной федерации в отношении неучастия в выборах. Кастильо в то время пользовался большим влиянием, и ему удалось добиться созыва собрания для пересмотра принятых решений. Я появился на этом собрании по прямому указанию Кастильо, но сразу же понял, что мое присутствие не понравилось Максу Куэнке и другим товарищам. На этом собрании я вновь поставил вопрос о том, что нам не следует участвовать в выборах. Но все остальные присутствующие не дали мне говорить и заявили, что этот вопрос уже принят голосованием и был решен. Кастильо придерживался той же позиции, что и я: подлог на выборах стал бы тем фатальным моментом, который толкнул бы народ к насилию. Он выступил с конкретной информацией. Кастильо рассказал, что, например, в Ауачапане население уже разработало свой план действий: если в результате подлогов результаты выборов будут изменены, то народ захватит казармы и с оружием в руках продиктует свою волю. Кастильо говорил о том, что наша партия не готова для руководства народным восстанием с целью взятия власти. Но против его доводов выступил Макс Куэнка. В ре-

зультате на собрании было подтверждено решение об участии в выборах. Моя работа (в порядке дисциплины я подчинился решению) заключалась в повышении политического уровня масс в предвыборной кампании, хотя лично я не был согласен с принятой установкой. Время летело очень быстро, события опережали друг друга. Однажды срочно было созвано собрание для того, чтобы проанализировать ряд секретных сообщений, которые получило руководство партии, свидетельствовавших о приближении государственного переворота с целью свержения правительства Араухо. Во главе заговора стоял военный министр генерал Мартинес. Ряд товарищей (и я в том числе) в принципе высказались за то, чтобы упредить государственный переворот и поднять массы на общенациональное восстание, так как было очевидно, что правительство во главе с генералом Мартинесом, неспшим непосредственную и прямую ответственность за большинство расправ, о которых я говорил, будет жестокой, антинародной, террористической диктатурой. Я считаю, что перспектива создания подобной диктатуры снимала всякий налет авантюризма с предложения о восстании, внесенного в сложившихся обстоятельствах, а на практике у нас было достаточно народных сил, чтобы с оптимизмом смотреть в будущее. В дальнейшем мы увидим, чего же у нас было.

Фарабундо Марти в свою очередь очень спокойно отнесся к нашему предложению и заявил: самое главное не в том, что генерал Мартинес может взять власть, в любом случае наши возможности не допустить этого слишком ограничены и общенациональное восстание было бы очень большой ценой за то, чтобы не допустить приход к власти диктаторского правительства. Он добавил, что условия для успеха восстания будут лучшими при существовании преступного правительства. Фарабундо Марти в этой связи ссылался на Ленина и подчеркивал, что сальвадорская армия все еще пользовалась определенным авторитетом в глазах народа, а вот гражданские правительства, подобные правительству Араухо, к этому времени уже полностью дискредитировали себя. Не исключено поэтому, что переворот, осуществленный таким военным, как генерал Мартинес, встретит поддержку среди значительных кругов населения. Фарабундо отметил, что мы должны нацеливаться не на восстание, а на осуществление мер с целью должного отпора государственному перевороту, на сохранение боеспособности организаций, нашего влияния среди масс в новых условиях и т. д.

На этом же собрании мы утвердили нашего кандидата в мэры Ауачапана, рабочего по фамилии Контрерас. Он был очень взволнован, так как кавармы Ауачапана окружила огромная толпа крестьян, собиравшаяся свести счеты за весь

тот произвол, который чинили по отношению к ним военные власти. Он сказал, что все призывы командира полка полковника Эскобара не нашли никакого отклика и что местные руководители партии просили направить к ним представителя ЦК с тем, чтобы успокоить крестьян и убедить их разойтись по домам прежде, чем начнется бойня. Эту работу поручили провести мне, и я немедленно отправился в путь. В Ауачапана я поговорил с осаждающими и убедил их разойтись. Полковник Эскобар заметил: «Эти сукины сыны понимают лишь своих». Через восемь дней создалось такое же положение: 700 крестьян окружили местный гарнизон национальной гвардии. Другими словами, настроение населения Ауачапана, да и всего запада страны, можно было характеризовать как повстанческое. И вновь меня направили для того, чтобы успокоить народ, и мне вновь удалось добиться этого. Но на этот раз крестьяне заявили, что они разойдутся, но я должен передать партии, чтобы она перестала лить воду в костер, так как в будущем подобного рода представителей (даже и меня) ждет опасность того, что «им воткнут мачете раньше, чем классовому врагу». Терпение народа истощалось. От партии я получил указание остаться в районе Ауачапана и продолжать здесь в сельской местности предвыборную работу. Работа эта была очень напряженной. Днем я работал в городе, а ночью — в горной сельской местности, ел я, когда была возможность, спать приходилось раз в трое суток. Накануне даты, назначенной для проведения выборов, из-за слабости и чрезмерной усталости у меня начались галлюцинации: я видел национальных гвардейцев, которые стреляли в меня и убивали, — настал момент, когда я свалился без сознания. Меня отправили в Санта-Ану, а оттуда перевезли в Сан-Сальвадор, но здесь мне не пришлось отдохнуть и недели, так как местное руководство Ауачапана потребовало моего возвращения. Перспектива развязывания насилия уже не казалась призраком, она становилась уже чем-то конкретным. Я очень опасался того, что может создаться обстановка всеобщего насилия, так как знал, что в этом случае наиболее горькие испытания выпадут на долю народа. Вот почему в своей деятельности я старался ориентировать народное возмущение на проведение всеобщей забастовки — это было нечто среднее между участием в выборах и восстанием. Об этом не знала партия, это была моя точка зрения. Дело в том, что те из нас, кто в этот момент руководил массовыми организациями, хорошо знали действительное положение дел, и наше мнение должно было возобладать над теми расчетами, которые делались в ЦК партии с учетом основной доктрины. Я считаю, что наша борьба потерпела такое сокрушительное поражение в 1932 году именно из-за отсутствия должной глубины и организации в нашей работе. Ведь

наступление застало нас в тот момент, когда мы, как говорят сальвадорцы, еще только натягивали брюки.

На заседаниях руководства партии, посвященных предвыборной кампании, постоянно анализировались сообщения о подготовке врага к расправе с народом. В то время вражеская контрпропаганда работала довольно слабо. С нами даже встречались офицеры армии, которые сочувствовали нашему делу и информировали нас о том, что план правительства по обеспечению в свою пользу результатов выборов и подавлению революционного движения в основном был связан с использованием армии и предусматривал физическое уничтожение кадров нашего движения. В рамках этого плана устранение Араухо генералом Мартинесом, естественно, играло роль катализатора. Эти же офицеры сообщали нам, что в некоторых кругах армии, прежде всего среди молодых офицеров, сержантов и солдат, отмечается решимость повернуть винтовки против высшего офицерства и правительства, выступить на стороне народа. В этих условиях моя позиция становилась все более конкретной: в случае подлога на выборах следует избежать спровоцированных действий с применением насилия и сдержать наши организованные силы, но если провокации со стороны правительства потребуют ответа, то в этом случае следует направить народный гнев на проведение общенациональной всеобщей политической забастовки, в рамках которой вооруженное восстание с целью взятия власти могло бы созреть в более благоприятных условиях.

2 декабря 1931 года я руководил массовым собранием крестьян в окрестностях Ауачапана. После окончания собрания я направился в город, но по дороге меня перехватили члены различных комитетов женщин-крестьянок, которые ждали меня, чтобы поговорить о своих проблемах и о выборах. Они сказали мне, что ходят упорные слухи о том, что произошел государственный переворот, что его осуществили мы и что товарищ Фарабундо Марти взял власть, защищая интересы бедняков Сальвадора. По прибытии в Ауачапан я узнал, что ожидавшийся партией государственный переворот осуществился, что злобещий генерал Максимилиано Мартинес захватил власть и что именно эта «сильная личность» стояла в действительности за спиной «правительственной хунты», которая сменила Араухо. И точно, эта хунта сошла со сцены через несколько часов. К этому времени в Ауачапане уже широко был распространен призыв к национальному сплочению вокруг хунты и генерала Мартинеса; он был отпечатан в Санта-Ане и подписан известным буржуазным политическим деятелем Сиприано Кастро. Я отправился в столицу с тем, чтобы попытаться связаться с ЦК партии. К моменту свершения

государственного переворота предвыборная кампания зашла уже довольно далеко, мы, коммунисты, выдвинули своих кандидатов в муниципалитеты во всех районах зоны, которую мы называли революционной, то есть в большей части центра и запада страны. Среди них я помню Марсиала Контрераса, которого мы выдвинули кандидатом на пост мэра Ауачапана, и шофера Хоакина Риваса — кандидата на пост мэра Сан-Сальвадора. Я забыл имена наших кандидатов в Сонсонате и Санта-Текле, которые победили на выборах с подавляющим преимуществом. Из нашего списка кандидатов в депутаты Сан-Сальвадора я помню только Исмаэля Эрнандеса. Забегая вперед, хочу сказать, что мы, коммунисты, одержали неоспоримые победы на выборах в Сонсонате, Санта-Текле, Ауачапане (хотя здесь, как мы еще увидим, нам пришлось отказаться от участия в выборах и объявить забастовку), Колоне, Теотепеке и т. д. Этот успех не был неожиданным для нас, его предсказывали все наши расчеты, именно такая картина складывалась к моменту государственного переворота. В связи с переворотом партия приняла решение о продолжении предвыборной кампании и об усилении открытой агитации в пользу наших кандидатов. Все те из нас, кто действовал в условиях относительного подполья, стали работать открыто, вновь забурлила жизнь в помещении партии, расположенном напротив парка «Сентенарио» в Сан-Сальвадоре. Мы считали, что в создавшейся сложной обстановке следовало действовать со всей смелостью. Государственный переворот и особенно роль генерала Мартинеса вызвали замешательство даже среди некоторых могущественных реакционных группировок. Мартинес вел антиклерикальную пропаганду, что вызывало недовольство сальвадорской католической церкви, которая традиционно являлась очень действенным фактором единства различных течений местной реакции. Очень скоро мы обнаружили, что некоторые политические круги не знали, что им делать, и это открывало нам дорогу для еще более активной деятельности. Мы вели открытую пропаганду: на публичных митингах выступали Фарабуэндо Марти, Альфонсо Луна, Марио Сапата, выступал и я, и другие товарищи. Мы расширили нашу печатную пропаганду, значительно увеличился тираж газеты «Естрелья роха», которую партия издавала для представителей интеллигенции и которая распространялась в основном среди студенчества. Народ предупреждал нас, чтобы мы не выступали так открыто и в таком количестве мест, поостереглись, так как враг внимательно следил за нами и ждал лишь удобного случая, чтобы полностью уничтожить нас. Однако оппозиционные настроения по отношению к новому режиму усиливались день ото дня во всех кругах населения. Вскоре начались действия учащихся средних учебных заведений и студентов

университета, но прежде всего учащихся. Они были направлены против военной дисциплины, которую пытался ввести в школах новый министр просвещения. В этой беспокойной обстановке правительственная хунта неожиданно объявила о том, что выборы должны состояться 3 или 5 января. Буржуазным партиям заранее сообщили об этой дате, чтобы они могли опередить нас. Мы ответили на это усилением нашей пропагандистской работы. Мы проводили множество митингов в городских кварталах, в поселках, в поместьях, на перекрестках дорог и даже на пляжах. Реакционная пропаганда обрушилась на нас с жестокими нападками; по сути дела, она пыталась запугать массы, оторвать их от нас и с этой целью говорила об угрозе антикоммунистической расправы, которую готовил новый режим. В этой пропаганде церковники, несмотря на свое сдержанное отношение к Мартинесу, играли действительно пагубную роль.

Выборы были отдельными. В первый день избирались мэры, а на следующий день — депутаты. День выборов мэров навсегда остался в моей памяти. Этот день был похож скорее на праздник, но за видимым весельем чувствовалось большое напряжение. Все участвовавшие в выборах партии мобилизовали огромный аппарат. Повсюду звучали маримбы *, в местах голосования активисты этих партий раздавали тамалы, кофе, ткани, угощали орчатой **. Все, кроме коммунистической партии. Особенно отличались так называемая «Братская прогрессивная партия» генерала Антонио Кларамота и партия Гомеса Сарате, которые не жалели ни средств, ни усилий в своем стремлении подкупить массы. Все эти кандидаты, по сути дела, играли на руку сторонникам Мартинеса и, как стало достоверно известно впоследствии, возраставшему в то время американскому проникновению в страну. Араухо был последней сальвадорской пешкой английского империализма.

Что же касается коммунистической партии, то даже по форме своей работы она отличалась от других партий — веселье и энтузиазм были заслугой наших ораторов и детей рабочих и крестьян, которые пели революционные песни, такие, как «Красное знамя», «Интернационал», «Красная кавалерия». Я помню, что иностранные туристы, остановившиеся в отеле «Нуэво мундо», аплодировали нашим ораторам; народ же приносил воду, прохладительные напитки и фрукты для наших товарищей из бригад агитаторов. Без сомнения, наибольшее число сторонников имели наши кандидаты. Тру-

---

* *Маримба* — негритянский барабан или мексиканский ксилофон. — *Прим. ред.*

** *Орчат* — миндальное молоко. — *Прим. ред.*

довая партия Араухо была сильна до его свержения. После переворота, организованного Мартинесом, она развалилась, ее члены рассеялись, одни из них прикнули к рядам наших сторонников, другие — к сторонникам иных партий. А их бывший идеолог дон Альберто Масфаррер убрался из страны за границу, где и умер.

Голосование в первый день началось в 8 часов утра. Все ораторы от других партий, хотя и нападали на нас, признавали, что сторонники коммунистов соблюдали порядок и дисциплину в местах голосования. Интересно заметить, что между партиями-соперницами не было стычек с применением силы. Насильственные действия исходили исключительно от государственной власти, которая, учитывая незначительный срок, прошедший после переворота, еще не имела собственных политических средств для активного участия в выборах и организации подлогов в свою пользу. Во время встреч кандидатов с представителями национальной и иностранной печати наши кандидаты отличались спокойствием, лучшим пониманием вопросов и меньшей амбицией. Наши сторонники, уже проголосовавшие в своих поселках, расположенных вблизи Сан-Сальвадора, приходили в столицу, чтобы подбодрить товарищей, ждавших в очередях у избирательных участков. Но если оставить в стороне всю эту вселяющую уверенность картину, то следует сказать, что официальный аппарат с самого начала был приведен в действие против коммунистов: под самыми различными предложениями у нас аннулировали голоса, затягивали голосование наших сторонников и старались запутать их, так как в то время голосование не было тайным, а ты просто говорил, за кого голосуешь. И многие из наших сторонников запутывались во всех этих трюках: ведь это были простые рабочие, не разбиравшиеся в политических махинациях. Тем временем армия установила пулеметы во всех важнейших местах города, на крышах высоких домов, казарм и т. д. Однако во время выборов не произошло никаких беспорядков. Военные так и не нашли повода открыть огонь по народу.

Пожалуй, самый главный урон нам был нанесен тем, что время голосования истекло, а большая часть людей, не успевших проголосовать, были те, кто поддерживал кандидатов-коммунистов. После окончания голосования мы, активисты, собрались и подвели итоги. Я подверг критике ту форму агитации, которая была избрана в связи с конкретной деятельностью на выборах. По моему мнению, нашей пропаганде и агитации не хватало боевитости, мы не учли настроения масс. Кроме этого, я считал, что мы совершили ошибку, когда первыми в очередь поставили сельских жителей из пригородов столицы. Ведь количество аннулированных голосов этих лю-

дей, не имевших никакого понятия о махинациях, оказалось огромным, к тому же большая часть коммунистов и сочувствующих из-за этого не успели проголосовать. В заключение я отметил, что партии не удалось скоординировать всю избирательную работу, объединить усилия всех тех, кто в ней участвовал. Все мои критические замечания были приняты руководством партии.

На следующий день состоялись выборы депутатов. Мы извлекли уроки из первого дня и поэтому в основном сумели преодолеть препятствия и махинации. Через несколько часов после начала голосования стало ясно, что мы опережим остальные партии по всей территории страны. Тогда правительство решило перейти в наступление. Под различными предложениями, которые никого не убедили, оно прервало голосование и заявило, что выборы закончатся через несколько дней. Буржуазные политические партии ограничились слабыми протестами. Мы энергично протестовали, но призвали наших сторонников сохранять спокойствие. Следует учитывать, что в то время не существовало общенациональных программ радио или телевидения, которые позволили бы нам быстро обратиться ко всем нашим сторонникам в стране. Одно было неоспоримо — и это подтвердили полученные в течение дня телеграфные сообщения: к тому моменту, когда выборы были прерваны, мы получили больше голосов, чем какая-либо другая политическая партия, а в тех местах, о которых я уже говорил, голосование закончилось нашей убедительной победой. Народ не только голосовал за нас, но и помогал нам в нашей избирательной деятельности: он активно выступал на нашей стороне, вселяя в нас оптимизм. Однако все эти факты были лишь чистой идиллией перед настоящей бурей, которая вот-вот должна была разразиться.

В ночь после прерванных выборов ЦК партии созвал срочное секретное совещание. Речь шла о сообщении товарища Клементе Эстрады, никарагуанца по происхождению, по кличке Сенисо, который вот уже долгое время работал по поручению партии в Ауачапане. Он сообщил, что в этом городе голосование началось нормально, коммунисты пришли стройными рядами, их было около 5 тысяч человек, но в момент голосования они были окружены отрядом национальных гвардейцев, вооруженных винтовками и пулеметами. Провокация достигла таких крайностей, что товарищи решили отказаться от голосования и разойтись по своим местам работы, чтобы немедленно начать всеобщую забастовку протеста. Одновременно намеревались выдвинуть и некоторые требования экономического характера. И действительно, дело шло к началу забастовки. Ее центром стало поместье «Ла-Монтаньита». В ответ

на официальное заявление профсоюза о намерениях трудящихся владельцев поместья, специализировавшегося на производстве кофе, вызвали крупный отряд национальной гвардии. До полудня обстановка была нормальной, гвардейцы даже дружески беседовали с забастовщиками. Но затем владельцы поместья устроили обед для гвардейцев и сильно их напоили; с помощью подарков, лести и угроз они заставили их выступить против крестьян.

Гвардейцы вернулись к тому месту, где собрались забастовщики, начали их провоцировать и в конце концов на глазах у всех застрелили товарища Альберто Гуалана, крестьянского руководителя, члена Союза коммунистической молодежи, тяжело ранили нескольких мужчин и женщин и даже детей. Забастовщики вознегодовали и в ответ на эти преступные действия убили 14 национальных гвардейцев. Эти события вызвали тревогу среди помещиков района, которые добились того, что правительство направило известный своей жестокостью кавалерийский отряд Санта-Аны к месту событий с приказом отомстить крестьянам, не делая различия между теми, кто участвовал в стычке в поместье «Ла-Монтаньита», и остальной частью бедного населения. С этого момента волна преступного террора стала захлестывать весь запад страны, особенно Санта-Ану, Ауачапан и Сонсонате. В Центральный Комитет партии непрерывно поступали сообщения об убитых, раненых, замученных, арестованных. Мы тщательно и с чувством озабоченности анализировали эти сообщения. Что мы могли сделать? Споры продолжались долгое время, и я предложил взять быка за рога — вступить в переговоры с самим генералом Максимилиано Мартинесом. Спустя несколько дней после государственного переворота Мартинес стал президентом республики. Это мое предложение было подобно соли, брошенной на рану, или лимону, выжатому в устрицу: ведь речь шла о том, чтобы повести переговоры с человеком, которого больше всего ненавидели в стране. Все товарищи высказали не только свое несогласие, но и возмущение. Я вспоминаю, что это собрание состоялось в одном из домов в квартале Лурдес. Обстановка на нем была так накалена, что мне пришлось выйти во внутренний двор, чтобы глотнуть свежего воздуха — я чувствовал, что задыхался. Я вернулся в тот момент, когда выступал Марти. В его руках была какая-то книга. Марти поддержал меня. В доказательство он перевел абзац из книги, в котором говорилось, что в определенных обстоятельствах штаб пролетариата, то есть Центральный Комитет партии, может вступить в переговоры со штабом буржуазии, то есть с государственной исполнительной властью. Кто знает, что это за книга? Главное состояло в том, что Марти поддержал меня. Все постепенно успокоились и согласились с решением доби-

ваться встречи. Просьба о такой встрече была направлена президенту республики генералу Максимилиану Мартинесу от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Сальвадора. Диктатор немедленно дал свое согласие. Мы пригласили на встречу представителей национальной печати, но они не явились. В то время крупнейшими газетами были «Ла Пренса», «Диарио Латино», «Патриа» и другие. В состав делегации партии входили Клементе Эстрада и другие товарищи из Ауачапана, Луна и Сапата.

Мы намеревались выступить перед правительством с конкретными предложениями. Коммунистическая партия обязывалась успокоить трудящихся в обмен на прекращение репрессий. Естественно, что подобную позицию можно критиковать как угодно с точки зрения тактики коммунистической партии, но я считаю, что она в достаточной мере доказывала сальвадорскому народу наше стремление к миру.

Настал момент встречи в президентском дворце. Все мы, затаив дыхание, ждали ее результатов. Наши товарищи возвратились бледные, с опущенными головами. Они сообщили, что не смогли поговорить с генералом Мартинесом, который уклонился от встречи под предлогом сильной зубной боли. Вместо себя он прислал министра обороны генерала Вальдеса. Во время переговоров с этим генералом, как рассказывали делегаты, Мартинес заглянул в открытое окно — пока его была подвязана платком. С генералом Вальдесом наша делегация не смогла прийти ни к какому соглашению. Наши товарищи опровергли все его тенденциозные и лживые аргументы и ясно показали, что за переживаемую страной обстановку насилия несут ответственность помещики и правительство Сальвадора. Они обвинили правительство в том, что оно, пользуясь всеобщим кризисом, сознательно вело дело к созданию такой ситуации, которая вылилась бы в общенациональный хаос, привела бы к полнейшей неразберихе. Все это правительство делало для того, чтобы затем «поудить рыбку в мутной воде». Вот только вместо воды в этой реке потекла бы кровь народа. Генерал Вальдес сильно нервничал. Он все повторял, что с ним нельзя заключить какое-либо соглашение, так как он не уполномочен для этого исполнительной властью. Товарищам пришлось уйти, не добившись даже минимального результата. Единственное, что они пережили, было, пожалуй, унижение. После того как делегаты вышли из зала, в котором проходили переговоры, к Луне и Сапате подошел личный секретарь президента Хасинто Кастельянос Ривас, который через несколько лет стал видным деятелем нашей партии. Именно он представлял нашу партию на Кубе после победы революции. Хасинто любезно простился с товарищами, обнял их. Он сказал, что, к сожалению, правительственные деятели

упорствуют в своих безответственных планах. По мнению Хасинто, одна вещь должна быть понята: если у сальвадорской армии много винтовок, то у трудящихся страны во много раз больше мачете, которые могут наносить страшные раны.

На этом же собрании я со всей решительностью предложил немедленно призвать сальвадорские массы к вооруженному восстанию под руководством коммунистической партии. Я перечислил те благоприятные условия, которые, по моему мнению, могли способствовать победе такого восстания и завоеванию политической власти для последующего осуществления целей буржуазно-демократической революции. В этот период временным Генеральным секретарем ЦК партии был Фарабундо Марти, так как Генеральный секретарь ЦК Нарсисо Руис, сменивший на этом посту Луиса Диаса, отсутствовал — он был занят неотложной работой в Сонсонате. Макс Рикардо Куэнка и ряд представителей интеллигенции под разными предложениями покинули собрание и, как стало известно впоследствии, отправились в поисках надежного убежища, где они могли бы переждать надвигающуюся бурю. Дискуссия была жаркой. В конце концов Фарабундо Марти поддержал мое предложение, согласясь с тем, что партия должна занять свое авангардное место во главе масс, чтобы избежать неминуемой, еще большей и позорной для нас опасности — стихийного, неконтролируемого восстания или инстинктивного спровоцированного правительством, когда массы бросились бы в бой, оставшись без нашей помощи и руководства. Собрание продолжалось всю ночь с 7 на 8 января 1932 года и приняло единодушное (я говорю о присутствовавших, а не о тех руководителях, которые покинули собрание) решение о проведении народного вооруженного восстания.

Это решение не было поспешным или безответственным: многое мы продумали и спланировали, если учесть всю сложность событий. Я предложил, учитывая революционную ситуацию, всю подготовку осуществить за 8 дней, по истечении которых следовало открыть огонь; это время позволяло закончить подготовительную деятельность и застать врага врасплох, чего в таких случаях требовал Ленин. Говоря о точной дате начала восстания, на чем также настаивал Ленин, я считал, что его необходимо начать не 15 или 17 января, а ровно в полночь 16 января. Мое предложение приняли, и Центральному Комитету партии было поручено заняться военными вопросами. Фарабундо Марти и другие товарищи взялись за переговоры с дружелюбно настроенными офицерами, за поиски оружия, изготовление взрывчатки, организацию связи с районами страны, привлечение к восстанию различных социальных и политических кругов (например, демократически

настроенных политических деятелей, студенческого движения и др.), изыскание финансовых средств и т. д. Этим же товарищам поручалось разработать обращение к народу с призывом к восстанию. Территория страны разделялась на оперативные зоны, каждую из которых возглавил один из членов руководства партии. ЦК партии начал подбирать так называемых красных командиров, которые должны были возглавить военные комиссии в районах зоны, на местах работы, в полках, в массовых организациях и т. д. Они подчинялись непосредственно ЦК партии. Во время боевых действий красные командиры должны были играть такую же роль, что и армейские командиры во главе своих подразделений. Но на эти военные комиссии возлагалось решение и еще целого ряда задач, которые выходили за рамки боевых действий. Они должны были заниматься организационной революционной работой внутри армии, создавать и руководить действиями оперативных «десяток», выискивать оружие, доставлять его в определенные места и распределять по указанию ЦК партии, заниматься диверсиями на линиях связи, следить за передвижением правительственных войск, создавать группы подрывников (они действительно были созданы в Сан-Мигеле, Усулутане, Санта-Крус-Мичапе, хотя им и не довелось действовать), контролировать железные дороги и другие средства транспорта и т. д. В наших планах предусматривали переход на нашу сторону солдат из казарм Сонсонате и Ауачапана, находившихся под нашим влиянием, а также относительно значительной части гарнизона Санта-Теклы. В столице нас поддерживали две роты 6-го пулеметного полка, два кавалерийских эскадрона, небольшая группа солдат из артиллерийского полка в Сапоте и все солдаты гарнизона авиационной базы Илопанго. В последний час мы узнали, что нас поддерживают две роты солдат из полка, расположенного в Сан-Мигеле, на востоке страны. К ним в свою очередь присоединилось свыше 700 жителей Сан-Мигеля; они собрались на кладбище и были готовы вступить в борьбу. У нас были и группы симпатизировавших нам офицеров в ряде других гарнизонов, но контакты с ними поддерживал только Фарабундо Марти. Другими словами, в армии мы имели более чем достаточную силу, чтобы при активной поддержке восставших масс города и деревни взять власть в свои руки. В свою очередь профсоюзы в сельской местности развернули активную работу с целью проведения всеобщей забастовки. Практически они добились того, что сельскохозяйственный пролетариат мог возглавить крестьянство в революционном восстании.

Революционно настроенную мелкую буржуазию (связи с которой поддерживал исключительно Фарабундо Марти) мы планировали привлечь к участию в новом правительстве: я имею в виду таких ее представителей, как доктор Мерлос,

Дрейфус, радикально настроенные лица свободных профессий и т. д. В целом организационная работа велась успешно. До этого момента репрессии не задели аппарат, который работал над подготовкой восстания. Основное требование дня заключалось в том, чтобы каждый занял свое место и ожидал окончательных решений.

Однако когда 14 января мы вновь собрались вместе с членами ЦК партии для обсуждения последних деталей, то столкнулись с неприятным известием: было предложено отложить восстание до 19 января. Никому из присутствовавших не понравилось это опасное предложение, но Фарабундо Марти успокоил нас, заявив, что отсрочка необходима в связи с очень реальной возможностью присоединения к революционному движению офицеров и солдат 1-го пехотного полка. К этому времени Фарабундо Марти был уже больше чем исполняющим обязанности Генерального секретаря ЦК партии: обстоятельства и его качества руководителя выдвинули его на высший пост не только в партии, но и в организации, готовящей восстание. Я считаю, что одна из наибольших наших слабостей состояла как раз в незаменимости Фарабундо Марти. Но именно это лишь еще больше подчеркивает отрицательный характер позиции некоторых наших товарищей из интеллигенции, которые в лидирующем положении Марти нашли предлог для своего недовольства, отхода от революционной деятельности и отказа от какого-либо сотрудничества. Марти, который сам был выходцем из среды интеллигенции, но твердо стоял на пролетарских позициях, говорил, что это были колеблющиеся, которых разъедала мелкобуржуазная идеология.

От имени Союза коммунистической молодежи я предложил, чтобы высший военный совет (новая организация, которую собирались создать из членов ЦК партии) был представлен исключительно рабочими, чтобы покончить с подобными колебаниями. После собрания мы выехали в оперативные зоны, чтобы сообщить товарищам из среднего руководящего звена об этом решении. Оно никому не понравилось. После выполнения задания и возвращения в Сан-Сальвадор я узнал о новом предложении: отложить начало восстания до 22 января. Донести это новое предложение до масс, пребывавших в состоянии крайнего возбуждения, — была серьезная задача. К этому следует добавить, что врагу удалось заполучить довольно обширную информацию о наших намерениях, и каждый день, каждый час промедления все больше и больше обращался против нас. А ведь разведка и контрразведка у врага действовали очень слабо. Наша же разведка была еще хуже, а контрразведки у нас вообще не было.

С самого начала враг взялся за уничтожение нашего политического и военного руководства, руководящих кадров выс-

шего звена. У моей старшей сестры был друг, работавший в полицейской разведке. Он сочувствовал нам и передавал информацию. От него мы узнали, что полиция держала под контролем все шаги Фарабундо Марти, Альфонсо Луны и Марио Сапаты, что она знала те места, в которых они скрывались, и намеревалась захватить их. Я немедленно отправился к этим товарищам, чтобы предупредить их об опасности и сообщить им известия, полученные из Санта-Аны — здесь вот-вот должно было начаться выступление сторонников Араухо, которые, как утверждали, получили огромное количество оружия из Гватемалы. После того, как я передал тревожное сообщение Марти, он лишь засмеялся и сказал, чтобы я перестал бояться, — он просто отмахнулся от возможности того, что его могли арестовать. Марти передал мне сверток с гранатами, которые изготавливались в доме, где он находился. Он даже стал успокаивать хозяев дома, которых встревожило мое сообщение. Хозяева дома симпатизировали делу нашей партии. Марти сказал, что я должен отправиться в Сан-Мигель и возглавить действия в этой восточной зоне, но я ответил, что уже назначен руководить теми действиями, которые запланированы для гарнизона авиабазы в Илопанго, и что я считаю эту задачу очень важной. Марти согласился. Одним словом, я ушел, а они, несмотря на всю мою настойчивость, не придали значения моему сообщению. В эту же ночь всех их арестовали. Моя сестра вся в слезах прибежала ко мне с этим известием, и я сразу же перебрался в дом учителя Хосе Энрике Каньяса, так как считал, что теперь очередь за мной.

Немедленно было созвано расширенное заседание ЦК партии для того, чтобы проанализировать создавшееся положение. На это заседание пригласили Макса Куэнку, которому пришлось покинуть свое убежище. В самых резких выражениях он потребовал немедленно прекратить всю работу по подготовке восстания, так как множество товарищей уже было арестовано, среди них и те руководители движения, которые держали в своих руках наиболее важные связи с военными. Я выступил против этого предложения, заявив, что трудящиеся страны в моральном плане уже готовы выступить с оружием в руках, что мы и так несколько раз не выполняли своих обещаний и что в данной ситуации мы уже не сможем сдержать массы, даже если предпримем самые отчаянные усилия. Но Макс Куэнка настаивал на прекращении подготовки восстания. Он сказал, что нельзя слепо бросаться в вооруженное восстание, о котором правительство знало практически все, а армия только и ждала нашего первого шага, чтобы потопить в крови все революционное и демократическое движение страны. Он сообщил также (об этом мы ничего не знали), что правительство уже предприняло первые шаги, чтобы узаконить

репрессии: оно ввело осадное положение в центральном районе страны и намерено в ближайшие дни ввести его в остальных районах. Однако мы, большинство участников заседания, настаивали на том, что колебания обернутся смертью для восстания, что уже слишком поздно, что если мы пойдем на попятную, то потеряем даже возможность защищаться от жестоких правительственных репрессий, которые будут развязаны независимо от того, начнется восстание или нет. В этом мы не ошибались. Наша точка зрения одержала верх, и пленум решил продолжать ускоренными темпами работу по подготовке восстания, внес некоторые изменения и уточнения в намеченные действия. Максу Куэнке, несмотря на позицию, которую он отстаивал, поручили восстановить те связи, которые находились в руках Фарабундо Марти. Было решено также проводить линию на организацию всеобщей национальной забастовки с целью мобилизации наших сил на восстание. Мы решили первыми не нападать на армейские части, делать это только в случае крайней необходимости. Были созданы специальные группы, которым поручалась организация братания с солдатами. Одновременно было решено блокировать дороги, чтобы воспрепятствовать передвижению моторизованных войск правительства, немедленно вывести из строя линии связи, попытаться задержать противника в городах, изолировать его в них и воспрепятствовать подвозу продовольствия из деревни. ЦК партии создал комиссию информации и связи, ей поручалось доводить решения революционного руководства до сведения всех групп движения. Однако после ареста Марти, Луны и Сапаты ЦК партии лишился информации о многих жизненно важных деталях, которые необходимо было знать для правильной подготовки восстания. Наступило 20 января, а мы не располагали полной информацией об имеющихся материальных и людских ресурсах: не знали о количестве и качестве оружия, которое имелось у наших людей, не знали точного числа сформированных «красных батальонов», располагая лишь данными о командных группах на всех уровнях, о распределении обязанностей и т. д. У нас почти не было информации о дислокации и передвижении войск противника; к нам поступали только отрывочные сведения, которые не давали полной картины положения в стране. Небольшое количество проверенных сведений поступало лишь к ограниченной группе членов ЦК, мы же ничего не знали об этом, хотя эти сведения были необходимы нам для последовательных практических действий.

С другой стороны, в результате ареста упомянутых товарищей в ЦК партии сложилась неблагоприятная обстановка с точки зрения единства взглядов. В своем большинстве в ЦК были товарищи с низким уровнем подготовки, сектанты в

той или иной степени, позиции которых противоречили одна другой. Я считаю, что в то время наш Центральный Комитет не располагал на практике возможностью стать действенной и авторитетной силой, способной координировать и руководить всей революционной работой. Внутри ЦК отмечалось пагубное пренебрежение в отношении информации и ее революционного использования, чудовищная недооценка значения повстанческой военной тактики. До последнего момента партия подходила к восстанию просто как к массовому политическому мероприятию, оставив в стороне специфические военные стороны. Никто не считал, что военные вопросы могут стать основными после принятия решения об организации восстания, что они требуют особой подготовки и искусства, что у них свои собственные законы и т. д. В своей работе с массами мы руководствовались тем, что национальное восстание является, мол, просто высшей формой работы партии среди профсоюзов, среди трудящихся масс. Главный военный план не был военным планом, как мы увидим это в дальнейшем. И в довершение всего у нас почти отсутствовали материальные ресурсы: не было ни транспорта, ни денег.

22 января, в день, когда планировалось начало восстания, я занимался координацией работы ячеек в Сан-Сальвадоре (эта работа предшествовала намеченным действиям в гарнизоне в Илопанго) и не имел даже повозки для передвижения, никакого оружия, даже ножа в кармане. Но особенно больно вспоминать о том, что революционный дух масс в это время был чрезвычайно высок. Это не тема для спокойных исследований социологов спустя 30 лет, эти настроения должны были стать своего рода магнитным полюсом для всей деятельности партии по организации восстания.

К 22 января враг уже перехватил у нас инициативу: вместо партии, готовой начать крупное восстание, по крайней мере в том, что касалось кадровых работников в Сан-Сальвадоре, мы представляли собой группу отчаявшихся, преследуемых, загнанных в угол революционеров. Практически сразу остановилась всякая работа, и все бросились спасаться от начавшихся репрессий. Враг не стал ждать нашего знаменитого «часа 0» для начала своих контрреволюционных военных действий. К нам, которые работали в контакте с руководством партии и поддерживали связь между собой, стали поступать сообщения о начале борьбы в различных местах. Когда эти сообщения касались районов, которые мы не считали зонами наших предполагаемых действий, то было очевидно, что армия спровоцировала выступления масс применением насилия с тем, чтобы получить повод для жестокого истребления людей. Несмотря на неразбериху в нашем аппарате связи, призыв ЦК партии к восстанию был доставлен в различные места запада

страны, и организованные, дисциплинированные массы приступили к действиям. Сообщения подобного рода начали поступать в Сан-Сальвадор; особое место среди них занимали донесения из департамента Сонсонате, куда правительство направило большую колонну карательных войск под командованием зловещего генерала Хосе Томаса Кальдерона. С самого начала стало известно, что кровь там лилась рекой, что народные отряды оказались в очень невыгодном положении, так как силы правительства превосходили их как в организации, так и в мощи огня.

В это время я находился в окрестностях Сан-Сальвадора, не имея никакой связи с руководством — выделенный связник не появился. Здесь я случайно встретил верного коммуниста товарища Димаса, который сказал, чтобы я немедленно ушел в подполье, по крайней мере до тех пор, пока не найдут возможности отправить меня на запад страны, где действительно шла борьба и где необходимо было сконцентрировать наши силы. Он же сказал мне, что у него есть надежное укрытие в квартале Ла-Эсперанса, и мы отправились туда. Мы пришли в ветхий дом, хозяин которого занимался подпольным производством спиртного. Он страшно перепугался, когда Димас сказал ему, что мне нужно побыть здесь пару дней. Во время этого разговора пришел еще один наш товарищ, Альберто Монтерроса, который без всяких обиняков назвал меня по имени. Хозяин, услышав его, как-то сдавленно вскрикнул и страшно разволновался. Звали его Педро Эскобар, и он, как потом выяснилось, был как раз тем полицейским осведомителем, который вот уже два года гонялся за мной. Я знал о его доносах, подписанных каким-то Платеро. Этому подлецу добыча сама шла в руки. Через некоторое время он извинился и сказал, что ему нужно отправиться по делу. Я насторожился и, хотя о том, что именно этот Эскобар являлся полицейским осведомителем Платеро, узнал только спустя несколько лет, сказал Димасу, что нам нужно немедленно уходить отсюда. Мы перебрались в квартал Лурдес, в дом Рохелио Моралеса, который был включен в списки кандидатов партии в муниципальные органы Сан-Сальвадора. Каково же было наше удивление, когда через полчаса в этом доме появился Педро Эскобар. Он уже вцепился в свою жертву и не намерен был ее выпускать. Вот это уже действительно вывело меня из равновесия. Я дал ему денег и отправил за бутылкой гуаро, а сам попросил Моралеса дать мне какую-нибудь одежду, чтобы переодеться, проинструктировал его в отношении того, что следует сказать Эскобару, и немедленно ушел из дома. Когда я уже подходил к железной дороге, то увидел человек 20 полицейских с оружием в руках и понял, что они идут за мной. Я бросился к склону ближайшей горы, скрылся в зарослях

и в конце концов вышел к проспекту Независимости. Здесь я встретил товарища Пинеда, члена Союза коммунистической молодежи, который предложил мне укрыться у него дома, но я ответил, что за мной идут по пятам и мне не хочется вступать в эту историю. Пинеда в ответ попросил меня не обижать его, заявив, что он будет рад умереть рядом со мной.

Целый дождь пепла обрушился на Сан-Сальвадор, казалось, что это следствие извержения какого-нибудь вулкана в Гватемале, — слышался далекий гул, по люди принимали его за грохот пушек сил Араухо, которые вторглись в страну с территории Гватемалы и дрались на западе. Пинеда решительно заявил, что он будет сопровождать меня по крайней мере до тех пор, пока я не покину опасный район. В ответ я сказал, что вспомнил об одном укромном месте, которое имелось у меня неподалеку. Только так мне удалось убедить его отправиться к себе домой. Я же пошел к дому товарища Чилано, активиста партии, который жил на улице Селис. Вот там-то меня и схватили. К несчастью, проклятый доносчик Эскобар знал дома всех коммунистов зоны и вместе с полицейскими обходил их один за другим. Меня застали врасплох потому, что я решил переодеться. Чилано предложил мне свою одежду, и я потерял много времени на это. Полицейские захватили меня с брюками в руках. Я попробовал сопротивляться, но их было много, и мне пришлось смириться с поражением.

Я до сих пор все еще с болью вспоминаю, какими мы были глупцами, если не позаботились даже о том, чтобы дать каждому кадровому работнику по крайней мере пистолет уже в тот момент, когда было решено готовить восстание. Не знаю, о чем мы только думали. Только это и объясняет то, что руководители такого же уровня, как и я, попали в руки полиции, не сделав ни одного выстрела, не ранив ни одного проклятого доносчика, хотя заранее предполагалось, что в случае ареста нашей жизни будет угрожать серьезная опасность.

Осыпая ударами, полицейские отвели меня в помещение судебной полиции, как в то время называлась секретная полиция, расположенная напротив казарм, в которых и сегодня еще действует главное полицейское управление. Сразу же после прибытия сюда меня подвергли допросу. Допрашивал майор Грегорио Агильон. Я-то хорошо знал его, но вот он не вспомнил меня: это был рабочий-хлебопек, ставший затем национальным гвардейцем в Сан-Висенте и дослужившийся до поста начальника гарнизона в Сойапанго. Во время допроса в комнату вошел еще один мой знакомый, бывший сержант национальной гвардии Артуро Мартинес, к которому я обратился с просьбой вступить за меня, так как арестовали,

мол, меня без всяких оснований и т. д. Этот тип испугался, когда я заговорил с ним, и, пробормотав, что всегда знал меня добрым человеком, стремительно вышел из комнаты. Агильон настойчиво продолжал спрашивать меня о месте проведения заседаний руководства партии, о часах и местах начала восстания, о том, где коммунисты хранят оружие. Естественно, что я мало что знал обо всем этом, но и это малое я должен был «проглотить». Я стал уходить от прямых вопросов, говорить вещи, не связанные с ними. Я рассказывал следователю даже о собственной жизни. «Я знаю вас, — говорил я, — знаю, что вы всегда были таким же бедняком, как и мы, коммунисты. Если я сейчас попрошу у вас два песо, то уверен, что их у вас не окажется. Это борьба бедных с богатыми, и страшно видеть, как богатые используют таких бедняков, как вы, для подавления других бедных». Я продолжал в том же духе, и он не смог даже близко подойти к тем вопросам, выяснить которые ему поручили. Приблизительно через час допрос закончился, и меня отвели в темную камеру с двойными решетками, она была расположена в подвальном помещении. По соседству были другие камеры, переполненные заключенными. Я помню, что среди них узнал доктора Сальвадора Рикардо Мерлоса. Охранники, которые отвели меня в камеру, предупредили, что вскоре они вновь заберут меня на допрос, но на этот раз на настоящий. Действительно, через несколько минут они появились и повели меня в главное полицейское управление, расположенное в казармах напротив. Здесь меня ждали сам генеральный директор управления известный своей жестокостью полковник Осмин Агирре-и-Салинас, а также заместитель генерального директора, полковник, имя которого я забыл, и секретарь. Кстати, самым вредным при допросе оказался этот секретарь, так как он всячески стремился показать свое рвение перед начальством. Прежде всего меня стали спрашивать о поездке в Советский Союз и о моей партийной деятельности. Я старался избежать всего, что могло быть использовано ими против нашего движения, хотя рассказывал о Советском Союзе, о том, что эта страна является надеждой для обездоленных во всем мире, попытался разъяснить им то, чем руководствуются коммунисты в своей борьбе. Иногда допрос превращался в простой спор. Например, когда полковник Осмин Агирре торжественно заявил, что в Сальвадоре не существует классов. Помимо того, что полковник отличался жестокостью, он был еще и невеждой. Я ответил ему: «Это не предмет для спора. Все это легко доказать. Даже в этой комнате есть представители различных классов. Вы, который не работает и живет, как король, и секретарь, который работает, как мул, и ходит в рваных штанах, принадлежите к различным классам. Если бы у меня было больше времени, я бы

подробно доказал существование классов на примере страны». Осмин в бешенстве вскочил и заорал: «У тебя действительно не будет времени, потому что ты сегодня же подохнешь!» «Этим вы меня не запугаете, полковник, — ответил я, — мы, коммунисты, всегда готовы умереть. Нам даже не нужно исповедоваться». Полковник отскочил от меня и продолжал допрос; его интересовали планы партии, характеристика наших сил, где и когда планируется начало самых крупных операций. Я ничего не сказал им, но если говорить по правде, то они и не очень настаивали. Я думаю, что у них и без того было достаточно информации. Одним словом, я прсбыл на допросе больше часа, а затем меня вновь доставили в камеру. В одном из помещений полицейского управления я увидел большую группу полицейских в форме, у всех у них в руках были толстые хлысты. Проходя, я услышал их крики: «Оставьте его нам! Разрешите нам, полковник, через несколько минут его родная мать не узнает!» Я выразительно плюнул на пол и в ответ услышал угрозы: «Не пытайся заснуть, через пару минут мы заглянем к тебе и сделаем из тебя навоз. Не ты первый...»

В своей камере я погрузился в размышления. Я заметил, что камеры уголовников были пусты: в тюрьме оставались лишь политические заключенные. Через несколько минут вновь пришли за мной. Меня доставили в ярко освещенную комнату. Здесь я увидел путаницу проводов, которые тянулись к большому металлическому креслу, похожему на парикмахерское. Окна были закрыты черными шторами. В комнате находился человек двадцать полицейских во главе с майором Бальбино Луна, который, кстати, еще жив и считается активным евангелистом. Меня силой втолкнули в комнату и закрыли дверь. Полицейские посадили за маленький столик, и начался новый допрос. На этот раз присутствовало новое лицо: адвокат, который исполнял обязанности нотариуса и заверял своей подписью протокол допроса. Весь этот балаган назывался военным трибуналом. Здесь подсудственный никогда ничего не знает вплоть до того момента, когда ему зачитывают приговор. Эти «трибуналы» широко использовались в истории Сальвадора для того, чтобы узаконить бесчисленные преступления, совершаемые военными властями. Вопросы задавал мне майор Луна. Вновь повторилось старое: подготовка восстания, руководители, места собраний, организация, средства, силы и т. д. В присутствии нотариуса мне пришлось быть более сдержанным в своих ответах. Меня спросили, являюсь ли я коммунистом, и с болью в сердце — ведь я признал это во время допроса Осмином — сказал, что нет, я был просто одним из рабочих руководителей Региональной федерации. А поездка в Советский Союз? Что ж, в СССР был установлен социалистический строй под руководством коммунистической партии,

но туда могли ездить не только коммунисты, и я рассказал им о том, что в Ленинграде и Москве я видел множество туристов из капиталистических стран. Я был приглашен не Коминтерном, а Профинтерном, международной рабочей организацией. После стольких лет, после всего пережитого я думаю, какой же дурацкий вид был у меня в тот момент! Как я мог подумать, что подобного рода защита, подобного рода подчеркивание нюансов могло произвести какое-то впечатление на ведущих следствие и склонить их в мою пользу? В конце концов они закончили этот поверхностный допрос и начали угрожать пытками. Нотариус забрал свои бумаги и ушел. Полицейские сорвали с меня одежду, сняли ботинки и силой усадили в металлическое кресло. Допрос продолжался, но теперь он шел в грубой и издевательской форме. Это взбесило меня, и я закричал полицейским: «Подлые трусы! Бойтесь убить меня и занимаетесь этим балаганом. Бросьте эти детские игрушки и займитесь испытанием индейца!» Это произвело впечатление. «А что это такое — испытание индейца?» — спросили они. «А это когда индейца связывают раскаленными проводами, а затем поджаривают на костре из сырых дров. Боль адская». «Ну что это за народ, эти коммунисты. — сказал один из полицейских. — Сами себя не жалеют». Впоследствии я узнал, что среди этих полицейских находился и тот, кто оповестил мою сестру о плане ареста Фарабуно Марти. Потом мне рассказали, что в камере, которая находилась рядом с той, где меня допрашивали, случайно оказался один из уголовников. Он все слышал, а когда его выпустили на свободу, то отправился к моей сестре и рассказал обо всем. Через полчаса мне велели одеться и вывели из комнаты.

На этот раз меня отвели в камеры национальной полиции, расположенные на втором этаже. Камеры были довольно большие, их было много, но все они были переполнены рабочими и крестьянами. Люди стояли, прижавшись друг к другу, так как не было никакой возможности сесть, не говоря о том, чтобы лечь. Я начал узнавать лица товарищей по партии, по Союзу коммунистической молодежи, по Региональной федерации — у всех были следы пыток и избиений. Меня втиснули в одну из камер, и первым, с кем я заговорил, оказался Херардо Элиас Ривас по прозвищу Кафесито, один из руководителей анархо-синдикалистов, очень честный человек. Он заблуждался в политическом отношении, но был прекрасным человеком. Образование он получил в Мексике. Была здесь группа из Сан-Мигеля, в которой оказался элегантный господин по фамилии Форгис, еще двух, насколько я помню, звали Вирхилио и Умберто Портильо. В камере находились двое молодых людей из Чалатеко, довольно элегантных, с печальными лицами, — я их не знал. Были здесь и руководитель

сторонников Араухо Нефтали Лагос, хороший журналист из Хокоро, большая группа трудящихся и служащих, которых я не знал лично. Давка была чудовищной; здесь люди отправляли свои естественные нужды, здесь же они и ели. От отхожего места шел жуткий запах. Напротив двери в камеру был установлен пулемет, его расчет все время угрожал открыть огонь. Наступила ночь. С ближайших вышек начали постреливать пулеметы: так хотели запугать население столицы. Часто на запад пролетали военные самолеты; они шли бомбить крестьянские поселки Армения, Сан-Хулиана, Исалко, Сонсонате. Я стал понимать, что наши дела плохи, так как, согласно разработанным нами планам, к этому времени все военные самолеты должны быть захвачены или уничтожены специальными группами. Я сам занимался координацией этого плана, контакты были отлажены, так что мой арест не должен был сказаться на действиях групп. Всю ночь нервы мои были напряжены до предела, а утром мы увидели газеты, которые под большими заголовками сообщали о смерти доктора Хасинто Колочо Боске. Эти броские заголовки кричали: «Убит коммунистами!» Как будто это была первая смерть в целой цепи событий и как будто правительственные войска уже не убили к этому времени сотни крестьян. Газеты в трагическом тоне расписывали, как группа крестьян остановила машину доктора на дороге в Сонсонате и убила его. Все эти газетные сообщения были направлены на то, чтобы внушить городским слоям настоящий ужас, представляя коммунистов в качестве бездушных преступников, которые с мачете в руках начали кровавую оргию. Газеты пытались также запугать население баснями о неминуемом нападении «красных орд» на столицу, они расписывали планы коммунистов, заключавшиеся в уничтожении всех частных собственников — крупных и мелких, — в насилии над всеми женщинами — молодыми и старыми, замужними и незамужними. Нагнетание ужаса должно было оправдать действительные преступления правительства и вооруженных сил против сальвадорского народа. Молодые жители Чалатеко были единственными, кто с радостью встретил газетные сообщения. Я спросил их, почему они радуются, ведь эти газетные сообщения были частью нашего смертного приговора. «Этот Боске был наказан богом, — ответили они мне. — Это он виновен в наших нынешних несчастьях. Из-за личной неприязни он обвинил нас в том, что мы являемся коммунистами, по его приказу наши дома, как и дома других невинных людей, были помечены красной краской. Вот почему мы оказались здесь. Мы не коммунисты, но коль скоро эта сволочь уже отправилась в иной мир, то и нам не страшно умереть. Мы уже заранее отомщены и из-за своей ненависти не задержимся в чистилище. Сейчас мы можем простить этого сукина

сына». Колочо Боске убили крестьяне из Колона, которым партия поручила контролировать передвижение по данной дороге. Когда они остановили машину Боске, то узнали в нем того, кто во времена правительства Араухо обманом отправил их на строительство дороги в Чалатенанго, а там заставлял их работать как рабов, грубо обращался с ними. После окончания работ, пользуясь поддержкой местных властей, он прогнал их, не заплатив ни сентаво. В действительности автомобиль Колочо был единственным автомобилем, на который было совершено нападение. Сам этот факт трудно объяснить, если бы речь шла о разнузданных убийцах: ведь до и после начала правительственной расправы крестьяне задерживали множество автомобилей на этой дороге, но после досмотра все водители смогли продолжить свой путь. Дело было в другом: печать стремилась оправдать репрессии против народа, и газетные сообщения представляли собой не попытки дать какую-то объективную информацию, а желание чудовищным образом извратить события. Они захлебывались в своих описаниях «красного вандализма» и прочих выдумках. И мы понимали, что наш расстрел становится все более реальным делом. Кафесито охватил страх, и он стал упрекать меня, обвиняя коммунистическую партию в том, что мы оказались в таком положении. Я начал спорить с ним, но дело кончилось тем, что я вышел из себя и обругал его. Сеньор Фортис успокоил нас, заявив, что не следует ругаться, коль скоро нас ожидает одна судьба. К вечеру страх стал охватывать и других. С наступлением ночи все пали духом, даже я чувствовал, что мои моральные силы были на исходе. Зримым становилось коллективное чувство близкой смерти. Тогда я решил пойти на крайние меры. Я пробрался в середину камеры и обратился ко всем: «Если мы не покончим с этим страхом, который убивает нас еще до смерти, то я начну кричать «Да здравствует коммунистическая партия!», чтобы всех нас немедленно расстреляли из пулемета». Это в какой-то мере успокоило заключенных, причитания прекратились. Некоторые даже начали шутить, а остальные — смеяться через силу.

В камере никто не спал. Причиной тому была и теснота, и жара, и нервное возбуждение. Часов в 10 вечера в тишине раздался крик: «Мигеля Мармоля — во двор!» Товарищ Кафесито тихонько посоветовал мне не отвечать: эти гады вызывают людей, чтобы отвести их на расстрел. Бедный Кафесито, ведь в эту ночь расстреляли и его, только у другой стены. Вновь раздался крик, но на этот раз уже около камеры. Я ответил: «Здесь я, сволочи!» Пока полицейские открывали дверь, я раздал оставшимся лепешки, фасоль и яйца — то, что досталось на мою долю из тех продуктов, которые родствен-

никам удалось передать нам. Меня грубо вытолкнули из камеры, схватив за волосы и «подбадривая» ударами пистолетов. Мне не дали надеть даже рубашку, руки крепко связали за спиной, а к одной привязали веревку. Я еще успел сказать им: «Даже связать, как это делают люди, вы не умеете, гады». Но в ответ получил такой удар в живот, что у меня перехватило дыхание, а в глазах замелькали звезды. Меня поволокли по лестнице во двор, и я подумал, что здесь они меня и убьют. Нет, оказалось, что меня притащили к группе других арестованных. Через несколько минут нас уже было человек 18, все — члены партии и активисты Региональной федерации. Среди них были: Мануэль Бонилья, лидер профсоюза работников гостиниц, молодой человек лет 25-ти, член Союза коммунистической молодежи; Рафаэль Бонданса, отличный товарищ, коммунист, машинист из Сонсонате; товарищ Марселино Эрнандес, пекарь; Сантьяго Грапильо, мой земляк, уроженец Илопанго, прекрасный парень, его особенно ненавидели власти за то, что он одного за другим избил всех военных летчиков с авиабазы (военное командование так «отрекомендовало» его, что палачи в эту ночь долго измывались над ним, уже мертвому ему отрубили руки); мой друг Димас, член Союза коммунистической молодежи, о нем я уже рассказывал; Серафин Мартинес, профсоюзный руководитель, рабочий компании «Зингер», он не был коммунистом; Альфонсо Навас, коммунист, портной, человек, который пользовался большим уважением в своем профсоюзе за свое мастерство и честность; Русский, его помощник и другие.

Этот Русский занимался тем, что продавал изображения святых в сельской местности, народ же говорил, что это был советский коммунист, но, насколько я знаю, у него не было никаких связей с нашей партией. Это был молодой человек, высокого роста, белокурый, с красивым лицом славянского типа. И если он не был коммунистом, то умер как коммунист. Нас всех поразило его полное самообладание. Его помощник, совсем еще мальчишка, родом из Санта-Теклы, не хотел выходить из камеры, но его заставили выйти ударами прикладов, разбив при этом голову.

В то время как нас пытались построить, во двор вошли несколько армейских офицеров и вызвали меня. Они начали спрашивать меня про восстание. Бонданса и Бонилья обратились к ним и к полицейским. Они, в частности, стали говорить о том, что придет день, когда все убедятся в правоте коммунизма и в том, что правительство совершило преступление по отношению к нашему народу. На это офицеры просто ответили, что они уже покончили с восстанием и что тысячи и тысячи людей в стране убиты. Они не казались агрессивно настроенными, не оскорбляли нас. Несколько здоровых поли-

цейских наконец связали мне руки крепкими веревками так сильно, что казалось, кровь вот-вот пойдет через рот. Тело мое начало вздрагивать, и полицейские начали издеваться, говоря, что я дрожу от страха. Я оскорбленно возразил, заявив, что все это от давления крови, что я боюсь куда меньше, чем они, что на моем месте им уже раза три пришлось бы поменять подштанники. Во двор въехал огромный грузовик. Полицейские ударами прикладов стали загонять арестованных в кузов. Я не смог залезть, потому что кузов был высок для меня. Тогда полицейские схватили меня и бросили в грузовик, как старый чемодан. Я свалился около Русского и попросил у него разрешения положить голову ему на ноги. Он говорил на правильном испанском языке, хотя и с акцентом. Приветливым голосом он сказал: «Ложитесь, товарищ, не стесняйтесь». Грузовик быстро выехал со двора полицейского управления и направился за город, в сторону моих родных мест. В этом я убедился, когда мы остановились около Касамата, где солдаты проверили наш грузовик. Нас охраняли 17 полицейских, вооруженных винтовками «маузер», их начальник капитан Альваренга, который ехал в кабине с ручным пулеметом немецкого производства, и шофер, также вооруженный ручным пулеметом. Кстати, этот капитан Альваренга умер через несколько недель от какого-то желудочного заболевания. Может, и на него произвело впечатление это и многие другие преступления. Слаб оказался. Когда мы проезжали через Илопанго, на дорогу вышел взвод национальных гвардейцев, который находился в засаде. Гвардейцы стали требовать, чтобы нас передали им для расстрела здесь же, на месте. Они заявили, что «хотят напиться нашей крови». Но капитан Альваренга ответил им, что это задание поручено ему и он его должен выполнить. Именно тогда мы окончательно узнали нашу общую судьбу. Национальные гвардейцы в конце концов уступили и сказали «нашим» полицейским, что они могут действовать спокойно, так как весь район полностью контролируется ими и подвижными армейскими патрулями. Я подумал, что мне все-таки немного повезло — я умру рядом с моим родным домом, рядом с могилой матери. Арестованные, поняв, что у них не осталось никакой надежды на спасение, стали нервничать. Полицейские же пустили в ход свои приклады. Серафину Мартинесу дулом винтовки разбили рот и выбили зубы. Для чего потребовалась такая жестокость, если все мы были крепко связаны, как снопы?

Наконец мы остановились в глухом месте, в районе Матасано. Здесь пролегал проселочная, очень пыльная дорога. В настоящее время здесь проложено шоссе к аэропорту. Это то место, которое расположено напротив мотеля «Ройял», чуть дальше обувной фабрики «Адок».

В небе светила полная луна, но под густыми кронами деревьев было темно. Опять нас прикладами согнали на землю. Я спрыгнул, как мог, и растянулся на земле. Ко мне подошел полицейский, помог подняться и одним ударом сбросил с меня шляпу. Я ответил ему крепким выражением, и он отошел в сторону. Когда я присоединился к группе товарищей, полицейские вытащили из нее Бонилью и Бондансу и поставили их к стенке. Серафин Мартинес, рот которого был забит кровью и осколками зубов, просил капитана Альваренгу не убивать Наваса, у которого было пять человек детей. У Серафина была душа настоящего человека. Но я — тупица! — громко сказал Серафину: «Не проси ничего у этих сукиных сынов, ведь они привезли нас убивать!» Фары грузовика освещали всю сцену. 15 полицейских выстроились в ряд, еще двое, шофер и начальник, держали под прицелом ручных пулеметов нашу группу. Полицейский начальник почти на одном дыхании выкрикнул: «Приготовиться, целься, огонь!» Думаю, что он сильно нервничал. Но и полицейские были не в себе, и пули первого залпа лишь легко ранили наших двух товарищей. Раздался второй залп, но и на этот раз их только ранили — товарищи остались стоять.

Я иногда отчетливо вижу все, что тогда происходило. Бонданса крикнул: «Да здравствует коммунистическая партия!» Третий залп был точным, и наши товарищи рухнули на землю. Капитан Альваренга спросил: «Ну, кто хочет умереть следующим?» «Я!» — и сделал шаг вперед. Полицейские стояли по одну сторону дороги, место расстрела было по другую. Хотя было прохладно, с полицейских пот лил ручьем. Все тело у меня чесалось, но руки были крепко связаны. Я переходил на другую сторону дороги, когда услышал спокойный голос: «Рядом с товарищем Мармолом умру я!» Это был Русский. Как могли, мы пожали друг другу руки, повернувшись спиной, затем встали рядом и взглянули на наших палачей. Начальник отдал приказ, и раздался первый залп. Пули не тронули нас, и я подумал, что это сделано специально, чтобы продлить наши мучения. «Даже стрелять, сволочи, не научились!» — крикнул я. Еще два залпа, но пули только слегка заделали нас. Капитан Альваренга стал крыть полицейских последними словами. После четвертого залпа меня ранило на уровне груди, но не спереди, а сбоку — я, очевидно, как-то повернулся при команде «Огонь!». Пули вошли в левую сторону груди и в левую руку. Раны эти показались мне облегчением, хлынувшая из них кровь сняла то тяжелое ощущение, которое появилось после того, как мне связали руки. Я даже не вспомнил о том, что в этих случаях призывают святых или еще о чем-то просят. А вот о матери я вспомнил. Но была еще одна мысль, главная, хотя я и не знаю, почему она пришла мне в голову: здесь, под

дулами винтовок я был уверен, что не умру, что мне удастся выбраться из этого положения. Тем не менее пули свалили меня, и я упал. Русский же остался стоять на ногах, хотя был ранен в грудь или в руку. Когда несколько полицейских приблизились ко мне, чтобы помочь мне подняться, я уже стоял на ногах. «Сволочи,— сказал я им.— Так ведь мы никогда не кончим». Я не знаю, откуда взялось это спокойствие, это чувство неуязвимости. Раздался еще один залп. На этот раз мне здорово досталось. Я почувствовал сразу несколько ударов и какой-то резкий звон, как будто в голове разорвалась молния. После этого перед глазами блеснуло яркое пламя, и я потерял сознание. Когда я очнулся, то оказалось, что я лежу ничком и из головы течет кровь. Но мысли были ясными, Тело Русского лежало на мне, из него все еще текла теплая кровь. Я закрыл глаза и постарался неслышно вздохнуть, хотя кровь текла у меня из носа. Я услышал, как шофер начал прогревать мотор, но самое худшее настало тогда, когда до меня донеслось приказание капитана Альваренги добить всех, кто еще подавал признаки жизни. Бонилья и Бонданса все еще были живы. Я услышал голос Бондансы: «Да добейте нас наконец, сукины сыны». Бонилья прокричал: «Да здравствует Коммунистический Интернационал, да здравствует Коммунистическая партия Сальвадора, да здравствует Советский Союз, да здравствует товарищ Сталин, смерть генералу Мартинесу!» Бонданса вторил ему. Мне тоже захотелось поддержать товарищей, но я сдержался. Полицейские грязно выругались и несколько раз подряд выстрелили в них. Затем они подошли к тому месту, где лежал я. Они приподняли тело Русского, который не подавал никаких признаков жизни. Один из полицейских собирался выстрелить в меня — я услышал, как он передернул затвор,— но другой сказал ему: «Зачем тратить патроны напрасно? Не видишь, что мы вышибли ему все мозги? Вот только надо посмотреть, нет ли у него денег?» Как я понял потом, пуля ударила в лоб Русскому и разнесла голову, часть мозговой массы попала мне на затылок, и казалось, что это мои собственные мозги,— ведь на висках у меня кровоточили раны. Полицейские обшарили карманы моих брюк. У меня после того, как я отправил предателя Эскобара за гуаро, оставалось всего 80 сентаво. Капитан Альваренга приказал разрезать все веревки, которыми были связаны расстрелянные еще при жизни, чтобы могильщикам на следующий день было удобней стаскивать нас в ров. Именно тогда полицейские парубки мачете все тело Гранильо. Затем они продолжали разрубать веревки просто ударами мачете. Они здорово поранили мне пальцы и руку. Наконец все ушли. Я же, кажется, прожил столетия и вновь родился. Когда я услышал, что шум мотора затих вдали, то с трудом поднялся и стал осматривать

тела товарищей — может быть, кто-то еще остался в живых. Но все были мертвы.

С большим трудом, как будто заново учась ходить, я пошел прочь от этого места. С предосторожностями я пересек кукурузное поле, стараясь не привлекать внимания собаки, которая лаяла вблизи. Так я добрался до железнодорожной линии. У меня вновь закружилась голова. Когда я собрался с силами, чтобы взобраться на насыпь, я услышал приближение поезда и бросился ничком на землю — к счастью, кукуруза уже достаточно выросла. Но свет паровозного прожектора показался мне настолько ослепительным, что я решил спрятаться в грязной канаве. И я не раскаивался в этом, хотя всякие движения причиняли страшную боль. Особенно болели руки и пальцы. Я ведь даже не знал, сколько ран было на моем теле. Я говорю «не раскаивался», потому что на фоне неба увидел четкие силуэты солдат, которые с винтовками в руках внимательно смотрели по сторонам. Они облепили даже паровоз. Без сомнения, речь шла о солдатах, которых перебрасывали с востока страны для подкрепления карательных сил, действовавших на западе и в столице.

Когда поезд исчез во мраке, я также осторожно продолжил свой путь. Больше всего я боялся встречи с армейскими патрулями, которые, как я знал, наводнили весь этот район, ведь об этом говорили национальные гвардейцы из Илопанго, те самые, которые жаждали «напиться крови». Не выходя на дорогу, я побрел в направлении горного массива Сан-Хасинто. За изгибом оврага я неожиданно натолкнулся на группу людей, которые, казалось, отдыхали или подстерегали кого-то. При звуке моих шагов они быстро поднялись с земли. Душа моя ушла в пятки. Я затаился в темноте, думая, что снова попал в лапы волка. Однако они не пошли мне навстречу, не сказали ни слова, и я тихонько подался назад, а затем побежал в противоположную сторону. Но через несколько шагов я почувствовал под ногами пустоту — и свалился в канаву. Я потерял много крови и очень ослаб, вот почему с большим трудом вылез из канавы, хотя она и была совсем не глубокой. Я очень опасался того, что если буду останавливаться или падать, то кровь оставит следы и выдаст меня. Осторожно я добрался до отрога горного массива Сан-Хасинто и стал подниматься в горы. Но тут выскочила собака и подняла лай. В стороне я заметил небольшое ранчо. На шум выбежало несколько человек с ружьями в руках, и я, естественно, подумал, что это были национальные гвардейцы или армейский патруль. Нечего было и думать о том, чтобы скрыться, и мне пришлось крикнуть, чтобы в меня не стреляли. Мужчины потребовали, чтобы я подошел поближе. Я так и сделал, а

тем временем стал говорить, что я болен, иду из Кохутепеке в больницу «Росалес», но на шоссе в Сойапанго я увидел, как полицейские расстреливали людей. Когда, мол, эти полицейские меня заметили, то стали стрелять и ранили, но мне чудом удалось скрыться. Я весь был покрыт кровью, грязью и пылью. Один из мужчин вошел в ранчо и вынес газовый фонарь. Когда меня осветили, то все удивились. Один из них сказал: «Товарищи, да ведь это товарищ Мармоль». Тогда из зарослей кустарника и из-за ранчо вышло еще множество людей, у одних в руках были ружья, у других — мачете. Меня окружило около сорока человек. Они стали спрашивать меня о том, как я себя чувствую, надеюсь ли я выжить или нет. Я ответил, что коль скоро оказался среди них, то буду жить. Однако лучше всего было уйти отсюда, потому что это было очень опасное место для такого количества людей, да еще плохо вооруженных. Мы сразу отправились в путь, не уточнив даже маршрута и цели. Пока мы шли, мои товарищи стали спорить между собой; они упрекали друг друга за то, что не напали на карателей и не спасли жизнь товарищам. Особенно они разозлились после того, как я им рассказал о том, что расстреливавшие нас полицейские боялись куда больше, чем их жертвы. Когда мы прошли достаточно большой путь, я решил взять на себя ответственность за дальнейшие действия этих людей: не стоило слишком отдаляться от района, где оставались их дома и семьи, но в то же время нельзя было держаться одной группой, да еще так плохо вооруженной, так как от нас было много шума. Хорошо вооруженная и организованная группа, меньшая по численности, могла бы уничтожить всех нас. Я решил посоветовать товарищам разделиться на небольшие группы, по 4—5 человек, и в случае встречи с патрулями или военными отрядами говорить, что они просто смотрят за порядком в окрестностях своих домов. Я попросил их оставить меня около пустыющего ранчо, а утром прийти за мной. Я хорошенько спрятался.

В окрестностях оказалось множество собак, их лай не давал мне уснуть, не говоря уже о ранах, которые сильно болели. На рассвете пришли товарищи со своими женами, они принесли лепешек и яиц. Я сказал им, что больше всего нуждаюсь в укрытии, чтобы восстановить свои силы. Они решили, что лучшим укрытием будет ближайший овраг, глубокий и покрытый растительностью. Я согласился, и мы отправились к этому месту. Мне помогли спуститься с обрывистого берега, вместе со мной спустились два товарища, которые устроили мне место для сна. Овраг находился на землях, принадлежавших семье Мелендесов. В основном в этих местах выращивался сахарный тростник. Когда я проснулся, было около четырех часов вечера. Товарищи обработали мои раны. Они закопали

мою окровавленную майку и помогли надеть рубашку, которая почти не испачкалась в крови. Это была рубашка цвета хаки. Ее я купил еще в Гамбурге. Так я постепенно начал восстанавливать силы, этим я обязан был прежде всего заботам моих товарищей-крестьян. Несмотря на то что весь район контролировался врагами, мне начали доставлять некоторые сообщения. Я узнал, что моей семье уже известно, что я остался в живых, хотя она и не поверила в это. Сообщили мне также о том, что на следующий день на место расстрела прибыл судья из Сойапанго Максимилиано Родригес, чтобы составить акт о погребении трупов моих товарищей. Он записал, что трупов оказалось всего 17, а тело Мигеля Мармоля не обнаружено. Моих сестер предупредили, что я, возможно, скрылся и остался в живых, а поэтому пусть они поплачут над телом какого-нибудь из расстрелянных. Так они и поступили. Но появился мой отец, он увидел, что меня среди мертвых не было, и вслух поблагодарил за это бога. Полицейские, которые сопровождали судью, чуть было не застрелили его на месте. Только протесты людей, которые собрались для опознания своих родных, спасли отцу жизнь. Я узнал также и о том, что был отдан приказ о моем аресте. В описании было сказано, что у меня остался один глаз, а на лице — страшная рана. Самым мучительным для меня в то время были винтовочные залпы, которые слышались в ночи: погибали наши товарищи, невинные люди, и вряд ли кому-нибудь из них могло повезти так, как повезло мне. Мы были одной из первых групп расстрелянных. Расстрелы продолжались во все более широких масштабах.

Несколько дней я скрывался в овраге, но неожиданно меня предупредили о том, что около 40 национальных гвардейцев и 4 армейских патруля, то есть в общей сложности около 100 человек, прочесывают район. Было очевидно, что до них дошли какие-то слухи, так как они ведут огонь по всем оврагам и пещерам. Мы немедленно стали уходить. Я был очень слаб, и моим товарищам пришлось затратить много сил, чтобы вытащить меня из оврага. Весь день мы шли в горы Сан-Хасинто. Думаю, что мы ушли вовремя, так как за нашей спиной, внизу слышались винтовочные залпы и пулеметные очереди. Уже к вечеру мы натолкнулись на дом, принадлежавший крестьянам — мелким собственникам. Товарищи объяснили, в каком положении мы оказались, но мелкий собственник, который, к счастью, был один дома, послал нас ко всем чертям. Нам не оставалось иного выхода, как силой заставить его помочь нам, но, поскольку хозяин был вне себя от бешенства, мы на всякий случай решили привязать его к дереву. Я отдохнул на его постели, поел. Не знаю как, но хозяин дома сумел освободиться от пут и попытался ускакать на неоседланной лошади. Товарищам удалось перехватить его. Я же решил,

что лучше всего нам будет уйти из этого места. Так мы и сделали. Перед уходом предупредили хозяйчика, что если он донесет на нас, то ему не поздоровится от соседних крестьян. В горах почти нельзя было отдохнуть: всюду были муравьи, москиты и прочая нечисть. Кроме того, в воздухе постоянно кружились самолеты, да и выстрелы не давали спокойно заснуть. Я был чрезвычайно слаб и часто терял сознание. Так мы провели в горах несколько дней, питаюсь зелеными плодами и корешками растений. В конце концов я решил вернуться в Сан-Сальвадор — стоило пойти на риск ради того, чтобы получить возможность должным образом подлечить мои раны, состояние которых день ото дня становилось все хуже. Товарищи не хотели отпускать меня одного, а я был против того, чтобы они рисковали ради меня. Я согласился с тем, чтобы четверо сопровождали меня, а остальным настоятельно посоветовал пробывать в горах еще несколько недель, пока не затихнут репрессии. Затем, в зависимости от ситуации, они по одному могли бы оставить свое укрытие и отправиться к своим домам или на поиски постоянного места работы. Но они должны — и я это особо подчеркивал — поддерживать связь между собой, чтобы не порвалась вся цепочка.

Ночью мы стали спускаться с гор, намереваясь войти в город со стороны Чакры. Но когда мы добрались до этого места, то обнаружили, что здесь был установлен контрольный пост. На нем находилось около пятидесяти солдат, они охраняли насосные станции, которые подавали воду в город. Нам пришлось сделать крюк, в одном месте пересечь реку — товарищи переправили меня на руках. Из города до нас доносились выстрелы — там все еще действовал закон о военном положении. Здесь я решил, что товарищи должны вернуться в свои дома или убежища, а в город я пойду один. Плечи мои были покрыты одеялом, этим последним братским революционным подарком моих спасителей. Естественно, что я пошел в город, совершенно не подозревая о той трагедии, которая ожидала их. На обратном пути мои товарищи вновь должны были пересечь реку; они затаились на берегу, подождали, как им казалось, благоприятного момента и начали переправу. Но когда они были на середине реки, их обнаружил военный патруль. Двое были убиты. Одному удалось бежать, а четвертый, раненый, был схвачен солдатами. Перед тем, как его расстреляли, в полиции он сказал: «Убивайте меня, все равно мы спасли того, кого хотели спасти».

Мне здорово повезло: я только поднялся по склону Чакры, как натолкнулся на группу вооруженных полицейских. Я опустил голову и пробормотал «Добрый вечер». Они ответили мне и пошли своей дорогой. Думаю, что они приняли меня за

своего знакомого, так как штатским было запрещено передвигаться в эти часы и любой представитель власти был обязан стрелять во все то, что двигалось и не подчинялось приказу остановиться. А иногда они даже и не приказывали остановиться, а просто стреляли. Даже собаки и кошки становились жертвами закона о военном положении. Меньше чем за неделю власти практически уничтожили всех пьянчужек Сан-Сальвадора, имевших обыкновение бродить по ночам. Среди них оказался и знаменитый Чумбулин; временами это был обаятельный человек, хотя в остальное время просто невыносим. Удивительно, но я прошел мимо армейского поста, который вместе со своими пулеметами расположился у пивной фабрики «Полар». Солдаты видели меня, и один даже приветственно помахал мне рукой. Я уверен, что меня приняли за кого-то из этого района. Издалека я еще увидел, как у восточного вокзала национальные гвардейцы устанавливали пулеметы на треногах, как у нас говорят, «на курьих ножках». Я повернул в сторону, мне пришлось обойти и западный вокзал — там также было полно полицейских. Наконец я добрался до Северной улицы. Чуть ли не на каждом шагу мне приходилось входить в подъезды, скрываясь от моторизованных патрулей, которые то и дело проезжали по улице в обоих направлениях. В эти страшные часы улицы были безлюдны. У меня душа держалась на волоске от усталости, от слабости, от боли ран, которые не закрылись и были воспалены, и — зачем скрывать — от чудовищного страха.

Я добрался до дома, где жили мои жена и сестра, но в комнате, которую они занимали, никого не оказалось, на двери висел замок; я подумал, что они покинули дом в поисках более надежного убежища. Несмотря на то что по соседству жил полицейский, которого все звали дон Амадо, я устроился в уголке двора и решил дожидаться утра — должен же был объявиться хоть один знакомый. Оказалось, что я поступил совершенно правильно: дело в том, что моя сестра сняла другую комнату в этом же доме. Утром она и моя жена вышли за покупками, и тут я предстал перед их глазами. Они страшно перепугались, меньше всего они ожидали, что я появлюсь здесь. Всхлипывая, они поведали мне, что им действительно сообщили о том, что я жив, но они не знали, верить этому или нет, и на всякий случай устроили в своей комнате маленький алтарь, где и молились за спасение моей души. Я дал им поплакать, а затем стал успокаивать. Я посоветовал им не говорить о том, что они видели меня в живых, и продолжать свои молитвы. За этим алтарем женщины устроили мне постель, где я мог бы отлежаться. Я оставался в своем убежище даже тогда, когда приходили соседи, чтобы помолиться вместе с женой и сестрой. Мои раны гноились, от них шел неприятный

запах, и мне пришлось посоветовать сестре сказать соседкам, что она травила крыс и, очевидно, одна из них подошла и разлагалась где-то в дыре. Молитвы меня очень забавляли: ведь интересно, как твои соседи, друзья и знакомые вспоминают о тебе, о печальных и веселых моментах твоей жизни. Но моя сестра все время опасалась, что мое присутствие будет обнаружено. Поэтому она читала молитвы скороговоркой, и соседи расходились довольно быстро. Начиная с 6 часов вечера, когда в силу вступал закон о военном положении, запрещавший ходить по улицам и выходить из домов, мы уже могли не опасаться любопытства соседей, но тем не менее место было опасное: ведь все знали, что здесь живут мои сестра и жена, и в любой момент могли ворваться полицейские и захватить меня врасплох.

В эти дни до меня дошла горькая весть, она заставила меня почти забыть о моем бедственном положении и моих собственных страданиях. Было объявлено, что военный трибунал приговорил к смерти Фарабундо Марти, Альфонсо Луну и Марио Сапату. До меня дошли сообщения о том, что в Исажко был повешен индейский лидер Фелисиано Ама, а в Сонсоате был расстрелян без суда и следствия мой товарищ Франсиско Санчес. Почти сразу же эти сообщения были подтверждены печатью. Мое сердце разрывалось при чтении подробностей расстрела Марти, Луны и Сапаты. Они умерли так, как и жили, — верными своим убеждениям, партии и народу. Газеты писали, что Марти отказался защищаться в военном трибунале, так как не хотел прибегать к защите законов, против которых боролся всю свою жизнь, что он отказался исповедоваться католическому священнику и перед смертью заявил, что считает генерала Сандино величайшим патриотом в мире. Я еще буду говорить об их героической смерти, принесшей нам столько горя и многому нас научившей.

Раны мои никак не хотели заживать, и мне пришлось просить мою сестру переговорить с одним из рабочих моей мастерской — Педро Мартинесом. Он не был связан с политической или профсоюзной деятельностью, его имя не занесли в полицейские досье, но это был честный человек, которому я полностью доверял. Педро обычно возвращался домой мимо нас, и моя сестра быстро нашла его. Мне удалось преодолеть его опасения и нерешительность, вполне оправданные в таких обстоятельствах, и он снял для меня комнату в квартале Сан-Себастьян. К счастью, у сестры и жены было немного денег. Педро выполнил мое поручение и согласился проводить меня до моего нового местожительства. Сестра с женой последний раз перевязали мои раны и пожелали счастливого пути. Хозяйке комнаты мы сказали, что я здорово поранился, когда упал, будучи совершенно пьяным, а в настоящее время доле-

чиваюсь после больницы. Педро оставил меня в комнате прямо на голом полу и пообещал принести раскладушку. Но он больше не появился: напряжение, которое он перенес во время нашего «переезда», так расстроило его нервы, что он и шагу не мог ступить. Первую ночь я провел взаперти, не сомкнув глаз; раны воспалились, и у меня начался сильный жар. Утром ко мне зашла хозяйка и сразу же после приветствия заявила: «У вас не такие ушибы, которые получает человек в пьяном виде, и все, что рассказала мне ваша сестра,— это неправда. У вас раны от пули, и, судя по запаху, началось воспаление. Я медицинская сестра и могу помочь вам, но вы должны рассказать мне правду о том, что случилось с вами, а иначе я сообщу все властям». Я пристально посмотрел ей в глаза и спросил: «Вы верите в бога?» «Да»,— ответила она. «Хорошо. Ради вашего бога я скажу вам правду. Мне удалось спастись во время расстрела, а на расстрел меня отправили потому, что я коммунист. Меня зовут Мигель Мармоль, я честный человек, рабочий-сапожник, и я боролся за права моих братьев, бедняков». Женщина успокоилась и сказала мне, что по странному стечению обстоятельств она присутствовала на похоронах моей матери, слышала разговоры обо мне, но никогда не видела меня в лицо. Она считала, что меня нет в стране, что я нахожусь в России. «Хорошо,— добавила она.— Благодарите своего святого. Я теперь связана обязательством и буду помогать вам. Я вылечу ваши раны, и вы поправитесь». Я страшно кашлял, так как кровь все время шла через нос и при малейшем движении попадала в горло. Хозяйка попросила меня сдерживать кашель, так как она не совсем доверяла соседям. В других комнатах жили, в частности, дядя этой доброй сеньоры, который был ординарцем в президентском дворце (по ее словам, это давало определенные гарантии, но представляло и опасность), и музыкант из правительственного оркестра. («Он хороший,— сказала она,— но постоянно голоден и за кусок хлеба может продать вас».) «Кроме того,— продолжала хозяйка,— сюда часто наведывается жена генерала Мауро Эспинолы Кастро». Я дал ей адрес моей сестры, чтобы она взяла у нее немного денег мне на лекарства, и одновременно просил передать им мой категорический запрет навещать меня. Хозяйка дома, которую звали Лусия, спасла мне жизнь. Мне не хочется вспоминать о том, как она лечила мои раны, особенно на груди,— не хочется вспоминать из-за боли,— но я всегда помню о том, что у нее были руки святой. Очень скоро мои самые страшные раны зарубцевались, и я смог начать физические упражнения, чтобы тренировать затронутые ранениями мышцы и связки. Однажды сеньора Лусия рассказала мне, что в домишке по соседству скрывается раненый коммунист и что она лечит и его. Этот товарищ выздоровел раньше

меня и отправился в другое убежище. Я так никогда и не узнал, кто это был, но он так же, как и я, был тяжело ранен. Лечение продолжалось около четырех месяцев. И с тех пор я благодарю эту добрую женщину и надеюсь, что бог, если он существует, благословил ее за проявленное милосердие к революционерам. И это говорю я, коммунист, не верящий в бога. А это в моих устах стоит больше, чем в устах священника.

Глава VII

ВОССТАНИЕ И ЕГО ПОРАЖЕНИЕ

Когда я окреп настолько, что мог вернуться к нормальной жизни, сеньора Лусия подыскала мне должность управляющего в одной небольшой усадьбе в пригороде Санта-Теклы. Пришлось, однако, отказаться, поскольку меня хорошо знали в том районе и никакие фальшивые документы не помогли бы. Кроме того, в апреле и мае в районе Сакатеколуки произошло довольно сильное землетрясение, и распространился слух, будто там требовалось много рабочих рук на восстановительных работах, так как местные жители в панике бежали из тех мест. Не знаю, чем это объяснить, только все крупные политические события в Сальвадоре всегда сопровождаются землетрясениями, наводнениями и другими стихийными бедствиями. Тем не менее пришлось оставить мысль и о Сакатеколуке.

Один мой земляк из Сойапанго по имени Тоньо посоветовал как можно скорее уходить из Сан-Сальвадора куда-нибудь в Ориенте, где репрессии были не столь жестоки. Он выразил даже готовность «поскитаться» со мной, пока я не найду подходящее и надежное пристанище. Мои сестры и другие родственники собрали кое-какие деньги, чтобы я мог добраться до Ориенте или еще лучше — до Гондураса. Силы мои быстро восстанавливались, но молодежавый вид исчез: я был худой и желтый, точно туберкулезник.

В конце концов я решил отправиться в Ориенте; все равно я сидел в Сан-Сальвадоре без дела, а в обстановке репрессий нечего было и думать об установлении контактов с партией, если вообще было с кем их устанавливать. Перед отъездом я решил повидаться с женой и детьми, хотелось хотя бы попрощаться по-человечески. Жизнь моя тогда была пропадающая. Вообще теперь, когда я стар, я вижу, что большая часть моей жизни была сопряжена с риском, но тот далекий тридцать второй год был, несомненно, наиболее опасным. Семья собралась в доме одной из моих сестер. Пришли и другие близкие мне люди. От них я впервые узнал, что говорят в народе о событиях, обрушившихся на Сальвадор после декабря. Коммунистов среди собравшихся не было, но все единодушно

осуждали бесчинства правительства. Никто, однако, ясно не осознавал, что же в действительности произошло.

Говорили, что в стране тысячи убитых, что ответственность за это несет правительство, а не коммунисты и трудящиеся, которых хотели выдать за грабителей и убийц. Пресса беспрестанно источала ядовитую пропаганду о «варварстве красных», церковные кафедры превратились в подстрекательские трибуны, с которых проповедники требовали выдачи уцелевших дьяволов-коммунистов. Но обмануть народ было не так-то просто, хотя террор, конечно, сделал свое дело: никто не протестовал, никто не требовал проведения расследований.

Я попытался выяснить что-нибудь о своих товарищах по партии, людях широко известных в стране, однако никто ничего не знал. Одни полагали, что их уже нет в живых, другие — что они пропали без вести, третьи — что они бежали в другие страны, томятся в тюрьмах и т. д. Некоторые говорили, что коммунистов в тюрьмы не сажали, их просто убивали. Впоследствии, однако, выяснилось, что среди заключенных было немало коммунистов и многие из них провели в мартинистских тюрьмах годы, многие там погибли. Смерть Фарабундо Марти, Альфонсо Луны и Марио Сапаты оставила в народе глубокий след. Появилось немало легенд о том, как они держались на военном суде и перед расстрелом.

Много лет спустя партии удалось установить точную картину их гибели, об этом рассказал Хасинто Кастельянос Ривас, который провел вместе с Фарабундо Марти последнюю ночь в часовне для приговоренных к смертной казни и оставался с ним до самого конца.

Людьми, погревшими руки в обстановке террора, были члены национальной гвардии — репрессивного органа, который затмил всех своими зверствами, убийствами, насилием и т. д. Режим сразу же осыпал гвардейцев дарами и подачками. Они засверкали золотом зубов, цепей (ничуть, кстати говоря, не украшавших их форму), колец, стали щеголять дорогими часами... У них появились деньги, на которые они могли обставлять дома своих любовниц, разряжать детей и, вырядившись, прогуливаться по воскресным дням, точно респектабельные буржуа, не забывая, однако, припрятать под сорочкой пистолет.

Все услышанное от друзей и родственников было для меня чрезвычайно интересно. Кончилась встреча весьма неожиданно. Растроганный любовью и слезами жены и детей, я поддался их мольбам и согласился взять с собой. Рисковать, так рисковать всем. Если нас схватят, так всех вместе, и мы разделим одну участь. На том и порешили.

В Сакатеколуку мы пришли пешком и легко затерялись среди жертв землетрясения, ибо таковых было более чем до-

статочно. Положение там оказалось, однако, гораздо хуже, чем мы предполагали: повсюду только голод и никакой работы. Мы увидели типичную для несправедливой капиталистической системы картину последствий землетрясения: бедные — в ужасающей нищете, без крова, голодные, их одолевают болезни, в том числе чума, которая вот-вот разрастется в эпидемию; торгаши, пользуясь моментом, ловят рыбку в мутной воде; богачи живут припеваючи, им все нипочем, их добротным домам землетрясения не страшны, они по-прежнему ходят в церковь и жалуются богу лишь на то, что он не прикончил нас всех сразу.

В Сакатеколуке мы пробыли сутки, затем сели в поезд и подались в Усулутан. Жертвы землетрясения, готовые отправиться куда угодно, но не имевшие денег на билет, доставляли много хлопот национальным гвардейцам: приходилось сбрасывать их с поезда, орудуя прикладами и мачете. Нас, слава богу, выручили скудные песо, собранные родственниками и друзьями.

Однако положение в Усулутане, даже без землетрясения, было не менее трагичным, чем в Сакатеколуке. Работы никакой, и мы решили опять расстаться. Пришлось срочно отправлять жену и детей в Сан-Сальвадор, пока оставались деньги на обратную дорогу. Сам я остался голодать в Усулутане. Пытать счастья в других местах не имело смысла: голод и безработица царили повсюду.

С отъездом жены и детей я совсем упал духом, были моменты, когда хотелось отыскать какое-нибудь дерево и повеситься, чтобы разом покончить со всеми мытарствами и страданиями. Груз поражения народа давил на меня, точно скала. И после этого обыватели еще утверждают, будто дураки находят утешение в страданиях других. Вранье. Я считаю себя законченным дураком, однако чужое горе всегда лишь удручало меня. Я никогда не грустил бы в окружении веселых людей. Вот почему, оказавшись на «кладбище бедняков», которое являл собою Сальвадор 1932 года, я готов был удивиться с тоски.

После отъезда семьи я нашел себе пристанище под навесом одного разрушенного дома, арендованного мной за 1 колон и 50 сентаво у некоей сеньоры Симоны Гарсии. Эти руины кое-как защищали меня от солнца, но не от дождя и ночного холода. Больше же всего мне доставалось от голода. Продукты, которые еще можно было раздобыть в Усулутане, стоили баснословно дорого. С самого раннего утра я отправлялся в город искать работу, но, так ничего и не найдя, шел в горы, надеясь раздобыть там что-нибудь съедобное. Несколько дней

я питался лишь супом из листьев чипилина и бананами, которые воровал в ближайших усадьбах.

Однажды, отчаявшись, я рискнул поискать работу в самом центре города. Проходя мимо какого-то строившегося дома, я наткнулся на торговщицу по партии Антонио Паласиоса, который, стоя на времянке, штукатурил стену. Увидев меня, он от удивления чуть не свалился: все считали меня погибшим. Мы радостно обнялись. Паласиос сказал, что в двенадцать у него перерыв, и пригласил пообедать. Ровно в двенадцать я был у него. Паласиос работал в доме доктора Кордобы, там же питался и туда же пригласил и меня. При одной мысли о еде у меня начиналось обильное слюновыделение. Но только мы принялись за еду, как в столовую вошла хозяйка дома. Увидев незнакомца, она пришла в ярость и, ничуть не смущаясь моего присутствия, отчитала Паласиоса за то, что он без всякого на то разрешения кормит в доме разных лодырей.

С большим сожалением расстался я с хорошим куском свинины, запах которой я помню до сих пор. Паласиос сгорал от стыда. Я утешал его и говорил, что надо привыкать к подобным унижениям, ибо мы были всего лишь представителями потерпевшего поражение пролетариата, что буржуазия всегда отличалась жестокостью, и не только в отношении коммунистов. Чтобы оплевать нас и унижить, буржуям достаточно знать, что мы бедны. «Такое забывать нельзя», — говорил Паласиос чуть не плача. Я ушел и больше никогда не возвращался. Зачем? Чтобы огорчать его? Так я и продолжал питаться листьями чипилина — на завтрак, на обед и на ужин.

Однажды я решил выгодно поместить оставшийся капитал — 18 сентаво — и насладиться великолепным блюдом из риса и фасоли на городском рынке. Но когда полез в карман, чтобы рассчитать, денег не оказалось: вместо них была дыра. От стыда я готов был провалиться сквозь землю. К счастью, хозяйка успокоила меня, сказав, что может подождать с деньгами.

На следующий день я снова отправился в горы. От бананов не осталось и следа, все было срезано, а чипилин, кормивший меня своими листьями, стоял нагой. Видно, не я один пользовался этим источником дарового питания. Следующие четыре дня кряду у меня во рту не было ни маковой росинки, я пил только воду. На четвертый день поста я увидел в горах молодого человека, срезавшего кокосовые орехи. Я попросил у него один, объяснив, что умираю с голоду. Парень рассвирепел и послал меня подальше, посоветовав самому влезть на пальму. У меня не было сил ни взобраться на пальму, ни ответить на оскорбление.

Чтобы чем-то занять себя и хоть немного забыть голод, я решил отправиться на ближайшую речку постирать белье.

И вот, полоская свои замызганные порты, я увидел в воде монетку достоинством в одно сентаво. Я тут же купил у девушки-прачки три лепешки. Это было настоящее счастье: я стал обладателем трех лепешек. На обратном пути я заметил в дверях одного дома женщину, которая внимательно разглядывала меня. «Что это вы собираетесь делать со своими лепешками?» — спросила она. «Есть, — ответил я. — Соли вот только нет». «Можете зайти ко мне и спокойно съесть их здесь, соль я вам дам». Я вошел, сел за стол. Хозяйка принесла соль, рис с фасолью, жареные бананы, несколько яиц и кофе.

Женщина сказала, что я растрогал ее тем, что очень похож на ее младшего брата. «Увидев вас, я сразу представила своего братишку и подумала, что, может быть, он вот так же голодает где-нибудь в Гондурасе, куда отправился несколько месяцев назад в поисках работы». Она сказала, что я могу придти к ней в любое время, и обещала подыскать мне работу. Звали ее донья Урсула Мелендес. Мужа звали сеньор Галеа. «У него тоже доброе сердце», — прибавила донья Мелендес. Ушел я сытый и довольный, но решил больше не возвращаться, чтобы не быть обузой для бедной семьи. Дети доньи Урсулы вскоре, однако, разыскали меня, так как мой разрушенный дом находился неподалеку, и в часы трапезы приходили за мной и говорили, что мама послала их сказать, что стол накрыт. Сеньор Галеа и сеньора Урсула предложили мне переселиться к ним в дом. Мой дом, говорили они, мог в любой момент рухнуть и придавить меня, а пока я не подыщу какую-нибудь оплачиваемую работу, я могу помочь им по хозяйству. Мне нечего стесняться, успокаивали они меня, ведь они жили вполне прилично: им помогали два взрослых сына, служивших в национальной гвардии в Сонсонате. Я согласился остаться на несколько дней в доме своих новых друзей, пока не найду работу.

В тот же вечер, желая снять напряжение и развеяться, я отправился в парк в самом центре Усулутана послушать муниципальный оркестр. Я пристроился в дальнем темном углу, чтобы под музыку поразмышлять о своей судьбе. Я был так поглощен своими мыслями, что не обратил никакого внимания на человека, пристроившегося рядом. Откуда-то издали я вдруг услышал, как он почти кричал: «Товарищ Мармоль!» Это оказался соратник по партии (имени его я не запомнил), который тоже скрывался в тех местах. Мы поведали друг другу свои истории, похожие как две капли воды: о голоде, о постоянном страхе, о безработице... На следующий день он собирался отправиться дальше, куда-нибудь в Сан-Мигель или Ла-Унион. На прощание он подарил мне песо. Это было для меня целое состояние.

Наутро я отправился узнать насчет работы в мастерскую Умберто Флореса: как выяснила сеньора Урсула, расквартированный в городе полк заказал ему большую партию армейских ботинок. Удача улыбнулась мне. Мне положили два колона в месяц и выдали разрешение на трехразовое питание в расположенной неподалеку столовой. Это было пробуждение к новой жизни!

Я приступил к работе. Движения мои были еще скованными, руки не слушались и казались чужими, но опыт, приобретенный в самых лучших и современных столичных мастерских, не пропал даром:— меня сразу заметили и оценили мою работу. Как и во всех сапожных мастерских, все разговоры у нас начинались с вопросов текущей политики. В те дни пресса много шумела о жестокой войне в Чако*. Цель шумихи состояла в том, чтобы отвлечь внимание от положения в Сальвадоре. Все так оживленно обсуждали приводившие в содрогание газетные сообщения, будто в нашей стране никогда не случалось ничего подобного или даже хуже. Постепенно втянулся в эти разговоры и я и стал излагать свое мнение.

Поскольку архивы актов гражданского состояния Усулутана сгорели во время одного из пожаров, я выдавал себя за сторожика города, некоего Элиаса Гевару, который покинул родные места много лет назад. Своими высказываниями о войне в Чако я снискал среди рабочих мастерской славу умного и знающего человека. Вскоре в нашу компанию влились несколько прогрессивных настроенных интеллигентов: мастерская была одним из немногих мест, где можно было без особого риска говорить о политике. Среди них я припоминаю некоего Осегеду, поэта Канело и других. Однажды зашла речь о том, что такое политика. Надо сказать, что я был неисправимым дураком; пережитые мною ужасы так ничему меня не научили, ибо вскоре я начал высказываться по существу. «Есть люди, которые считают,— сказал я,— что политика является концентрированным выражением экономики». «Ах ты, мать честная! — воскликнул поэт Канело.— Чего только не знает этот Гевара!»

Однажды пришел в мастерскую некто Умберто Портильо, житель Усулутана. Он хотел поговорить со мной. Все знали, что он коммунист и что за свое участие в «социстском восстании», о котором я уже говорил, он побывал в тюрьме Сан-Мигель. В мастерской меня не оказалось: вместе с мастером Флоресом мы отправились закупать кожу. Тогда он сказал рабочим, что знает о моих взглядах и полностью разделяет их. Позже я узнал, что он говорил обо мне даже с мастером Флоресом и

---

* Война между Боливией и Парагваем (1932—1935) из-за нефтеносной территории Чако, инспирированная англо-американскими нефтяными монополиями.— *Прим. ред.*

расхваливал меня. Как говорится, упаси боже от таких благодетелей, ибо после этого разговора мастер стал относиться ко мне с подозрением и положение мое осложнилось. Пришлось подыскивать новое место.

Как-то раз я встретил сапожника Николаса Агила, с которым познакомился еще в Сан-Сальвадоре. Коммунистом он не был, зато был прекрасным другом. В Усулутане у него имелась небольшая мастерская, куда он и пригласил меня работать. «Да, у него мне будет, пожалуй, спокойнее», — решил я и не ошибся. По прошествии нескольких дней напряженной работы Агила пригласил меня к себе выпить пива. После двух-трех бутылок он с видом человека, все обдумавшего заранее, сказал: «Послушай, Мигелито, я знаю, что ты коммунист и останешься им до гробовой доски. Сам я не верю даже в черта, я знаю лишь одно: люди глупы и неблагодарны и незачем жертвовать собой ради них. В большинстве своем это просто бараны, которым надо только набить брюхо. Вы, коммунисты, правы почти во всем, что говорите, и надо быть дураком, чтобы не видеть этого. Дураком или полным идиотом. Но в этой стране, Мигелито, люди глупее меня, а уж я-то знаю, какой я дурак, поверь мне. Те же, кто не дураки, — трусы и ничтожества. А вы, заступники бедняков, кончите тем, что попадете в руки своры подлецов. Ты только взгляни, что творится в последние месяцы: настоящая бойня! И этим дело наверняка не кончится. На меня можешь не рассчитывать, я тебе не помощник. Я разочаровался в жизни, и у меня к горлу подступает тошнота, стоит мне только подумать, кто будет править страной после такой бойни: ведь в живых остались одни подонки. Хочу сказать тебе только, что здесь, в городке, есть еще несколько таких же сумасшедших, как ты. Они тоже бредят коммунизмом и так же, как ты, хотят быть мучениками. Ну, да это ваше личное дело. Я познакомлю вас. Я знаю их с той поры, когда у меня еще были какие-то иллюзии. Бог вам судья! Но это все, что я могу для вас сделать. Сам я лезть ни во что не желаю».

Я сказал Николасу, что уважаю его мнение и желание, но меня не обманешь: не погас огонь в его сердце, иначе он не предложил бы свою помощь — пусть незначительную, но все же помощь — революционному делу. «Подумай как следует обо всем сам. Если ты порядочный человек, то поймешь, что правда на нашей стороне, и рано или поздно все равно окажешься в нашем окопе». Я обнял его и попросил как можно скорее познакомиться с другими «сумасшедшими» в Усулутане, кому дорого дело коммунизма.

Николас Агила, этот человек с большим сердцем, сдержал свое слово и познакомил меня с Франсиско Бланко Мартинесом, сапожником, и с портными Луисом Давилой и Лоренсо Н. Он оказался прав: это были люди, действительно готовые по-

жертвовать собой. Очень скоро они продемонстрировали свой революционный дух, и я вновь почувствовал, как в моих венах запульсировала кровь и с глаз слетела пелена, столь удручающе действовавшая на меня в последние месяцы. Возможность вновь заняться организационной работой, действовать, бороться вприснула жизнь в мое тело и душу, которые еще ныли от боли. Я сразу же отправился к Антонио Паласиосу, которого не видел с тех пор, как меня изгнала рассвирепевшая хозяйка дома, где он работал. У обоих у нас был опыт организационной и политической работы среди рабочих и крестьян, и вместе с тремя новыми товарищами мы создали ячейку, которая благодаря нашим усилиям на наших глазах превратилась в ядро коммунистической партии в департаменте Усулутан, которое действовало в административном центре департамента и которое позже распространило свое влияние на крестьянские районы.

На своих собраниях мы разрабатывали планы, думали, как установить связи с друзьями и сочувствующими, изучали, хотя и чисто механически, зубря, теорию, которая тем не менее освещала нам долгий путь в будущее.

Следует отметить, что социальная среда была тогда в высшей степени благодатной, и доказательством служит тот факт, что уже через неделю после начала своей деятельности мы установили контакты еще с тремя товарищами, которые позже организовали кружок под моим руководством; об этом свидетельствовали и конкретные планы сближения с другой группой тщательно отобранных лиц в количестве пятнадцати человек (причем речь идет лишь о районе, где находилась мастерская Агилы).

Главной своей задачей мы считали, однако, установление контактов и организационную работу с крестьянством. Поэтому в конце рабочей недели, а иногда и в пятницу вечером мы отправлялись в сельские районы. Очень скоро нам удалось создать целую сеть городских и сельских организаций между Усулутаном и Сантьяго-де-Мария. К нашей радости, в Сантьяго-де-Мария мы встретили семью Пинеда — родителей и братьев юноши, члена Союза коммунистической молодежи, который предложил мне укрыться в его доме на проспекте Индепенденсия непосредственно перед моим арестом в январе. Пинеду тогда схватили и расстреляли. Место его в наших рядах заняли родители и братья. Мы вновь ощутили любовь и заботу крестьян. Встречи с крестьянами стали частым делом, и, как водится в этом прибрежном районе, на этих встречах поглощалось огромное количество кокосовых орехов. Это был целый обряд: вскрывался первый орех и его молочком ополаскивали руки, молочко второго ореха выпивалось, а у третьего поедалось ядро. Только после этого каждый мог есть орех целиком. Уже в августе на собраниях в усадьбах собиралось до тридцати человек.

Большой популярностью среди населения тех мест пользо-

вался поргной Луис Давила, его авторитет очень помог нам завоевать доверие крестьян. Следует, правда, отметить, что репрессии не докатились до этой зоны и ее население практически не пострадало. Вместе с тем не нужно забывать, что до этого партия и Региональная федерация практически не вели в этом районе никакой работы. Условия и перспективы деятельности были тогда благоприятными, поскольку враг вел себя там довольно беспечно. Кроме того, правительство Мартинеса полагало, что разделалось с коммунистами в Сальвадоре окончательно.

Если говорить о содержании нашей деятельности, то основной целью первых собраний в плане организационно-пропагандистской работы было критическое осмысление в условиях подполья теми немногими, кто уцелел, правильности линии партии на восстание, выбора момента, форм восстания, оценка результатов восстания и политики противника в отношении масс, анализ причин военного поражения и положения в стране после восстания, а также оценка перспектив деятельности революционных сил в условиях террора, установленного железной диктатурой Мартинеса. Результатом дискуссий, проходивших на собраниях в Усулутане и его окрестностях, стал документ объемом около тридцати пяти страниц, озаглавленный «Причины восстания и его поражения».

Одна копия документа позже была направлена в Мексику, другая — в СССР. Не знаю, какая из них дошла до адресата, но, когда меня вновь арестовали в 1934 году, в полицейском управлении перед моим носом размахивали одной из копий этого доклада. В нем содержался вывод о том, что в конце 1931 и начале 1932 года в стране существовали условия для немедленного захвата власти путем вооруженного восстания трудящихся города и деревни в целях свершения буржуазно-демократической революции, которая обеспечила бы более благоприятные социально-экономические условия для рабочего класса, содействовала его развитию, дала бы землю нуждающимся крестьянам, укрепила позиции нарождавшейся национальной буржуазии и способствовала бы развитию национальной промышленности, свободной от пут империализма.

Ниже перечислены обстоятельства, которые обусловили возникновение подлинно революционной ситуации и которые требовали от партии постановки этого вопроса перед массами.

1. Кризис мировой экономической системы капитализма, начавшийся в 1929 году, поразил и Сальвадор, причем основное бремя кризиса легло на плечи народных масс. На международном рынке резко упали цены на кофе. В стране начался голод, трудящихся охватило отчаяние. Экономический кризис

и новая политическая ситуация в стране, возникшая в результате свержения правительства Араухо, застали буржуазию врасплох. Кроме того, экономический кризис потребовал от сальвадорской олигархии, которая с ужасом наблюдала за ростом народного движения в стране, радикальных решений, ибо возможность преодоления кризиса и перспективы превращения олигархии в новых условиях в мире в национальную политическую силу были обусловлены подавлением народного революционного движения.

2. Политический кризис в стране. Сдерживаемый гнев радикально настроенных масс, порожденный свержением правительства Араухо гражданско-военной группой, деятельностью которой тайно руководил генерал Мартинес. Правительство Араухо, пришедшее к власти благодаря широчайшей поддержке народа, пало через каких-нибудь девять месяцев после своего прихода. Единодушное неприятие народом путчистов и нового правительства.

3. Непризнание нового правительства на международной арене. По прошествии более чем месяца с момента захвата власти, то есть когда мы серьезно рассматривали вопрос о восстании, ни одна страна мира еще не признала правительство Мартинеса.

4. Сальвадор был в то время одним из наиболее слабых звеньев в цепи империализма в нашем регионе. Более того, он был центром различных противоречий империалистов, но ни одна империалистическая держава не обладала достаточной силой, чтобы подчинить себе страну. Нельзя категорически утверждать, что американский или английский империализм мог тогда диктовать свою волю Сальвадору. Да и сам генерал Мартинес не скрывал своих симпатий к Германии, ко всему немецкому, своего преклонения перед нацизмом и фашизмом. Американский империализм, разумеется, уже тогда готовился подчинить себе нашу страну и, как показала история, потеснить остальные империалистические державы. Первые шаги были предприняты после кровавой расправы в 1932 году, когда янки поддержали генерала Мартинеса, и затем после победы во второй мировой войне, когда они вытеснили остальных соперников и утвердились окончательно и бесповоротно, оставаясь в Сальвадоре и поныне. Интересно отметить многочисленные случаи в истории, когда наиболее слабое звено в цепи империализма в том или ином районе укрепляется с помощью насилия: с помощью кровавых расправ над народом, с помощью провоцирования локальных войн между братскими нациями, пограничных конфликтов и т. д. И если народ не прибегает в срочном порядке к революционному выступлению, чтобы стать хозяином положения в тот или иной благоприятный исторический момент, или, как это случилось с нами, если это выступление окажется неэффектив-

ным, империализм рано или поздно прибегнет к реакционному насилию и укрепит в стране свою систему господства.

5. Бюрократический аппарат, государственные служащие и трудящиеся в целом были крайне недовольны резким сокращением заработной платы (до 30%), о котором объявило мартинистское правительство.

6. Крестьянские массы крайне возмущало усиление по всей стране эксплуатации и разнузданное насилие со стороны господствующего класса и репрессивного правительственного аппарата. В поместьях и хозяйствах фактически существовали рабовладельческие отношения, и без того нищенская заработная плата постоянно произвольно урезалась, повсюду проводились необоснованные массовые увольнения, колонны изгонялись со своих земель, хозяева систематически отказывались сдавать землю в аренду, условия труда арендаторов постоянно ухудшались, урожаи крестьян, выражавших недовольство, уничтожались путем поджога или отравы скотом, закрывались проходы через земли имений и усадеб, даже когда речь шла об общинных дорогах, национальная гвардия не стеснялась в применении разнузданных репрессий; бросали людей в тюрьмы, отнимали у них жилье, поджигали дома, насиловали женщин, пытали и убивали всех, кто осмеливался протестовать. Это положение усугублялось безработицей, голодом, тяжелыми последствиями экономического кризиса, а также тем, что коммунистов и других представителей прогрессивных слоев, на которых крестьяне и батраки возлагали последние надежды, лишили их победы на выборах. Все это заставило основные массы сельского населения решительно подняться на восстание. Городское население центрального и западного районов в целом поддерживало требования крестьянства. Народные массы больше не хотели жить по-старому.

7. Резкое усиление политической, идеологической и социальной пропаганды со стороны таких экстремистских групп, как анархо-синдикалисты и сторонники Араухо (которые строили всю свою пропагандистскую кампанию на президентских выборах на так и не выполненном обещании осушествить раздел земли) и др.

8. В стране существовала коммунистическая партия, которая, несмотря на свой небольшой опыт и серьезные пробелы в идеологической и теоретической подготовке, была хорошо организованной, дисциплинированной и пользовалась огромным авторитетом среди масс. Руководящую роль партии признавали и рабочее и крестьянское движения (которые не подвергали линии партии никакому сомнению); партия оказывала большое влияние на студенчество и интеллигенцию. Кроме того, в нашей партии имелось надежное ядро из солдат-коммунистов и даже офицеров. Можно с полным основанием утверждать, что у нас

было достаточно сил в самой армии, чтобы организовать широкое восстание и нанести внезапный и сокрушительный удар по репрессивному аппарату буржуазии изнутри. Уже через два года после своего возникновения Коммунистическая партия Сальвадора превратилась в боевой авангард, который в тех условиях был способен возглавить борьбу масс и поставить на повестку дня вопрос о революции. В этом смысле у нас имелись все условия, необходимые для организации восстания. Поэтому мы надеялись также, что, если после победы нашего восстания и захвата власти народом над страной нависнет угроза империалистической интервенции, нам будет обеспечена материальная и моральная поддержка всех коммунистических партий мира, всего международного рабочего движения во главе с Советским Союзом.

9. У нас имелась широкая программа буржуазно-демократической революции, которая, как мы считали, обеспечивала большой простор для маневра перед лицом империалистической угрозы и возможность привлечения на сторону революции средних слоев и даже нейтрализации, хотя бы временной, земельной олигархии. В этой программе излагались критерии и пути решения правительством насущных проблем на первом этапе революции. Мы даже назначили специального товарища — Фарабундо Марти, который должен был отвечать за координацию контактов с целью создания представительного демократического правительства с участием последовательных борцов за интересы народа. Лозунг захвата власти рабочим классом и крестьянством для свершения буржуазно-демократической революции не был сектантским. Рабочее движение, хотя и было сравнительно молодым, поскольку развитие капитализма в нашей стране только начиналось, все же пользовалось огромным авторитетом в стране и представляло собой поистине решающую силу. Тогда еще не существовало ни отраслевых профсоюзов, ни единых демократических фронтов. Все политические проблемы народных масс обсуждались главным образом рабочим движением. О населении сельских районов не приходится и говорить: оно (бедные крестьяне и батраки, то есть сельскохозяйственный пролетариат) составляло подавляющее большинство населения страны (более 75%) и в целом стояло на еще более радикальных позициях и уже шло по пути — или по крайней мере вступало на путь — стихийных выступлений.

10. Все легальные пути борьбы были исчерпаны. Широчайшие массы разочаровались и в политических буржуазных партиях, и в буржуазной избирательной системе. Демагогия Трудовой партии Арауко разбила веру в традиционные партии, а мошенничество на выборах, к которому прибегли в борьбе против нас, окончательно развенчало эту систему в глазах народных масс. Крестьяне, например, верили, как я уже говорил,

что их проблемы могут быть решены путем смены власти, то есть, если в местные органы власти войдут представители крестьян и других слоев населения, подвергавшихся наиболее жесткой эксплуатации. Это требование нашло широчайший отклик у масс. Поэтому-то наши кандидаты, вышедшие из народной гущи, и получили такую поддержку. Обман развеял иллюзии, и разочарованные и подавленные массы поняли, что единственной гарантией их победы могло служить лишь оружие.

Я не думаю, что сделаю большое открытие, если скажу, что уже эти факты сальвадорской действительности свидетельствуют о существовании в то время типичной революционной ситуации, существовавшей конкретных действий. И то, что мы начали действовать, едва ли дает основания обвинять нас в мелкобуржуазном авантюризме. Более того, я считаю, что мы упустили момент, сделали это слишком поздно, то есть уже после того, как враг обрушился с репрессиями и нанес сокрушительный удар по нашему руководству, по нашему ядру в армии, вынудив нас тем самым перейти к обороне.

Я считаю, что наши ошибки имели правоуклонистский, а не левоуклонистский характер. Они объясняются отчасти нерешительностью, боязнью применить в целом верную линию, что не позволило нам воспользоваться моментом, использовать элемент внезапности, мы упустили инициативу... Кроме того, мы совершили много ошибок из-за явной недооценки материальных средств восстания: оружия, транспорта, экономических средств, связи... И как я покажу далее, главные и самые грубые ошибки мы совершили в военном и организационном аспектах. Мы считали партию достаточно подготовленной для того, чтобы возглавить восстание. Сейчас об этом, вероятно, можно спорить, — сейчас, когда известно, чем все кончилось, то есть постфактум. Я же хочу сказать только, что наша партия, как мне кажется, вполне отвечала требованиям, предъявлявшимся к отрядам международного коммунистического движения того времени, то есть была действительно способна возглавить массы в борьбе за власть.

В своей организационной и практической деятельности мы использовали основные ленинские принципы, стараясь применить их к нашим конкретным условиям. Мне возразят, что ленинская партия, в классическом ее понимании, может быть готова к завоеванию власти лишь в том случае, если она должным образом решила военный аспект восстания, и что мы должны были помнить об этом. Мы всё помнили, мы не были беспомощными сосунками. Как я уже говорил, мы считали, что у нас достаточно своих людей в армии, чтобы поднять восстание и обеспечить руководство восставшими массами в соответствии с разработанным нами оперативным планом, о котором я скажу

ниже. Лично я верю в это и сейчас, когда сам уже могу привести массу высказываний Ленина по данному вопросу.

Здесь мне хотелось бы сделать небольшое отступление и со всей определенностью заявить, что мы не получали от Коммунистического Интернационала никаких «приказов» поднять восстание и не следовали слепо никаким его «лозунгам». Всю ответственность за участие сальвадорских коммунистов в тех исторических событиях несет только наша партия.

Окончательное решение принимали только мы, сальвадорские коммунисты, на основе собственного анализа конкретных условий. Я напоминаю об этом потому, что буржуазные писаки и сальвадорская пресса постоянно твердят, будто восстание 1932 года было поднято по прямому указанию Москвы, Интернационала и лично Сталина. Это несусветная чушь, еще одна наглая ложь классового врага. Неверно и то, что СССР и Интернационал предоставили нам огромную материальную помощь для организации и осуществления восстания.

Единственной и ничтожнейшей материальной помощью, которую мы какое-то время получали из-за границы, была помощь по линии Международного Красного Креста, но она не превышала и пятидесяти долларов в месяц и предназначалась для оказания помощи семьям погибших во время репрессий, для организации правовой защиты заключенных и т. д. Если бы мы получили крупные средства или вооружение, то правительству генерала Мартинеса пришлось бы, несомненно, туго и реакция не смогла бы нанести нам столь сокрушительный удар. Здесь, разумеется, необходимо заявить во весь голос о том, чего мы никогда и не думали отрицать: мы, тогдашние сальвадорские коммунисты, понимали, что своей революционной борьбой содействовали также усилению позиций коммунизма во всем мире, в частности укреплению и развитию Советского Союза — единственной страны, где пролетариат взял власть в свои руки. Мы, коммунисты, всегда были прежде всего интернационалистами и именно поэтому самыми последовательными патриотами, ибо свой высший международный долг мы видим в свершении революции в каждой из наших стран. Я считал необходимым разъяснить этот вопрос, потому что он слишком важен, потому что правда на нашей стороне и потому что это соответствует действительности.

Следует также, в частности, для упорядочения дискуссии, которая может однажды возникнуть вокруг этих событий, подчеркнуть ленинский характер деятельности Коммунистической партии Сальвадора с момента своего возникновения вплоть до кровавой расправы 1932 года. Подтверждением являются, по моему мнению, следующие факты.

Свою деятельность мы осуществляли главным образом среди трудящихся города и деревни (ремесленников и городских ра-

бочих, служащих, бедных крестьян, полупролетарских и пролетарских слоев сельского населения), то есть среди тех, кто подвергался самой жестокой эксплуатации.

Наша деятельность по развертыванию борьбы масс отражала интересы этих масс и поэтому находила отклик у среднего крестьянства, мелких собственников, рыбаков, мелких торговцев, тех, кто арендовал землю и жилье, студентов и людей интеллектуального труда, у прогрессивно настроенной буржуазии и т. д. Для каждой части населения наша партия разработала программу конкретных требований, которые должны были содействовать их вовлечению в борьбу. Для безработных партия требовала хлеба и работы.

Наша партия сумела завоевать руководство в Региональной федерации сальвадорских трудящихся — основной массовой организации страны, — изгнав из нее реформистов и анархосиндикалистов. Это было продиктовано не только необходимостью активизации революционного движения в Сальвадоре, но и являлось одной из задач всего международного коммунистического движения. В качестве одного из своих основополагающих принципов мы провозгласили необходимость установления международных связей с революционерами и эксплуатируемыми всего мира. Мы разъясняли массам значение солидарности с антиимпериалистической борьбой генерала Сандино в Никарагуа, а также с международным движением рабочих и крестьян, с Советским Союзом.

Мы организовывали массовые забастовки в городе и деревне, выдвигая экономические требования, а также различные массовые мероприятия (митинги, собрания крестьян — открытые и тайные, — политические манифестации, выступления профсоюзов, мероприятия агитационно-пропагандистского характера и т. д.), мы боролись против социальной несправедливости и империализма, против репрессивной политики режима. Все это содействовало росту сознания масс и углублению политического кризиса в стране.

Мы разработали конкретную, детальную политическую программу осуществления буржуазно-демократической революции, о характере которой я говорил выше. К сожалению, у нас не сохранилось ни одной копии этой программы.

Объективности ради следует, однако, отметить, что в партии были и такие, кто решительно выступал против восстания. Свои позиции они обосновывали тем, что:

1) мы не пользовались влиянием в стране в целом и не имели поддержки в Ориенте. Это неверно. В Ориенте мы заручились даже военной поддержкой и вели там активную пропагандистскую и организационную работу, хотя, конечно, и не в таких масштабах, как в центральной и западной частях страны. Кроме того, мы рассчитывали, что, захватив все изда-

тельства и газеты, наводним Ориенте нашей литературой, направим туда специальные группы агитаторов и т. д.;

2) многие коммунисты находились в тот момент в тюрьмах, и правительство могло уничтожить их, как только мы начнем действовать. Следовало побеспокоиться о том, как освободить наших товарищей, ибо в конечном счете правительство расправилось со всеми заключенными, не забыв при этом и о тысячах других, которые находились «на свободе». Более того, когда этот вопрос обсуждался в руководстве партии, коммунистов, которые находились в тюрьмах, можно было пересчитать по пальцам: братья Мохика из Сонсонате, товарищи Сафарранчо, Габриель Местика, Эрисабаль, Фарабуццо Марти, Альфонсо Луна, Марио Сапата и ряд других товарищей;

3) вопреки всем нашим прогнозам американский империализм оккупировал-таки Никарагуа, и в случае захвата нами власти он-де немедленно направил бы войска в Сальвадор, и мы оказались бы не в состоянии отразить натиск хорошо вооруженной и организованной американской армии.

Здесь следует отметить, что этим нас стращали и до и после восстания. Мы не считали, однако (и я до сих пор уверен, что мы во многом правы), что прямое вооруженное вмешательство империализма было неизбежным. Империализм не был тогда настолько сильным, чтобы поступать как ему заблагорассудится. Ведь даже после кровавой расправы, когда империалисты решили высадить свои войска, генерал Мартинес не допустил их в Сальвадор, как они того хотели. Но и в случае широкой интервенции американцев мы знали, как поступить,— перед нами был пример генерала Сандино, который из лесов Сеговии в Никарагуа указывал нам путь освобождения: партизанская война в горах, отечественная война против захватчика. Более того, в Сальвадоре (в случае победы восстания) американцам пришлось бы иметь дело с народом в целом, который к тому времени, то есть к моменту высадки войск, уже взял бы власть в свои руки. Иными словами, все было не так просто. Кроме того, программа буржуазно-демократической революции обещивала нам, как я уже указывал, определенную свободу для маневра перед лицом опасности со стороны империализма. Правда, были в партии люди, которые ударились в другую крайность, то есть полностью игнорировали опасность со стороны империализма, наивно полагая, будто он останется сторонним наблюдателем и, более того, окажет нам помощь. Здесь уж, как говорится, можно только развести руками;

4) наша партия, утверждали некоторые ее члены, была не способна поднять массы на восстание ни с политической, ни с организационной, ни с военной, ни с идеологической точек зрения. Это, однако, надо еще доказать. Я убежден, что наша партия могла бы возглавить восстание, если бы не упустила

инициативу и использовала элемент внезапности. Между тем из-за колебаний и отсрочек, из-за грубых нарушений самых элементарных норм конспирации мы начали восстание, как я неоднократно подчеркивал, в момент, когда правительство уже уничтожило всех офицеров и солдат-коммунистов в армии, всех или по крайней мере большую часть руководства партии и массовых организаций. Однако, чтобы не быть голословным, давайте посмотрим, как на деле развивалось восстание, ибо я вовсе не намерен ограничиваться абстрактными рассуждениями.

7 января руководство партии приняло на своем заседании решение — начать восстание 16 января. Но уже 14 января стало очевидно, что правительство осведомлено о наших планах. И вот вместо того, чтобы ускорить подготовку восстания и начать его раньше (ибо идти на попятную в момент, когда массы выступили бы стихийно, если бы партия не возглавила их, когда правительство и армия совершали вооруженные провокации против крестьян, было нельзя), Центральный Комитет партии принимает решение об отсрочке восстания и переносит его начало на 19 января. В этот день арестовывают Фарабуэндо Марти — наиболее влиятельного и авторитетного руководителя партии, — Альфонсо Луну и Марио Сапату — видных руководителей студенческого движения и городских слоек Сан-Сальвадора и партии.

После долгих дискуссий было принято решение вновь перенести начало восстания, на 22 января. А в это время фактически уже начались массовые репрессии. 16 января наши товарищи, солдаты 6-го пулеметного полка, решили запясться чисткой оружия, готовясь в соответствии с решением от 7 января к выступлению. Это очень удивило офицеров. Кроме того, один сержант, которому товарищи рассказали о планах восстания, чтобы привлечь его на свою сторону, донес на них начальству. В тот же день в расположение 6-го полка неожиданно прибыли другие части и солдаты Национальной гвардии и перебили почти всех солдат — сторонников восстания, а уцелевших бросили в тюрьму, где они и погибли (в частности, сержант Мерлос и другие). С военной точки зрения это массовое убийство означало для нас потерю двух пулеметных рот, которые могли бы сыграть решающую роль, если бы в начале восстания получили полную свободу действий. Кроме того, были перебиты, схвачены или нейтрализованы наши силы в гарнизоне Касамата (1-й кавалерийский полк, где был уничтожен целый эскадрон), солдаты в Эль-Сапоте (1-й пехотный полк) и наши соратники в авиации. Но дело не ограничилось массовыми убийствами в казармах. Командование армии отдало распоряжение о взаимной передислокации частей из одних

гарнизонов страны в другие, чтобы исключить таким образом возможность координации потенциальных выступлений в армии. Наиболее активных, в частности коммунистов, убивали во время передислокации целыми взводами, и даже ротами: им устраивали засады и уничтожали. Был проведен внезапный и массовый призыв в армию в Oriente, где наша пропаганда была слабой; вновь сформированные части были брошены на подавление выступлений в западной и центральной частях страны.

В тех условиях мы не могли координировать действия наших сторонников в Oriente ни в армии, ни среди гражданского населения Сан-Мигеля и Ла-Униона, где были созданы полувоенные формирования, в том числе саперные, медицинские роты и другие подразделения.

Эта неудача, постигшая нас с самого начала в армии, имела катастрофические последствия: план военных действий, о котором я скажу ниже, фактически был сорван.

Чтобы понять, насколько правительство перехватило у нас инициативу и на какой пошел подлог, достаточно ознакомиться с фальшивым документом, разработанным якобы руководством нашей партии, который назывался: «Инструкции коммунистам Сальвадора по организации всеобщего выступления 22 января 1932 года». Этот документ распространялся в огромных количествах по всей стране начиная по крайней мере с 20 января. Вот его доподлинный текст:

«Исполнительным комитетам коммунистической партии департаментов страны. Общие инструкции для немедленных действий

1. Все командиры красных отрядов подчиняются исполнительным комитетам коммунистической партии департаментов страны.

2. 22 января 1932 года к 12 часам ночи должны быть мобилизованы и готовы к штурму гарнизонов в административных центрах департаментов все контингенты наших революционных организаций, чтобы приступить к немедленному захвату гарнизонов и казарм, а также полицейских постов и постов национальной гвардии.

3. В отношении сил национальной гвардии действовать решительно, никого не оставляя в живых, захватывая все имеющиеся в ее распоряжении оружие и боеприпасы.

4. Революционные силы должны нанести сокрушительный удар по буржуазии, чтобы в первые же часы безжалостного террора полностью обескровить ее, не останавливаясь ни перед расстрелом на месте, ни перед всеми другими формами уничтожения.

5. Наши силы должны проникнуть в дома всех известных представителей буржуазии, собственников и землевладельцев и уничтожить их. В живых оставлять только детей. Все иму-

щество и содержимое погребов и амбаров передавать в распоряжение исполнительных комитетов коммунистической партии департаментов страны.

6. Захватить все магазины и банки, экспроприровать их собственность и передать в распоряжение исполнительных комитетов коммунистической партии департаментов страны.

7. Конфисковать все легковые автомобили и грузовики, а также бензин на бензоколонках, складах и в частных домах.

8. Подготовить все незанятые и пустующие дома для размещения в них сил Красной армии и семей рабочих и крестьян.

9. Сразу же после захвата казарм и других постов полиции и национальной гвардии и полной нейтрализации буржуазии путем самых решительных и бескомпромиссных действий Красной армии немедленно предпринять наступление на столицу, используя в целях обеспечения скорейшего продвижения весь имеющийся транспорт.

10. Предоставить в распоряжение исполнительных комитетов коммунистической партии департаментов два лучших автомобиля и самых надежных водителей из числа членов партии.

11. Всех пленных контрреволюционеров и прочих лиц расстреливать на месте без всяких военных трибуналов.

12. Члены белой армии, оказывающие сопротивление, и все лица, которые в той или иной форме будут препятствовать наступлению и развитию операций Красной армии, караются смертной казнью.

13. Снабжение Красной армии обеспечивают назначаемые с этой целью специальные комиссии, которые должны поставлять ее войскам продовольствие и обмундирование.

14. Организовать службу Красного Креста с участием всех женщин — членов партии, предоставив в ее распоряжение необходимые транспортные средства. Все работники медицинской службы, в частности врачи, практиканты-фармацевты, которые отказываются предоставлять свои услуги революционным силам, считаются контрреволюционерами и подлежат расстрелу на месте. Напротив, следует оказывать всяческое уважение тем, кто будет добровольно сотрудничать с нашими силами.

15. Наладить телеграфную и телефонную службу и обеспечить с помощью красных отрядов охрану учреждений связи, захваченных нашими силами; расстреливать всех контрреволюционных служащих, уличенных в предательстве или не желающих служить делу революции.

16. Обеспечить охрану всех типографий и немедленно организовать их работу под руководством коммунистической партии в целях публикации коммунистических манифестов, газет и прочих изданий. Все, кто не желает сотрудничать с

нами, считаются контрреволюционерами и подлежат расстрелу на месте.

17. Все члены Красной армии обязаны соблюдать строжайшую революционную дисциплину. Все, кто отказывается выполнять приказы, считаются контрреволюционерами и подлежат расстрелу на месте.

18. Вместо муниципальных советов необходимо создавать революционные Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые несут ответственность за производство и распределение продукции и наделяются необходимой властью для принятия самостоятельных мер в отношении контрреволюционных элементов, которые подлежат расстрелу на месте.

19. Под началом Советов формируются полицейские силы, которые осуществляют жесточайший террор против буржуазии, расстреливая всех оставшихся в живых после захвата административных центров департаментов реакционных и контрреволюционных элементов.

20. Исполнительные комитеты департаментов наделяются широкими полномочиями для принятия любых мер по решительному укреплению наших сил и немедленному захвату власти. Следует постоянно помнить, что успех в борьбе может быть обеспечен только решимостью и дисциплиной и что мы не добьемся окончательной победы, пока не захватим столичный гарнизон. Поэтому все должны ясно понимать, что нашей основной целью является захват казарм столичного гарнизона и разгром крупной столичной буржуазии.

21. Революционные силы используют в своих целях железные дороги. Все служащие, которые отказываются от сотрудничества с нами, считаются контрреволюционерами и подлежат немедленному расстрелу.

22. Наступление на столицу должно осуществляться главным образом по шоссе и дорогам, используя с этой целью весь имеющийся в распоряжении транспорт и обеспечивая связь с тылом путем передачи эстафет.

23. Ничто не должно сдерживать натиск революционных сил. Малейшие колебания могут привести к катастрофическим последствиям. Необходимо любой ценой развить наступление. Оборона, как известно, есть смерть восстания. Необходимо сокрушать все, что будет мешать нашему продвижению вперед и развитию операции. При преодолении любых препятствий необходимы революционный натиск и отвага.

24. Необходимо обеспечить фронтальное наступление на буржуазию и жесточайший террор против нее, чтобы как можно скорее подавить и уничтожить ее.

25. Да здравствуют воины Красной армии, героические борцы за власть! Да здравствуют красногвардейцы! Да здрав-

ствуют отважные солдаты Красной армии! Да здравствует пролетарская революция!

Сан-Сальвадор, 16 января 1932 года.
Центральный Комитет»

Как видим, речь идет о злонамеренном, чрезвычайно ловко подделанном документе, который в огромных количествах распространялся по всей стране. Он причинил нам большой ущерб, поскольку мы предстали в глазах простого народа как банда жаждущих крови убийц, которые за малейшую провинность расстреливают людей без всякого суда и следствия.

Цель документа состояла также в том, чтобы запугать военнослужащих, членов национальной гвардии и полиции, внушив им мысль о нашем намерении покончить с ними до единого. Расчет правительства был прост: войска и органы безопасности должны были драться с нами до последнего, не поддаваться на пропаганду, в которой им предлагалось переходить на нашу сторону и которая, по признанию самого врага, в некоторых казармах дала блестящие результаты. Но особенно вреден этот фальшивый документ был тем, что его язык очень походил на наш, тем, что речь в нем шла о деятельности, неизбежной в ходе восстания (и в отношении которой, в частности, возникло столь много споров в самом партийном руководстве).

Мы действительно предусматривали конфискацию имущества и захват государственных учреждений, и прежде всего учреждений транспорта и связи. Но восстание изображалось в этом документе в таком мрачном, кровавом свете, что многие отвернулись от нас, в том числе и в самой партии, были сбиты с толку. Именно с помощью таких вот документов репрессивные органы пытались оправдать убийство более 30 тысяч крестьян и рабочих; свои злодеяния они выдавали за превентивные меры, направленные на предотвращение якобы заранее запланированных коммунистами убийств. А кроме того, они распространяли также слухи о том, что мы будем насиловать женщин, вешать всех священников и т. д. и т. п.

Иными словами, врагу удалось посеять смуту повсюду, даже среди тех, о ком он и не помышлял. Все, однако, обстояло иначе. Если бы наша партия призвала к резне, если бы совершила эти безответственные преступные и контрреволюционные деяния, то трагедия Сальвадора обернулась бы подлинной катастрофой, поскольку если кому и подчинялись народные массы, и прежде всего крестьянские, так это нашей партии, ее Центральному Комитету. Достаточно сказать — и это будет наглядно и подробно показано ниже, — что от рук повстанцев погбло всего лишь человек двадцать, причем большинство (за исключением одного или двух случаев, когда действительно

имели место заслуживающие всяческого осуждения преступления) погибли защищаясь. Правительство же — и я вновь подчеркиваю это, — развязав террор, не прекратило своей кровавой расправы до тех пор, пока не уничтожило более 30 тысяч наших братьев, большинство которых не имело никакого отношения к революционной деятельности.

А теперь проанализируем более подробно события неудавшегося восстания и последовавшие за ним кровавые репрессии.

Восстание, как известно, охватило главным образом западную часть страны. В Такубе было совершено нападение на помещения национальной гвардии, и в течение одного-двух дней власть в городе находилась в руках народа, который создал местный совет.

В Ауачапане восставшие окружили гарнизон департамента, завязался тяжелый бой, однако овладеть ситуацией им не удалось. Наиболее широкий размах приняли выступления трудящихся в Сонсонате, где крестьяне захватили здание таможни и несколько важных стратегических пунктов. Восставшие пытались также взять штурмом казармы расквартированного в этом департаменте полка. Несмотря на мощный пулеметный огонь и большие потери, 17 наших бойцов сумели прорваться в казармы с одними мачете, но, не получив надлежащей огневой поддержки, оказались отрезанными от остальных восставших и были перебиты. Город Сонсонате — это третий или четвертый город Сальвадора по своему значению.

В Хуайуа восставшие овладели гарнизоном, создали Совет, и в течение трех дней рядом с флагом Сальвадора развевался красный флаг. Если я не ошибаюсь, все до единого члены Совета Хуайуа погибли во время репрессий.

В Исалко около двух тысяч человек овладели городом и удерживали его в течение трех дней и ночей. Их выбили оттуда только с помощью мощного пулеметного огня и бомбардировок с воздуха. Столько же времени восставшие удерживали и город Науисалко. Действиями восставших в Теотекеке руководил отец Фарабундо Марти, который с одним пистолетом в руках захватил городскую ратушу. Восставшие удерживали непродолжительное время также Такубу, Атако (город Атако, кстати, родина семейства Куэнка, отец которого и младшие сыновья были впоследствии повешены солдатами и членами так называемой Гражданской гвардии), Салкоатитан, Колон, Сонсакате, Турин, Сан-Хулиан (который подвергся варварской бомбардировке и пулеметному обстрелу с воздуха). Повстанцы намеревались захватить также города Армения и Атеос.

В результате массовых, тщательно организованных репрессий режим выбил нас отовсюду, дезорганизовал наши ряды и обратил нас в бегство, рассеял коммунистов и сочувствующих

по полям и горам, обеспечив тем самым условия для массовых расправ, которые совершались фактически безнаказанно.

Убийство тысяч и тысяч сальвадорских граждан было хладнокровно продумано и осуществлено мартинистским правительством и высшим военным командованием при полной поддержке наиболее могущественных слоев национальной олигархии и нарождавшейся местной буржуазии. Оно осуществлялось в отношении всего народа. При этом не делалось никаких различий между крестьянами и рабочими, и не только в районах, где произошли выступления, а по всей стране, хотя жители этих районов пострадали, разумеется, больше других. Власти пытались уничтожить все следы массовых организаций, расправиться с членами существовавших и потенциальных демократических и народных организаций, в том числе и наименее радикальных. С ними хотели покончить раз и навсегда, чтобы посеять скорбь и отчаяние на многие годы вперед.

В первые дни ежедневно погибало около двух тысяч человек, затем масштабы уменьшились, но бойня продолжалась в течение двух-трех месяцев по всей стране. Что же касается убийств отдельных граждан, то они не прекращались практически все тринадцать лет правления генерала Мартинеса. Людей, которые меняли место жительства и уходили в другие районы, находили по спискам, составленным на почтах и телеграфах на основе анализа переписки. Как только их обнаруживали, сразу же отдавался приказ об уничтожении. Тех же, кто проживал в родных местах, убивали, как только задерживали. Для выявления и ликвидации тысяч граждан воспользовались списками тех, кто на выборах голосовал за коммунистов. Переодетые в гражданское члены национальной гвардии и тайной полиции обходили в дни зарплаты все усадьбы страны, выискивая революционеров, сочувствовавших, и, обнаружив или полагая, что обнаружили таковых, вытаскивали их из очереди и убивали в ближайших кустах. Крестьяне, которые слышали выстрелы и крики, понимали, что погиб еще один коммунист.

Террор был действительно свирепый. В каждом населенном пункте из числа буржуазных оппортунистических и уголовных элементов или реакционеров-фанатиков организовывались также белые контрреволюционные отряды, так называемая Гражданская гвардия, на которую возлагалась задача выискивать и передавать военным властям всех, кого считали коммунистами или прогрессивно настроенными людьми. Им предписывалось также совершать убийства, грабежи, насилия, пытки и прочие злодеяния в отношении простого народа. Кстати сказать, в этих бандах убийц, в их кровавых злодеяниях против народа, участвовали и люди, которые впоследствии вошли в

историю нашей страны как демократы и даже как прогрессивные деятели. А уж сколько рехалось таким подлым методом личных споров и неприязненных отношений и говорить не приходится!

Рассказать более или менее подробно о бесчеловечных репрессиях буржуазного правительства генерала Мартинеса в масштабах всей страны невозможно. С тех пор прошло много лет, и в отношении событий 1932 года в головах наших соотечественников нагромоздилась прямо-таки непроходимая гора предрассудков. Нас уже не ошеломляет огромное число жертв, хотя оно и не отражает весь драматизм того времени. К тому же империализм совершил впоследствии другие страшные преступления в мире, — преступления, перед которыми бледнеют пережитые нами, ни с чем не сравнимые, как мы тогда полагали, ужасы тех дней. И все же мне кажется, что для Сальвадора трагедия 1932 года столь же велика, сколь и трагедия, которую пережила Европа во времена нацистского варварства, трагедия, которую пережил Вьетнам во времена американского варварства, ибо она совершенно изменила (в худшую, разумеется, сторону) характер нации.

В 1932 году народ Сальвадора потерял более 30 тысяч убитыми, то есть более 2,5 процента всего населения страны. Это не считая раненых, жертв избиений, пыток и т. д. Речь идет только о погибших. И это не просто совокупность арифметических единиц: за каждым убитым стоят живые люди со своими чаяниями, чувствами, страданиями, у каждого было имя, фамилия, свои интересы, своя точка зрения, своя семья, друзья. Вот это-то и трагично. Те же, кто уцелел, заплатили за свою жизнь дорогой ценой: я имею в виду раненых, пострадавших от пыток и побоев, заключенных, изнасилованных, детей-сирот. Целые семьи голодающих, бездомных, которые с тех пор вынуждены были постоянно прятаться от смерти и преследований, разобщенные семьи людей, лишенных даже того немногого, что у них было, и многие, многие другие. Были еще тысячи тех, кому пришлось бежать в другие страны, в частности в Гватемалу, Гондурас, Никарагуа, все имущество которых состояло только из их одежды. Между прочим, наибольшее количество сальвадорских эмигрантов прибыло в Гондурас именно в 1932 году. Начиная с того проклятого года все мы стали другими людьми, а Сальвадор, пожалуй, другой страной.

Сегодняшний Сальвадор является прежде всего порождением жестокости и варварства того времени. Это мое твердое убеждение. Все остальное — косметика, попытка подсластить пилюлю для народа. Возможно, наши правители несколько изменили свой стиль, однако в целом мы по-прежнему находимся в плену мировоззрения убийц 1932 года. Взгляните,

сколько прежних гражданских и военных деятелей занимают ключевые посты в государственном аппарате и в репрессивных органах! Я говорю об этом лишь потому, что просто не знаю, с чего начать свой пусть очень неполный рассказ о преступлениях, совершенных тогда богачами и сальвадорской армией против народа. Скажу только, что самые жестокие массовые расправы были учинены в Сойапанго, где расстреляли большую часть пленных, захваченных в Сан-Сальвадоре и Ориенте; в Илопанго, Асино, Плайоне (Кухуапе), где было убито большое число членов партии и сочувствовавших, схваченных в различных частях страны, а заодно и всех обычных заключенных, занятых на принудительных работах на одной из дорог в том районе; Сантьяго-Тексакуангосе, Колоне, Комасагуэ, Такубе, Исалко, Хуайуа, Салкоатитане, где расстреляли огромную толпу людей, собравшихся на городской площади; в Сарагосе, Теотечеке, Хайаке, в окрестностях Санта-Теклы и в Ауачапапе.

В Армения генерал Пинто лично убил одного за другим 700 крестьян, которых его солдаты предварительно заставляли рыть себе могилы. Генерал Очоа, губернатор Сан-Мигеля, восседая на стуле посреди двора, заставлял пленных подползать к нему на коленях и приговаривал: «Поди-ка, понюхай, чем пахнет пистолет». Приговоренные просили его христом-богом пощадить их ради своих детей, плакали, молили, ибо до этого они слышали доносившиеся со двора беспрестанные выстрелы. Но кровожадный генерал был неумолим: «Если не хочешь нюхать пистолет, значит, ты коммунист и просто боишься,— говорил он.— Боятся же только грешники». Крестьянин нюхал дуло пистолета, и в этот момент генерал выстреливал ему в лицо. «Следующий»,— командовал он. А знаменитый «герой», полковник Тито Томас Кальво, прославивший себя борьбой против Мартинеса в 1944 году, стал палачом Исалко, переплюнув своей изощренностью даже генерала Очоа. Когда к нему приближался связанный крестьянин, он говорил: «Закрой глаза и открой рот, посмотрим, какие у тебя зубы». Крестьянам представляли дело так, будто речь шла об обязательном призыве в армию и они должны были пройти медицинский осмотр. Когда крестьянин открывал рот, Тито Кальво выстреливал ему прямо в небо. Эти факты известны половине Сальвадора. Но дело все в том, что многие прикидываются забывчивыми, когда им это выгодно. Тот же самый «герой» Тито Томас Кальво в церкви Концепсьон в Исалко — скромном домишке с папертью — одним духом расстрелял из пулемета более 200 человек, в большинстве своем женщин и детей.

В Чанмико и Лас-Гранадильяс национальные гвардейцы подожгли ранчо в радиусе 20 километров и изнасиловали всех

женщин и девушек старше 10 лет. Братьев Мохика, которые находились в заключении в Сонсонате еще до начала восстания, сначала подвергли страшным пыткам, а затем убили, хотя они, разумеется, не принимали никакого участия в выступлениях.

В Такубе, как я уже рассказывал, они повесили главу семейства Куэнка, который не имел никакого отношения к политической деятельности своих сыновей, причем повесили вместе с детьми, совершенно не причастными к политической деятельности. Я имею в виду, в частности, Бенхамина, который был тогда еще ребенком. Одного члена партии из Науисалко повесили на глазах у семьи, после чего одни стали подбрасывать его тело за руки и за ноги вверх, а другие ловили его на штыки. Из казармы Ауачапана кровь лилась ручьем, точно вода. Один лейтенант, который в тот момент находился при исполнении служебных обязанностей, со слезами на глазах рассказывал, что крестьяне, которых группами расстреливали во дворе, пели песню католиков «Святое сердце, ты восторжествуешь» и что между лужами крови он и расстреливавшие крестьян солдаты отчетливо увидели образ Христа и отказались продолжать бойню, заявив протест командиру. Протест был столь решительным, что командир приказал немедленно прекратить кровавую расправу. Так остался в живых Модесто Рамирес.

В усадьбе Сан-Хосе семь братьев Альфаро и их старика — отца необоснованно обвинили в принадлежности к коммунистической партии. Их расстреляли прямо у ворот усадьбы, даже не разрешив старику сходить в дом переодеться: он хотел умереть в белом. Такое творилось повсюду в западной и центральной частях страны. В Исалко согнали всех школьников, чтобы у них на глазах повесить почтенного руководителя индейцев Фелисиано Аму, «дабы они знали, как поступают с коммунистами, которые осмеливаются поднимать руку на своих хозяев и на законную власть».

Самолеты целыми днями напролет поливали свинцом сельские районы: мишенью служила любая человеческая фигура. Именно от пулеметного огня авиации да еще от рук пехотинцев-карателей погибли в окрестностях Исалко люди Фелисиано Амы. Ама обессмертил себя в национальной истории, как последний великий выразитель бунтарского духа индейцев, как наследник традиций Анастасио Акино. Ама стал сторонником коммунизма и, проникшись его идеями, пришел в нашу партию — цвет нации. Но Ама участвовал в борьбе не как индеец, а как эксплуатируемый. Семейство Регаладо, например, отняло у него всю землю. Они жестоко избили его и повесили за пальцы. Я познакомился с ним после событий 17 мая, когда прибыл в тот район для поднятия духа населения, став-

шего жертвой репрессий. Встретились мы, помню, в Сансакате. Сухопарый, бронзовый, с крупными крепкими зубами — таким предстал передо мной Ама. Он был полон решимости продолжать борьбу. Ама рассказал мне, как над ним издевались, и показал следы пыток. Показал он и свои владения на одном из холмов, весьма обширные, которые у него еще не успели отнять, и сказал, что собирается раздать эту землю неимущим индейцам.

Поведал он мне и о том, что президент Мартинес призвал его однажды к себе и, угрожая, потребовал, чтобы Ама отошел от борьбы, заявив, что «эта кость кипит муравьями и муравьи сожрут его». Тогда Ама напомнил президенту, что у каждого из них есть свои обязанности и каждый призван выполнять свой долг... Но продолжим рассказ о варварстве. В департаменте Ауачапан все до единого дома на возвышенности были сровнены с землей артиллерийским огнем. Вопросов не задавали, в плен не брали, все сносили огнем и свинцом. Дома из соломы сначала обстреливали, а затем заглядывали внутрь — проверяли, не осталось ли кого в живых.

Один шофер, который через несколько лет после тех событий вступил в партию и до сих пор является ее членом, рассказывал, что он в то время работал на кофейной плантации в Ауачапане. 25 или 26 января армейский отряд заставил его вести грузовик, на кабине которого был установлен пулемет, а в кузове находился взвод вооруженных солдат. Отряд отправился «блюсти порядок», и, когда по пути попадалась какая-нибудь группа крестьян, мирно беседовавших или куда-то направлявшихся, солдаты без всякого предупреждения с расстояния тридцати или более метров решетили их из пулемета и из личного оружия. Затем их командир, угрожая пистолетом, приказывал шоферу следовать дальше, прямо по телам агонизировавших, корчившихся от боли, стонавших людей.

Впоследствии шофер в течение почти двух лет пребывал в состоянии психического расстройства — так на него подействовала болтанка в грузовике, давившем трупы. «Я слышал, как под колесами хрустели кости», — вспоминает он. В Сан-Сальвадоре одну довольно многочисленную группу ремесленников и служащих — ярых антикоммунистов, которые явились в казарму и просили дать им оружие или принять в армию, чтобы бить коммунистов, любезно пропустили на территорию и, когда они оказались во дворе, расстреляли всех до одного. Было их больше ста человек.

После событий 1932 года сельские жители еще долго натывались на торчавшие из земли руки, ноги, черепа. Повсюду можно было видеть свиней, собак и других животных с гнию-

щей человеческой рукой или ребрами в зубах. Собакам было раздолье; они раскапывали трупы людей, убийцы которых едва удосуживались слегка присыпать их тонким слоем земли, так как времени на рытье могил не было: нужно было торопиться убивать. Но больше всего насладились в тот год в Сальвадоре грифы: они были жирные, сытые, с блестящим опереньем. К счастью, больше их такими никогда не видели.

Наибольшей жестокостью среди других репрессивных органов отличалась национальная гвардия. Их обманули, опубликовав якобы принадлежавшие нам документы, наподобие того, который я уже привел, где утверждалось, что мы не оставим в живых ни одного гвардейца и будем не просто убивать, а пытаться и издеваться над ними, будем убивать не только их, но и родственников и т. д.

Обманутые и запуганные, кипя лютой ненавистью к коммунистам, которую в них разожгли якобы ради спасения Отечества, религии и т. д., люди, которые раньше честно боролись с преступниками, превратились в кровожадных животных, безжалостных, не ведавших никаких сомнений. Вот как обычно действовали гвардейцы: придя на какое-нибудь крестьянское ранчо, они первым делом поливали его пулеметным огнем, затем всех оставшихся в живых, если такие были, выстраивали возле дома. Лиц мужского пола от 10 лет и старше расстреливали, при этом их могли предварительно допросить и подвергнуть пыткам. Всех девушек старше 12 лет и молодых женщин насиловали здесь же, в присутствии матерей, отцов, мужей или детей. Когда все были перебиты, гвардейцы насаживали трупы на вилы или песты и вешали на них таблички, гласившие, что такая участь постигнет всех коммунистов, что все должны помнить об этом и сотрудничать с гвардейцами. Иногда на табличках писали, что та или иная семья стала жертвой зверств коммунистов.

Не думайте, что я преувеличиваю, что все это плод большого воображения коммуниста, пытающегося оправдать себя и свою партию. Отнюдь. Все эти факты не раз признавали сами олигархические правительства, сменявшие друг друга в Сальвадоре, и, несмотря на все попытки предать их забвению, они время от времени все же всплывают наружу. У нас, например, сохранился один очень важный официальный документ, опубликованный в «Военной истории Сальвадора», написанной полковником Грегорио Бустаманте Масео.

Эта история была напечатана в Национальной типографии Сальвадора по приказу министерства внутренних дел в 1951 году, в период пребывания у власти антикоммунистического и репрессивного правительства полковника Оскара Осорио,

кстати, большого почитателя генерала Мартинеса. Вот что полковник Бустаманте Масео говорит о событиях 1932 года:

«Так, в декабре 1931 года произошли значительные волнения в восточных департаментах республики, организованные такими видными лидерами, как Фарабундо Марти, и студентами Марио Сапатай и Альфонсо Луной. Штаб их находился в предместьях Сан-Сальвадора. Там их схватили и сразу же, без всякого суда, расстреляли. У них нашли списки сторонников, среди которых было много столичных рабочих. Все они стали жертвами преследований, всех их постепенно вылавливали и расстреливали. Такая же участь постигла и невинных рабочих, на которых доносили, сводя личные счеты, ибо одно слово какой-нибудь старой сплетницы могло лишить жизни многих честных людей, отцов семейств. По ночам из Главного управления полиции выезжали набитые жертвами грузовики, направлявшиеся к реке Аселуате. Там, на берегу, их расстреливали и бросали в глубокие, отрытые заранее траншеи. Палачи не удосуживались записывать даже их имена.

Генерал Мартинес мобилизовал специальные отряды для борьбы с повстанцами, командиры которых получили самые суровые приказы и неограниченные полномочия. И вот пулеметы начали сеять ужас и смерть в районах Хуайуа, Исалко, Науисалко, Колона, Санта-Теклы, вулкана Санта-Аны и в других прибрежных населенных пунктах от Хикилиско до Акахутлы. Отдельные селения были стерты с лица земли.

Жертвами кровавой расправы стали столичные рабочие. Группу людей, добровольно явившихся к властям и искренне предложивших свои услуги, завели в расположение национальной гвардии, построили и всех до единого расстреляли. Народ охватила паника. Некоторые иностранные коммерсанты обратились за помощью к своим странам, и британское правительство, например, направило в порт Акахутла военные корабли. Прибыв в порт, они обратились к президенту Мартинесу с просьбой разрешить высадить войска, чтобы оказать помощь своим согражданам. Они получили отказ. Президент Мартинес заявил, что он сам в состоянии контролировать положение в стране. В подтверждение он направил англичанам телеграмму, переданную генералом доном Хосе Томасом Кальдероном из города Санта-Аны. Текст ее гласил: «На настоящий момент я уничтожил более 4 тысяч коммунистов».

Бойня была страшная, не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин. В Хуайуа всем честным людям, не имевшим никакого отношения к коммунистам, было приказано явиться в муниципалитет и получить пропуск. И вот, когда городская площадь была до отказа забита людьми, в том числе женщинами и детьми, войска перекрыли все выходы и открыли по невинной толпе

пулеметный огонь. В живых не осталось никого, погибли даже собаки, которые повсюду следуют по пятам за своими хозяевами-индейцами. А через несколько дней человек, руководивший этой разнузданной расправой, похвалялся в парках и на улицах Сан-Сальвадора тем, что это он был героем страшного злодеяния, и живописал его во всех подробностях.

За этим последовали более мелкие расправы. Их организовывала знаменитая Гражданская гвардия, сколоченная генералом Мартинесом во всех населенных пунктах из отщепенцев, совершивших тягчайшие преступления против жизни, собственности и чести людей, в том числе и несовершеннолетних. Каждые 24 часа президенту подавались сводки о количестве жертв. Расправы сопровождалась разнузданным грабежом и мародерством: растащили все, даже домашнюю птицу. По данным из опубликованных источников, количество погибших превысило 30 тысяч человек, в действительности же только убитых было не менее 24 тысяч. Забыть мрачные месяцы декабря 1931 года и января, февраля и марта 1932 года невозможно».

Так кончается документ полковника Бустаманте Масео. Комментарии к нему, по-моему, излишни.

Кровь этих тысяч невинных жертв, людей погибших и оскорбленных, по-прежнему требует отмщения, земного или небесного все равно, хотя наш долг революционеров требует, чтобы возмездие свершилось на земле. Мы требуем не мести, нет. Мы не реваншисты-романтики, но мы должны быть грамотными революционерами и опираться на законы истории. Стремиться лишь к мести — значило бы оскорблять память погибших. Мы должны добиваться торжества революционной справедливости, возмездия за чудовищные преступления. А эта революционная справедливость восторжествует лишь тогда, когда будут достигнуты конечные цели, за которые сражался сальвадорский народ, выступивший против социальной несправедливости, за социальные преобразования, за победу Революции. И до тех пор, пока эта справедливость не восторжествует, наша нация, несмотря ни на какие лживые утверждения демагогов-националистов, не может быть частью цивилизованного мира, частью свободного сообщества людей, не может пользоваться благами прогресса, приходящего ныне в самые отдаленные уголки земли.

Не следует, однако, полагать, будто революция победит лишь для того, чтобы открыть народу глаза на историю нашего недавнего прошлого. Более того, я считаю, что до тех пор, пока трудящиеся Сальвадора не поймут истинный смысл событий 1932 года, наш революционный авангард будет сталкиваться в своей идеологической работе с огромными трудностями. Ведь кампания клеветы, порочащая сальвадорских коммунистов, ведется систематически на протяжении почти сорока лет. Когда

репрессивные силы открыли огонь против народа, буржуазная пресса, католические священники, учителя, преподаватели университетов развернули широчайшую кампанию лжи и фальсификации (которая не только не прекратилась, но и усилилась благодаря тому, что в нее включились новые средства массовой информации: радио, телевидение, кино и др.).

Они хотели извратить истинное положение дел и свалить всю вину за это гнусное преступление, за убийства и бесчисленные акты произвола на коммунистов. С тех пор нас стали выдавать за свору бездушных варваров, которые с мачете в руках врывались в города и убивали, грабили, раскраивали головы собственников и насиловали девственниц. Распускались гнусные слухи о том, будто коммунисты получили боны, которые-де давали право проводить ночь с приглянувшейся женщиной в захваченном населенном пункте. Робкие мелкие буржуа дрожали от страха в своих домах, опасаясь за свои накопления и за девственность своих дочерей. Однако представители олигархии вели себя спокойно и надменно: они прекрасно знали, что массовые убийства — это дело их рук, что произвол вершился в их собственных интересах против неимущих. И самым лучшим доказательством этого являются факты. О каких многочисленных издевательствах наших людей в отношении населения захваченных городов они говорят? Случаев «дикого надругательства» над женщинами из числа буржуазии было не более двух, и заключалось оно в том, что наши товарищи вынуждены были заставить даже «знатных дам» готовить вместе со своими слугами и другими женщинами — добровольцами из простонародья пищу для наших голодных бойцов. Люди, погибшие от наших рук, пали в сражениях или при самообороне. Исключение составляют один-два случая, когда, как я уже признал, были действительно допущены злоупотребления, которые заслуживают уголовного наказания и за которые мы осудили бы и наказали виновных при первой же возможности. Вместе с тем смешно было бы думать, будто восстание совершается с помощью пинцетов, ватных тампонов, по определенному церемониалу. С понятием «восстание» люди всегда связывают как минимум массу убитых с обеих сторон, и само убийство в бою — зрелище отнюдь не эстетическое. Нас без конца упрекают в том, что наши товарищи варварски расправились с гвардейцами из таможни в Сонсонате, потому что их, дескать, зарубили мачете и изуродовали. А чего же, собственно, хочет буржуазия? Ведь гвардейцы из таможни стреляли в нас из винтовок, у нас же были только мачете. Что же нам оставалось еще делать? Можно подумать, что наши мертвые казались этим клеветникам не убитыми и выглядели вполне «цивилизованано» и «современно» потому, что были прошиты пулями. Поистине неотразимый аргумент!

Но давайте познакомимся с фактами нашего предполагаемого варварства с того самого момента, когда наша партия призвала массы к восстанию. Данные самой буржуазной и реакционной прессы, а также данные, опубликованные в книгах и брошюрах, состряпанных бумагомарателями или организациями военного режима, в том числе и содержащиеся в некоторых исследованиях американских специалистов по антикоммунизму, свидетельствуют о том, что коммунисты убили в ходе восстания или при самообороне в период репрессий следующих лиц:

д-ра Хасинто Колочо Боске, его спутника, господина Виктора Дурана, и (это все, что приводит в своей ядовитой книге Шлессинджер) шофера, который их вез. Они были убиты по дороге из Сан-Сальвадора в Сонсонате. У Колона их остановил красный патруль, и некоторые члены патруля признали в Колочо Боске владельца, который заставлял их выполнять принудительные работы на дороге, ведущей в Чалатенанго и который, как мне удалось установить из рассказов соседей по камере незадолго до нашего расстрела, был повинен в бесчисленных актах произвола. Убийство, конечно, нельзя оправдывать чувством мести, и я повторяю, что мы сами судили бы виновных и наказали бы их по всей строгости революционного закона. Но если предположить, что люди, убившие Колочо Боске, были закоренелыми преступниками, то почему они в таком случае, позвольте спросить еще раз, убили только его и сопровождавших его лиц? Ведь в их руках побывали сотни семей, направлявшихся в автомобилих через этот контрольный пункт коммунистов в Сан-Сальвадор, Санта-Ану и Сонсонате;

телеграфиста из Колона, имя которого не указывается, командующего местным гарнизоном полковника Доминго Кампоса и секретаря муниципалитета Эфраина Альваренгу. Телеграфиста, как полицейского осведомителя, ненавидело все население, командующий же терроризировал весь поселок, установив на здании комендатуры стапковый пулемет, постоянно нацеленный на площадь, где всегда собирался народ. Все трое умерли в сражении, обороняясь с помощью огнестрельного оружия, а отнюдь не были злодейски убиты, как это утверждают буржуазные источники;

помещика Тобиса Саласара и землевладельца Хуана Хермана в департаменте Ауачапан. Они убиты в момент, когда наткнулись на патруль коммунистов и первые открыли огонь;

сеньора Мигеля Каля, алькальда города Исалко, и Рафаэля Кастро Каркамо, жителя тех мест, экс-кандидата в алькальды Чалчуапы. Они погибли в открытом бою, когда пытались воспрепятствовать вступлению коммунистов в город;

Эмилио Радаэли, торговца и помещика из Хуайуа. Полковника Матео Вакеро, также из Хуайуа. В отношении смерти первого существует несколько версий. Согласно некоторым, его

убили его личные враги, которые, воспользовавшись смутой, выкрали у него знаменитые драгоценности (с тех пор никто никогда ничего о них не слышал). По другим версиям, он погиб с пистолетом в руке, обороняясь от тех, кто, как он полагал, пришел конфисковывать его имущество. Полковник Вакеро погиб в стычке, когда пытался силой оружия утвердить свой авторитет;

упомянутых выше гвардейцев из таможни в Сонсонате, которых было не более четырех-пяти человек;

лейтенанта Франсиско Платеро, члена репрессивных сил. Он погиб в ходе одной из операций;

майора Карлоса Хуареса, двух его солдат и отставного генерала Рафаэля Риваса, погибших в бою при захвате Такубы.

В Наусалко были ранены граждане: Алехандро Мартинес, Алехандро Гарсия, Антонио Рока и Рафаэль Рамирес.

Итак, 17 убитых, плюс четыре или пять человек из таможни в Сонсонате — всего 21—22 человека плюс четверо раненых. Таково общее число жертв среди буржуазии и реакционных сил в результате коммунистического восстания в Сальвадоре в 1932 году. Двадцать два убитых, почти все в открытом бою, остальные при неопределенных обстоятельствах, да четверо раненых — это все, в чем могут обвинить коммунистов. Остальные 32 тысячи убитых ложатся тяжким, несмываемым пятном на олигархию и буржуазию Сальвадора, на армию тирании Мартинеса, на подчиненную и по сей день американскому империализму капиталистическую систему. Говоря о репрессиях против парижских коммунаров, Маркс сказал примерно следующее: «Буржуазия с неслыханной жестокостью отомстила за смертельный страх, который она пережила». Так и наши враги мстили не за реальный ущерб, ибо мы не причинили почти никакого ущерба, а за страх.

Может быть, жертв было и больше, но именно этими данными всегда козыряет реакция, обвиняя нас, а она, как известно, не упустит ничего. А где же изнасилованные нами женщины, мужчины, которых мы пытали, дикие грабежи, которые мы совершали? У нас было достаточно времени, чтобы что-то натворить или разрушить в многочисленных городах, которые мы заняли, прежде чем нас выбили оттуда репрессивные силы. Но мы не только не сделали ничего подобного, а наоборот, тщательно оберегали захваченные нами города, быстро налаживали их жизнь, утверждая равенство всех людей. В прессе того времени и в посвященных этим событиям документах, которые появились позже, говорится лишь о страхе, о том, что могло случиться, о том, чего боялись буржуа. А где же издевательства над населением городов, которые мы удерживали на протяжении трех и более дней? Нет сомнений, что всегда найдутся кисейные барышни, для которых помочь испечь пару кукурузных лепешек для

армии босоногих крестьян — оскорбление страшнее смерти, но обвинять на этом основании коммунистов в преступлениях и оправдывать этим широчайшие репрессии — значит воистину совершать преступление, скрыть которое невозможно. Предположим, что мы действительно повинны в смерти 22 человек, пусть так. Но что значит эта цифра в сравнении с 32 тысячами человек, которых правительство генерала Мартинеса убило в угоду правящим классам? Главное заключается, однако, в том, что это преступление было совершено не только против коммунистов, не для того, чтобы ликвидировать Коммунистическую партию Сальвадора. Это страшное преступление было совершено для того, чтобы травмировать и обескровить народ на многие годы, чтобы обеспечить господство в стране олигархии, чтобы установить «кладбищенский мир», на котором железная военная диктатура Мартинеса процветала ни много ни мало 13 лет. Это было хорошо продуманное убийство целого общества, совершавшееся методично и бесстрастно.

Последствия этого преступления и определили дальнейшую судьбу нашего народа. Определяют они ее, по моему убеждению, и сейчас. Антикоммунисты в Сальвадоре и сейчас еще пытаются использовать убийство в течение нескольких недель 30 тысяч сальвадорцев в качестве своего основного аргумента. Основная цель этой кампании по извращению фактов была, разумеется, реакционной. Годы маринистской диктатуры, существование военного режима и в наши дни, мощная империалистическая пропаганда на протяжении целых десятилетий, церковные проповеди, обработка детей в школах и т. д. и т. п. — все использовалось для того, чтобы взвалить вину за это тягчайшее преступление на нашу революционную совесть, в то время как подлинные преступники: командный состав армии фашистского, империалистического покроя, которую выдавали и выдают за «национальную армию Сальвадора», представители буржуазии, которые убили стольких людей, причем иногда только для того, чтобы опробовать свое новое оружие в рядах печально известной Гражданской гвардии, осведомители и трусы, которые сделали донос смыслом своей жизни, подстрекатели, которые оплачивали рвение военных наличными, священники, которые благословляли оружие, сеявшее смерть среди нашего простого народа, — все они на протяжении последних почти сорока долгих лет непрерывно находились у власти. Некоторых уже сменили их дети и ученики, другие, несмотря на свой преклонный возраст, все еще цепляются за власть зубами и когтями, сосут государственную казну. Их благодушные старческие лица заставляют наш народ постепенно забывать ту ярость и бешеную злобу, с которой они убивали его в 1932 году.

Я не люблю много говорить, но при воспоминаниях о тех ужасных днях в жилах моих вновь и вновь закипает кровь и от

гнева на глазах выступают слезы. Если же я говорю неправду, если правда на стороне правительства и буржуазии, как они утверждают, то почему же в стране до сих пор практически запрещено говорить о событиях 1932 года? Почему же из библиотек и архивов самих издательств, являющихся якобы общественными учреждениями, исчезли даже газеты того страшного времени? Почему наши историки и журналисты по-прежнему дают молодежи поверхностное, извращенное, я бы сказал, преступное представление о «бойне, которую устроили в 1932 году коммунисты», и не осмеливаются рассказать истинную правду? Или им слишком трудно сознаться, что с того времени мы находимся в плену системы власти, запачканной кровью наших братьев, отцов и детей? Следует признать, что и мы, коммунисты, заняли в этом вопросе негативную, неверную позицию. При всем при том, что наша партия была после 1932 года в высшей степени слабой, что она подвергалась постоянным преследованиям и репрессиям и вынуждена была работать в ужасающих условиях подполья, мы все же не сделали все от нас зависящее, чтобы пролить свет на события, оказавшие решающее влияние на нашу современную историю. Коммунист же, который не понимает сути событий 1932 года, их значения и их последствий, не может быть настоящим коммунистом, настоящим сальвадорским революционером. Это аксиома. Но речь идет не только о разъяснительной работе среди членов партии. Мы должны раз и навсегда развенчать «черную легенду», которая все еще бытует в народе, и поставить все на свои места. Даже в вопросе о той серьезной политической ответственности, которую несет наша партия. Когда все станет на свои места и будет восстановлена историческая справедливость, мы, сальвадорские коммунисты, тоже займем свое надлежащее место, — место, какое мы, возможно, не занимали никогда прежде. Только тогда мы сможем окончательно похоронить погибших и воздать им должное.

Некоторые эти аспекты, хотя, разумеется, не все, нашли отражение в предварительном докладе, который мы подготовили на заседаниях, посвященных вопросам реорганизации партии в Усулутане, и который, как я указывал, был направлен за границу. То, что я излагаю сейчас здесь, вызревало с течением времени, это продукт более чем тридцатилетних раздумий и моего, надеюсь возросшего, уровня политической подготовки. Но в любом случае в том докладе было отражено самое главное, самое насущное, что надо было довести до сведения международного революционного движения того времени.

Теперь я хотел бы затронуть сугубо военные аспекты организации восстания, как мы их тогда понимали. В частности, рассмотреть план военной подготовки восстания, который намеревалась разработать партия и который должен был стать основой восстания, практическим руководством для захвата власти.

План этот был чрезвычайно прост, как, впрочем, и те, кто его разрабатывал, — члены руководства партии, не искусственные ни в вопросах военной стратегии, ни тактики, которые никогда не читали трудов военных специалистов, которые не могли использовать — и это надо подчеркнуть особо — международный опыт, накопленный к настоящему моменту. Тогда мы многого не знали. Иными словами, тогда еще не существовало теории антиимпериалистической вооруженной борьбы народов слаборазвитых стран, и мы могли опираться лишь на опыт восстания русских рабочих во главе с Лениным, которое завершилось завоеванием власти и образованием СССР. В основу плана нашей партии была положена центральная идея, которая, как я уже говорил, вскоре стала известна врагу: захват главных армейских гарнизонов по всей стране, чтобы, используя фактор внезапности, сломить сопротивление основных сил противника, захватить легкое и тяжелое оружие, вооружить народные массы города и деревни и создать Красную армию Сальвадора. Вооруженные массы должны были занять ключевые позиции, чтобы осуществлять в стране военный, административный и политический контроль в соответствии с директивами и организационными формами, разработанными коммунистической партией и массовыми организациями. После этого вся власть на местах должна была, ради сохранения законности, перейти в руки Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

Захват гарнизонов и казарм с целью овладения оружием предполагалось осуществить следующим образом: 1) изнутри, то есть когда внутри гарнизона или казармы у нас имелась довольно сильная организация солдат-коммунистов, как, например, в Шестом пулеметном полку, Кавалерийском полку и в других частях Сан-Сальвадора. Эти части должны были выступить первыми, именно они должны были начать восстание; 2) извне, то есть при непосредственном участии масс. Предусматривался также третий вариант, когда захват мог быть осуществлен при непосредственном участии масс, но с ограниченной поддержкой изнутри, то есть когда наши силы не могли самостоятельно овладеть гарнизоном или казармой. Разрабатывались и другие варианты, в которых учитывались особенности тех или иных специальных частей, того или иного рода войск, в частности авиации. В авиачастях предполагалось арестовать и взять под стражу всех летчиков, кроме пилота Каньяса Инфанте, офицера, который зарекомендовал себя как человек передовой и прогрессивный. Самого Каньяса Инфанте мы надеялись уговорить бомбить позиции верных правительству сил, которые могли оказать сопротивление действиям масс или выступлению солдат в частях.

Каждый гарнизон и казарма имели, разумеется, свои конкретные планы нападения или выступления, в которых учиты-

валась специфика частей. В планах предусматривалась возможность внезапного нападения на противника, его нейтрализация или отражение его контратак.

В ходе восстания в казармах солдаты-коммунисты должны были действовать небольшими подразделениями, создаваемыми на основе партийных ячеек, в которые они входили, и выполнять приказы красных командиров, избравшихся тайным голосованием, но при соблюдении демократических принципов. После захвата гарнизона или казармы революционными силами и вооружения народа каждый солдат — коммунист или сочувствующий должен был, как правило, возглавить группу из пяти гражданских лиц, которые в свою очередь подчинялись военной ячейке своего командира. Партия также назначала красных командиров из числа гражданских лиц, которые должны были руководить действиями небольших групп в департаментах Сонсонате, Ла-Либертад, Ауачапан и Санта-Ана. Даже при осуществлении широких операций (таких, как, например, штурм крупного гарнизона или казармы, в частности полка в Сонсонате) наши силы должны были действовать небольшими группами и получали большую свободу действий.

Волна репрессий обрушилась на нас прежде, чем мы завершили координацию этого плана в национальном масштабе, прежде, чем создали элементарную организационную структуру. Вот почему после ареста руководства партии и ликвидации наших сил в армейских частях широкие массы, с помощью которых мы намеревались захватить власть в стране, растерялись, ибо никто не руководил ими, они получали самые противоречивые указания и не знали, что делать. Отсутствие организационной структуры в масштабе всей страны объяснялось, разумеется, не только волной репрессий, которая обрушилась на нас в январе 1932 года, а фашистским террором в целом, осуществлявшимся против всех народных и демократических организаций на протяжении всего 1931 года. Здесь я хочу сделать небольшое пояснение: у нас имелся действовавший, хоть и с большим трудом, организационный механизм на национальном уровне, но он использовался исключительно для мобилизации масс на легальную борьбу, а не вооруженную, на борьбу профсоюзную, за удовлетворение экономических и других требований. Широкий характер народного движения в Сальвадоре обусловил значительное проникновение врага в наши ряды уже в ходе подготовки к восстанию, благодаря чему правительство в целом знало о всех предпринимаемых нами шагах. К тому же мы проявляли исключительную мягкотелость в этом вопросе и зачастую терпели в своих рядах предателей, против которых имелось множество неопровержимых улик и которых нужно было немедленно изолировать или, более того, казнить.

Отсутствие в самый ответственный момент координации и ликвидация национального руководства партии, пренебрежение требованиями конспирации, отсутствие надлежащей организации в масштабах страны для выполнения чисто военных задач восстания и явились, на мой взгляд, основными причинами военного поражения, обусловившими провал восстания в целом.

Следовало бы, разумеется, обсудить вопрос о пригодности военного плана как такового, о том, учитывалась ли в нем возможность изменения ситуации. Некоторые считают, что этот план вообще был не военным планом, а лишь весьма общей, расплывчатой схемой. Сейчас я готов согласиться с этой точкой зрения, но в любом случае судить об этом могут лишь специалисты, искушенные в военных вопросах революции, и не мне заниматься всесторонним анализом и критикой данного вопроса. Я хотел лишь сообщить некоторые сведения, как правило не известными моим соотечественникам, чтобы наши более молодые товарищи могли ознакомиться с ними и проанализировать их. Я же не обладаю ни способностями, ни необходимыми знаниями. Более того, мне кажется, что эта задача не под силу одному человеку, даже высокообразованному и прекрасно владеющему марксистской теорией, ибо индивидуальный анализ столь сложной и памеренно запутанной проблемы всегда будет необъективным. Ведь речь идет о задаче революционной организации, о задаче партии, которую мы, сальвадорские коммунисты, еще не выполнили. Почему? По многим причинам: из-за своей нерасторопности, занятости, из-за страха перед возможными немедленными политическими последствиями, из-за своих откровений в момент, когда хозяином положения все еще является классовый враг, из-за страха перед тем, что история нас не оправдает, из-за того, что мы пока слабо владеем методами марксистского анализа, из-за ошибочных критериев, которые мешают нам проанализировать исторические проблемы и все вопросы, не связанные с разработкой политической линии или политических мероприятий на ближайшую неделю, и пр. и пр. И все же, повторяю, это наш революционный долг. Что касается лично меня, то я ничего не боюсь. Напротив, я смогу умереть спокойно лишь в том случае, если увижу, что моя партия и мой народ действительно извлекли уроки из кровавых событий 1932 года.

Глава VIII

ВОЗРОЖДЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ САЛЬВАДОРА

После тщательного анализа и напряженных дискуссий на многочисленных совещаниях мы вновь стали налаживать партийно-организационную работу в департаменте Усулутан. Одной из основных задач было объединение разбросанных по всему департаменту членов партии или сочувствующих, которые проживали там постоянно и растеряли контакты или же, спасаясь от преследований, прибыли туда из западной части страны. Большую помощь в этом деле оказал нам уроженец Сан-Мигеля Тоньо Паласиос. Ячейка Усулутана выполняла функции руководящего ядра, поскольку контактов с руководством партии у нас не было, точнее говоря, мы даже не знали, уцелел ли в стране кто-нибудь из состава ЦК.

Как только были созданы первые организации, мы решили немедленно начать политическую работу в массах, считая, что нам не следовало долго бездействовать. Мы должны были доказать правительству и массам, что партия коммунистов живет и действует и что никакие кровавые расправы, никакой террор не способны уничтожить революционное движение, основанное на справедливых и гуманных принципах. Вначале мы занимались главным образом тем, что направляли в адрес правительства и поддерживавших его кругов протесты в связи с актами произвола в отношении народа, о которых нам становилось известно. Мы писали письма и телеграммы, отправляя их из отдаленных населенных пунктов. Язык телеграмм был завуалированным, скажем, коммерческим, иначе их не принял бы телеграфист, но адресаты (полицейские, палачи, хозяева — деспоты) прекрасно понимали, о чем шла речь, и чувствовали на себе их воздействие. С письмами было проще, потому что почта в то время не была еще столь хорошо оснащенным в техническом отношении учреждением, как теперь. Однако скрыть тот факт, что наша деятельность возрождалась прежде всего в восточном районе страны, было невозможно.

После этого мы перешли к пропагандистской деятельности, направленной на возрождение профсоюзного движения. Мы призывали рабочий класс страны возродить профсоюзные орга-

низации, уничтоженные в период репрессий. Наладив эту работу, мы занялись проблемой повышения уровня подготовки наших новых членов в городских и сельских ячейках. Я, например, разработал различные схемы организационной структуры. Их набралась целая тетрадь, и ячейки широко пользовались ими в своей работе. Вначале они делали это чисто механически — молодые люди зачастую выучивали их наизусть, точно речь шла о геометрии, — но схемы эти все-таки помогли новым членам понять, что структура коммунистической организации определяется нормами, положениями, конкретными формами деятельности, которые, не являясь застывшими догмами, поскольку зависят прежде всего от конкретных условий действительности, все же определяют общие рамки деятельности организации. Помнится, моя схема дала блестящие результаты на одном из ведущих кожевенных предприятий Усулутана, которое принадлежало братьям Паниагуа, где нам удалось объединить в профсоюз всех рабочих, в том числе подмастерьев. Кроме того, мы постепенно расширяли свое влияние среди мелких торговцев, студентов, преподавателей, привлекая на свою сторону все больше сочувствующих. Вспоминаю преподавателя Луиса Гарсию из Усулутана, который, не будучи членом партии, очень помог нам в налаживании контактов. Уже к ноябрю мы набрали достаточно сил, чтобы заявить о себе в самых крупных выступлениях масс. Первой такой акцией явился организованный протест против введения новых образцов документов, удостоверяющих личность, с фотографиями, взамен старых, без фотографий. Эта мера была слишком дорогим удовольствием, особенно для бедняков из сельских районов, и, кроме того, способствовала установлению контроля над гражданами и могла широко использоваться против них.

Мы решили устроить в самом центре города «выставку плаката». Преподаватель Гарсия изготовил на толстом картоне множество плакатов, на которых зеленой краской написал слова протеста против введения новых документов, с фотографиями. Ночью члены наших ячеек укрепили плакаты на самых видных местах в самых оживленных частях города. Наутро началось черт знает что! Некоторые утверждали, будто зеленый цвет олицетворял собой сторонников доктора Энрике Кордобы — старого буржуазного оппозиционера, о котором я уже говорил. Однако власти были обеспокоены недвусмысленным классовым содержанием плакатов: видно было, что здесь поработали коммунисты. Командир полка, расквартированного в Усулутане, информировал об этом Сан-Сальвадор и запросил инструкции. Получив таковые, он начал действовать. В ту же ночь в городе было введено военное положение и начались облавы и аресты. Кое-где жители оказали решительное сопротивление, когда их пытались арестовать, в результате чего в стычках по-

гибло несколько человек. Мы продолжали работать в своих мастерских, и, если не считать нескольких случайных инцидентов, репрессии не коснулись членов партии. Это означало, что мы научились работать в условиях подполья. В мастерскую моего бывшего хозяина мастера Умберто Флореса явилась полиция и солдаты. У бедняги от страха подкосились ноги. Он тут же стал обвинять всех подряд, заявив, что плакаты развесили вовсе не сторонники Кордобы, а коммунисты, предводителем которых был Элиас Гевара, то есть я.

Прошло несколько дней, а репрессии не ослабевали. Как-то раз к нам в мастерскую явилась на примерку этакая развеселенькая клиентка, бывшая любовница одного моряка-иностранца, и начала сыпать в мой адрес двусмысленные шуточки. Игриво потрепав меня по голове, она пропела: «Я знаю, какие мысли бродят в головке этого некоронованного короля». Я разыгрывал из себя дурачка, беспечно насвистывал и тачал башмаки. На всякий случай, однако, я приглядел неподалеку один скрытый в кустарнике колодец, где мог бы укрыться в случае нужды.

В другой раз, когда я был всецело поглощен работой, в мастерскую ввалился взвод полиции под командованием некоего капитана Ландаверде, но на этот раз я отделался лишь испугом: записав имена и адреса, они удалились. Я почувал, однако, что тучи сгущаются, и весь остаток дня чувствовал себя очень неспокойно. В самом конце рабочего дня пришел в мастерскую бледный как смерть брат мастера Умберто Флореса. Оказывается, из-за семейных склок Флорес донес, будто его брат — коммунист, и теперь полиция охотилась за ним. Интуиция подсказала мне, что Усулутан стал для меня слишком опасен. Я вызвал в мастерскую Чико Бланко Мартинеса и попросил перебраться в мою комнату (из дома сеньора Галеа мне пришлось уйти, потому что супруги наотрез отказывались брать с меня плату за проживание, а мне не хотелось чувствовать себя на хлебником) и, если придет полиция, сказать, что он живет там один, а обо мне знать ничего не знает. Я обещал разыскать его, как только минует опасность. Вместе с братом мастера Флореса, который тогда впервые в жизни увидел коммуниста, мы отправились горными тропами в Санта-Элена-Гранде. Флорес работал там сдельщиком в обувной мастерской, принадлежавшей некоему капитану Колато. Оставив на своем месте в мастерской меня, он решил отправиться в Сан-Мигель или куда-нибудь подальше. Страх его был так велик, что он готов был дойти до Южного полюса.

Надо сказать, что мы ушли из Усулутана вовремя; той же ночью каратели ворвались в мой дом и, не найдя меня, арестовало Чико Бланко. Ему, однако, они не смогли предъявить никаких обвинений, у него было бесспорное алиби: в ночь,

когда появились плакаты, он присутствовал на панихиде на виду у всех,— и поэтому его пришлось отпустить. Я продолжал осуществлять централизованное руководство подпольной работой из Санта-Элена-Гранде. Мы установили постоянную связь по почте для передачи обычных сообщений и специальную, через курьера Луиса Давилу, для более важных поручений. В качестве связного Луис оказал нам огромную помощь; он исходил вдоль и поперек тот район, который знал как свои пять пальцев и где, как я уже говорил, его все очень любили и уважали. Из Санта-Элена-Гранде я наконец установил связь с Сан-Сальвадором, хотя выяснить нам ничего не удалось. Мы узнали лишь, что в столице имелось несколько членов партии, которые жили в исключительно тяжелых условиях и постоянно меняли место своего пребывания.

Сеть наших организаций расширялась и распространилась даже на Илобаско и Ла-Унион. Я вел такую оживленную переписку, что почтальон заметил однажды: «Даже Гомесу Сарате не пишут столько, сколько вам». Гомес Сарате был председателем Верховного суда, и неудивительно поэтому, что в стране, где было столько заключенных и столько судебных процессов, больше всего петиций, просьб и писем со всех концов страны получал именно он. Несчастные полагали, что апеллировали к утешителю, а на поверку выходило, что это человек с каменным сердцем, верный страж интересов богачей.

Замечание почтальона заставило меня призадуматься и позаботиться об усилении конспирации. Я, однако, очень полагался на обширные личные контакты и знакомства, которые мне быстро удалось установить. Поскольку я был хорошим сапожником, то прилично зарабатывал и на фоне общей бедности считался человеком довольно обеспеченным. Я покупал фрукты и раздавал их школьникам, привлекая таким образом на свою сторону отцов и учителей, покупал крепкую чичу в небольших кувшинчиках и дарил своим друзьям (сам я никогда не увлекался алкоголем). Во время молебнов, устраивавшихся в память святых, по случаю панихид и других событий, я покупал собравшимся кофе, сигареты, сдобные булочки. Окружающие относились ко мне весьма дружелюбно. И все же жизнь моя не была безоблачной, постоянно требовалась величайшая осторожность.

Район Усулутана, как известно, пользуется дурной славой по всей стране: ни за что ни про что люди могут пристрелить вас или зарубить мачете, особенно в хмельном состоянии, лишь за один неодобрительный взгляд. Трижды мне удавалось избежать смерти от руки одного заядлого пьяницы, который мог запросто порешить первого встречного. Однажды ко мне привязался здоровенный пьяный болван, настающий изверг, которого прозвали Шулером. Совсем одурев, он решил убить меня, и только чудом мне удалось увернуться от его мачете и бежать.

Тогда этот самый взбесившийся забулдыга отправился утешиться в пивную, влил в себя еще алкоголя и зарубил хозяйку — сеньору, которая вела веселый образ жизни и была вся такая белевская.

В другой раз я влип в неприятную историю в своей же мастерской. Как-то я сидел и шил модельные туфли для сеньора алькальда, который очень подружился со мной, относился ко мне великолепно и даже выдал мне специальное удостоверение, чтобы у меня не было никаких неприятностей с военными властями. И вот этот самый алькальд, в стельку пьяный, врывается как ураган ко мне в мастерскую и начинает ко всем приставать с дурацкими шуточками. Я не обращал на него абсолютно никакого внимания, совершенно не смеялся, и это, видимо, задело его. Он подошел ко мне, уселся на колени и начал подсакивать, точно на лошади. Я попросил оставить меня в покое, но он не унимался. Тогда я резко встал и сбросил его на пол, поддав под зад тупым концом ножа. Мастерская взорвалась от смеха. Алькальд взбесился, он тут же отправился в ратушу, пригрозив немедленно отдать полицейским приказ о моем аресте. Мне, разумеется, снова пришлось бежать.

Выждав разумное время, я рискнул вернуться в Усулутан. Товарищи по партии, обсудив вопрос о моем возвращении, пришли к выводу, что мне грозила опасность, и рекомендовали укрыться на какое-то время в Гондурасе. Мы сообщили об этом решении в Сан-Сальвадор, с которым нам удалось установить связь, надеясь, что там уже сформировано руководство партии и мы получим какие-нибудь указания. Но ничего конкретного мы так и не добились. Вместо этого пришел ответ от небольшой группы столичных анархистов, которые тогда создавали свою организацию и уже сумели установить международные связи. Они предложили мне отправиться на отдых в Испанию.

Я отклонил это предложение, рассудив, что могу надолго выйти из борьбы, потому что уехать из страны можно, а вот удасться ли вернуться и когда — неизвестно. Одним словом, я решил отправиться в Гондурас. Когда я покидал Усулутан, у меня в кармане было всего 18 сентаво. Тайком пробрался я в Санта-Элена-Гранде, чтобы получить 30 колонов, которые задолжал мне капитан Колато. Однако денег у него не оказалось, а настаивать я не стал, так как он всегда был со мной довольно щедр. Я отправился дальше. Через несколько часов пути я встретил одного сеньора, который слезал с лошади, чтобы перекусить «чем бог послал». Я поздоровался, и он позвал: «Идите сюда, друг мой. Вы далеко направляетесь? Может, перекусите вместе со мной, я не люблю есть один». Он щедро накормил меня. Во время трапезы у нас завязалась оживленная беседа, и я поведал ему, что был в тот момент беднее бездомного кота. Тогда он дал мне на прощание песо. После этого я наконец добрался до

Хукуапы, где проживал дядя Тоньо Паласиоса (моего связного), золотых дел мастер. Принял он меня очень хорошо, жена же его была, прямо скажем, женщиной малоприятной и подозрительной. Имея в кармане песо и 13 сентаво, мне незачем было терпеть ее неприязнь, и я отправился на рынок поесть. Я зашел в столовую и уже заказал еду, как вдруг появился какой-то незнакомый тип, который, завидев меня, страшно испугался и в ужасе бросился прочь. Это насторожило меня, и я отправился в другое место.

Поел я в заведении одной девушки, с которой познакомился, еще когда был прозелитом*. Она отказалась взять с меня деньги за еду. Жизнь и удача все же неразлучны, думал я, хотя в целом положение мое было незавидным. На ночь я устроился на заднем дворике ювелирной мастерской дядюшки Паласиоса, а на следующий день на рассвете он вывел меня из города и показал дорогу на Ориенте. Бедняга, у него не было ни сентаво, но, желая сделать мне что-нибудь приятное, он все же втайне от жены подарил мне два золотых кольца «про черный день». Я шел «на всех парусах», когда на перекрестке повстречал двух девушек. Проходя мимо, я поздоровался с ними и поспешил дальше. «Мигелито, боже мой! — испуганно вскрикнула одна из них. — Идите сюда». «Я не Мигелито, — обернувшись, ответил я. — Вы, вероятно, ошиблись». «Ну как же, — сказала она. — Я вас хорошо знаю, вы сын сеньора Сантос Мармоль, мир праху ее, только я считала вас давно погибшим». Пришлось признаться, хотя ее я не узнал. «Вы помните своего приятеля Пело де Чуче? Я его сестра». Да, Пело де Чуче действительно был моим другом из Илопанго, и я решил поведать ей свою грустную историю, подумав, что эта встреча может оказаться для меня полезной. И вот в самый разгар беседы откуда ни возьмись объявился вооруженный патруль гвардейцев под командованием некоего лейтенанта Риоса, известного своей кровожадностью и подлостью, которого я знал как облупленного. Они тут же обыскали меня и начали было вязать. Я сказал, что направлялся в Сан-Мигель, так как получил телеграмму, в которой говорилось, что мой брат находится при смерти в больнице, что проживаю я в Усулутане и что хоть я и бедный, но все же честный человек. Девушки замолвли за меня словечко, и гвардейцы в конце концов отпустили меня, предупредив: «Ладно, ступай к своему брату. Но смотри, если попадешься нам еще раз, тебе несдобровать».

После этого я без особых происшествий прибыл в Сан-Мигель, где надеялся найти приют в доме отца Тоньо Паласиоса дона Абея. На контрольно-пропускном пункте в Сан-Мигеле

---

* *Прозелит* — овообращенный в какую-либо веру, учение и т. п.; новый горячий приверженец чего-либо. — *Прим. ред.*

мне, еще раз пришлось пережить страх: там я увидел бывшего сапожника по фамилии Сильва, одетого в полицейскую форму, который проверял документы и который знал меня лучше, чем мать родную. Мне, однако, удалось смешаться с группой крестьян, предъявлявших документы другим полицейам, и бандюга не заметил меня.

Отец Тоньо Паласиоса встретил меня очень хорошо, но советовал уходить из Сан-Мигеля, потому что полицейский контроль был чрезвычайно суровым и что сам он был из-за своей прежней революционной деятельности на заметке. Я пробыл в городе несколько дней, а затем наметил себе другую, как мне казалось надежную, цель: добраться до кантона Делисиас недалеко от Готеры. Из этого кантона в Усулутан и Санта-Элена-Гранде нам пришли великолепные, полные революционной страсти письма от некоего кузнеца, готового, как он писал, отдать последнюю каплю крови за революционное дело рабочего класса. Письма эти вдохновляли и окрыляли. Кроме того, кузнец писал, что проводил в своем районе такую большую политическую и организационную работу, что создавалось впечатление, будто в городе установлена власть народа. Памятуя об этом, я отправился в Делисиас.

Какое разочарование постигло меня! Кузнец действительно проживал там, но, когда я представился и обратился к нему за помощью, сославшись на его чудесные письма, этот тип стал все отрицать, заявив, что знать ничего не знает. Это был совсем не тот человек, который писал нам письма. Сначала я подумал, что он не хочет говорить в присутствии жены, но и когда мы остались наедине, ничего не изменилось. Я все понял и попросил сделать для меня только одно маленькое одолжение: проводить на другую сторону границы с Гондурасом. Он отказал мне и в этом, заявив, что я могу идти туда совершенно спокойно, потому что губернатор соседнего с нами департамента Гондураса был человеком прогрессивным и все такое.

Ночью отправился я в Гондурас. Ушел в полночь, не попрощавшись: кузнец даже не пустил меня ночевать в дом, а дал старую циновку и предложил устроиться на заднем дворике под открытым небом. Этот «интеллектуал» был настоящим подонком. Когда взошло солнце, я встретил одного старичка и спросил, далеко ли до границы. Старичок поинтересовался, в порядке ли у меня документы. «Нет, ведь я бегу в Гондурас от нищеты, — объяснил я. — У меня нет ни гроша, чтобы оформить эти документы». Тогда он посоветовал ни в коем случае не переходить границу в этом районе, так как он усиленно охранялся и с той и с другой стороны и там нещадно убивали всех, кто пытался нелегально перейти границу. «Я вижу вы хотите работать, — сказал старичок. — Я дам вам адрес человека, которому нужны люди для работы в усадьбе недалеко от Сан-Мигеля».

Что мне оставалось делать? Все эти трудности совершенно сбили меня с толку; я заколебался и решил вернуться в Сан-Мигель.

Хотя я пробирался тропами, через усадьбы, я все же наткнулся в каком-то имении на группу поденщиков, которые схватили меня. Мне с трудом удалось убедить их, что я никакой не преступник, а просто сбился с дороги, и они отпустили меня, а перед этим дали немного молока и хлеба. Я шел весь день не останавливаясь. Ночь пришла ко мне вместе с невероятным голодом. Я чувствовал, что силы покидают меня. Я часто останавливался, чтобы перевести дыхание и собраться с силами, и так, падая и поднимаясь, добрался до какой-то реки. В небе висел молодой месяц, местность была открытая, безлесная, с редким кустарником. Я напился из источника, но голод не утихал.

Дорога, по которой я шел, обрывалась у реки, и я решил пойти по берегу в сторону, как мне казалось, Сан-Мигеля, надеясь отыскать новую дорогу или встретить кого-нибудь, кто мог бы указать мне путь... И действительно, вскоре я увидел группу рыбаков, вытаскивавших сеть. Я поздоровался и спросил дорогу на Сан-Мигель. Они встретили меня доброжелательно, и я осмелился попросить какую-нибудь ненужную рыбешку, объяснив, что умираю от голода и готов есть даже сырую рыбу. «Ах, сеньор, мы непременно угостили бы вас даже жареной рыбой, но за всю ночь не поймали и червяка,— ответил один из них.— Никогда еще удача так не подводила нас». Если я готов ждать, сказали они, и им что-нибудь попадетса, они обязательно дадут мне хотя бы заморить червячка, чтобы я мог идти дальше.

Я присел отдохнуть, а они опять занялись ловом. Два или три раза они вынимали сеть — и ни одной захудалой рыбешки. От усталости я задремывал, но голод мучил меня, не давая заснуть. В этот момент откуда ни возьмись появилась какая-то весьма симпатичная девушка и спросила, как пройти в Санта-Крус, или что-то в этом роде. Рыбаки вышли из воды и принялись удивленно разглядывать девушку.

Поздней ночью, да еще в этих местах, ее грустное лицо было живым олицетворением одиночества и неустроенности. Рыбаки указали ей дорогу и предупредили, чтобы она была осторожна, потому что ходить такой красивой девушке в этих местах одной, да еще ночью, небезопасно.

Она поблагодарила их и двинулась дальше и вскоре исчезла за каменным забором, который виднелся за холмом. И почти тотчас же раздался сумасшедший смех и жуткий вопль, от которого волосы стали дыбом. «Пресвятая Дева Мария. Это же была Сигуанаба!» — воскликнули рыбаки. Но тут один вскрикнул: «Смотрите, в сети полно рыбы!» В самом деле, сеть ходила ходуном, и рыбаки бросились вытаскивать ее. Она кишела рыбой и креветками. Кто-то тут же достал бутылку рома, которую

прятал под камнем, и все мы как следует причастились, чтобы забыть страх.

Тут же развели костер и начали готовить креветки, предварительно посолив их. Рыбаки утверждали, что такая пропасть рыбы была подарком привидения, потому что ни у кого не было и в мыслях обидеть ее, когда она предстала перед ними в облике красивой девушки. Однако достаточно было малейшего намерения причинить ей зло, как она тут же обратилась бы в страшное чудовище и исказила бы наши лица, сделав на всю жизнь идиотами. Захмелев, я расхрабрился и решил догнать девушку или привидение, но не нашел никаких следов. Я убеждал рыбаков, что это просто совпадение, что глупо поддаваться наваждению, что все рассказы о привидениях всего лишь предрассудки.

Наевшись властью креветок, я уснул тут же, на берегу. Утром, очнувшись, я опять вспомнил про привидение, распрощался с рыбаками, ставшими мне друзьями, и отправился в путь. До Сан-Мигеля я добрался еще утром, но в город войти не мог из-за явно усилившегося полицейского контроля. Ночью я все же пробрался кружным путем в город и сразу же направился в дом дона Абея Паласиоса, который опечалился моим неудачам.

На следующий же день я отправился искать работу. По адресу, который мне дал старичок, отсоветовавший идти в Гондурас, в работниках больше не нуждались: безработных было пруд пруди. И тогда я вновь решил рискнуть и вернуться в Усулутан, но уже другой дорогой — через вулкан Сан-Мигель. Эта дорога была хороша тем, что я не встретил на ней ни одного блюстителя порядка. Однако это имело и обратную сторону: дорога кишела бандитами. Один такой бандюга, жевавший ягоды дикой вишни, прибился ко мне в пути. Он только и говорил, что об убийствах, и сыпал угрозами, выдавая себя за рецидивиста.

Я не на шутку испугался, потому что тип был здоровенным и сильным, и тоже стал распространяться об убийствах, бахвалась, что со мной лучше не связываться, что у меня на счету было немало кровавых дел, да и «мокрейных» тоже, что с кошельками я свой в доску, но если кто меня тронет — пиши пропало, и что, завидя меня, даже национальная гвардия мочится от страха. Так дошли мы до какого-то дома, зашли внутрь и попросили поесть.

Хозяева оказались людьми зажиточными и охотно угостили нас, а все, что осталось, дали с собой в дорогу. Бандюга схватил еду и тут же упрятал ее в чемодан, ничего не оставив мне. Хозяева ничего не сказали, полагая, видимо, что позже мы все поделим между собой. По дороге я высказал громиле свое неудовольствие, и этот тип взъерепенился и стал оскорблять меня. Тогда я сказал, что нам лучше расстаться, потому что я начи-

наю свирепеть и за себя не ручаюсь. Я ускорил шаг и ушел вперед. Но как я ни старался, уйти далеко от этого верзилы не мог. Наконец я увидел крестьянское ранчо и зашел спросить хлеба. Тип решил подождать меня. Тогда я рассказал крестьянам о том, что происходит. «Будьте осторожны, — сказали они. — Сразу видно, что это подонок». На мое счастье, подъехал какой-то извозчик, направлявшийся с грузом в Батрес, и я отправился с ним в качестве помощника. Из Батреса я добрался до Усулутана без всяких происшествий.

Я установил связь с товарищами по партии. Было решено, что я буду находиться в глубоком подполье, сапожничая по ночам и сбывая продукцию через товарищей в мастерских. Это было голодное время, полное лишений и огорчений. Но мы не отчаивались, и прежде всего потому, что до нас иногда доходили вести о том, что в стране пусть медленно и с трудом, но все же возрождалось революционное движение.

Первое мая 1933 года мы отметили в подполье, однако многочисленные плакаты и красные флаги, которые появились на деревьях, на заборах и по обочинам дорог, ведущих в Усулутан, Хикилиско, Хукуаран, Сантьяго-де-Мария и т. д., наглядно свидетельствовали о том, что мы существуем и действуем. 5 августа 1933 года было принято решение о моем возвращении в Сан-Сальвадор. Организация Усулутана могла уже сама, без моей помощи, руководить деятельностью в Ориенте, и теперь требовалось установить тесную связь с руководством, которое, как мы полагали, находилось в столице. Более года скрывался я от преследований, но за это время была проделана большая политическая и организационная работа.

Прикинувшись больным, с головой, обвязанной полотенцем, я сел в экспресс и отправился в столицу. Несмотря на все перипетии, о которых я уже рассказал и расскажу позже, об Усулутане у меня сохранились все же хорошие воспоминания. Люди были ко мне очень добры, я залечил там свои телесные и душевные раны, несколько даже раздобыл, приобрел цвет лица, отрастил щеки. Была там у меня даже любовь, замечательная любовь. Я влюбился в одну прекрасную сеньориту по фамилии Герреро — директора школы в Санта-Элена-Гранде. Однако рассказывать об этом я не могу, потому что она вышла там замуж и у нее наверняка есть семья. Похвастаться особой взаимностью я не могу, и все же... Она была бальзамом для моих сердечных ран. В память об этом мимолетном эпизоде я написал одну вещичку в прозе, очень романтическую, лучшую из всего написанного мной... Чего только не случается с нами!..

В Сан-Сальвадоре меня ожидало разочарование. Вид у столицы был жалкий и удручающий. Повсюду ощущался страх. Даже пьяницы в пивнушках стали грустными и молчаливыми —

можно ли представить себе что-нибудь более ужасное! Ведь подвыпивший сальвадорец кажется себе королем, единственным мужчиной в мире — самым богатым и самым галантным.

На улицах ужасающая нищета, магазины пусты. Полицейский контроль был столь откровенным, что опытному человеку не представляло никакого труда избежать его, однако для простых граждан это был конец. Те немногие члены партии, которые уцелели, были разбросаны по всему городу. Тем не менее время от времени они проводили свои собрания, используя любую возможность для работы. К ним присоединились новые товарищи из Санта-Аны и других районов западной части страны, которым удалось избежать жесточайшей расправы. Они сумели реорганизовать партию, и руководящее ядро партии в Сан-Сальвадоре стали считать его Центральным Комитетом. Именно тогда начали свою деятельность такие товарищи, как Леон Понсе, Рока и другие выходцы из Санта-Аны, которые выросли в видных руководителей Коммунистической партии Сальвадора того времени, воспитали несколько поколений коммунистов и в эпоху так называемой «гватемальской революции» участвовали вместе со мной в создании пролетарской, коммунистической организации в Гватемале. Ко времени возобновления моей работы в партийной организации Сан-Сальвадора относится мое знакомство с товарищем Монтерросой, с неким Антонио по кличке Дьявол, о котором я, кажется, уже говорил и который умер в 1934 году от скоротечной чахотки, развившейся у него в результате жестокого избития в Национальном управлении полиции; с товарищем Рамоном Риосом; с Нарсисо Руисом, который позже стал Генеральным секретарем ЦК партии, с Франсиско Моралесом; с Хорхе Эрреро, парикмахером, который и поныне живет в Панаме; с Дионисио Фернандесом; с товарищем, которого мы звали Хрипатый Феликс; с Хулио Фаусто Фернандесом, который позже стал генеральным секретарем партии и весьма видным деятелем международного коммунистического движения, а позже предал партию и запродался врагу со всеми потрохами: он получил пост министра юстиции в правительстве преступного режима Лемуса (1956—1960), стал христианским философом, профессором университета, судьей первой инстанции, дипломатом и уж не знаю кем еще.

Но в то время Хулио Фаусто был молод, полон оптимизма и очень активно участвовал в борьбе. С первых минут нашего знакомства на подпольном собрании в Палеке его энтузиазм и ум покорили меня. Это был один из тех блистательных молодых людей, у которых талант светится в глазах. На собраниях он всегда говорил о скромных успехах в организационной работе и о грандиозных планах на будущее. Он много читал сам и заставлял читать нас, он редактировал и печатал на машинке наши манифесты, а его друзья-студенты и приятели из числа мелкой

буржуазии распространяли их в своих кружках. Очень жаль, что его постигла такая судьба, что у него не хватило твердости духа, отсутствие которой он пытался прикрыть своим обращением в христианство, — обращением, в которое не верили даже священники. Но такова жизнь, точнее, классовая борьба, которая происходит в умах союзников пролетариата.

Поскольку объем работы в партии возрос, я вызвал из Ориенте Тоньо Паласиоса, и вместе с ним мы принялись налаживать связь с партийными ячейками по всей стране. Через одного тормозного кондуктора, который жил в Ла-Унионе, нам удалось установить ежедневную связь с провинцией Ориенте. Имени этого товарища я не помню, знаю лишь, что в 1954 году он стал Генеральным секретарем Коммунистической партии Гондураса. Выполняя функции связного с организациями Ориенте, он отправлял по пути письма с протестами против режима и непрекращавшегося насилия.

В Сан-Сальвадоре мы вновь воссоединились с моей бедной женой. Условия жизни были чрезвычайно тяжелыми; чтобы полиция не обнаружила нас, мы постоянно меняли место пребывания, никогда не живя в одном месте более трех дней. Найти работу и обеспечить хотя бы сносное существование было невозможно, и мы страшно голодали. Жизнь в Усулутане вспоминалась мне как золотое время. Но несмотря на все страхи, на пустоту в желудке, на неустроенность, на отсутствие связи с массами, наша организация росла, в нее постоянно вливались новые члены, которых мы принимали на основе тщательного отбора. Партия жила и развивалась. Неважно, что всем нам не раз грозила смерть. Время было трудное для всех. Мертвые давили на нас неимоверным грузом. Но давление это было, как бы это лучше выразиться, двояким. Как мы могли признавать, что заблуждались, если за нашу правду погибли такие люди, как Фарабундо Марти, Альфонсо Луна, Марио Сапата. Мы были неучами и прекрасно понимали это. Я знаю, что остаюсь неучем и сейчас, когда уже состарился. Но буржуазия никогда не одолеет нас только потому, что она больше знает. Ибо дело не столько в знаниях, сколько в исторической закономерности. И хотя мы тогда слабо разбирались в законах истории, мы чуяли их нутром, шестым чувством, и именно благодаря этому выживали, именно благодаря этому выстояли и продолжаем бороться. Именно благодаря этому у нас теперь есть мир социализма, Вьетнам, Куба...

Однажды где-то в июле 1934 года мне сказали, что в связи с вступлением в партию нового товарища я должен принять у него клятву. Речь шла о Порфирио Уисе. Церемония должна была проходить среди бела дня в парке «Сентенарио», ни больше ни меньше, почти напротив помещения партии. Сейчас мне это кажется фанфаронством, несусветной глупостью, но тогда

такое бесстрашие поднимало дух, придавало уверенность в том, что мы можем бросить открытый вызов врагу. В назначенный час я пришел в условленное место. Сзади, поодаль друг от друга, с безразличным видом шли три товарища из нашей охраны. Новичок прибыл минута в минуту. Мы устроились на скамейке, и без всякого перехода я сказал: «Поклянитесь, что будете свято выполнять наказания рабочего класса и посвятите свою жизнь делу бедняков и эксплуатируемых». «Клянусь, товарищ,— ответил Уиса.— Клянусь также, что готов принять смерть, если не сдержу свою клятву». «Зачем же говорить о смерти? Рабочему классу нужны живые люди, борцы. От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Сальвадора, секции Коммунистического Интернационала объявляю вас полноправным членом нашей организации». Не успел я договорить, как один из охранников, проходя мимо, шепнул: «Нас окружила полиция». В самом деле, метрах в 30 мы увидели человек семь или восемь полицейских, которые брали нас в кольцо. «Вот вам и первое поручение,— сказал я Уисе, но, увидя, что он с грозным видом пошел на полицейских, сурово приказал: — Не валяйте дурака, нам надо поскорее улететь отсюда». И под прикрытием охраны мы дали деру. Фараонам удалось схватить одного из наших охранников, пытавшегося укрыться в том месте, которое сейчас называется «Колония Эль-Боске» или «Колония Гватемала».

Нам удалось значительно расширить связи с внутренними районами страны, и мы вновь перенесли центр тяжести в своей работе на запад страны. Совместными усилиями с товарищами из Санта-Аны мы создали организацию в Сонсонате. Хулио Фаусто Фернандес работал как вол, хотя уже был на заметке у полиции. Мне удалось найти прекрасное убежище в районе Ла-Эсперанса в доме весьма интересной девушки, взявшей к себе в прислугу одну из моих сестер. Родом она была из очень бедной семьи, однако красотой и добрым нравом обратила на себя внимание испанского консула, некоего Сагреры, промышленника и торговца, который сделал ее своей любовницей и подарил дом.

Консул был от нее без ума. Моя сестра пришлась по душе молодой хозяйке. Кроме того, преступления гражданской гвардии и армии повергали девушку в такой ужас, что, когда сестра попросила приютить на пару дней и меня, она не только согласилась, но и разрешила оставаться у нее сколько угодно.

Тогда я отправил жену и детей вместе с другой своей сестрой в Ла-Гариту, а сам уединился в обители дамы сердца испанского консула и стал готовить учебные материалы и разрабатывать схемы организации. Чтобы не «засветить» дом, я встречался со своими товарищами по организации не в самом

доме, а неподалеку, в укромном местечке, затерянном в кустарнике среди камней на берегу реки Ареналь, недалеко от моста Эсперанса *. Встречались мы, несмотря на военное положение, по ночам. Это было отнюдь не безопасно, и прежде всего потому, что достаточно было попасться на глаза ночному патрулю, чтобы он прошел нас насквозь. В местах этих встреч частенько светились огоньки (мы читали различные сообщения), и, по-видимому, не без помощи суеверных старушек распространились слухи о том, будто там бродили души расстрелянных полицией, а так как у мертвецов остались какие-то долги в этом мире, то они и маялись, появляясь пред очи живых. Слухи дошли до газет, и вскоре на первых полосах появились сообщения о «Красном призраке у моста Надежды». Пришлось нам переносить место встреч, так как вместо призраков могли попасть и мы: ведь каким бы фантастическим ни был этот призрак, он неизбежно стал бы мишенью для фараонов уже потому, что он «красный», а в этом случае полицейских, разумеется, несколько не интересовал вопрос о том, о какой душе шла речь — живой или мертвой.

Как раз в те дни разразился страшный ливень, и на песчаник обрушился небывалый, становившийся более грозным поток. Дождь лил не переставая, а я непрерывно стучал на машинке. Однажды ночью, когда начался настоящий потоп и задул ураганный ветер, река вздулась, закипела и стала подбираться к мосту. Дом, где меня приютили, стоял на самом обрыве, но был он прочный, из цемента и кирпича, на каменном фундаменте, так что бояться было нечего. Мне, однако, было не по себе; я очень опасался за судьбу своих детей, которые укрывались сейчас от разбушевавшейся стихии в обмазанной глиной жалкой лачуге. Она тоже стояла у самой реки, но в районе Ла-Гариты — километрах в двух отсюда. Я боялся, как бы лачуга не обвалилась и не погребла под собой моих близких. Тогда я сказал своей покровительнице и сестре, что отправляюсь к детям. Они принялись отговаривать меня. Одиноким человек в дождь — прекрасная мишень для тех, кто сидит в засаде, говорили они, и я пикнуть не успею, как меня подстрелят. Я настаивал и убеждал, что не могу сидеть спокойно в этом надежном, комфортабельном доме, в то время как моих детей и жены может уже нет в живых. Река бесновалась, и мне становилось все страшней.

Повинуясь какому-то внутреннему чувству, я, невзирая на уговоры женщин и отца хозяйки дома, который гостил у нее, ушел. С большой осторожностью, тропинками я без особого труда добрался под проливным дождем до дома, где жили жена и дети. К счастью, дом был цел, а его обитатели живы. Мое

---

* Эсперанса — в переводе с испанского — надежда. — Прим. ред.

семейство и сестра очень обрадовались мне и усадили пить кофе.

Не прошло и получаса, как раздался сильный стук в дверь. Так могла стучать только полиция или преследуемая ею жертва. Я быстро достал из ящика стола пистолет, купленный сестрой на всякий случай, а жена пошла открывать. Каково же было наше удивление, когда мы увидели сестру, и любовницу консула — в грязи, измученных, полунагих. Особенно несчастной казалась молодая хозяйка дома. Халат, который был на ней, когда я уходил из дому, она потеряла и осталась лишь в нижнем белье. Ноги у нее были изодраны. Оказывается, минут через пятнадцать после моего ухода раздался страшный треск, стены дома начали разваливаться, дом накренился и пополз. Мощное течение реки подмыло обрыв, на котором стоял дом, и вместе с каменным фундаментом он рухнул в реку, и разбушевавшийся поток разбил его вдребезги. Стремительный поток унес и отца девушки, который, по-видимому, утонул в этом месиве грязи и нагромождений стволов деревьев. Матери девушки удалось вовремя выскочить из дома, но у нее не хватило сил дойти до нашей лачуги, и, вконец измучившись, она остановилась на полпути отдохнуть. Я разыскал ее и привел в наше жилище. К счастью, недалеко от проспекта Независимости у них было нечто вроде небольшой пивной, куда они и переселились, совершенно подавленные ужасной смертью главы семейства. Меньше всего они переживали за дом. Девушка была уверена, что ей удастся получить от испанского консула новый.

Я вновь ощутил, что смерть прошла совсем рядом. Мне пришлось остаться в этой лачуге и уже оттуда налаживать партийную работу. Но поскольку за моей женой нагерьняка следила полиция, мы вскоре почувствовали, что находимся под наблюдением. Кольцо сжималось, и настал день, когда я уже не мог выйти из комнаты. Шпики, вероятно, ожидали ночи, чтобы взять меня без лишнего шума. В довершение всех бед ко мне пришел Тоньо Паласиос и привел двух новых товарищей из Санта-Аны, чтобы познакомить нас. Я не смог их своевременно предупредить, и они вместе со мной оказались в кольце. Тогда я придумал одну хитрость. Поскольку Тоньо Паласиос был очень похож на меня, я предложил ему отправиться мимо полицейских в ближайшую лавочку, чтобы посмотреть, что произойдет. Они действительно спутали его со мной и арестовали, открыв огонь, когда он попытался бежать, но, к счастью, не попали. Меж тем я решил попробовать выйти через заднюю калитку, но наткнулся на полицейских с пистолетами наготове. Пришлось вернуться. Я направился к своей комнате, но, подойдя ближе, увидел Тоньо Паласиоса, которого допрашивали, истошно крича, полицейские. Они пытались припугнуть мою жену и заставить ее «оказать содействие властям». Я прошел

мимо. Полицейские в моей комнате не обратили на меня ни малейшего внимания, видимо приняв за соседа. В этот момент полил довольно сильный дождь. Тогда я вышел через переднюю калитку и бодро зашагал вперед. Но на ближайшем углу я увидел двух полицейских, которые великолепно знали меня: некоего Эскивелона — настоящего цепного пса — и Хосе Риваса, который когда-то был даже членом профсоюза владельцев ресторанов, входившего в региональную организацию. Дождь полил как из ведра, и, воспользовавшись этим, я бросился бежать. Негодяи открыли огонь, но промахнулись. А поскольку они были уже в возрасте и грузными, то догонять меня под проливным дождем не решились. Пустырями я выбрался в район Чакры, где сел в автобус, направлявшийся в центр, но, проезжая по проспекту Независимости, вспомнил, что мои благодетели — хозяева смытого потоком дома — и моя сестра жили где-то неподалеку, я на ходу спрыгнул с автобуса и отправился разыскивать их.

Прибыв по адресу (раньше я там никогда не был), я сразу догадался, чем занимались эти сеньоры. Это была не просто пивная, а настоящий центр по производству и сбыту алкоголя. В довершение всего она служила домом свиданий, где к вашим услугам имелись проститутки и отдельные номера, куда можно было приводить женщин. Но когда речь идет о спасении жизни, то и дома терпимости кажутся монастырями.

Хозяйки заведения приняли меня очень тепло и предложили остаться, но сестра, зная, что это за заведение, протестовала. Хозяйка, однако, предупредила меня, что в отличие от дома в районе Ла-Эсперанса, где было тихо и спокойно, здесь мне грозила постоянная опасность, так как заведение частенько посещали военные и гражданские, юристы и врачи, студенты и полицейские, журналисты и переодетые священники. Иначе говоря, надо было что-то придумать. Для начала я постригся наголо и отпустил жидкие усы, и, чтобы хоть чем-то оправдать свое присутствие в доме, особенно в глазах проституток — язвительных и падких на подкуп со стороны полиции, — я тоже приобщился к деятельности заведения: стал заниматься подпольным изготовлением алкогольных напитков — ни больше ни меньше! Это занятие позволяло мне, в частности, держаться подальше от глаз посетителей, поскольку работал я в комнате на заднем дворике. Спустя два-три дня я уже в совершенстве овладел ремеслом самогонщика. И гнал не только чапарро и койолито, отвечавшие самым изысканным вкусам жителей Кохутепеке, но и водку, которую делал из плодов нансе и анакардии, из ананаса и тыквы. Я придумывал всевозможные смеси, отличавшиеся хорошим качеством, вкусом, крепостью. Я экспериментировал даже с травами, стремясь улучшить букет напитка и постигая науку производства таких напитков, как

анисовый и мятный ликеры. Добавляя несколько ложек этих ликеров в водку, я получал великолепные напитки. Но особенно мне удался койолито, который очень пришелся по вкусу даже группе военных, устроивших однажды ночью шумную попойку. Они упились и решили забрать меня с собой в гарнизон, чтобы я установил там свой аппарат и обслуживал офицеров.

Хозяйки дома говорили, что бог все же не оставил меня, ибо, сделав меня в наказание коммунистом, он вместе с тем научил меня делать водку — искусству столь же трудному, как и умение находить клады или источники подземных вод, которое дается одному из тысячи.

Между тем мой товарищ вышел из тюрьмы и установил контакты с другими и со мной, наладив также связь между нами, однако слезка в Сан-Сальвадоре была поистине неусыпной, и мы часто вынуждены были прерывать нашу деятельность на многие дни. В довершение всего один тип по имени Санабрия, полицейский агент, сумел проникнуть в наши ряды, хотя я лично возражал против его вступления в партию, считая, что доверять этому человеку нельзя. Так вот, этому Санабрии удалось установить место моего пребывания, и мне опять пришлось без конца менять место жительства. Дело дошло до того, что однажды мне приказали вообще уехать из Сан-Сальвадора и разъезжать взад и вперед по Ориенте. Одновременно в партии распустили слух о том, что я навсегда уехал в Гондурас: мы рассчитывали, что через агентов в партии это дойдет до полиции, которая «клянет на червячка» и не будет столь настойчиво искать меня. Однако в силу целого ряда обстоятельств, в частности предстоящих родов жены, мне вскоре пришлось вернуться в Сан-Сальвадор. Жена, родственники и друзья по-прежнему находились под неусыпным наблюдением и контролем. Пришлось мотаться между Сан-Сальвадором и ближайшими населенными пунктами: Сойапанго и Илопанго, Мехиканос и др. Полиция несколько раз арестовывала на непродолжительное время жену и сестер и, врываясь в наши жилища, всякий раз конфисковала в свою пользу все, что попадалось под руку, и мы, таким образом, все больше нищали. Мне не оставалось ничего другого, как укрыться в Сан-Мартине, в доме второй жены, о которой я до сих пор ничего не говорил и говорить по причинам, касающимся только меня одного, не собираюсь. Речь идет об Аделите Ансоре, у которой от меня родилась дочка Ильдита. Несмотря на то что со времени наших отношений прошло немало времени, Аделита встретила меня очень тепло и не отказалась приютить. Но, как оказалось, она обрадовалась моему появлению главным образом потому, что один порядочный, честный мужчина предложил жениться на ней и, поскольку я был отцом ее дочери, ей хотелось посоветоваться со мной, чтобы избежать возможных осложнений. «Я ничего

еще не ответила, надеясь вначале поговорить с вами», — объясняла она.

Я сказал, что очень рад за нее, потому что она вполне заслуживала хорошего мужа, а моя дочь — хорошего отца, и что я в силу своего образа жизни, полного неожиданностей и опасностей, и в силу обязательств перед другими не мог быть ни тем ни другим. Аделита накормила меня и оставила у себя на несколько дней, после чего я вновь вернулся в это волчье логово — Сан-Сальвадор. На прощание она подарила мне коробочку из-под спичек, в которой я нашел аккуратно свернутые банкноты достоинством в песо.

Путешествовать в то время было небезопасно. Уже тогда контролировались даже проселочные дороги, по которым пропускали лишь упряжки быков. Для поездки же в автобусе нужно было предъявлять удостоверение личности, так как шофер составлял список пассажиров и показывал его полицейским на контрольных пунктах при выезде из города или поселка.

Через хорошо осведомленных друзей я узнал, что в районе между Сан-Сальвадором и Кохутепеке меня разыскивал специальный отряд полиции под командованием некоего Инестросы. У меня zakралось подозрение, что кто-то из арестованных родственников проговорился на допросе, поскольку полицейские буквально наступали мне на пятки. Мне удалось устроиться на несколько дней на работу в сапожную мастерскую в Кохутепеке, где я вскоре узнал о новом аресте жены и малолетней племянницы.

Друзья вывезли меня из Кохутепеке и снова распустили слухи о том, что я уехал в Гондурас, на самом же деле я остался в Сан-Рафаэль-Седросе. Несколько дней я голодал, пока наконец не наткнулся на одну приличную сапожную мастерскую, принадлежавшую некоему Гранильо, который по милости генерала Мартинеса был назначен пожизненным алькальдом этого городка. Там я и получил работу, выдав себя за выздоравливавшего нервнoбoльного. Там же меня ожидал один из самых больших и приятных сюрпризов в моей жизни — неожиданная, нос к носу, встреча с [самим Исмаэлем Эрнандесом, моим старым другом, участником рабочего движения, членом организации «Красная помощь» и членом партии. Нам пришлось сдерживать радость неожиданной встречи и дожидаться конца первого моего рабочего дня, чтобы уединиться в укромном месте и поговорить о наших бедах и перспективах. Исмаэль рассказал мне много такого, чего я не знал и что свидетельствовало о грозившей мне опасности. Он сообщил, например, что только в районе Кохутепеке, Илопанго, Сан-Мартина, Сан-Рафаэль-Седроса и других населенных пунктов полиция распространила ни много ни мало, а 700 моих фотографий, раздав их шоферам городского

транспорта, командирам местных подразделений, национальным гвардейцам, крестьянским патрулям и т. д. Поэтому он советовал мне не высовывать носа и немедленно отправиться в Гондурас, а до установления надежных контактов, спрятаться и жить на его скромный заработок. Отправиться в Гондурас я согласился, но прятаться отказался. Мне нужны были хоть какие-то деньги, чтобы добраться до Гондураса, и я мог использовать для этого время, необходимое для установления контактов. Однако поиски людей, которые помогли бы мне уехать в Гондурас, затянулись и казались безнадежными. Хорошо еще, что на работе у меня все обстояло благополучно и я чувствовал себя в безопасности среди рабочих, в большинстве своем уроженцев Сан-Рафаэля, молодых, честных и почтительных. Господин Гранильо, хозяин мастерской и алькальд, относился ко мне по-отечески, доброжелательно. Однажды в выходной день Гранильо пригласил меня на пирушку, где мы пили с командиром местной гвардии, до которого, по-видимому, не дошли мои фотографии, потому что он был со мной чрезвычайно любезен, все время балагурил и пел песни. Звали его капитан Кеведо.

Единственное, что меня беспокоило, — это задержка с отъездом. Но постепенно план прояснился: я должен был выехать из Усулутана верхом в сопровождении проводника, который проведет меня тропами до Гондураса. Я загорелся идеей, строить воздушные замки, когда однажды, в поисках работы, в мастерскую явился вдруг один знакомый моего детства, с которым мы учились еще в школе в Илопанго. Звали его Максимо Колорадо. Взаимных симпатий мы никогда друг к другу не питали. На работу его взяли, но он целыми днями сидел сложа руки и занимался лишь тем, что неусыпно наблюдал за мной. Я прикинулся дурачком и делал вид, будто не узнал его. Но его присутствие беспокоило меня. И вот мне сообщили, что на следующий день, 26 ноября 1934 года, я должен покинуть Усулутан и отправиться в Гондурас. Вечером, как обычно, все рабочие пошли купаться на ближайшую речку. После купанья мы с шутками и прибаутками отправились обратно. И тут я почувствовал, что мне надо немедленно уходить. Спихватившись, будто забыл что-то на речке, я повернул обратно. Максимо Колорадо увязался за мной: оказалось он тоже что-то забыл. Это меня насторожило. И неспроста, потому что не прошли мы и несколько метров, как я столкнулся лицом к лицу с двумя старыми знакомыми: шпиком Эскивелоном и молодым полицейским Крусом. Не успел я толком разглядеть их и что-либо предпринять, как они наставили на меня пистолеты. «Наконец-то попалась птичка», — сказал Эскивелон. «У этой птички есть имя, — ответил я, задетый за живое. — Ее зовут Мигель Мармоль».

Я сказал это специально, заметив, что несколько рабочих вернулись, чтобы подождать нас, и, увидя такую сцену, застыли от изумления. Под недоуменные взгляды прохожих полицейские отвели меня в мастерскую. Они приказали мне переодеться, чтобы немедленно отправиться в Сан-Сальвадор. Вспомнив, что в другой смене белья у меня было несколько партийных писем, я ответил им, что переодеть мне нечего. Рабочим я сказал, кто я на самом деле, надеясь, что весть о моем аресте дойдет до семьи и родственников и до товарищей по партии, поскольку Исмаэля в мастерской я не увидел и решил, что он исчез. Мои расчеты оправдались: весть об аресте быстро разнеслась по соседним поселкам и долетела до Сан-Мартино. До прихода поезда, который должен был доставить нас в столицу, меня посадили в муниципальную тюрьму Сан-Рафаэль-Седроса. По дороге в тюрьму я встретил Максимо Колорадо и при всех крикнул: «Ты продал меня, грязный предатель, но придет день, когда народ заплатит тебе за все сполна». В тюрьме приставленный ко мне молодой полицейский Крусито был весьма любезен со мной. Он осведомился сыт ли я, и я ответил, что если мне дадут что-нибудь вкусное и пива, то не откажусь. Мое желание было исполнено.

Охранники стали советовать мне во всем раскаться, убеждали, что я со своими коммунистическими идеями заблуждался и что нет человека, способного одолеть генерала Мартинеса. Тогда я принялся объяснять, за что мы боремся, а они молча слушали. Во время беседы Крусито заметил: «Послушайте, Мармоль, мне очень жаль, что именно мне пришлось арестовать вас. Но такова жизнь, ничего не поделаешь. Я говорю это потому, что не знаю, что вас ждет сегодня ночью, и не хочу, чтобы вы считали меня своим личным врагом. Вы смелый человек, и могу откровенно сказать вам: будьте готовы ко всему».

Несколько часов спустя меня повели на вокзал. Дорога была темная, улицы пустынные. Эскивелон вознамерился прикончить меня и все время подталкивал, побуждая к побегу, чтобы развязать себе руки, но я не доставил ему такого удовольствия. Крусито, его помощник, вел себя очень корректно. Когда мы пришли на станцию, отовсюду стали собираться люди, желавшие выразить мне свою симпатию. Нельзя было спокойно смотреть на все это, ибо, несмотря на страх и репрессии, несмотря на свое недостаточно развитое политическое сознание, жители городка все же отважились проводить арестованного коммуниста. На станции меня заперли в телеграфном отделении. Там то я и увидел, что все письма и телеграммы протеста против режима перехватывались и регистрировались, чтобы выявить и наказать авторов. Да, национальная телеграфная служба Сальвадора сыграла поистине преступную роль в мартинистских репрессиях.

Еще до прихода поезда на станции появился капитан Кеведо со взводом гвардейцев (в момент, когда меня арестовали, его в поселке не было) и потребовал от Эскивелона и Крусито передать меня ему, чтобы тут же прикончить. «Во имя вашего же блага отдайте мне этого сукина сына!» — бесновался капитан на глазах у перепуганной толпы. Крус сказал, что они не имеют на это права, ибо я был задержан ими. Капитан Кеведо, у которого уже не было настроения петь мне песенки, истошно вопил: «Вы, коммунисты, хотели бы, чтобы Красная Армия России пришла к вам на выручку». Теперь уже я вышел из себя и бросил в ответ: «Не смейте трепать это героическое имя своим грязным языком».

Капитан совсем взбеленился, и толпа неодобрительно зароптала. Какая-то сеньора попросила Крусито разрешить угостить меня газированной водой. Крусито позволил, и все бросились угощать меня чилате *, другими напитками, хлебом... Принимая угощения, я всякий раз говорил капитану Кеведо: «Ну так как, капитан, на чьей стороне бог, как вы думаете, — на моей или на вашей?» И старый ублюдок распалялся еще больше. Но вот подошел поезд и Эскивелон и Крусито посадили меня, предварительно надежно заковав в наручники.

В поезде было человек двадцать охраны, так что в услугах капитана Кеведо и его взвода, вызвавшихся сопровождать меня до Сан-Сальвадора, не было никакой нужды, и мое путешествие прошло спокойно. Какая-то полоумная девушка напевала без умолку один и тот же припев: «Типи-типи-тин-типи-тон, типитипи-тин-типи-тон, каждое утро пою я эту песню под твоим окном...» — и старушки нашептывали молитвы, перебирая четки из белых семян.

---

* *Чилате* — напиток, настоянный на перце, жареной кукурузе и какао. — *Прим. ред.*

Глава IX

В ТЮРЬМАХ ГЕНЕРАЛА МАРТИНЕСА

В Сан-Сальвадоре, прямо на станции, нас ожидала крытая машина, которая сразу же доставила нас в столь хорошо знакомое мне полицейское управление. Охранники вытаскивали меня из машины, точно трофей, и едва я очутился внутри здания, как начались издевки и посыпались угрозы пытками и расстрелом. Молчал один Крус. Меня встретил сам новый директор управления полковник Линарес, который обрушился на меня с оскорблениями. Меня отвели во внутреннюю комнату и заставили раздеться. Увидев шрамы на груди, руках и ногах, все необычайно обрадовались: да, они действительно изловили Мигеля Мармоля, которого искали, и никакой это не колдун и не волшебник, а простой смертный, уязвимый для пули, как и все остальные. Для установления личности прибыли майор Бальбино Луна, который и составил соответствующий протокол.

Наконец меня оставили одного, поместив в комнате для офицеров. Когда принесли еду, я сказал, что не голоден. Тогда явился Бальбино Луна и приказал мне есть, но я стоял на своем. «Этот сукин сын так и останется неотесанным, пока мы не свернем ему башку», — заявил он. «Дело не в воспитанности, майор, — парировал я, — просто я сыт: люди досыта накормили меня. А завтра будет новый день, и с завтрашнего дня я буду есть, только прошу приносить приличную еду и в достаточном количестве, а не это дерьмо, которое мне подали».

Я уснул, устроившись прямо на полу, и проснулся только в 8 часов утра следующего дня, вернее меня разбудили и повели на допрос. Грубо толкая, меня привели в какой-то кабинет, где уже ждали двое: майор Кампос и сотрудник полиции некий Монтерроса по прозвищу Змеиный Глаз. Первым приступил к допросу Кампос. Он говорил мягко, спокойным, доверительным тоном, явно пытаясь расположить к себе. По вопросам я понял, что правительство довольно хорошо информировано о нашей деятельности, о структуре партии до и после восстания, о том, сколько нас осталось и с чего мы начали свою нынешнюю деятельность, о наших планах. И в этом нет ничего удивительного: после того как начиная с января 1932 года через

камеры пыток прошло столько арестованных коммунистов и сочувствовавших, полицейские архивы, видимо, разбухли от информации.

Кампоса интересовала моя деятельность в последние два года, мои контакты, какими тайными организациями я руководил и каким оказывал содействие. Я признал лишь, что являюсь членом коммунистической партии, что в соответствии с линией партии участвовал в подготовке восстания 1932 года и что ответственность за все это несу я один, и никто более. «Если кто-то и должен поплатиться за это, так только я один, — тюрмой ли, жизнью — все равно». «Можешь не сомневаться, что ты поплатишься, — услышал я в ответ, — только не сразу, а постепенно, не думай, что отделаешься так легко. Ты натворил столько, что простая смерть была бы для тебя лишь наградой».

После этого тон допроса стал грубым и развязным. Дело дошло даже до того, что один из них истошно заорал: «Отвечай сейчас же, как ты осмеливаешься заявлять, что наш высокочтимый генерал Мартинес — подлец и убийца?!» «Это говорите вы, а не я, моя критика режима носит политический, а не личный характер», — парировал я. «Так мы докажем тебе, скотине и лицемеру, что ты врешь». Они притащили кипу бумаг, достали какой-то документ и швырнули мне в лицо. Это были знаменитые «Причины восстания и его поражения». Кампос заявил, что документ этот был оскорблением для президента и им прекрасно известно, что написал его я. «Да, я его автор, но это не оскорбление, а политический анализ». Но они твердили свое: «Немедленно отвечай, убийца генерал Мартинес или нет? Да или нет?!» В этот момент в кабинет вошли еще трое или четверо полицейских, на лицах их была неприязнь. «Могу лишь еще раз подтвердить, что документ составлял я. А там смотрите сами, делайте что хотите. Не мне решать». Атмосфера накалилась, и Кампос решил прекратить допрос. Меня вновь заперли в комнате для офицеров. Когда меня вели с допроса, какой-то заключенный, подметавший коридор, так изумился, увидев меня, что у него глаза полезли на лоб. Позже я узнал, что это был вор, который был в соседней комнате и слышал, как меня допрашивали за день до расстрела в январе 1932 года. Он позже сообщил об этом моей семье.

Первые несколько дней прошли спокойно, без новостей, но неопределенность — злейший враг заключенных — начала допекать. Меня перевели в маленькую изолированную камеру. Однажды этот вор изловчился и сумел передать мне клочок бумажки, где сообщалось, что сестра уже знает о новом аресте и попытается помочь мне. Я установил с этим человеческим воров регулярную связь, используя с этой целью тайнички, клочки бумаги и различные знаки, и проинструктировал его, как наладить систему связи с помощью заключенных и их родствен-

ников, чтобы поддерживать постоянный контакт с внешним миром.

Поскольку воров попадали в тюрьму и покидали ее чаще других, наша система связи работала великолепно, а количество задействованных в ней было огромно. Однако на свободе контакты были делом трудным и опасным. Сестра — мой самый надежный связной в тех обстоятельствах — находилась под неусыпным наблюдением полиции и вынуждена была часто менять свое местожительство, чтобы хоть на время избавиться от слежки. И все же, несмотря на все предосторожности, некто Монтерроса, добросердечный вор, который нес однажды письмо моей сестре, был схвачен, арестован и подвергнут пыткам. Сеть контактов рухнула, и мы долго не могли восстановить ее, но в конце концов, опять же с помощью воров и карманников, нам удалось установить ее.

Следует, однако, сказать, что несколько месяцев спустя после того инцидента бедный Монтерроса умер в полицейской камере от приступа одной из разновидностей холеры. Моя сестра добилась, чтобы ей выдали труп, и похоронила его на кладбище бедняков «Ла-Бермеха». Все это время мои друзья, родственники и товарищи по партии в Сан-Сальвадоре не прекращали усилий, добиваясь моего освобождения. Они подавали одно за другим личные прошения в Верховный суд об обеспечении мне юридической защиты. Все было напрасно. Полиция неизменно отвечала, что я не числюсь в списках задержанных или заключенных ни в полиции, ни в Национальной гвардии, ни в тюрьме, что правительству известно лишь, что я погиб во время событий 1932 года. Неопределенность медленно убивала меня, и нередко возникало желание покончить со всем сразу, разможжив голову о стену или решетку, вскрыв себе вены или сделав над собой еще что-либо. Но проходил кризис, и я вновь обретал силы и убеждал себя в необходимости жить, действовать, вернуться на свободу и помочь организовать борьбу, поделившись своим, пусть скромным и путаным, опытом с трудящимися Сальвадора, которые рано или поздно должны были осознать необходимость революционной борьбы.

Условия моего заключения были в высшей степени тяжелыми. Во-первых, меня держали в полной изоляции, хотя, как я уже говорил, мне и удалось наладить целую систему связи. Во-вторых, и это было, пожалуй, самое ужасное, меня постоянно держали в наручниках. Поначалу были скованы даже ноги. Шли месяцы, минуло более года, а я все пребывал в наручниках, ноги у меня отросли настолько, что загибались, и на руках образовывались язвы.

Освобождали меня от наручников, только когда надо было справить нужду (большую, разумеется), но и этого приходилось

долго требовать и добиваться. Не один раз я делал в штаны, и меня оставляли в таком положении на два-три дня. Можете представить себе, как приятно жить, есть и думать с полными штанами. Но я никогда не просил пощады, никогда не выказывал слабости. Даже будучи в дерьме, я сохранял гордость и достоинство, и никто из этих подонков не осмеливался посмотреть мне прямо в глаза. Когда им надоело, они выводили меня стирать белье, причем заходили в камеру опустив глаза долу, или говорили о чем-либо постороннем, или насвистывали, прикидываясь дурачками. Купаться мне никогда не разрешали (кроме как в подобных случаях), не позволяли ни бриться, ни стричься.

Я стал похож на Христа Спасителя, на курчавого служку, но не с кудрями, а со слипшимися, как у индейца, патлами. Не проходило дня, чтобы мне не угрожали смертью, инсценировки расстрела стали обычным делом. Инициаторами всех этих издевательств были офицеры охраны, которые, когда совсем уж одуревали от скуки, пытались поразвлечься за мой счет. Однако самым большим для меня наказанием было известие об аресте кого-либо из товарищей по партии или присутствие на пытках. Раза три или четыре меня водили на избиения и пытки. Что может быть ужаснее! Я не выдерживал и начинал кричать, пытаюсь ободрить товарищей, но меня тут же осыпали ударами и выволакивали из камеры.

Ни одну жертву пыток я так и не узнал, во-первых, потому, что мне не позволяли особенно всматриваться, а заставляли постоянно двигаться, и, во-вторых, вероятно, потому, что это были незнакомые мне люди, уже обезображенные и изуродованные во время предыдущих экзекуций, которым их подвергали эти инквизиторы.

Однажды мне стало известно, что в камерах полицейского управления содержатся в изоляции 34 коммуниста. Мне же об этом ничего не сообщали. Как-то раз во время раздачи обеда мне показали их издалека. Они ходили по кругу и ели, причем их заставляли двигаться все быстрее и быстрее. Когда кто-нибудь отставал, его стегали кнутом. Чудовищное издевательство! Если кто сомневается, пусть попробует пообедать на ходу, бегом, когда его подгоняют кнутом. Даже издалека я узнал Антонио и Педро Сосу. Соса тоже однажды увидел меня, когда меня вели принимать лекарство, и попытался сделать мне какие-то знаки.

Полиция стремилась любыми путями скрыть правду о моем заключении, в частности дала мне другое имя. С самого начала меня стали называть Карранса и именовали так во всех документах. Я постоянно поправлял полицейских, говоря, что меня зовут Мармоль, но, поскольку ко мне были допущены лишь наиболее доверенные люди, мои протесты были бесполезны.

Иными словами, спустя некоторое время почти бессознательно я стал отзываться на Каррансу. Кроме того, всякий раз, когда тот или иной адвокат предпринимал ходатайство по личному прошению кого-либо в мою защиту, меня прятали в тайных камерах в глубине здания или в камерах пыток и держали до тех пор, пока адвокат не ретировался.

О таких визитах тюремные власти узнавали заблаговременно: начальника полиции предупреждали по телефону прямо из Верховного суда, чтобы избежать неожиданностей во время разыгрывавшегося фарса. Были и такие адвокаты, которые осведомлялись о моем местопребывании только в кабинете у начальника полиции. А он прикидывался дурачком и говорил, что ему ничего не известно; адвокат составлял отчет и убирался восвояси.

Однажды я увидел у решетки своей камеры полковника Хуана Ортиса, командующего гарнизоном в департаменте Сонсонате, который отличился в репрессиях против народа, принятых после событий 1932 года. Держался он высокомерно, на его лице индейца была написана ненависть. Он пришел специально, чтобы оскорбить меня. «Я вижу, ты теперь прикидываешься тихоней, сукин сын, убийца 1932 года, бандюга. Я прикажу вытащить тебя из камеры, чтобы расквасить сапогами твою физиономию», — сказал он. «Кто убийца, — ответил я, — я или вы? Не вы ли командовали войсками, учинившими кровавую расправу 25 мая? Я никого не убивал. Вы же и кавалерийские части Санта-Аны перепачканы в крови».

Негодяй думал, что я не знаю его, и от неожиданности оторопел. Пыл его тут же пропал, он больше не сверлил меня негодующим взглядом. «Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом, — примирительно сказал он, — наша дискуссия о делах правительства ни к чему не приведет». Вскоре он даже перестал «тыкать» и стал обращаться на вы: «Неужели вам не нравится, что делает для страны мой генерал Мартинес? Вы против распределения земли между крестьянами, предоставления сельскохозяйственного кредита, посевного фонда для мелких собственников, закона об отсрочке выплат и других мероприятий?» «Это лишь часть требований, за удовлетворение которых боремся мы, коммунисты, — ответил я. — Вы же противились этому и предпочитали убивать народ. Я, разумеется, и за раздел земель, и за предоставление кредита. Но я отвергаю методы осуществления этих теоретических установок правительства на практике: ведь разделу подлежат только каменистые, бесполезные земли, на которых не растут даже веники. Кредиты предоставляются под высокий процент, недоступный для бедняков, и лишь тем, кто не испытывает в них острой нужды. Мелких производителей заставляют продавать свой урожай по ценам, которые не дают им возможности избавиться

от голода». Свои аргументы я подкреплял реальными фактами об изощренных уловках президента Мартинеса и его камарильи, стремившихся обеспечить себе обманным путем крупные прибыли, прикрываясь в то же время демагогической болтовней.

Полковник Ортис записывал ответы в записную книжку красным карандашом. «Вы, конечно, не согласны и с политикой предоставления дешевых домов, не так ли?» — пробурчал он. «Все дело в том, что в домах этих живут не рабочие и крестьяне, а послушные режиму бюрократы», — ответил я.

Во время беседы к камере подошел еще один военный, тогдашний охранник президента Мартинеса, который позже стал руководителем транспортной службы и наводил ужас на шоферов своими чрезмерными штрафами, злоупотреблениями с правами, арестами за малейшее нарушение правил и пр. Это был капитан Колорадо. Он начал с того же, с оскорблений. Когда же из него «вышел пар», он сбавил тон и вместе с полковником Ортисом тоже стал спрашивать меня об отношении к экономическим мерам режима. Он ухватился за то, что я был против системы «дешевых домов», или домов по льготным ценам для служащих, я же в ответ указал на демагогический характер его заявлений, подчеркнув, что эта система должна охватывать рабочих и крестьян и что квартирная плата должна составлять небольшой процент от заработной платы трудящихся.

Теперь я вижу, сколь наивен я был тогда, ибо из всех стран континента такая мера стала возможна лишь на Кубе после победы революции, позволившей осуществить в стране городскую реформу. Некоторое время спустя прибыл еще один военный (день был в этом смысле, как говорится, «удачный») — специальный судья полиции Эктор Муньос Барильяс, чертовски злой и гнусный человек. Он тоже начал с оскорблений. Все коммунисты, заявил он, хамы и гордецы, из которых спесь надо выбивать хорошей палкой. Дискуссия обострилась, и в нее включилось еще несколько офицеров и судей. Они неистово наседали на меня, но одолеть не смогли. В таких случаях надо стоять до конца, ибо, если дрогнул, обмяк, пропал. «Все дело в том, — говорил Муньос Барильяс, — что все вы тщеславны и недовольны всем. В имении «Эль-Агуа-Фриа» вам с помощью беспорядков и забастовок удалось добиться установления заработной платы из расчета 1 колон в день, и, если дать вам волю, сегодня потребуете уже 10 колонов в день». «А почему бы и нет, мой капитан, людям всегда хочется жить лучше, — сказал я. — Взять, например, вас. Сначала вы были солдатом, потом, получив красную нашивку ефрейтора, захотели желтую — сержантскую. Теперь вы капитан, а когда станете генералом, вам захочется стать президентом. Трудящиеся тоже стремятся к лучшей жизни, только у них на это больше прав, поскольку они

добиваются благосостояния для большинства, хотят покончить с эксплуатацией».

Мой оппонент попытался перевести разговор в другое русло, обрушившись с нападками на Парижскую коммуну. Он обвинил французских рабочих в кровопролитии. «Ну конечно, — сказал я, — мы ведь тоже развязали кровопролитие, правда, вот кровь-то потекла только наша. Вы ничего не развязывали, вы лишь нажимали курки ружей и гашетки пулеметов». «Да что вы распинаетесь о Парижской коммуне, что вы о ней знаете, — вопил капитан, — может, вы говорите по-французски?» «Нет, но может вы знаете Париж так же хорошо, как я?» — парировал я. Покраснев, капитан признался: «Нет, к сожалению, я не знаю Парижа». Так закончилась наша дискуссия.

В ней были, разумеется, и другие острые моменты, которых я уже не помню. Муньос Барильяс обещал как-нибудь продолжить спор, поскольку я — упрямый коммунист, не желающий признавать очевидную истину. Он заторопился, сказав, что уже поздно и что в автомобиле его ждет супруга. Он обещал прислать мне книги, где окончательно и убедительно развенчивается коммунистическая доктрина, и посоветовал внимательно прочитать их. Словом, расставание было не столь грубым, как встреча. На прощание он даже посоветовал мне «поберечь себя», «как следует есть» и заявил, что «ему было очень приятно познакомиться со мной». Однако этот лицемер направил в военную прокуратуру возмутительный отчет о встрече со мной, где предлагал занести меня в списки самых опасных преступников, законченных и неисправимых коммунистов, и советовал под любым предлогом, законным или незаконным, поставить меня к стенке.

Подобные визиты хоть и выводили меня из себя, все же нарушали однообразие жизни и заставляли всегда быть начеку. Когда дни тянулись однообразной серой вереницей, я даже жаждал этих встреч. Но однажды ранним утром у полицейских начался переполох. Они суетились, бегали взад и вперед, выполняли какие-то приказы, мыли замызганные коридоры, снимали метлами паутину с потолка, аккуратно расставляли мебель в кабинетах, а некоторые даже мылись и переодевались в чистое. Видя такой переполох, я подумал, что к нам решил навеститься сам генерал Мартинес и все из кожи лезут вон, стараясь не ударить в грязь лицом, поскольку его высокоблагородие прослыли фанатиком чистоты и порядка.

Я ошибся лишь ненамного: вместо Мартинеса приехал следовавший за ним по рангу генерал Томас Кальдерон, военный министр, который в 1932 году руководил карательными операциями во всей западной зоне страны. Он подошел к моей камере, приветливый и любезный, вместе с начальником полицейского управления Линаресом, который, напротив, никак не мог избавиться от кислого выражения на своей физиономии. Можно

было подумать, что этот старый Линарес всю жизнь ел скорпионов и иногда просто нельзя было смотреть без смеха на его вечно перекошенное от злобы лицо. Они прибыли в сопровождении группы полицейских. Генерал Кальдерон стал расспрашивать меня о поездке в СССР. Я даже помню тон, каким он спросил меня: «Вы ведь сеньор Мармоль, не так ли? Это вы ездили в СССР?»

Ему не пришлось повторять свой вопрос. Я охотно рассказывал о своих впечатлениях, стараясь увязать их с борьбой коммунистов Сальвадора. Генерал Кальдерон выпроводил всех полицейских, оставив только Линареса. Дождавшись, когда я сделаю паузу, и обращаясь к Линаресу, он сказал: «Да, полковник, надо понять сеньора Мармоля. Никакой он не преступник, он святой. Но он проповедует дело, которое могло увенчаться успехом только в России, ибо в России народ страдал от сурового климата и нищеты. У нас же подобный эксперимент может привести лишь к катастрофе, как это и случилось недавно. Ведь нас не раздирают социальные противоречия, в нашей стране никто не умирает от холода, от жары, от голода или жажды. Господь бог наделил нас благодатной природой».

Эта попытка все извратить возмутила меня, и я дал ему достойную отповедь. Пусть он не рассказывает мне сказки, ответил я, о том, будто наша страна благоденствует. «Очень жаль, что даже страшные события 1932 года не избавили вас от слепоты. Если вы хотите видеть умирающих от голода, пройдите хотя бы раз по ближайшему кварталу пешком, или загляните ночью в подъезды домов в центре города, или прогуляйтесь по полю, когда не убирают кофе, а потом расскажете мне о своих впечатлениях». Он сразу пошел на попятную. «Давайте поговорим о чем-нибудь другом, давайте попробуем договориться, я ведь пришел сюда не для того, чтобы мучить вас, а для того, чтобы побеседовать. Почему вам нравится война, сеньор Мармоль?» — осведомился он. «Вы ошибаетесь, генерал, я против войны, я не воинственный человек, я миролюбивый сапожник». «Но вы ведь призывали к революции, сеньор Мармоль».

«Верно, но это разные вещи. Если мы выбрали вооруженный путь свершения революции, то лишь потому, что богачи и правительство лишили нас иной альтернативы. И вы прекрасно знаете, что мы пошли на революцию, будучи совершенно неискушенными в военных вопросах. И вам, как истинному сыну Марса, хорошо известно, что если армия сумела победить народ, то лишь потому, что владела военным искусством и имела в своем распоряжении оружие, которого не было у масс. Я уже не говорю о бессмысленном истреблении рабочих и крестьян, которые и без того потерпели военное поражение и не представляли для вас никакой опасности».

«Сеньор Мармоль,— глубокомысленно заметил генерал Кальдерон,— Всевышний всегда на стороне добрых людей. Войну действительно выигрывает тот, чья стратегия и тактика, пулеметы, пушки и бомбы оказались более совершенными. Но именно Всевышний вкладывает в руки добрых людей более совершенное оружие, и именно поэтому в развитии человечества, как и в самой природе, все сбалансировано. Подумайте об этом как следует, сеньор Мармоль». Он протянул мне руку сквозь решетку и, прощаясь, сказал: «Я желаю вам скорейшего освобождения, а пока ни о чем не беспокойтесь. Вы находитесь в руках правительства, которое стоит на страже порядка и законности».

На некоторое время отношение ко мне улучшилось. Надзирателям не очень-то хотелось донимать заключенного, которого посещали полковники и генералы, капитаны и министры, а те, кто делал это раньше, призадумались. Я тоже стал менее агрессивным, стараясь извлечь максимальную пользу из новой ситуации. Главное тогда для меня было вырваться на свободу, ибо, находясь в клетке, точно зверь, я не мог ничего сделать ни для партии, ни для революции.

Однажды, когда у меня было совсем паршивое настроение, ветер забросил в мою камеру клочок газеты, где я прочитал следующее высказывание доктора Энрике Кордобы: «Когда заключенный лишен защиты, самое разумное, что он может сделать,— это соблюдать тюремный режим». Мысль, хотя и высказанная классовым врагом, подтверждала мои собственные наблюдения.

Так мало-помалу, не поступаясь собственным достоинством, я стал выполнять логичные требования надзирателей и перестал демонстрировать свою неприязнь. Раньше, когда кто-нибудь просил меня не стоять у входа в камеру, а сесть в глубине, я посылал его подальше. Теперь же, когда мне говорили: «Отойдите от двери, Карранса»,— я беспрекословно подчинялся. Я больше ни с кем не цапался, со всеми был доброжелателен. Лишь однажды я сорвался. Как-то раз вывели меня из камеры, чтобы отвести в туалет во дворе; в это время как раз вычищали «очко», которым я обычно пользовался. Я удивился, заметив, что никто не сопровождает меня, как бывало в подобных случаях. На этот раз охранник, стоя в коридоре, сказал мне: «Иди в ту уборную». Я пошел, сделал что надо, а выйдя, увидел, что эти сволочи выпустили во двор огромного оленя, подарок полковнику Линаресу,— дикого и коварного, с огромными рогами и страшными копытами.

Зверюга ринулся на меня, и мне снова захотелось в туалет. Не забывайте, что я был в наручниках и от недостаточного питания, постоянного пребывания взаперти, без солнца, от частых болезней, недомоганий и т. д. чрезвычайно ослаб. Укло-

нившись кое-как от первого удара, я отчаянно, изо всех сил уцепился за рога. Но олень был необычайно сильный и поволок меня по двору. Когда наконец подбежали несколько полицейских с лассо и ремнями и освободили меня, я был весь изранен, в ссадинах, а они покатывались со смеху. «Вы только взгляните на этого Каррансу, — потешались они. — Он хотел сбросить правительство, а сам не может справиться даже с бедным олененком». Вот тогда-то я и помянул и мать, которая родила этих сукиных детей, и треклятого оленя, и полковника Линареса. Надо сказать, что конец этого полковника Линареса был весьма странный, причем это принесло мне определенную пользу.

Вместо Линареса начальником полицейского управления президент Мартинес назначил полковника Хуана Франсиско Мерино Росалеса, рядом с которым покойник казался скромной монашкой. Все: полицейские, надзиратели и офицеры — были смертельно напуганы этим назначением и, как роботы, драили тюрьму, служебные помещения, стараясь поддерживать идеальный порядок. «Если уж эти бандиты боятся его, — думал я, — то от меня вообще останутся одни потроха». И вот однажды рано утром он приступил к исполнению своих обязанностей, а днем уже осматривал камеры. Я увидел и услышал его еще издали — это был элегантно одетый старикан с громовым голосом. «А где заключенный Мигель Мармоль?» — услышал я. И, стараясь казаться как можно беспечнее, ответил не очень любезно, но спокойно: «Здесь, сеньор».

Грязный, с гривой до плеч, в наручниках и в клеенчатом плаще, которым меня закутали, чтобы я пропотел и избавился от мучившей меня несколько дней лихорадки, я своим видом, вероятно, поразил его. «Как к вам относятся, Мармоль?» — спросил он. «Как видите, сеньор полковник», — отвечал я. «Вас бьют?» — «Нет, сеньор. Били только моих товарищей — тридцать четыре заключенных, которые находятся в нижних камерах в другом крыле». — «А почему вас не стригут?» Я только усмехнулся в ответ: «Я здесь не по своей воле, сеньор полковник». Тогда он, точно взорвавшийся вулкан, прогремел: «Кто здесь главный, черт подери?!» — «Полковник Гранде», — отозвалась мертвенно-бледная свита. «Позвать его немедленно сюда», — приказал полковник.

Полковник Гранде сразу же стал извиняться и объяснять, что последнюю неделю не было парикмахера, поскольку он болен, и прочее. Но Мерино оборвал его: «Только не рассказывайте мне, что эта грива выросла у него за последние несколько недель». «Да с тех пор, как меня привезли, парикмахер все время здесь, — подлил я масла в огонь. — Это племянник майора Бальбино Луны». Мерино молча глянул на меня, а затем решительно приказал Гранде: «Завтра же выведите его на воздух,

на солнце, пусть он как следует вымоется. Да подстригите его и дайте ему лекарство, если он болен, или покажите врачу».

Резко повернувшись на каблуках, он удалился. Перепуганная свита поспешила за ним. «Мать честная, — подумал я, — неужто повезет?» И действительно, на следующий день меня вывели на солнце, позволили искупаться и подстригли по французской моде (эту стрижку я помню по сей день). Вечером в камеру принесли раскладушку, и мне больше не пришлось спать на холодном полу. Я уж и не помню, сколько прожил в диких условиях, и поэтому, оказавшись вдруг на цивилизованной постели, почувствовал себя на седьмом небе. Мне даже стали сниться женщины и прочие глупости.

Полковник Мерино Росалес не раз навещал меня и беседовал со мной. Нельзя сказать, что он был очень любезен, однако относился ко мне с уважением, как кадровый военный к пленным. Но когда я стал настойчиво просить снять наручники, он перестал приходить ко мне. Похоже, что попытка наручниками была предписана сверху, самим Мартинесом, и Мерино, не желая обсуждать со мной этот вопрос, решил прекратить свои визиты. Кроме того, я неоднократно жаловался на питание, говорил, что оно отвратительно, что я не помню, когда ел что-нибудь, кроме «йойо» *, а самое главное — полицейские уписывали у меня на глазах нормальную пищу, и, хоть ее и не назывешь королевской, все же я исходил слюной от зависти.

Так или иначе, а после визитов Мерино мое положение улучшилось. Фараоны теперь разговаривали со мной и иногда даже выражали сочувствие. До медового месяца было, разумеется, далеко: наши отношения по-прежнему оставались взаимоотношениями врагов, но в силу определенных обстоятельств они на какое-то время улучшились.

Поскольку полковник исчез, так и не решив проблему наручников и питания, я решил попытаться добиться чего-нибудь своими собственными силами. Начал я с охранников, находившихся непосредственно при мне. Иногда надзирателей ставили прямо ко мне в камеру, и у меня, естественно, были время и возможность, чтобы поговорить с ними. Двое полицейских, которые чаще всего охраняли меня, были отъявленными мошенниками, но вместе с тем людьми впечатлительными. Одного — худощавого, молодого, напускавшего на себя суровость — прозвали Цыпленок, другого — лет сорока, неприветливого — Капитан Подозрительность. Цыпленок был характером помягче, и я начал с него.

---

* «Йойо» — тюремная пайка. — *Прим. перво.*

Однажды, когда он уминал у меня на глазах свой обед, я не выдержал и попросил поделиться со мной, потому что «йойо» уже не лезло в горло. Он неотреагировал. Тогда я посоветовал ему хорошенько подумать, потому что политическая обстановка в стране не сегодня завтра может измениться, его начальники не дураки и неспроста без конца приходят ко мне беседовать, поэтому пусть он не удивляется, если в один прекрасный день его начальником стану я. «Тогда уж я припомню, как вы, Цыпленок, обращались со мной, и устрою вам такую жизнь, что чертям станет тошно. Тогда вы узнаете, почему фунт лиха». С тех пор Цыпленок постоянно делился со мной, а иногда угощал даже хлебом с сыром или фасолью и молочными карамельками. Капитан Подозрительность стал делиться со мной сам, может, по совету Цыпленка.

Аппетит мой после таких успехов разгорелся еще больше. Однажды в субботу, когда полицейские получали зарплату и, считая денежки, проходили мимо моей камеры, я окликнул своего знакомого надзирателя Чебито из Гуайабалы и, когда он подошел ко мне, посмотрел на него в упор и сказал: «Чебито, уроните полтинничек, иначе ваша зарплата вам пойдет не впрок: вы либо потеряете ее, либо не сможете купить на нее и кукурузной лепешки. Поверьте, я знаю, что говорю. Дайте мне 50 сентаво ради вашего же блага». Угроза подействовала, и Чебито дал мне полтинник. Следует сказать, что, с тех пор как я остался жив после расстрела, я прослыл среди полицейских и шпиков колдуном. Поскольку все они были выходцами из крестьян и постоянно имели дело с проходимцами, то были необычайно суеверны.

Случались и другие, менее важные события, которые закрепили за мной славу колдуна. За несколько дней до случая с Чебито, например, я попросил 10 сентаво у другого охранника (не помню уж, как его звали), в обязанности которого входило кормить оленя полковника Линареса. Этот надзиратель разводил во дворе разные овощи. Я сказал ему в шутку, что если он не даст мне 10 сентаво, то у него засохнет артишок — предмет его гордости. Он, разумеется, послал меня подальше. И представьте себе, растение засохло! Что произошло, не знаю, ведь этот тип поливал его каждый день, но только слава о моих колдовских чарах стала еще более громкой. Иначе говоря, Чебито бросил мне 50 сентаво не просто так.

С тех пор все полицейские и служащие уголовного отделения выделяли мне из зарплаты песеты и полтинники. Они утверждали, что, когда делились со мной, у них всегда на все хватало денег. Объясняли они это обстоятельство моим союзом с дьяволом и колдовской силой, которая помогала мне творить зло врагам и добро друзьям. Слава богу, что никто не заподозрил

меня в причастности к неожиданной смерти полковника Линареса, иначе мне не помог бы сам святой Аточа.

Вот так у меня появились деньги: теперь я мог даже заказывать себе еду в городе или подкупить того или иного вновь прибывшего вора, чтобы с его помощью укрепить сеть своих контактов с семьей. Узнав из моих записок об этих новостях, сестра с еще большей настойчивостью стала добиваться моего освобождения. Однако полиция и правительство по-прежнему отрицали факт моего задержания, даже несмотря на то, что различные организации и друзья непрерывно слали ходатайства о предоставлении мне права на юридическую защиту.

Иногда, под давлением моих друзей и родственников, судебные исполнители проявляли какое-то старание и ходили по камерам, разыскивая меня, но все было тщетно: тюремщики стали еще осторожнее и прятали меня еще тщательнее. Однажды судебный инспектор пришел раньше, чем ожидалось, и спрятать меня в камерах для пыток в подвале времени не было, поэтому меня засунули в потухшую печь на кухне, где я четыре часа кряду глотал пепел.

Вскоре появились и другие новые моменты. Приток заключенных был в те дни очень интенсивным, причем публика поступала довольно разношерстная. Новые социальные противоречия, всплывшие уже в условиях «кладбищенского мира», установившегося в результате массовых кровавых расправ, обнаружались со всей остротой и порождали конфликты, в результате которых и появлялось огромное количество заключенных. Перед моими глазами проходили крупные контрабандисты, расхитители, мошенники, оппозиционеры режиму, заговорщики и прочие люди, которые избавляли меня от тягучего однообразия длительного заключения. Помню, как привели дона Хорхе Рестрепо — важного господина, представителя крупной буржуазии, заплаканного, аккуратненько одетого, в белых туфлях. Он был замешан в спекуляциях с корицей.

Вспоминаю также, как в камеры на другой стороне, поодаль от моей, привели группу офицеров кавалерии, которые обвинялись в организации заговора против Маргинеса. Главарем заговорщиков был генерал Антонио Кастаньеда. Туда же бросили и нескольких молодых офицеров, сторонников генерала Кларамонта — претендента на пост президента республики. Приводили, разумеется, и студентов, но они, как правило, в камерах не задерживались. Их доставляли днем, ночью как следует били, а на следующий день выгоняли совершенно избитых в Гондурас или Гватемалу.

Я пытался установить с новыми заключенными контакт, чтобы хоть как-то поднять их моральный дух, а заодно и сообщ-

щить о своем местопребывании в надежде на то, что по выходе из тюрьмы они расскажут обо мне. Так мне удалось отправить письмо журналисту-гватемальцу Мартинесу — в высшей степени порядочному человеку, — который возглавлял литературный журнал «Сипактли», названный по имени индейской принцессы времен Атлакаты, и которого арестовали (Мартинеса, разумеется, а не Атлакату), потому что одна из его статей пришлась диктатору не по вкусу. Заметив, что он грустит, я послал ему ободряющую записку. Как видите, были тогда среди нас даже иностранные журналисты.

Особенно запомнился мне один кубинский узник — член организации «Молодая Куба», который в течение нескольких недель находился в камере напротив моей, закованный в наручники. Это был элегантный высокий мужчина, державшийся с полицейскими очень гордо, независимо и даже надменно.

Полицейские жаловались, что он «посылал их к ...», и стограла от желания как следует отходить его. Однажды я увидел его грустным и подавленным, мне стало жаль его, и через одного вора, который в тот день разносил «ййой», я, стараясь ободрить его, передал ему записку, текст которой прекрасно помню до сих пор. Это придало ему силы, и он воспрянул. Наши камеры были расположены таким образом, что видеть его мог только я, и я с интересом наблюдал, как с того момента он, даже когда ел «ййой», что-то насвистывал и мурлыкал про себя. Его посетили журналисты и взяли интервью, но я так и не знаю, было ли оно когда-нибудь где-нибудь опубликовано. Однажды его привели и снова увели куда-то, и с тех пор я никогда больше не видел его.

Был канун олимпиады стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Погода стояла чудесная, безоблачное небо отливало голубизной. Фараоны ходили довольные и благоухали душистым мылом и тальком. Поскольку иногда я читал им стихи, они прозвали меня «поэтом» — одни в насмешку, другие с уважением.

Неожиданно у меня обострилась болезнь желудка, начались страшные боли и постоянная рвота. Организм ничего не принимал, и я начал чахнуть. Я сообщил сестрам, что умираю. Сестры встретились с адвокатом Чино Пинто, очень известным потому, что он сломал себе ногу, когда первый в истории Сальвадора прыгнул с парашютом, а также потому, что дошел пешком до Панамы, и потому, что пил шампанское в клетке со львами в цирке Атайде, чтобы собрать деньги для благотворительных целей.

Так этот самый Чино Пинто, антикоммунист и болтун, по-

мог-таки некоторым товарищам в тяжелые времена массовых расправ. Пинто направил в Верховный суд ходатайство о немедленном предоставлении мне юридической защиты, однако старый ублюдок Гомес Сарате, не моргнув глазом, заявил, что я погиб в 1932 году и что поэтому дело мое считается закрытым.

У нас в партии есть порядочные адвокаты — настоящие члены партии, защищающие права трудящихся. Но то, что самые бесстыжие люди водятся именно среди адвокатов, — непреложная истина. Я уверен, что именно Гомес Сарате информировал полицию о ходатайствах и прошениях, ибо всякий раз, когда поступало очередное ходатайство, наблюдение за мной сразу же ужесточалось.

6 ноября 1935 года я чуть не умер от болей в желудке: можете представить себе, что это была за боль, если я до сих пор точно помню дату! Мне дали касторового масла, и целый день я ничего не брал в рот. Вот тогда-то я и призадумался. Вышло, что правительство не так уж и стремилось убить меня. Оно, по-видимому, хотело просто сгноить меня в тюрьме, продержав там как можно дольше, отбить у меня всякую охоту заниматься политической деятельностью. В таком случае надо было попробовать прибегнуть к голодовке, одновременно активизировав усилия родственников и друзей. Может, тогда меня переведут из одиночки в общую камеру и начнут судебное разбирательство, что позволило бы мне видаться с родственниками, работать в мастерских тюрьмы и попытаться бежать. А может, даже освободят!

После слабительного мне стало значительно легче, и я решил накопить побольше сил перед голодовкой. Четыре дня — 8, 9, 10 и 11 ноября — я старался есть как можно лучше. Карандашом, который был у меня припрятан, я написал несколько идентичных записок, где извещал о начале голодовки, объяснял ее причины и цели, описывая условия своего содержания, и излагал свои требования.

Одна записка предназначалась начальнику полицейского управления полковнику Мерино Росалесу. Другая — моим родственникам, для того чтобы они могли поднять шум и оказать мне конкретную помощь. Третья — арестованным партийным товарищам в другом отделении тюрьмы, чтобы уведомить их, что я добиваюсь и их освобождения. Четвертая — секретарю полицейского управления, выказавшему мне уважение: я надеялся, что в случае провала моей попытки он распространит текст записки. И наконец, пятую записку я засунул в отверстие в стене камеры для человека, которого укажет судьба.

12 ноября Крусито — полицейский, который принимал участие в моем задержании, — принес мне обед. Видя, что я не

беру «йойо», он спросил: «Вы что, не хотите сегодня обедать, Карранса?» «Меня зовут Мигель Мармоль, и сегодня, 12 ноября 1935 года, я объявляю голодовку, чтобы добиться своего освобождения и освобождения моих товарищей или же умереть. Доложите, пожалуйста, об этом своему начальнику», — ответил я. Крусито унес обед и вызвал майора Маррокина, заместителя начальника полицейского управления, которому я и подал записку, предназначавшуюся для Мерино. Маррокин обещал передать ее начальнику. Через пару часов пришли несколько полицейских и досками заколотили дверь моей камеры, чтобы никто не видел меня, и я оказался в полной темноте и изоляции. Я лег на кровать, полный решимости начать новый этап борьбы, — борьбы с самим собой, с тюремщиками независимо от должности и звания. Два дня — 12 и 13 ноября — я не ел абсолютно ничего, даже не пил воды.

Я страшно ослаб, чувствовал себя совершенно разбитым, силы окончательно оставили меня, и на третий день голодовки я походил на жалкий труп. Меня вытащили во двор, на солнце, и положили на топчан. Вот тогда-то и произошел один очень забавный случай.

После того как увели оленя полковника Линареса, подарили олениху майору Маррокину, причем такую же дикую. Он назвал ее Чита. И пока не приспело время пустить ее на жаркое, Читу держали во дворе. Она была крупнее и свирепее оленя Линареса. Я знал, что однажды она так треснула копытом в грудь одного фараона, который принес ей корм, что его полуживого тут же уволокли в больницу.

Это животное, увидев, что меня вытащили во двор, просто взбесилось и вскоре, порвав привязь, свирепо подлетело ко мне. В голове промелькнула мысль: «С такими рогами и копытами эта зверюга выпустит из меня дух». Даже полицейские, видя мою полную беспомощность, и те сжалились надо мной и бросились на помощь. Но, к изумлению всех и моему собственному, олениха вдруг остановилась как вкопанная и принялась лизать мои руки, обнюхивать меня, а потом, точно собачонка, улеглась рядом.

Фараоны попытались было шутить. «Ну вот и у Каррансы теперь есть дама сердца, — потешались они. — Чита влюбилась в него». Но краем глаза я видел, как некоторые крестились и шептали молитвы.

Этим дело, однако, не кончилось. Когда пришли, чтобы унести меня в камеру, Чита снова взбесилась, окончательно ошалев: взвивалась на дыбы, брыкалась, и, хотя ее умирили, она все же прорвалась к дверям моей камеры и начала неистово колотить в доски, свирепо храпела и еще долго обнюхивала щели. «Или этот Карранса действительно состоит в

«союзе с дьяволом, или он сын божий», — шептались фараоны. Интересно, что стало с Читой, куда ее, проказницу, уpekли.

Прошло еще три дня. Я только пил воду, несколько глотков в день, и был на краю смерти. То и дело я терял сознание, но понимал, что отступать нельзя. Надзиратели упрекали меня, называли сумасшедшим и предлагали изысканные блюда: цыплят, бифштексы. Больше всего изводила меня рвота, сильнейшая рвота, которая выворачивала пустой желудок наизнанку.

17 ноября меня снова вытащили во двор, на солнце, и хотели уложить на топчане, но я, желая бросить вызов и показать, что со мной еще не кончено, сел на стул. Из своей камеры генерал Кастаньеда делал мне какие-то знаки и ногтями толстых пальцев (так делают в Сальвадоре) тайно аплодировал мне. С помощью других жестов он говорил мне: «Покажи им, приятель! Bravo!»

Днем меня навестил начальник полицейского управления полковник Мерино Росалес. Он был в высшей степени любезен со мной, говорил мягко, по-отечески: «Друг мой, я пришел просить вас не отказываться от пищи. Зачем убивать себя? Я пришел заверить, что вас освободят. Но сначала вы должны прекратить эту никому не нужную голодовку». «А где гарантия, полковник, что это обещание будет выполнено?» — спросил я голосом дистрофика. «Если вы не верите моему слову, — ответил полковник, — какие еще доказательства вам нужны?» «Я хочу видеть свою семью». «Это нетрудно устроить, — заявил полковник, — но я не хочу, чтобы вас видели в таком состоянии. Поэтому давайте договоримся: вы начнете есть и поправляться, а я немедленно свяжусь с вашей семьей, попрошу их принести одежду, и через 15 дней вы будете на свободе. Слово чести».

Я на минуту задумался и, так как мне очень хотелось верить, сказал: «Хорошо. Надеюсь, вы принадлежите к тем военным, которые отвечают за свои слова. Я согласен. Я буду есть».

Мне принесли приготовленные специально для меня блюда: бычьей печень, цыпленок, голубцы с рисом в листьях чипилина, фруктовый напиток. Начальник надзирателей полковник Гранде вынужден был отобрать у меня часть еды, потому что, объяснил он, мне нельзя есть так много и быстро: может произойти заворот кишок. Доедал я не торопясь, а потом запил все пивом. После этого я проспал без перерыва 24 часа.

Не успел я проснуться, как мне снова принесли еду, и я даже копался, выбирал что лучше, просил что-нибудь повкуснее. «Это унесите, это мне нельзя, — говорил я фараонам, — принесите лучше кусок ананаса, он полезен для желудка».

Однажды мне принесли новое белье, сказав, что его передала семья. Было похоже, что полковник выполнял наш уговор. Три-четыре дня спустя ко мне пришла сестра Корделия. Она расплакалась и сказала, что за эти несколько месяцев я постарел лет на двадцать. Полицейский, сообщивший, что она может повидаться со мной, сказал ей: «В управлении появился старичок, который утверждает, будто он ваш брат».

Я и в самом деле сильно поседел, кожа на лице обвисла и пожелтела. Но мне хотелось успокоить сестру, заверить, что худшее позади, что не сегодня завтра меня освободят. Но шли дни и ничего не менялось. По прошествии 15 дней я написал письмо полковнику Мерино, в котором, напомнив о нашем уговоре, отметил, что, хотя я прекрасно понимаю, что против моего освобождения возражает его вышестоящий начальник, то есть президент республики, я все же требую выполнить данное мне слово чести. Мерино ничего не сообщил мне о получении письма, но велел передать, что я должен набраться терпения и ждать, что все уладится.

Полицейский, вручивший мое письмо Мерино, рассказывал мне позже, что, прочитав его, полковник заметил: «Этот Мармоль не дурак, сразу понял, что это мой генерал Мартинес водит его за нос». 7 января 1936 года я узнал радостную весть: освободили всех коммунистов. Меня же — дудки. Прошло еще 15 дней, и меня охватило отчаяние. 21 января я направил полковнику Мерино еще одно письмо, сообщив дату начала новой голодовки.

После визита моей сестры никто больше не посещал меня. Во второй половине 21 января меня вывели из камеры, выдали мыло и велели помыться. У меня попросили башмаки и, пока я купался, до блеска надраили их — прежде мои башмаки даже не подозревали о существовании гуталина. Затем мне приказали одеться во все новое, так как ко мне должны были прийти. Но когда меня спросили: «Карранса, вы оставите эти вещи здесь, под кроватью, нам в наследство или возьмете с собой?» — я чуть не сошел с ума от радостной надежды. Все мое наследство состояло из глиняной кружки без ручки, из которой я пил кофе, котелка, ложки, драной рубахи и штанов. В пять часов дня с меня наконец сняли наручники. Я пробыл в них 14 месяцев. Мне сказали, что сеньор начальник полицейского управления ждет меня в своем кабинете.

Полковник Мерино действительно ожидал меня. Когда мы остались вдвоем, он предложил мне сесть и весьма любезным тоном сообщил: «Ну вот, дорогой друг, вы и свободны, можете возвращаться домой, в семью. Я сдержал свое слово, хотя и с некоторым опозданием. Я хотел добиться, чтобы ваша свобода не была ограничена какими-либо условиями, но это, к сожалению, от меня не зависит. Итак, правительство отпускает вас

на свободу, но требует выполнения определенных условий. Прежде всего, вы должны оставаться в Сан-Сальвадоре. Вы не имеете права покидать город. Каждую субботу во второй половине дня вы обязаны являться сюда, в полицейское управление, для отметки. Невыполнение этих требований влечет за собой аннулирование вашей свободы. Ваши товарищи, которые были освобождены раньше, обязаны выполнять такие же условия. Если вы будете соблюдать их, я могу официально заверить вас: до тех пор, пока я буду находиться на посту начальника полицейского управления, ваша свобода гарантирована».

Я сказал, что согласен с этими условиями, и добавил: «Со своей стороны могу обещать, что, пока начальником управления будете вы, я буду вести себя тихо. После этого я ни за что не ручаюсь». «Прекрасно, друг мой,— сказал Мерино,— договорились». Я вышел из кабинета навстречу «свободе» — навстречу новой тюрьме, только более просторной и более многочисленной.

Глава X

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ДИКТАТУРЫ

Свобода не принесла мне облегчения: положение в семье было ужасное, беспросветная нужда высасывала из моих близких последние соки. Моя сестра Корделия жила в какой-то развалюхе, ее муж целый год сидел без работы, а дети были разуты и раздеты. Другая сестра вообще была больна. Моя жена и дети, точно загнанные волки, сидели в Сан-Мартине у родственников, питались когда и как придется и терпели бесконечные лишения. Никто не хотел связываться со мной и принимать меня на работу, потому что за мной открыто и неотступно следовал «хвост»: полицейские сопровождали меня даже в туалет. Друзья куда-то запропастились, они были бедны и тоже сидели без работы и боялись, как бы я не попросил у них денег или не нагрнул в гости, на обед. Больше всего, однако, меня возмутило то, что некоторые товарищи по партии стали строить предположения об «истинных» причинах моего неожиданного освобождения, то есть просто подозревали меня.

Освобожденные ранее были вне подозрений, ибо находились в тюрьме все вместе и каждый мог засвидетельствовать поведение другого. Меня же всячески травили и изводили. Я чувствовал себя потеряннным, мной овладело отчаяние и появилось желание повеситься на первом же дереве. К тому же жена настаивала, чтобы мы жили вместе, несмотря на такой голод. Я не мог смотреть спокойно на своих детей: голодных, холодных, одетых в лохмотья и беспрестанно страдающих от болезней. Однако совместная жизнь означала для нас бродяжничество: мы спали в подворотнях, в подъездах, хотя благодаря этому какой-нибудь старый приятель, скажем Николас Чинчилья или Хесус Менхивар, пускали нас иногда к себе домой, где мы могли переспать на полу.

А однажды нам даже удалось получить у одного ростовщика под «небольшой процент», не помню уж точно какой, кредит в несколько песо. На эти деньги мы купили в Сан-Мартине мяса, чтобы перепродать его в Сан-Сальвадоре. Мы приобрели в рассрочку большую корзину, которую я взваливал на плечи, и вместе с женой ходили по улицам, и она зазывала покупателей.

Но гонения со стороны полиции не прекращались ни на минуту, и наша затея провалилась, потому что полицейские разгоняли клиентов. Я пытался было протестовать, напомнив обещания, данные полковником Мерино, но все оставалось по-прежнему: на один день преследования ослабевали, а затем возобновлялись с новой силой.

Наконец мне удалось получить работу в новой мастерской в Сан-Себастьяне, где меня никто не знал, но через неделю к хозяину наведались представители судебных властей, и я был тут же уволен. Тогда в приступе гнева и бессилия я написал письмо диктатору Мартинесу, заявив, что моя свобода — настоящий фарс, что меня лишают возможности заработать на пропитание своей семьи, что это настоящее беззаконие и лучше пусть меня снова упрячут в тюрьму или расстреляют.

Каково же было мое удивление, когда Мартинес без промедлений ответил на мое послание. Вместе с разъяснениями он прислал свою визитную карточку, чтобы я мог обратиться к военному министру генералу Андресу Игнасио Менендесу. В визитке Менендесу давалось указание предоставить мне заказ на поставку обуви для армии и обеспечить необходимые условия для его выполнения. Я сразу разгадал суть этого трюка: меня подвергали гонениям и преследованиям, чтобы довести до отчаяния и вынудить сотрудничать с режимом. Я отнес карточку в министерство и заявил, что отказываюсь от предложения, ибо у меня нет средств производства. К счастью, мне удалось получить работу в одной сапожной мастерской в Санта-Текле. Я не только шил, но и продавал обувь.

Полиция не очень допекала меня, потому что фараоны убедились, что я не занимался никакой политической пропагандой. И поскольку нет такой беды, которая длилась бы сто лет, равно как и нет хребта, способного выдержать такую нагрузку, мои дела в конце концов пошли на лад. Устроилась на работу жена, сестра бойко торговала сыром, и черные дни миновали. Но и счастье не бывает долговечным: на того, кто упал, и собаки мочатся. Жену как подменили: она больше не слушала меня и могла днями не разговаривать со мной. Это была совершенно другая женщина — развязная, чужая, она позволяла себе абсолютно не свойственные ей выходки.

И вот в один прекрасный день она заявила, что я надоел ей. У нее, по-видимому, появилась новая пассия. Я попытался оставить себе хотя бы детей, но все напрасно. Мы расстались. Я был разбит, подавлен, превратился в неврастеника. Я потерял вкус к еде, хотя и был вечно голоден, люди раздражали меня и казались враждебными. Вновь появилась мысль о самоубийстве. Да, изолированный из-за ложных подозрений от партии, оставленный женой в момент, когда жизнь начала понемногу налаживаться, преследуемый полицией, одинокий и подавленный, я

решил покончить с собой и положить таким образом конец мучениям. Но даже в эти минуты полного отчаяния во мне еще теплился огонек надежды, что-то удерживало меня, подсказывало, что все еще может измениться к лучшему, ибо хуже было некуда. На мою беду у меня под рукой не было никакой революционной литературы, которая придала бы мне силы. Единственное, что поддерживало меня, — это воспоминания о борьбе, о недавнем прошлом, когда, находясь в гуще рабочих и крестьян, я ощущал свою полезность, видел, что они доверяют мне. И я понял, что жизнь не принадлежит мне, что я не имею права уходить из нее, как бы ни были неблагоприятны ко мне судьба или люди. А иначе надо было шевельнуться, показать, что я жив, еще тогда, когда меня расстреливали, и я бы получил свою спасительную пулю. Но если я столько выдержал, то какого же черта должен кончать с собой сейчас? Так постепенно я взял себя в руки и постарался забыть то, что был не в силах изменить, в частности разрыв с женой.

Работал я мало, только для того, чтобы прокормиться, никаких грандиозных планов не строил. Как-то раз одна девчущка заказала мне дешевенькие сандалии: денег у нее было всего полтора колона. Я изловчился и сделал, затратив на них минимум материала и максимум изобретательности. Девушка осталась необычайно довольна и предложила сделать еще несколько пар для своих подруг. Затея удалась: сандалии имели большой успех. Пришлось полностью переключиться на сандалии и даже договориться с одним негром по имени Хосе, чтобы он сбывал мою продукцию, пока сам я работаю в мастерской. Появились деньги, и я смог снять комнату и оплачивать услуги Хосе.

Сестра, у которой торговля сыром процветала, одолжила мне денег на приобретение небольшой мастерской. Мы усовершенствовали сандалии и стали делать несколько моделей. В условиях всеобщей нищеты и высоких цен на обувь наши сандалии шли нарасхват, точно вода в пустыне. По прошествии нескольких недель я заработал уже столько, что смог расширить дело, получить необходимые кредиты, и вскоре моя мастерская уже приносила больше доходов, чем сыроваренное дело сестры.

Через два месяца после расширения предприятия у меня в мастерской уже насчитывалось двадцать пять рабочих и пять продавцов, в том числе несколько членов партии, в частности Исмаэль Эрнандес и Педро Соса, которые раньше нищенствовали так же, как и я.

Мастерская наша была заведением весьма своеобразным. Чтобы противостоять нужде, мы в целях экономии сообща готовили еду, сообща покупали одежду, так получалось дешевле. Мы установили такой режим жизни и работы, который позволял нам совместно добиваться успехов и готовиться к неожиданным

поворотам судьбы. Мы установили сухой закон, и пьянство каралось изгнанием из коллектива.

Мы совершали совместные прогулки на реки, озера и пляжи и даже занялись изучением социальных проблем. Все это требовало, разумеется, исключительной осторожности, поскольку мы опасались проникновения в нашу среду полицейских агентов. И наши опасения не были напрасными, ибо, несмотря на все меры предосторожности, меня не раз вызывали в полицию и предупреждали, поскольку я-де «опять взялся за старое» и пытался вновь сколотить организацию коммунистического толка.

В конце концов мне удалось выйти из тех людей из партии, кто уцелел. Через мою семью установил со мной связь член партии Фидель Гутьеррес, один очень бедный студент. Он сообщил мне о существовании организационной группы коммунистов, в которую входили, в частности, Алехандро Дагоберто Маррокин, Хулио Фаусто Фернандес и Ампаро Касамалуапа — все трое представители интеллигенции.

Те немногие коммунисты, которые остались в живых, сумели привлечь в свои ряды новых членов, установить связь со студенческим движением и даже организовать кампании протеста против режима. Гутьеррес рассказал мне, что в дни выхода из тюрьмы последних заключенных-коммунистов, и даже в день моего освобождения, намечалось провести в столице пропагандистскую кампанию, но в последний момент передумали, чтобы не компрометировать нас.

Самым способным в партии был в то время Дагоберто Маррокин, недавно вернувшийся из Буэнос-Айреса, где он прошел хорошую политическую школу, находясь в рядах Коммунистической партии Аргентины. Я выразил желание установить с ним связь, чтобы проинформировать о своей деятельности после 1932 года: ведь с тех пор никто не заслушивал меня — и это лишь усугубляло мое положение. Говоря о партийной работе по возвращении в Сан-Сальвадор в 1933 году, когда я установил связь с группой, признававшейся в качестве руководства партии, следует иметь в виду, что речь шла о чисто личных контактах. Ни одного заседания, на котором была бы проанализирована деятельность партии за прошедший период и разработаны рекомендации для преодоления недостатков в будущем, проведено не было.

За время моего пребывания в тюрьме положение в стране и в партии очень изменилось. К этому времени, например, уже существовала группа представителей интеллигенции, которые получили университетское образование и были знакомы с марксизмом. Раньше же единственным интеллигентом в партийной организации Сан-Сальвадора был Хулио Фаусто Фернандес.

Первые мои попытки установить контакты успеха не имели.

Фидель Гутьеррес исчез, и я уже принялся было искать новые связи, когда вдруг обнаружил Гутьерреса. И опять я стал добиваться встречи с руководителем, причем только для того, чтобы меня выслушали. Кроме того, я хотел сообщить имена связанных, через которых поддерживал контакты с восточной частью страны: надо было проверить, можно ли было использовать их в тот момент. После долгих колебаний, мучительных сомнений и дискуссий благодаря усилиям тех, кто верил мне, меня пригласили на заседание, первое после выхода на «свободу».

Отправляясь на заседание, я сильно волновался. Нет, не напрасны были все мои страдания и лишения, думал я. Ради этого можно было вынести все. Ведь партия жила, возродившись из пепла и крови! Она доказала, что организация, отстаивающая правое дело, непобедима, несмотря на все ошибки, заблуждения, недостатки, ей не страшен никакой враг. Я не знал тогда ни организационной структуры партии, ни методов вовлечения новых членов: все это не имело никакого значения. Самое главное, что партия жила и действовала. Все остальное зависело от кропотливого повседневного труда, которому мы должны посвятить свою жизнь.

Заседание проходило в просторном доме в районе Сан-Хосе. Присутствовало человек десять, в большинстве своем студенты, люди мне неизвестные: Дагоберто Маррокин, Ампаро Касамалуапа, Антонио Родригес Порт, Фернандо Базилио Кастиельянос, Хулио Фаусто Фернандес и другие. Они горячо обнимали меня и говорили, что мое имя и мои страдания служили источником вдохновения для нового поколения революционеров Сальвадора.

Очень кратко они проинформировали меня о методах организационной работы партии и о намечавшихся мероприятиях. Потом разговор зашел о том, как восстановить связь партии с массами, как вновь вывести народ на улицу. Я сказал, что необходимо признать, что враг нанес нам большой ущерб, что партийный аппарат разрушен и что именно из этого мы и должны исходить в своей работе. «Прежде чем выходить на улицу, необходимо восстановить партийный аппарат, партийное руководство, наладить его работу, активней вовлекать новых членов, памятуя о том, что мы действуем в условиях подполья. Выходить на улицу сейчас — значит дать загнать себя в одну общую камеру или в братскую могилу».

Дагоберто поддержал меня и сумел убедить в моей правоте других. Дагоберто никогда не был яркой личностью, скорее, наоборот: был тихим и осмотрительным. Но он поражал глубиной знаний и в этом отношении был на голову выше всех остальных. Многое из того, что он говорил, противоречило моему опыту, повседневной практике, однако в целом никто не сомневался, что благодаря подготовке, полученной в Аргентине,

Дагоберто, работая в нашей партии, станет со временем опытным, умелым руководителем, на которого вместе с Хулио Фаусто Фернандесом можно будет возложить в высшей степени ответственную задачу — обеспечение идеологической подготовки нового поколения членов партии, которое мы начинали тогда растить.

В качестве первого шага мы составили список товарищей, в том числе бывших членов партии, которых, учитывая их политическую подготовку и моральные качества, можно было вновь привлечь к работе в партии, и сочувствующих и прогрессивно настроенных граждан, с которыми мы могли бы попытаться наладить контакт, чтобы иметь хотя бы общее представление о том, на какие слои мы можем опираться в своей работе. Я представил в этой связи обширную информацию, поскольку знал в стране всех, кто остался в живых, знал, кто и как вел себя в тюрьмах, во время репрессий и т. д.

В свою очередь товарищи проинформировали меня об организациях, созданных за время моего пребывания в тюрьме, о которых я ничего, разумеется, не знал, в частности об организациях, возникших в Санта-Ане. Позднее, несколько лет спустя, когда мелкая буржуазия продемонстрировала свою подлинную, предательскую сущность, эти организации показали, что партия является самым верным и последовательным защитником интересов пролетариата.

Во главе организаций Санта-Аны стояли такие стойкие и самоотверженные борцы — гордость коммунистического движения, как Понсе и Рока, деятельность которых приобрела поистине международный размах и чья жизнь была (и остается даже в старости) примером для новых поколений революционеров Латинской Америки. Дагоберто загорелся неистовым энтузиазмом и после заседания развернул кипучую деятельность. В вопросах реорганизации не было никого и ничего, что ускользнуло бы от его внимания. Иногда он вел себя безрассудно и приходилось сдерживать его. (Сегодня Дагоберто неузнаваем: он превратился в ловкого политика от университетов, в отца многочисленного респектабельного семейства. Его дети не просто буржуа, а высокопоставленные чиновники.) Функции связного между мной и Дагоберто выполняла Ампаро Касамалуапа, ставшая впоследствии его женой. Но, как поется в известном танго, о женщинах лучше не говорить.

Поскольку мы находились под неусыпным наблюдением, то решили не проводить больших собраний и организовали ячейки из трех-четырёх человек. На заседаниях обсуждались преимущественно оперативные вопросы и никакого изучения пространных материалов, никаких разбирательств того, почему товарищ А отбил жену у товарища Б. В целях конспирации и безопасности места встреч определялись заранее, при этом старались

избегать, за исключением крайних случаев, сборов на дому.

Обычно мы встречались у входа на кладбище (в той его части, которая носит такое антидемократическое название, как «Место знаменитостей», хотя следует мимоходом заметить, что там похоронены в основном самые отъявленные подлецы и пройдохи, которых когда-либо рождала сальвадорская земля), в церкви Сретения, в усадьбе «Модело» и в районе пивоваренного завода «Поляр».

Уже через несколько месяцев мы ощутили первые плоды своей работы по реорганизации деятельности партии. Народ Сальвадора — это поистине неисчерпаемый источник революционных кадров, революционный дух у него в крови, он отчаянно смел, живо всем интересуется, особенно политикой, это отважный и оптимистичный народ. Необходимо лишь наметить правильную линию, потому что, если массы пошли за нами, их ничто уже не остановит. И лучшим тому доказательством являются успехи организационной работы партии в массах. И это спустя всего лишь несколько месяцев после самой жестокой за всю историю страны кровавой расправы, в обстановке самого разнузданного террора диктатуры Мартинеса.

Когда была налажена работа руководящего ядра, мне поручили подготовить новый доклад о восстании и причинах его поражения. Подготовился я очень добросовестно: вновь проанализировал все факты, проверил выводы. Но когда я зачитал его на чрезвычайном расширенном заседании, Дагоберто выступил с критикой в мой адрес. Его аргументация, однако, удивила меня. Конечно, его уровень подготовки был значительно выше, чем у любого из нас, его анализ проблем был более глубоким и четким. Что и говорить, он разделал меня под орех, хотя в спорах я отнюдь не ручной голубок.

Дело, однако, в том, что он обвинил руководство партии, возглавившее восстание, в незрелости. Но ведь это равносильно обвинению в том, что человек, скажем, черный или худой. Да, уровень подготовки нашего руководства был невысок, но в этом заключалась объективная закономерность: слабым был и уровень социального развития в стране, и уровень развития буржуазии и армии.

Восстание явилось результатом глубоких противоречий, раздиравших отсталое, полуфеодалное, преступное и несправедливое общество. Да, массы стали жертвой своей неопытности, это верно. Но они в то же время стали жертвой быстро распространявшегося повсюду американского империализма, использовавшего для установления своего господства самые жестокие методы. И обвинять во всем лишь руководство компартии — значит отстаивать субъективную точку зрения, свойст-

венную скорее реакционерам и мелким буржуа, оторванным от действительности интеллигентам, способным задним числом делать весьма глубокомысленные выводы, которые, однако, ни на йоту не продвигают дело вперед. История же требует непрерывного, пусть даже медленного, поступательного движения.

Дагоберто одержал тогда верх. Я лишь защищал себя и партию от чрезмерных нападков, признавая в то же время наши объективные недостатки. Хотя дискуссия перекинулась затем с вопросов прошлого на нашу повседневную работу, на обсуждение проблем организации и методологии, стиля работы и других практических дел, по которым у нас также имелись разногласия, в наших отношениях с Дагоберто образовалась трещина. Сам он был человеком тихим и робким и не осмеливался выступать против меня с открытым забралом, но Ампарито Касамалуапа, его будущая жена, делала это за двоих и всегда добивалась своего.

Я, например, рекомендовал Дагоберто не появляться на заводах и фабриках и не вести пропаганду среди рабочих, ибо он был слишком заметен: то, что он не из рабочей среды, сразу бросалось в глаза. Я считал, что этим должны заниматься такие, как я, рабочие, внешне не отличавшиеся от собравшихся. Кроме того, всех нас беспокоило, что полиция уже обратила внимание на Дагоберто. Так вот Ампарито Касамалуапа расценила это как сектанство, как интриги, с помощью которых я намеревался прибрать к рукам всю работу по привлечению в партию новых членов. Дагоберто пренебрег моим советом, полиции вскоре стали известны его контакты с рабочими, и гонения на него усилились. В довершение всего некто Севальос, жирный негр-полицейский, знавший нас как облупленных, застал нас во время собрания в имении «Модело». Севальос тут же бросился за подкреплением, пришлось спасаться бегством.

Позже, когда мы встретились, Дагоберто сказал, что его вызвали в президентский дворец и дали восемь дней для того, чтобы покинуть страну, предупредив, что в противном случае его жизнь не гарантирована. Он решил уехать в Мексику, хотя не все (в том числе и я) были согласны с этим. В конце концов было решено, что он исчезнет на несколько месяцев, пока не уляжется гнев военных.

Однако Мартинес не удовольствовался отъездом Дагоберто Маррокина, режим взялся за нас не на шутку, и провокации резко участились.

Однажды меня навестил некто Чико Кампос, бывший товарищ по партии (было это, кажется, в начале нового, 1938 года), и сообщил, что Хосе Сентено, который, как я уже говорил, уехал учиться в СССР, а затем остался на Кубе, находится в Сан-Сальвадоре и хочет повидаться со мной. Я попался на эту удочку и попросил привести его на следующий день в церковь

Сретения. На свидание я пришел на полчаса раньше и прождал битый час, но никто не явился. Зато прибыли двое полицейских, которые тщательно обыскали меня.

Несколько дней спустя Кампос вновь объявился у меня. Он всячески извинялся и все недоумевал, куда мог запропаститься Сентено. Я оборвал его и сказал, что обязательно предупрежу Сентено, так как дело пахнет керосином, а сам я не собираюсь лезть в политику ни за какие коврижки. Кампос снова стал убеждать меня принять участие в заговоре, который якобы готовился против правительства. Я опять сказал, что мне на все наплевать, что я хлебнул своего и не хочу ни во что ввязываться. К тому времени я уже знал, что Кампос — полицейский провокатор, так как женщина, стиравшая ему белье, сообщила, что в кармане брюк этого подонка обнаружила пистолетную обойму с клеймом полиции.

Но дело, разумеется, не ограничивалось лишь провокациями, возникали и настоящие заговоры против правительства, ибо в стране существовало широкое недовольство экономическим положением, репрессиями и фашистскими выходками Мартинеса.

Однажды меня навестил Хулио Акоста, который находясь в числе 34 заключенных, когда я сидел в полицейской тюрьме. Я доверял Хулио. Он был зятем товарища Лагоса, коммуниста, расстрелянного по вине матери в 1932 году. Полиция схватила Лагоса в Чалатенанго, но никаких конкретных обвинений предъявить ему не смогла, поскольку Лагос всегда тщательно скрывал свою подпольную деятельность. Приговор ему вынесла родная мать, которая, придя в тюрьму за день до его освобождения, расплакалась и запричитала: «Я же говорила, чтобы ты ни во что не ввязывался».

Так вот Хулио Акоста сообщил, что является участником серьезного заговора против Мартинеса, который организовали высшие офицеры армии, представители интеллигенции, студенты и др. Я знал, что Хулио не новичок в этих делах, в 1932 году я не раз бывал у него дома и вместе с Хулио Фаусто Фернандесом планировал и организовывал различные мероприятия. Похоже, что речь шла о чем-то действительно серьезном. Я решил поприсутствовать, переодевшись, на одной из встреч заговорщиков, которая состоялась в доме Акосты.

В ней участвовало несколько офицеров, которые принесли с собой кое-какое полуавтоматическое и другое оружие. Переворот, утверждали они, будет совершен не ради той или иной партии или идеологии. Его цель — положить конец диктатуре и обеспечить приход к власти демократического, антифашистского правительства. Все было готово, заявили они, дело только за тем, чтобы мы со своей стороны тоже взяли на себя определенные функции. По замыслу офицеров «наши люди» должны были атаковать Главное полицейское управление или убить

полковника Мерино и поджечь несколько зданий в центре Сан-Сальвадора, чтобы посеять панику.

Я выступил против. Мы не могли рисковать кадрами еще только создававшейся партии, горсткой сочувствовавших нам революционеров и другими людьми, бросив их на захват полицейского управления или втянув их в убийство Мерино, что, в общем-то, означало одно и то же, ибо убить Мерино, не захватив управления, было невозможно. У нас не было для этого ни людей, ни оружия, поскольку с тем, что у нас имелось, не захватить даже полицейского участка в Сантьяго-Тексакуангосе. Возражал я и против идеи просто посеять панику среди населения, не имея перед собой четких политических целей.

Признаюсь, что меня отталкивала сама идея соучастия в убийстве Мерино, который, насколько это было возможно, вел себя с нами весьма благородно.

Никакого решения принять тогда не удалось, а через несколько дней Хулио Акоста сообщил, что заговорщиков выдали и Мартинес выслал их в Мексику. Нам, гражданским, удалось избежать репрессий. Похоже, что на офицеров донес кто-то из военных, видевший, как они выкрадывали оружие (на чем их и поймали), но не знавший их контактов. В противном случае не поздоровилось бы и нам.

В другой раз зашел ко мне пиротехник Чакон. «Сегодня Мартинесу наврядли не сдобровать,— заявил он.— Его прикончат в собственном имении, что по дороге в Сакатеколуку». Он сказал также, что знает, где находится склад оружия, которое раздадут народу, как только станет известно о смерти генерала, и вызвался показать мне арсенал.

Я, однако, был начеку: Чакон не вызывал у меня доверия. Я сказал, что ничего не могу решить, пока не узнаю, что среди заговорщиков есть знакомые и надежные люди. «Роблес, из Национального издательства, он один из руководителей. Можешь связаться с ним»,— порекомендовал Чакон. Я навел справки. Оказалось, что это родной брат парикмахера генерала Мартинеса, корчившего из себя нациста и таскавшего под лацканом пиджака или под воротничком рубашки золотую свастику. «Э, дорогой,— сказал я сам себе,— здесь за версту пахнет жареным»,— и отшил Чакона.

Полицейский контроль стал невыносимым, и я обратился к руководству партии с просьбой разрешить мне уехать на несколько месяцев из страны в Мексику, где вместе с Дагоберто я мог бы серьезно заняться своей политической подготовкой. Но поскольку я стоял поперек горла у Ампарито Касамалуапы, она объявила меня предателем, полицейским агентом, заявив, что у меня только одна грязная цель — шпионить за Дагоберто.

Между нами произошла ожесточенная стычка. Дело усугубилось тем, что Кармен, моя бывшая жена, нашла другого мужчину и, пытаясь как-то оправдать себя, сказала Ампарито, что я, по ее мнению, действительно полицейский агент. Ампарито снова разразилась страшным скандалом, и утихомирить ее не было никакой возможности.

Ложь задела меня за живое, и, хотя значительная часть коммунистов-рабочих по-прежнему верила мне и оказывала поддержку, неблагодарность моих хулителей удручала меня, и мне страшно хотелось послать все к чертовой матери. К тому же тон в партии задавало молодое поколение интеллигентов, пришедших из университетов: Тони Вассилиу, Матильде Элена Лопес, Тоньо Диас и другие.

Все они попали под влияние Дагоберто Маррокина и не снисходили до нас, рабочих, прошедших сквозь ад 1932 года, ибо мы, по их мнению, были глупыми, невежественными людьми. Они не видели в нашей деятельности ничего ценного. Отношения между нами натянулись и кончились полным разрывом, отчуждением. Образовалась группа рабочих во главе с Исмаэлем Эрнандесом, Модесто Рамиресом и мной.

Мы решили наладить контакты со старой гвардией, что было расценено интеллигентами как раскольническая деятельность, они обвинили во всем меня — главного закоперщика, они даже стали называть рабочую часть партии «мармолистской фракцией». Кончилось тем, что меня вызвали на заседание, состоявшееся в районе Ла-Эсперанса, и потребовали разъяснить мое отношение к партии. На заседании, помнится, присутствовали Ампарито Касамалуапа, Тоньо Диас, Тони Вассилиу, Карлос Альварардо, Мануэль Гонсалес и другие. Заседание превратилось в настоящее судилище. Меня допрашивали, требовали сведения об организации крестьянского движения, о котором они не имели ни малейшего представления и которое, кстати сказать, практически топталось последние несколько лет на месте. От меня требовали отчета о заседаниях, проведенных без ведома руководства, и т. д. и т. п. В довершение всего меня обвинили во фракционной деятельности.

Я в свою очередь сказал, что наша работа организована плохо и ведется нерегулярно, что у нас нет устава, программы, положений, регулирующих поведение членов партии, что у нас не созываются съезды партии, что руководство партии было сформировано в чрезвычайных обстоятельствах и весьма произвольно.

Формально я по-прежнему считался членом ЦК, но ЦК бездействовал, в его составе были люди, которых я даже не знал. Тони Вассилиу попытался ответить мне по существу, другие же хотели просто поднять меня на смех. Кто-то заметил, что пора бы покончить с разногласиями и начать эффективную совмест-

ную деятельность, как и подобает партии, претендующей на роль авангарда рабочего класса и народа Сальвадора.

Но тут вновь вмешалась Ампарито Касамалуапа и своим бешеным, ядовитым выступлением разрушила вочарившийся было мир. Она заявила, что меня вызвали не для обсуждения вопросов организации или политики партии, а для того, чтобы я четко и ясно сказал, являюсь ли полицейским провокатором. «Лично я нисколько в этом не сомневаюсь», — закончила она свое выступление. Стараясь сдержать негодование, я сказал: «Я потерял мать, потому что, борясь за дело трудящихся, не имел ни времени, ни возможности помочь ей; я всегда жил в нищете и из-за этого потерял жену и детей; мне выпала честь есть хлеб русских трудящихся; я проливал кровь и томился в самых страшных тюрьмах — так как же я могу быть предателем? Если у кого-либо есть против меня конкретные обвинения, пусть предъявит их. Но я хочу сказать лишь одно: если бы вы были уверены, что я полицейский агент, если бы не были убеждены, что при всех моих недостатках и ошибках я был и остаюсь членом нашей партии, вы не пригласили бы меня сюда».

Некоторые стали критиковать Ампарито за форму и тон ее выступления, но поправить уже ничего было нельзя. Коммунистическое движение Сальвадора оказалось расколотым на три независимые друг от друга группы. Во главе одной стоял Тоньо Диас (не врач, а рабочий). Другие сгруппировались вокруг Ампарито Касамалуапы. И третья группа — наша, которую окрестили «мармолистской».

Такое положение сохранялось многие месяцы. Нас, рабочих, очень беспокоило отсутствие единства, ибо мы считали его основным условием существования подлинной коммунистической партии в стране. К тому же ни одна группа не смогла укрепить настолько, чтобы утвердить в партии свою линию и привлечь на свою сторону остальных. Но время брало свое, и люди все яснее понимали, что распространение фашизма в мире властно диктовало необходимость единства всех революционных сил, преодоления нашей отсталости и инфантилизма. Процесс этот отнюдь не был гладким. Было немало вывихов и сбоев, о которых я до сих пор не могу вспоминать без возмущения.

Однажды мы направили с сыном дона Бенхамина Сиснероса, типографского рабочего и члена партии, который вместе с группой американских трудящихся совершил поездку в СССР и должен был посетить Мексику, сообщение в адрес компартии Мексики, в котором информировали о положении дел в собственной партии. Мы просили помощи и совета. Руководство Мексиканской компартии передало через Сиснероса послание каждой из упомянутых групп, призывая к объединению всех разрозненных коммунистов Сальвадора. Наиболее организованной и активной была в то время наша группа, однако право

называться сальвадорской коммунистической партией присвоила себе группа Ампарито. Тем не менее часть членов этой группы вышла из ее состава и примкнула к нам.

Однажды мы договорились с группой Диаса организовать общими силами забастовку в имении «Сан-Бенито». Забастовка, однако, не состоялась, так как хозяева пошли на уступки. Тоньо Диас был арестован полицией по обвинению в подготовке манифеста, озаглавленного «О всеобъемлющей демократии». Дело в том, что черновик манифеста попал в руки полиции и там по почерку установили его автора. Следует сказать, что по прошествии нескольких лет, когда Тоньо был уже вне партии, он обвинил коммунистов, в частности, в том, что «мармолисты» выдали его тогда полиции, стремясь разделаться с оппозицией и не мытьем, так катаньем захватить руководство в партии.

Группа Ампарито не спускала в то время с меня глаз, причем следить за мной было поручено людям, которые работают в партии и по сей день и с которыми у меня существовали тогда хорошие отношения. Скажем, Педро Гранде. Он ходил за мной по пятам и в конце концов убедился в моей порядочности.

Стал наведываться ко мне и Тони Вассилиу, но он действительно руководствовался стремлением к единству. Помнится, он принес набросок крестьянского манифеста и спросил мое мнение. Мне не понравился один пункт, который показался провокационным. Тони согласился со мной, но по независимым от него причинам манифест появился в первоначальном варианте, с экстремистскими формулировками.

Результаты не замедлили сказаться: семь крестьян было арестовано. У них нашли манифест, и их пригнали пешком из Сан-Мигеля в Сан-Сальвадор. Я отправился ходатайствовать за них в полицию. В день, когда мне надлежало явиться для отметки (требование это я фактически не выполнял и не отмечался в течение многих месяцев), я пришел к майору Маррокину и рассказал о причинах недовольства крестьян. Он подтвердил арест этих семи крестьян и показал конфискованный манифест. Манифест, сказал я, составлен отнюдь не коммунистами, а этих крестьян никто не знает, они совершенно невиновны и с коммунистами никак не связаны. «Манифест свидетельствует лишь о том, что положение в деревне опять становится взрывоопасным,— сказал я Маррокину.— Вы хотите вызвать в народе еще большее недовольство? Вы обращаетесь со страной, как невежды с кустом руты: обрывая его просто так, от нечего делать, они лишь обжигают руки и губят растение. Если же руту использовать в медицинских целях и обрывать с умом, то она становится еще пышнее и исцеляет от недуга. Напрасно вы вымещаете зло на невинных людях, ничто так не возмущает народ, как несправедливость. У этих семи арестованных есть по меньшей мере человек двадцать негодующих родственников, которые привле-

жут на свою сторону сотню других крестьян. Неужели события 1932 года так ничему вас и не научили? Мы, коммунисты, многому научились».

Маррокин вступился за крестьян, им предъявили обвинение в оскорблении полиции и через четыре месяца выпустили на свободу. После освобождения они пришли благодарить меня за помощь.

Между тем вызревали предпосылки для объединения наших разрозненных групп, и в конце концов возникла идея создания в качестве предварительного шага единого центрального комитета, в который вошло бы одинаковое число представителей от всех трех фракций. ЦК должен был возглавить Генеральный секретарь, стоящий на нейтральных позициях. Временно на этот пост был единодушно выдвинут один товарищ из Гондураса, имя которого по соображениям безопасности я называть не стану. Были также согласованы требования для приема в партию новых членов, чтобы воспрепятствовать проникновению в ее ряды чуждых элементов. В состав Секретариата вошел также Виктор Ангуло, ученый-марксист, человек упорный, благородный и весьма одаренный.

Нашу группу представлял Моисес Кастро и Моралес, которого, к сожалению, жестоко преследовала полиция, и это сильно затрудняло его работу. Мы договорились начать совместную деятельность, от чего я был вне себя от радости: это было начало нового этапа, и я уже воспарил было в мечтах.

Вскоре, однако, я понял, сколь глубоко заблуждался: мне по-прежнему не доверяли. На заседаниях в моем присутствии речь шла исключительно о международном положении, о войне, но никак не о планах повседневной деятельности партии. О них я узнавал лишь в момент их осуществления. Я заявил, что коммунисты так не поступают, что они должны быть честными и открытыми, однако мне отвечали что-нибудь невразумительное или просто отмалчивались. Это задевало меня все больше и больше, я оказывался не у дел, и в конце концов меня вообще перестали приглашать на заседания. Это было уже слишком, и процесс отчуждения стал необратимым.

У некоторых товарищей по партии, конечно, были основания подозревать меня. Полицейское управление вновь предписало нам являться для периодической регистрации: каждые пятнадцать дней мы обязаны были приходиться по субботам в полицию, то есть как раз в дни, когда полицейским и осведомителям выдавали зарплату. Сделав соответствующую отметку, майор Маррокин, несмотря на наш неизменный отказ, вызывался развезти нас на своем автомобиле по домам или пригласил выпить пива. Полиция, несомненно, стремилась дискредитировать нас в глазах товарищей. Но ведь партия сама санкционировала

наши визиты в полицию, ибо мы не могли уйти в подполье. Иными словами, мы оказались в заколдованном круге.

Больше всего меня возмущало явное стремление добить «лежачего». Ничто не могло утешить меня, даже испытанное национальное средство, к которому прибегали те, кому не везет: пить, пить до одури, пока не отдашь богу душу. Я никогда не питал пристрастия к алкоголю. В женщинах я тоже не мог искать утешения: обжегшийся на молоке дует на воду. Так что страдать мне пришлось в одиночестве. Этот период, самый мрачный в моей жизни, мне не забыть никогда. Удары врага никогда не страшили меня, он мог поступать со мной как угодно, но был не в состоянии убить меня ни морально, ни политически. Никакие пытки, тюрьмы, расстрелы, угрозы и оскорбления не могли заставить меня просить пощады у классового врага. Напротив, чем сильнее он бил меня, тем сильнее, злее и решительнее я становился.

Но удары и нападки моих собратьев и товарищей поражали меня в самое сердце. Это самые болезненные раны, они оставляют рубцы не на теле, как пули или мачете (этими рубцами я горжусь), а в душе, в психике, и их я прячу подальше от глаз людских.

Мало-помалу я стал успокаиваться: рано или поздно все должно проясниться. Революционеры не раз становились жертвами недоразумений, лжи и происков врага, который стремился сломить их дух. Сколько бы ни продолжалась моя изоляция, я не должен утрачивать веру в правоту революционного дела, в окончательное торжество справедливости, в незыблемость партийных принципов, думал я. И если в силу определенных обстоятельств я не могу вносить вклад в общее дело в рядах партии, я должен изыскать другие пути и средства содействия борьбе сальвадорских трудящихся. Следуя верным путем, я рано или поздно окажусь в одном окопе с подлинными коммунистами и революционерами. Пока же надо использовать свое положение в профсоюзе сапожников, решил я.

Профсоюзное движение страны было встревожено тогда массовой эмиграцией трудящихся Сальвадора в Панаму, в зону канала, где велись работы по расширению военных сооружений в целях обеспечения защиты этого важного, особенно в условиях второй мировой войны, стратегического объекта. Я установил контакты со многими рабочими, которые отбывали в Панаму, и рекомендовал им создавать свои демократические и революционные организации в этой стране, где, несмотря ни на что, политические условия были более благоприятными, нежели в нашей. Я не ограничивался одними советами, а оказывал также практическую помощь. В течение длительного времени я переписывался с несколькими сальвадорскими товарищами,

которые занимались революционной работой среди эмигрантов, давал им практические советы.

Как-то раз я отправился за кожей на кожевенный завод и встретил там товарища по партии, с которым еще поддерживал отношения. От него я узнал, что среди рабочих распространяют листовки с призывом создать в рамках так называемого центра «Социальная реконструкция Сальвадора» организацию обувщиков.

Эту идею, по-видимому, поддерживало правительство, стремившееся превратить центр в придаток официальной партии «Про патриа», организованной Мартинесом в целях обеспечения себе политической поддержки. Центр «Социальная реконструкция Сальвадора» должен был стать зародышем единого профцентра, с помощью которого правительство могло бы держать под своим контролем рабочее движение всей страны. Но самое тревожное было то, что обувщики встретили этот призыв с энтузиазмом; ведь речь шла о создании первого после событий 1932 года профсоюза. Они надеялись, что центр действительно станет организацией рабочих. Как я мог убедиться сам, эта инициатива правительства получила у них широчайшее одобрение, они прямо-таки ликовали.

Я пытался разъяснить товарищам, что правительство стремилось расширить свою социальную базу и держать под контролем рабочее движение страны, заставить его служить интересам господствующих классов. Все было напрасно, никто не слушал меня, в том числе и те, кто ранее находился под сильным влиянием партии. «С паршивой овцы хоть шерсти клок, — говорили они. — Если уж нельзя создать революционную организацию, то надо идти на создание любой, даже официальной организации, а там уж думать, как поставить ее на службу трудящимся».

Ясно было одно: обувщики хотели создать свою организацию даже в рамках «Социальной реконструкции». Я считал своим долгом быть там, где массы, однако во избежание серьезных ошибок решил посоветоваться со своими товарищами Порфирио Уисой, Исмаэлем Эрнандесом и Феликсом Панаменьо, чтобы выработать в отношении будущей организации общую позицию.

Было решено пойти на первое собрание и оценить ситуацию на месте. Такое учредительное, по замыслу авторов, собрание состоялось в Сан-Сальвадоре в воскресенье во второй половине дня в помещении, где теперь находится кинотеатр «Аполо». Когда мы пришли, первое, что бросилось в глаза, был огромный плакат над входом: «Социальная реконструкция Сальвадора». Зал был уже набит битком. На стенах красовались огромные портреты Мартинеса и плакаты с его высказываниями: «Демократия — это любовь», «Труд — долг всех людей».

Работой собрания руководил президиум, который никто не выбирал: члены президиума уселись за стол сами, назвавшись организаторами. Председательствовал Мануэль Эскаланте Рубио, зять Мартинаса. Ему подпевали обувщик-оппортунист Гумерсиндо Рамирес, мой учитель в сапожном деле, и Миханго, полицейский брадобрей, который если и не пытал заключенных, то только потому, что ему не позволяли сами палачи, желания же у него было хоть отбавляй.

Собрание открыл Эскаланте Рубио. Речь его была сплошной демагогией и звучала неубедительно. Он заявил, что группа лиц, обеспокоенных социальными проблемами, обратилась с призывом создать центр «Социальная реконструкция Сальвадора», и прежде всего к обувщикам, поскольку именно они больше других страдают от последствий кризиса, порожденного второй мировой войной.

Это была сущая правда. Поскольку экономика капиталистических стран, и прежде всего Соединенных Штатов Америки, переключилась на удовлетворение нужд войны, это отрицательно сказалось на производстве некоторых товаров потребления. Наша отрасль, работавшая на привозном сырье (дратва, высококачественная кожа, кнопки, гвозди), уже ощутила на себе последствия резкого повышения цен.

К правительству обратились с просьбой принять целый ряд мер, в частности установить контроль над ценами, упорядочить положение в области заработной платы и др. Эскаланте Рубио торжественно объявил, что в связи с расширением возможностей для занятости в Панаме, в том числе для таких ремесел, как сапожное дело, правительство могло бы оказать содействие всем, кто хочет эмигрировать, и гарантировать им лучшие условия жизни и труда, стопроцентную занятость, защиту от возможных злоупотреблений и т. д.

Гумерсиндо сразу же поддержал Эскаланте и с улыбкой пастора-протестанта попросил рабочих высказать свое мнение о предложении правительства, которое, принимая во внимание избыток рабочей силы в этой отрасли, а также узость рынка, предлагает направить часть обувщиков на работу в Панаму, чтобы смягчить конкуренцию среди обувщиков в Сальвадоре. В зале воцарилась глубокая тишина. Я толкнул Исмаэля и шепнул ему на ухо: «Наши товарищи уже начинают расплачиваться за свою доверчивость. Для них это как холодный душ. Хорошо же правительство, если единственное решение проблемы обувщиков оно видит в том, чтобы отправить их за границу!» Гумерсиндо и Миханго продолжали юркнуть и все призывали рабочих высказать свое мнение. Эскаланте Рубио начал нервничать. Он не узнает обувщиков, говорил он, они всегда такие говорливые, а сегодня молчат, будто мыши отгрызли у них языки.

Наконец слово попросил рабочий-обувщик по имени Ви-

сенте (фамилии его не помню). Это был тихий, робкий человек, но он сказал то, чего все мы так ждали: «Мы, обувщики Сальвадора, собрались здесь впервые после 1932 года. Как же мы жили все это время? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно взглянуть на присутствующих: грязные, плохо одетые, некоторые разуты, оборванные, нищие, голодные. Я надеялся, что мы будем обсуждать здесь, как улучшить наше бедственное положение. А нам советуют отправляться в Панаму! Я же считаю, что нам, обувщикам, нечего там делать. Там нужны каменщики, электрики, плотники, механики, водопроводчики, строители. Я человек темный и не умею говорить. Пусть скажут те, кто может, кто знает, как мы живем».

Я попросил слова. Гумерсиндо попытался было воспрепятствовать этому, но собравшиеся, уже на взводе, шумно запротестовали. Я поднялся на подмостки. Раздались аплодисменты. Эскаланте тут же загремел колокольчиком, требуя тишины. Тон моего выступления был умеренным. «Нет сомнения, что идея создания «Реконструкции» является здоровой и заслуживает одобрения, — сказал я, — но она не решает проблемы обувщиков. Кризис, который принесла с собой война в такие отрасли производства, как наша, особенно в таких странах, как Сальвадор, где обувь делается вручную, принял поистине катастрофические масштабы. Совершенно ясно, что наши проблемы может решить только организация самих обувщиков. Поэтому, если правительство действительно готово оказать нам помощь, оно должно предоставить нам прежде всего организационную свободу без какой бы то ни было опеки».

Зал взорвался аплодисментами: я попал в самую точку. Мы не ошиблись: политические и экономические условия в стране были таковы, что позволяли даже в рамках официальной организации проводить революционную работу в массах. Вслед за мной слово взял Порфирио Уиса. Его выступление было более решительным, не столь осторожным. Присутствующих охватил необычайный энтузиазм, в президиуме же царил полная растерянность. Искренне жаль Порфирио Уису, этого когда-то прекрасного оратора. Жаль потому, что со временем он отошел от партии и к старости стал человеком исключительно «благоразумным».

После Уисы выступил Исмаэль Эрнандес. Он был удручен, умолял нас не лезть в это дело, ибо потом не расхлебашь. Я вновь взобрался на подмостки и сказал, что начало созданию свободной организации положено, что правительство должно теперь обеспечить необходимые гарантии и что есть предложение собраться всем в следующее воскресенье, чтобы продолжить работу.

Таким образом «Реконструкция», развенчанная в глазах честных тружеников, умерла, даже не родившись. Какое-то

время она, правда, все же просуществовала, но обмануть уже никого не могла: сомнений относительно ее характера ни у кого не осталось. О силе обувщиков можно судить хотя бы по тому, что на следующее воскресенье никто не осмелился отказать нам в помещении, хотя речь и шла о создании фактически независимой организации.

Народу и энтузиазма было еще больше, чем в первый раз. Потребовалась всего лишь неделя для того, чтобы идея создания независимого профсоюза укоренилась в сознании масс, и уже на втором собрании участники придумали название своей организации: Национальный альянс обувщиков. Предполагалось, что он объединит в своих рядах владельцев мастерских и рабочих, что вовсе не противоречило интересам большинства, поскольку вначале надо было обеспечить интересы всей отрасли, а затем уж добиваться удовлетворения требований самих рабочих.

Тогда же было единодушно избрано руководство профсоюза, причем такая поспешность весьма показательна. Я, как владелец небольшой мастерской, был избран председателем; секретарем по организационным вопросам — Порфирио Уиса, владелец лавчонки; секретарем по вопросам пропаганды — Фелисито Мартинес (Личо), рабочий; секретарем по социальным вопросам — Исмаэль Эрнандес, рабочий; казначеем также был избран рабочий, имени которого я не помню. Участники приняли решение проводить общие собрания каждое воскресенье во второй половине дня. Дело пошло столь успешно, что через два месяца Альянс превратился в общенациональную организацию.

Полиция держалась с нами осторожно: никаких открытых репрессивных мер, хотя представители полиции неизменно присутствовали на всех наших собраниях. Нам гарантировали возможность проведения собраний в помещении «Реконструкции», которая всячески заигрывала с представителями различных профессий, стремясь привлечь их на свою сторону. Эскаланте Рубио и Гумерсиндо поджали хвосты, однако активизировали свои контакты с другими слоями рабочих, стараясь хоть как-то нейтрализовать наше влияние.

Я превратился в лектора и частенько выступал перед обувщиками Сальвадора. В помещении Альянса (то есть «Реконструкции») я рассказывал об истории рабочего движения страны, о периодах его расцвета и упадка. Приходилось проявлять немало изобретательности, чтобы, с одной стороны, не дразнить полицию, а с другой — рассказать товарищам о подлинных традициях движения, о трудностях, стоящих на его пути, о предстоящей борьбе.

Положение в мире резко изменилось, и в нашей стране открывались новые возможности для борьбы; быстрая победа фа-

пизма, на которую уповал Мартинес, оказалась химерой, поэтому он уже начинал заигрывать с американцами. Мы рассказывали трудящимся о перспективах, которые откроет перед мировым пролетариатом разгром фашизма союзническими войсками, и прежде всего на Восточном фронте Красной Армии.

Мы использовали подъем антифашистского движения также для восстановления своих контактов с рабочими других стран. Изменения на международной арене обострили противоречия и внутри самого режима. Вот один лишь пример. В связи с успешной эвакуацией Дюнкерка мы направили через английское посольство приветствие английским трудящимся.

Вскоре из Лондона пришел ответ, в котором от имени короля нам выражалась признательность за солидарность и сообщалось, что премьер-министр направит в дар нашей организации английский флаг. Пронюхав об этом, Эскаланте Рубио попытался устроить дело таким образом, чтобы флаг был вручен не нам, а рабочим, направлявшимся в Панаму («Рукоконструкции» все же удалось завербовать определенную часть рабочих на свою сторону).

Можете представить мое удивление, когда майор Маррокин вызвал меня к себе и сообщил о готовившейся уловке. Маррокин посоветовал нам «задавить» сторонников Рубио «массой» и ни за что не уступить предназначавшийся нам флаг. Что двигало Маррокином? Неизвестно. Известно лишь, что по прошествии некоторого времени Мартинесу пришлось убрать полковника Мерино и майора Маррокина, которых обвинили в приверженности фашизму и в оппозиции американцам. Вполне возможно, что Маррокина мучили иногда угрызения совести: ведь он приходился родственником Серафину Г. Мартинесу, которого расстреляли вместе со мной в 1932 году. Я лично и сейчас считаю, что эти в высшей степени странные поступки были следствием противоречий внутри самого режима, обусловленных борьбой между фашизмом и демократическими силами во всем мире.

В назначенный день английский посол и военный аташе прибыли на церемонию передачи флага нашему профсоюзу, и обувщики, отбывавшие в Панаму, попытались завладеть им. Но так как мы были наготове, то быстро блокировали их, и дело не пошло дальше небольшой возни.

Товарищ же, который принял флаг, очень нервничал, флаг выскользнул у него из рук и свалился на пол. Дипломаты, хотя и прикрылись платочками, все же не смогли скрыть своего раздражения. Тем не менее церемония прошла успешно, и мы продемонстрировали правительству, что у нас были прекрасные отношения с английским посольством. Эскаланте Рубио незамедлительно информировал американское посольство о том, что англичане поддерживают сальвадорских коммунистов.

Наш Альянс выступил с важной инициативой, предложив создать нечто вроде кооператива для оказания помощи наиболее бедным обувщикам и безработным, которых было пруд пруди. Об этом стало известно полиции, и Маррокин немедленно вызвал меня к себе. Он принял меня наедине. Дело нужное, сказал он, поскольку речь идет об оказании помощи нуждающимся, поэтому он тоже хотел бы внести свою лепту. «Я даю в фонд кооператива 500 колонов, без всяких обязательств с вашей стороны, не требуя никаких квитанций и документов — все шито-крыто. Пусть эти деньги пойдут на благо нуждающихся. Если они смогут вернуть их — хорошо, нет — не надо!»

Я понял, что попал в ловушку, хотя всегда держал с полицией ухо остро и избегал подобных сделок. Но тогда речь шла не обо мне как частном лице, а об официальном представителе массовой организации, и приходилось руководствоваться не личными вкусами и симпатиями, а в каждом конкретном случае обстоятельно взвешивать все «за» и «против». Я сказал Маррокину, что не имею права принимать какие-либо деньги, не проконсультировавшись предварительно со своими коллегами, независимо от того, кто дает их и на каких условиях. Я тут же добавил, что, если Исмаэль Эрнандес, Порфирио Уиса и другие руководители профсоюза не возражают, мы возьмем их в качестве займа и оформим все документально. В документе мы укажем, что заем предоставляется на социальные нужды и будет погашаться ежемесячными квотами в размере 30 колонов.

Маррокин не отступал: «К чему такие сложности, когда можно все уладить между собой? Неужели ты боишься подвоха?» Но я тоже не лыком шит. Я сообщил обо всем товарищам, и мы решили принять деньги в качестве займа на условиях, изложенных мною Маррокину. Мои коллеги опасались, что, отказавшись принять деньги, мы дадим правительству повод обвинить нас в пренебрежении интересами масс и могут возникнуть трения. Подписывали документ и получали деньги, которые были распределены среди наиболее нуждавшихся рабочих, Уиса, я и еще пять членов профсоюза. Этот факт, который мы и не скрывали, стал известен руководству партии.

Реакция была в высшей степени отрицательная; меня сурово осудили за то, что я принял подачку от врага, и в какой-то степени упрек был справедливым. И все же неизвестно, как повели бы себя в подобной ситуации мои товарищи, если бы не я, а они стояли во главе массовой организации, если бы работали к тому же в условиях постоянных преследований со стороны полиции. Маррокин, несомненно, готовил опасную ловушку, чреватую самыми серьезными последствиями. Мы, однако, еще не были столь сильны, чтобы пренебречь подобным предложением, ибо тем самым подставили бы себя под удар полиции.

Вместе с тем я не умаляю своей вины и признаю, что, пойдя на подобную сделку, совершил промах, ошибку. Однако это не повод для сомнений в моей порядочности. Если кто и поступил бесчестно, так только Маррокин, который пытался совратить меня. Сам же я не собирался марать свою совесть пятьюстами песо: я для этого слишком горд, слишком уважаю себя, чтобы идти на сделку с врагом и продаваться за тридцать сребреников. Я мог сделать это гораздо раньше, когда был еще молодым, и мне не пришлось бы столько раз рисковать своей жизнью и терпеть бесконечные лишения.

Распространяюсь же я обо всем этом лишь для того, чтобы показать, что в жизни революционера бывают не только героические подвиги, великие битвы, эпические свершения. Очень часто, почти ежедневно, честь коммуниста приходится яростно защищать от скрытых, предательских посягательств, от низких соблазнов и грязных искушений, которые подстерегают его в повседневной жизни. Классовые враги не упускают случая, чтобы облить коммунистов грязью, и мы должны постоянно помнить об этом и давать этим поползновениям честную, трезвую оценку. И не для того, чтобы тешить свое тщеславие и кичиться мещанской непорочностью. Ведь противник пользуется этим средством, как одним из приемов борьбы, и от успеха или провала его тактики зачастую зависит судьба целой организации, партии. Это особенно верно в отношении таких народов, как наш, где в силу непреходящей слабости наших организаций личность по-прежнему играет столь важную роль, где массы беспрестанно оказываются жертвами обмана демагогов.

В последние годы мартинизма все источало зловолие, будто мы жили в болоте. Поэтому, когда закончился этот этап заигрывания диктатуры с массами, которая пыталась одурачить нас пустыми обещаниями, несбыточными планами, предложениями о предоставлении кредита, не ограниченного на словах и не существующего в действительности, я облегченно вздохнул.

Я не буду докучать читателю рассказами о бесчисленных встречах с представителями импортных фирм, городских властей Сан-Сальвадора, ипотечного банка, кредитных учреждений и других организаций. Правительство своей откровенно антирабочей, антинародной политикой постаралось само развеять иллюзии, которые пытались посеять на этих встречах представители упомянутых организаций. Я, повторяю, облегченно вздохнул еще и потому, что руководство партии, хоть и отлучило меня, все же оказывало на меня сильное давление всякий раз, когда тот или иной банк, правительство или представители буржуазии намеревались предоставить кредит нашему кооперативу. Я целиком признаю справедливость такой позиции. Скажу только, что наши колебания были следствием тогдашней действительности. Мы исповедовали тогда философию «уцелевших», более

того — пораженцев. Наша психика была травмирована, и только ценой огромных усилий, благодаря безграничной вере в успех революционного дела нам удалось избежать непоправимых ошибок, действительно постыдных поступков. И все же мы слишком часто, пусть даже в вопросах процедуры или формы, шли на чрезмерные уступки, проявляли чрезмерную покорность, слишком часто соглашались с классовым врагом. Что же касается лично меня, то мое деморализованное состояние усугублялось еще и позицией партии, которая относилась ко мне, как говорят у нас в Сальвадоре, как петух к курице: она фактически отлучила меня, посеяла во мне горечь и смятение.

Как бы то ни было, Альянс сыграл положительную роль. Он превратился, как я уже указывал, в общенациональную организацию, его влияние было особенно сильно в Сан-Сальвадоре, Санта-Ане, Сан-Мигеле, Сан-Висенте и в Сакатеколуке. Он стал первой независимой организацией рабочего класса Сальвадора после событий 1932 года, рассеял у рабочих страх и продемонстрировал возможность создания своего профсоюза. Альянс явился предвестником целого ряда легальных или полуполигальных организаций рабочих: ремесленнических обществ, ассоциаций взаимопомощи, советов общин и трудящихся. А в Усулутане состоялся даже национальный конгресс ассоциаций трудящихся, который очень обеспокоил режим.

Наш Альянс, правда, не участвовал в конгрессе, поскольку обувщиков считали самой радикальной в политическом отношении частью рабочих, находившейся под мощным влиянием коммунистов, и мы решили не рисковать.

Создали свою организацию парикмахеры, которые добились увеличения расценок и объявления воскресенья выходным днем. Общество вспомоществования создали рабочие текстильного предприятия «Мартинес и Саприсса». Конечной же целью рабочих было создание своего профсоюза. Я оказывал им содействие. Иными словами, опыт Альянса использовали многие возрождавшиеся организации.

По мере того как мы все больше заявляли о себе и давали правительству почувствовать свою силу, оно стало все больше ужесточать свои позиции по отношению к нам и к трудящимся в целом. На смену угрозам, давлению и подкупу пришли фальшивые обвинения, аресты, плохое обращение. Но и тогда некоторые коммунисты, в том числе и те, кто впоследствии изменил нашему делу и стал активно работать в профсоюзах — членах Международной региональной организации трудящихся, по-прежнему провоцировали нас и обвиняли в неслыханном предательстве. В партии тогда существовала группа людей (помимо тех, составлявших большинство, кто выступал за нашу изоляцию, но не вступал с нами в повседневные стычки), которых я

называл «пещерными» людьми. Возглавляли ее Перес и студент экономического факультета Хильберто Лара. Эта группа беспрепятственно обвиняла нас во всех смертных грехах. Они относились к тому типу людей, которые не работают сами и не дают работать другим. Интересно, что вот уже более двадцати лет Хильберто Лара верно служит правительству и реакции. Перес нет, старый Перес по-прежнему в партии, он неплохой товарищ, только еще более закоснелый сектант, чем я, а это о чем-нибудь да говорит.

Мое личное положение было и того хуже. Реакция не могла простить мне, что я остался в живых. Буржуазия знала, что я был непосредственным свидетелем многих ее преступлений, времена же могли измениться, и тогда я мог снова стать для нее опасным человеком. Вот почему основной удар она направила против меня. Понимая, что расстановка сил на международной арене мешала правительству расправиться со мной, Эскаланте Рубио решил опорочить меня в глазах персонала американского посольства.

Здесь следует отметить, что господствующие классы и стоящие у них на службе правительства редко ошибаются в подобных вопросах; они готовы простить самых крикливых революционеров, отпустить любые грехи некоторым покаявшимся революционерам, но они никогда не прощают человека, причастного к вооруженной борьбе, личность, способную превратить эту борьбу в фактор мобилизации масс.

Самое смешное в моем конкретном случае было то, что, чем больше донимали меня враги, тем агрессивнее становились «пещерные» люди. Как только они не называли меня: и коллаборационистом, и трусом, и подлым провокатором.

Я же всегда старался сохранить верность партии и понять проблемы, обусловливавшие чрезвычайно низкий уровень нашего политического развития. Я даже подчинился решению партии о выходе Альянса из «Социальной реконструкции» и, более того, даже выполнил его.

Дело обстояло следующим образом. Вопреки нападкам «пещерных» людей и необоснованным подозрениям, руководство партии решило заслушать меня. Приняли меня, помню, товарищи Понсе и Рока, которые сообщили, что партия приняла решение о необходимости вывести профсоюз обувщиков из состава мартинистской «Реконструкции». На выполнение этого решения мне дали два месяца. Если по истечении указанного срока оно не будет выполнено, добавили они, меня исключат из партии. В случае необходимости столичные коммунисты окажут мне содействие.

Я согласился и стал думать, как вывести Альянс из «Реконструкции» без ущерба для борьбы обувщиков. К счастью, вскоре представился и подходящий случай. Поскольку Альянс добился больших успехов в Санте-Ане, мы решили провести соб-

рание столичных обувщиков и проинформировать их об этом. Даже Мартинес вынужден был направить нам приветственную телеграмму, в которой поздравил нас с успешной деятельностью на благо общества. Воистину циник от теософии *!

На собрании присутствовали также приглашенные обувщиками представители других профессий. Тон выступлений был намеренно подстрекательский, и доктор Эскаланте Рубио, почетный член президиума, не выдержал, вскочил с места и резким, угрожающим тоном объявил, что считает собрание закрытым. Я, как председатель Альянса, тоже находился в президиуме и сразу же объявил решение Рубио недействительным. Завязалась ожесточенная перепалка. Он истошно кричал, называл меня коммунистом, опасным подстрекателем, красным убийцей. Я в долгу не остался и обвинил его в приверженности нацизму и фашизму и объявил во всеулышание, что он являлся почетным консулом кровавой диктатуры Парагвая. Кончилось тем, что, окончательно разъярившись, этот тип полез на меня с кулаками, но наши люди были начеку и посадили его.

Представительницы ткачих фабрики «Мартинес и Саприсса» не остались безучастными и набросились на злополучного доктора с зонтиками, и одна даже поломала свой зонтик о его хребет. Тут прибыла полиция, и собрание на этом кончилось. Но возбужденные рабочие громко и единодушно скандировали: Альянс больше нечего делать в «Реконструкции»!

Вот так, совершенно один, с помощью только рабочих, я выполнил поручение партии. Руководство же не только не оказало мне никакой помощи, как обещало, а напротив, после выхода Альянса из «Реконструкции» не оказывало ему никакой поддержки, в которой он так нуждался, ибо сразу же лишился всего, даже помещения для проведения собраний.

С этого момента начался закат профсоюза, почти прекратившего свое существование. Все это происходило в период, когда дни мартинистской диктатуры были сочтены, когда организовывались различные заговоры с целью положить конец мрачному тринадцатилетнему господству антикоммунистического режима.

---

* *Теософия* — реакционная лженаука, объявляющая своей целью «познание божества» путем непосредственного общения с «потусторонним миром». Теософия открыто проповедует отказ от всех достижений культуры и возврат к колдовству, знахарству, древней и средневековой магии. «Теософические общества» наибольшее распространение имеют в Англии, США и ряде латиноамериканских стран.— *Прим. ред.*

Глава XI

КОНЕЦ ТРИНАДЦАТИЛЕТНЕГО ГОСПОДСТВА ДИКТАТУРЫ

Восстание военных и гражданских 2 апреля 1944 года против диктатуры Мартинеса явилось для сальвадорцев полной неожиданностью. В условиях жесточайшей слежки, террора и подозрений, столь характерных для жизни Сальвадора после 1932 года, когда погибло тридцать тысяч рабочих и крестьян, заговор готовился, естественно, в условиях строжайшей конспирации. Заслышав днем 2 апреля первые выстрелы «робких» мятежников в Сан-Сальвадоре, члены «Альянса», соседи и друзья бросились ко мне, чадеясь получить хоть какую-то информацию, но я сам ничего не знал и только разводил руками. Я не знал, причастно ли к этому какое-либо революционное движение, шла ли речь о провокации, подготовленной правительством, или о междоусобной войне между различными группировками военных.

Компартии было известно о подготовке заговора, она консультировала различные группы его участников, налаживала контакты между ними. Меня же держали в полном неведении, поэтому я должен был проявлять особую осторожность, дабы не попасть впросак. Тем, кто рыдал от счастья на улицах, приветствуя приход «долгожданной свободы», я советовал умерить энтузиазм, ибо оснований для торжества еще не было.

Вскоре, однако, произошел целый ряд обнадеживающих событий, когда мятежники захватили одну местную радиостанцию, и Матильда Лопес, представительница прогрессивно настроенной интеллигенции, ныне преподаватель университета, объявила о свержении Мартинеса. Я пришел в неописуемый восторг. О том же поведал и изображавший из себя «великого артиста» остроумный Ченчо Кастельянос Ривас, диктор радиостанции «Мехораль», который в конце концов превратился в отпетого негодяя и доносчика, выдавшего (за деньги, разумеется) в период борьбы против Лемуса (1960 год) передвижную подпольную радиостанцию. «Мехораль» предоставляла эфир всем, кто хотел, — создавалось впечатление, будто власть находилась в руках революционных сил. Этой возможностью воспользовались и мои коллеги из «Альянса обувщиков» Луис Фелипе Кативо и Анто-

ню Гарай, которые от имени всех обувщиков и членов «Альянса» призвали народ поддержать восставших. А в столице меж тем шли ожесточенные бои.

Ожесточенная перестрелка завязалась между Первым пехотным полком и частями Национальной полиции, между 6-м пулеметным полком и войсками гарнизона Эль-Сапоте. К восставшим примкнули авиационные части, и истребители пытались бомбить штаб-квартиру полиции, однако в результате их неуклюжих действий бомбы упали за два квартала от цели и подожгли два здания в самом центре Сан-Сальвадора. Тогда-то и сгорели театр Колумба, магазины Бальете, Льоверы и другие. Среди груды развалин стояло целехонькое казино, как бы символизируя незыблемость олигархии, ее непотопляемость в волнах апрельской «революции». Пули сеяли смерть на улицах города, и машины скорой помощи не успевали увозить убитых.

Телефонная связь прервалась, электричества не было. Неудивительно, что по городу поползли всевозможные слухи; точно же никто ничего не знал. Говорили, будто мятежники захватили учреждения связи, что их поддержали все гарнизоны страны, кроме Эль-Сапоте, Первого артиллерийского полка и полиции, которые оказывали сопротивление. Расхрабрились всюю пьяницы, они без устали вопили: «Смерть Мартинесу, смерть ублюдку, смерть всем депутатам! Да здравствует Революция!» Все горели желанием помочь сбросить диктатуру Мартинеса, но никто не знал, как это сделать, к кому обратиться за советом. Ченчо Кастьянос объявил, что с Мартинесом покончено, что он убит на шоссе, ведущем в Ла-Либертад. Полицейские засели в казармах, и воры не преминули воспользоваться моментом.

В тот же вечер, второго апреля, полный сомнений и надежд, я пробрался под свист пуль в парк Сентенарио, где собрались, до сих пор не известно по чьей инициативе, «сознательные граждане», чтобы получить оружие от восставших частей и принять участие в сражениях. Нас было человек пятьсот-шестьсот, готовых выступить против сторонников мартинизма.

Построившись в колонны, мы направились к казармам восставших в надежде получить оружие и боеприпасы. Нас, однако, ждало разочарование и в Первом пехотном полку, который все еще сражался с частями полиции, и в Кавалерийском полку, и в полку «Каса Мата». Все оказалось блефом, никто и не думал вооружать народ, «революция» носила в высшей степени ограниченный характер. Но тогда было не время для развенчаний, особенно ввиду отсутствия связи с населением столицы. Горя желанием получить хоть какие-то инструкции и практические указания, мы направились к передвижной радиостанции, откуда раздавался призыв к восстанию и где, как утверждали, находился доктор Артуро Ромеро, объявленный высшим гражданским ру-

ководителем восстания. Когда мы подошли к радиостанции, нас было уже около тысячи энтузиастов. Но мы так ничего и не добились и, разочарованные, разошлись по домам.

Ожесточенная перестрелка не прекращалась, и за каждым углом человека караулила смерть от пулеметной очереди или гранаты. Тогда-то я понял, что это восстание обречено на полный провал. Стало известно, что одним из военных руководителей восстания был Тито Кальво, палач 1932 года, орудовавший в Сонсонате и Исалко.

Вскоре обнаружилось, что Мартинес жив и организует отпор мятежникам, которые задрожали от страха мелкой дрожью, ибо никак не предполагали, что придется воевать лицом к лицу с самим диктатором. План убийства Мартинеса был настолько примитивен, что, разумеется, провалился. Дело в том, что каждое воскресенье старик ездил отдыхать в порт Ла-Либертад, и заговорщики решили устроить на него покушение на шоссе, когда он будет возвращаться в Сан-Сальвадор. Но незадолго до выезда Мартинеса предупредили по телефону, что в Сан-Сальвадоре началась перестрелка. Диктатор предусмотрительно сменил автомобиль и поспешил в столицу. Таким образом, поджидавшие в засаде заговорщики не обратили на него ни малейшего внимания.

Диктатор буквально «подмял под себя» всех нерешительных, уже готовых было сдать на милость «революции», тотчас же организовал сопротивление и с помощью лишь телефона полностью деморализовал таких «героев», как Кальво, Альфонсо, Маррокин и др. «Колдун святого Матиаса», как его называли, Мартинес был поистине железным человеком, окруженным, кроме того, мистическим, волшебным ореолом, который обеспечивал ему огромные преимущества. Мартинес в два счета разделался с мятежниками, он, если можно так выразиться, просто «играл с ними в пинг-понг».

Мятежников охватила паника, антидемократическая психология военных помешала им обратиться за помощью к единственной силе, которая могла решить исход дела в их пользу, — к народу, к населению столицы. И Мартинес прекрасно понимал, что судьба восстания решена. Поэтому, точно паук, он спокойно ждал в центре паутины, абсолютно уверенный в том, что никому не избежать его смертельной хватки. Он не торопил события.

3 апреля пришел ко мне домой (где собралось несколько членов «Альянса» и членов партии, которые, как и я, не знали, что предпринять) сержант из гарнизона аэропорта. Солдаты и сержанты гарнизона, заявил он, готовы поддержать восставших, но не знают, что делать, кому подчиняться. Поэтому сержант просил нас взять на себя руководство ими. Мы решили довести это до сведения доктора Ромеро, составили письменное сообщение и отправили к нему Франсиско Пинеду Кото, кари-

катуриста, который впоследствии прославился по всей стране тем, что создал персонаж «Хуан-Народ». Вернулся Франсиско совершенно подавленный. Когда доктор Ромеро прочитал бумагу, он разрыдался и принялся причитать, что уже слишком поздно, что поправить ничего невозможно, что в рядах мятежников царит паника, а военные, дабы спасти свою шкуру, готовы идти с повинной к Мартинесу.

Да, многого мог добиться народ Сальвадора с такими руководителями! Я был взбешен. Но что мы могли сделать, если у нас не было ни связи с заговорщиками, ни оружия — ничего. Мне до сих пор непонятно, какую помощь ожидали от народа руководители заговорщиков. Они не только не решились вооружить его, но и отвергли даже помощь той части армии, которая готова была сражаться до конца. Но в том-то и дело, что руководители заговора 2 апреля не собирались сражаться до конца, они полагали, что добьются свержения правительства Мартинеса лишь с помощью телефона, просто потребовав его отставки. А вот уж кто действительно положил «революцию» на обе лопатки с помощью одного телефона, так это сам Мартинес.

В 1932 году мы потерпели поражение потому, что у нас не было в частности, соответствующего плана. Но тогда речь шла о подлинном восстании, а не простом свержении ненавистного правительства и замене его в рамках буржуазной законности правительством более или менее безобидным.

Авиационный гарнизон, несмотря на отсутствие руководства со стороны мятежников, все же поднялся на восстание и сдержал продвижение верных Мартинесу войск, которые шли в Сан-Сальвадор из Кохутепеке. Но их выступление было в конце концов подавлено значительными силами пехоты, переброшенными из Сакатеколуки.

Началась жесточайшая расправа над повстанцами. Мартинес выступил с обращением к гражданам страны, заявив, что он полностью контролирует положение, что жалкая группа преступников посягнула на законность и в целях восстановления порядка против них будут приняты самые суровые меры. Диктатор ввел по всей стране осадное и военное положение.

Один за другим падали последние бастионы мятежников. «Героический» военный руководитель восстания полковник Тито Кальво, гордо разъезжавший повсюду на своем танке, поспешил было в американское посольство просить убежища, но получил отказ. Он не успел даже вернуться к своему танку, как был схвачен и через несколько дней расстрелян. Беженцы заполонили иностранные посольства, особенно посольство Перу. Посольство же Мексики, куда устремилась основная часть беженцев, буквально замуровало свои двери, поскольку тогдашний посол Мендес Планкарте был закадычным другом диктатора. После убийства полицией нескольких пьяниц, которые, не за-

метив в хмельном бреду, что с восстанием было покончено, по-прежнему громко требовали смерти Мартинеса, смолкли и их голоса.

Мартинес объявил о создании военных трибуналов, тут же принявшихся прописывать налево и направо свинцовые пули. Начались расстрелы. Если бы не мужество некоторых восставших, и прежде всего Виктора Марина, человека никогда не бывшего военным, но проявившего исключительную выдержку в момент пыток и смерти, генерал Мартинес, несомненно, вошел бы в историю Сальвадора как единственный человек, не дрогнувший в апреле 1944 года. Стремясь во что бы то ни стало выпытать у Марина имена заговорщиков, полицейские палачи выкололи ему глаз, перебили руки и ноги, вырвали ногти на ногах и руках, раздавили яички. Чтобы расстрелять, его пришлось привязать к лестнице, так как он не мог держаться на ногах. Виктор Марин воистину был человеком исключительного мужества: когда перед самым расстрелом к нему приблизился священник и сказал, что хочет укрепить его душу, Марин ответил: «У меня ослабло тело, святой отец, а не душа...» Именно Виктор Марин стал символом чести сальвадорцев в период апрельской «революции». Остальные же руководители (за некоторыми исключениями, в частности, полковник Кола де Мико Агилар, командир 6-го пулеметного полка, который в целом сражался мужественно) оказались трусами, предателями, слабаками, простаками или ничтожествами. Такова суровая правда, хотя даже сегодня не все в Сальвадоре готовы признать ее.

Позже, во время майских событий и в период сопротивления режиму Осмина, народ вновь докажет, что смелости ему не занимать, что все упиралось лишь в четкое понимание национальных проблем. Ну а пока Мартинес свирепствовал, точно раненый зверь. Расстреливали всех подряд. И раскаяние военных, тех, которые были схвачены или сдались добровольно, не спасло их: у Мартинеса была шкура бегемота, которого ничем не проймешь.

В самый разгар кровопролития мне было приказано явиться в Главное полицейское управление. Рудесиндо Монтерроса, начальник управления, походил на разъяренного быка и вместе с тем казался каким-то нервным и растерянным. Да, времена для палачей настали нелегкие, ибо за кровавой завесой убийств уже различались первые признаки краха диктатуры. Его интересовал только один вопрос: какую роль в мятеже играл «Альянс организаторов»? Я, разумеется, отрицал всякую причастность организации, насколько не греша против истины, если не говорить о моих личных намерениях и участии в событиях первого дня. Я доказывал Монтерросе, что фактически по радио от име-

ни «Альянса» выступали не Кативо и Гарай, а те заговорщики, которые естественно пытались использовать престиж нашей организации в своих целях. «Вы неблагодарные люди,— с горечью сказал мне начальник полицейского управления.— Мы обеспечили вам необходимые гарантии, предоставили кредит. И чем же вы платите нам? Вы поддерживаете анархистов. Я пригласил вас, Мармоль, чтобы сообщить, что правительство требует от «Альянса» вернуть предоставленные займы деньги».

«Деньги,— возмущенно заявил я,— навязали нам помимо нашей воли, с намерением подкупить и дискредитировать нас. К тому же мы добросовестно погашаем свой долг в соответствии с условиями, на которых он был предоставлен. Но если вы требуете вернуть еще непогашенную часть немедленно, я иду домой и продаю все свое имущество, чтобы обувщики могли рассчитаться с правительством»,— сказал я. Начальник, по-видимому, не ожидал такой реакции, ибо он тут же пошел на попятную, просил забыть этот разговор и оставить все, как было. «Я прошу лишь об одном,— добавил он,— не платите нам неблагодарностью, не выступайте против правительства моего генерала Мартинеса». Все закипело во мне, я вспомнил Фарабундо Марти, Альфонсо Луну, Марио Сапату, Фелисиано Аму, всех наших 30 тысяч убитых в 1932 году, вспомнил, сколько пришлось вытерпеть в период мартинизма мне самому. И после этого нас еще терпят не быть «неблагодарными» по отношению к режиму! Монтерроса сказал, что я могу заверить от его имени Кативо и Гарая, что им нечего опасаться преследований, ибо теперь ему была ясна суть дела.

Правительство, по-видимому, очень не хотело трогать мелкую буржуазию и заигрывало с рабочим классом, стараясь не провоцировать его. Что же касается народа в целом, то его поведение было в высшей степени непонятным: рабочие не имели ни малейшего представления о том, что происходит. Радикальные слои мелкой буржуазии покорно сносили расстрелы и побои, расплачиваясь за свою глупую боязнь привлечь к борьбе народ. В отношении себя лично должен заметить, что тюрьмы или ссылки мне удалось избежать отнюдь не благодаря моим разъяснениям: просто правительство было прекрасно осведомлено, что у меня, как руководителя «Альянса», установились великолепные отношения с послами Англии и Соединенных Штатов, которые были тогда союзниками в деле разгрома фашизма и нацизма.

Читателям будет, видимо, не безынтересно узнать, каким образом у меня установились отношения с американским послом, который впоследствии сыграл в свержении диктатуры Мартинеса решающую роль. Как я уже говорил, Эскаланте Рубио пытался очернить меня в американском посольстве, обвиняя в

принадлежности к компартии, в антиамериканских настроениях и прочих грехах. И вот однажды посол пригласил меня побеседовать наедине. Проконсультировавшись предварительно с руководством «Альянса», я отправился на свидание.

Весьма любезным, но не очень доброжелательным тоном посол спросил прежде всего, почему я настроен враждебно к Соединенным Штатам. «Напротив,— ответил я,— я на стороне Соединенных Штатов, потому что они плечом к плечу с Советским Союзом сражаются против врага номер один всего человечества — против нацистско-фашистского блока империалистических государств — Германии, Италии и Японии».

Посол был хитрый лис и мало-помалу перевел разговор на наши национальные проблемы и принялся расспрашивать меня о людях в правительстве Мартинеса, о политических противоречиях в стране и т. д. Когда он спросил мое мнение о политике Мартинеса и его правительства, я без обиняков выложил все, что думал и знал: рассказал о практике проведения фальшивых плебисцитов, с помощью которых Мартинес обеспечивал свое переизбрание, придавая фарсу видимость законности; о нацистских и фашистских симпатиях Мартинеса; о том, что на военном аэродроме в Илопанго не раз видели японских летчиков и военных; о том, что полиция Сальвадора укрывала подпольную радиостанцию, установленную нацистами в Вилья-Дельгадо, которая могла начать функционировать при первой же необходимости, а в тот момент осуществляла секретную связь; о том, что Мартинес довел до сведения генерального штаба стран «оси» тактический план высадки десанта на побережье Соединенных Штатов; о том, что японские подводные лодки заправлялись в порту Сальвадора Мисате.

Посол слушал меня с огромным интересом. Перед уходом я сказал, что мартинистская полиция неотступно следует за мной, точно тень. Тогда он просил оповестить его, если что-нибудь со мной случится, и обещал оказать личное содействие. Насколько я понимаю, это знакомство сыграло свою роль. Сейчас невозможно даже представить себе что-либо подобное, но такое поведение посла было результатом сложнейших политических и социальных противоречий того времени.

Репрессии, развязанные диктатурой, отрицательно отразились на ее дальнейшей судьбе. Мартинес просчитался в оценке настроений изнемогавшего под гнетом диктатуры народа, который благодаря росту антифашистского движения в мире пробудился от тяжелого летаргического сна, навеянного террором 1932 года. Успехи Красной Армии оказали положительное воздействие на умы людей.

Доведенные до отчаяния преступлениями и произволом полиции и национальной гвардии массы были полны решимости

выступить против диктатуры К сожалению, никто практически не руководил их борьбой, по крайней мере на первом этапе. Каратели ежедневно расстреливали участников восстания, а военные суды то и дело выносили смертные приговоры и обречали людей на долгие годы тюрьмы. Этому в немалой степени содействовали доктор Эктор Муньос Берильос, Генеральный военный прокурор республики, который причинил мне много вреда во время последнего тюремного заключения, а также доктор Паредес, военный судья. В условиях военного положения огонь открывали по любой живой мишени.

Цеховые организации прекратили свою деятельность, их руководители находились под неусыпным наблюдением. Коммунистическая партия была малочисленной и имела слабые связи с народом. Надо было, однако, что-то предпринять, чтобы направить гнев народа в нужное русло. И вот в обстановке преследований и террора в доме Педро Гранде собралась группа коммунистов, чтобы обсудить создавшееся положение и наметить конкретные меры, а не ограничиваться пустыми разглагольствованиями о своей озабоченности.

После жарких споров мы пришли к единодушному мнению о необходимости создания организации, способной руководить борьбой масс против тирании, иными словами, политической партии масс, имеющей широкую демократическую направленность, которая могла бы сплотить в своих рядах большинство трудящихся страны. Эта партия должна была быть свободной от сектантства и выступать с антифашистских, антидиктаторских позиций. Условия для этого были благоприятные, поскольку студенты, мелкая городская буржуазия и представители других социальных слоев также выражали стремление создать свою боевую организацию. Следовало поэтому попытаться создать такую партию во главе с рабочим классом. Было ясно также, что сделать это можно только в условиях подполья. На встрече сразу же договорились и о том, как должна называться новая партия: Национальный союз трудящихся (НСТ).

На последующих собраниях рассматривался вопрос о целесообразности участия в подготовительной организационной работе по созданию НСТ таких людей, как Луис Диас и я. Одни утверждали, что мы были фигурами слишком заметными и наше участие в организации будет отождествляться с ее сектантским характером. Другие, наоборот, считали, что наше присутствие обеспечит доверие к ней со стороны трудящихся.

Первым Генеральным секретарем партии стал Луис Диас, который после многолетнего таинственного исчезновения вернулся к революционной деятельности. Была назначена национальная комиссия НСТ по организационным вопросам в составе Амилькара Мартинеса, одного из наиболее радикально настроенных студентов, журналиста Бенхамина Гусмана, а также

рабочих Педро Гранде, Луиса Диаса и меня, Мигеля Мармоля.

Обстановка накалялась ежечасно. Студенты обратились с призывом провести общенациональную забастовку. Видными ее организаторами были Рейнальдо Галиндо Пол, будущий министр образования в правительстве Осорио; Рауль Кастельянос Фигероа, бывший член нашей партии; доктор Фабио Кастильо и др. Страна оказалась парализованной. Закрылись магазины, банки, школы, колледжи, рестораны, дома свиданий, церкви, закусочные — все. Мартинес разослал во все концы грузовики с пулеметами и полицейскими, поручив им насильно сгонять на работу государственных служащих. Но люди скрывались от полицейских, и обнаружить их было невозможно. Я не буду долго задерживаться на этих событиях, о них и без того много написано.

Я хочу лишь дать общее представление о нашей работе по обеспечению непрерывности революционной организационной работы. Национальный союз трудящихся приступил к мобилизации рабочего класса под лозунгом «За достижение национального единства всего народа и демократических сил страны против мартинистской тирании путем проведения всеобщей национальной забастовки вплоть до свержения диктатуры. Трудящиеся! Объединяйтесь в рядах НСТ — вашей политической организации».

Национальная забастовка нанесла сильнейший удар по диктатуре, лишила ее опоры. Даже американцы поняли, что Мартинес заведет их в тупик, и лишили его поддержки. В качестве предлога они использовали смерть Чепе Райта, сальвадорца американского происхождения, убитого по ошибке шпиком на пороге своего дома.

Стало ясно, что Мартинесу нужно было убираться ко всем чертям, и американский посол отправился в президентский дворец, чтобы сказать ему об этом. 9 мая 1944 года диктатор покинул пост президента и выехал в Гватемалу, усадив в свое кресло военного министра генерала Андреса Игнасио Менендеса, труса и ничтожество. Так закончился самый мрачный тринадцатилетний период в истории Сальвадора XX века.

Генерал Максимилиано Эрнандес Мартинес был человеком странным и сложным, порождением нашего отсталого и противоречивого общества, преступником и мистиком, диким горцем и человеком, увлекавшимся вопросами философии, страстным поборником дисциплины и порядка, не гнушавшимся в то же время никакими преступлениями ради достижения своих целей. Это был нацист, страдавший различными низменными комплек-

сами, неотесанный индеец, который, несмотря на презрение со стороны олигархии, служил идеальным инструментом кровавого подавления и угнетения нашего народа; он был животным, чем-то средним между змеей и койотом. Жизнь его — сплошной анекдот. Он был вегетарианцем, никогда не брал в рот мяса и питался одними овощами, яйцами и молоком. Он никогда не принимал лекарств, а лечился лишь травами, фруктами, различными семенами и своими знаменитыми «голубыми водами». Речь шла о самой обыкновенной воде, которую Мартинес держал под солнцем в бутылках разного цвета во дворе президентского дворца и которой приписывал чудодейственные целебные свойства.

Его приспешники пили эту воду с благоговением, надеясь, что «Учитель» заметит их. Старик предпочитал, чтобы его называли не президентом или генералом, не «его превосходительством», а «Учителем». Он настолько уверовал в свою миссию наставника, что каждое воскресенье выступал в актовом зале университета с лекциями, которые транслировались по радио на всю страну и касались чего угодно: демократии, кишечных паразитов, теософии, фруктовых деревьев, черной магии, спорта, личной гигиены, мировой войны, камней в почках, душевного покоя и т. д. Он сам «лечил» своих близких от любой болезни, убеждая их, что знания в области медицины ниспосылались ему святой великих врачей, с которыми он общался во время спиритических сеансов.

Когда в Сан-Сальвадоре вспыхнула эпидемия оспы, он отказался принять необходимые профилактические меры, рекомендованные современной медициной, а приказал обернуть все уличные фонари в разноцветную целофановую пленку, утверждая, будто цветные лучи света очищают атмосферу от заразы. В результате, как не трудно догадаться, жертв оказалось больше, чем могло быть.

Когда его младший сын заболел аппендицитом, «Учитель» отказался допустить к нему врача и принялся лечить его «голубыми водами». У малыша началось воспаление брюшной полости, и он умер в страшных муках.

«Учитель» заявил, что необходимо покориться судьбе, так как невидимые целители не пожелали помочь ему. Своим собственным здоровьем он, однако, не рисковал: опасаясь, как бы его не отравили, он постоянно держал при себе адъютанта, которого заставлял пробовать все, что ему подавали. Он считал, что убить муравья — грех более страшный, нежели убийство человека, ибо жизнь муравья, утверждал он, обрывается, меж тем как человек обретает жизнь в иной форме. Вот почему убийство по его указанию 30 тысяч сальвадорцев в 1932 году несколько не нарушило его сна: «Учитель» знал, что они тотчас же возродятся к иной жизни. «Учитель» не брал в рот спиртного, не имел любовниц, не предавался буйным увеселениям.

Жена его, донья Конча, грубая, неотесанная женщина, была объектом постоянных насмешек и пикантных анекдотов, в которых чаще всего высмеивалось ее непроходимое невежество. Генерал Мартинес был военным старого пошиба, вышедшим из низов, а не из военной академии. Это был плут, пессимист, желчный человек, рассмешить его было почти невозможно, его слепая ярость приводила всех в трепет. Друзей у него не было, его окружали только льстецы и слепые обожатели. Трудно поверить, что этот ничтожный, скупой, смешной, антипатичный человек и был тем самым диктатором, который дольше других держал нас в смертельном страхе.

Олигархия и империалисты никогда не стремились отыскивать светлых гениев, которые держали бы народы в подчинении, им нужны лишь не ведающие никаких сомнений, способные на все подлости. Именно мстительная натура генерала и обусловила его конец, когда развернулись события апреля и мая 1944 года, ибо вместо того, чтобы, воспользовавшись своей полной военной победой, добиться путем различных уловок победы политической, он, будучи не в силах совладать со своими инстинктами, вновь прибегнул к излюбленному методу — кровавой расправе, которая и переполнила чашу народного терпения. И вот тогда уже ему не помогли никакие врачи-невидимки, никакая близость с духами: янки отняли у него волшебную палочку, олигархия поняла, что он больше не в состоянии обеспечивать ее интересы, и режим, таким образом, оказался один на один с народом.

Падение Мартинеса стало предтечей падения диктатур в Гватемале и Гондурасе. Только Сомосе в Никарагуа удалось выжить в том полном надежд 1944 году. Американский империализм вытеснил из Центральной Америки английских, французских, немецких и прочих империалистов и сумел насадить новые методы господства в регионе. Что касается Сальвадора, то ради сохранения военной диктатуры нужно было срочно менять диктатора. Мартинес отслужил свое.

После ухода Мартинеса реакционные силы, сохранившие в полной неприкосновенности свою организационную структуру и власть, приложили все усилия для того, чтобы свести на нет завоевания народа и сохранить систему эксплуатации. В этих условиях Национальный союз трудящихся решил созвать национальный пленум, чтобы открыто заявить о своем существовании и установить связь с массами. Пленум ставил перед собой задачу детально проанализировать положение в стране и разработать мероприятия по объединению народа на демократической платформе. В работе пленума приняли участие представители всех комитетов НСТ, которые существовали в стране. Пленум, од-

нако, не сумел решить многие поставленные перед ним проблемы.

Тринадцать лет господства диктатуры и политического бездействия ни для кого не прошли бесследно, за бездействие всегда приходится расплачиваться дорогой ценой. Вот почему пленум оказался не в состоянии проанализировать события апреля и мая 1944 года. Вопрос решался весьма просто: все успехи приписывали либо двум-трем «героям», которые вскоре обнаруживали свою трусливую сущность, либо спонтанным выступлениям народа Сальвадора.

Вопрос о том, что послужило основой для формирования прочного национального единства, обусловившего падение режима, как протекал процесс объединения различных социальных слоев, какие слои внесли наибольший вклад в борьбу, так и остался нерешенным. Не был должным образом проанализирован и военный аспект поражения апрельского выступления. Нельзя все объяснять тем, будто Мартинес — сильная личность, а повстанцы — слюнтяи.

Мы, коммунисты, тоже не сумели должным образом проанализировать свою роль в заговоре: участвовала ли в нем партия, как организация, или же только отдельные коммунисты; в каком качестве участвовала партия или отдельные коммунисты и какова была роль других участников; в какой степени коммунисты ответственны за поражение; какова действительная роль партии в майских событиях.

Национальный союз трудящихся приступал к осуществлению своей деятельности, но был он довольно беспомощным и напоминал лошадь с шорами, ибо не знал, не видел составных элементов происходившего в стране процесса и дальнейших перспектив. Мы были слепцами, брели в потемках, на ощупь, поскольку никогда не анализировали обстановку, что является первейшим условием продвижения вперед. Это и есть та самая детская болезнь левизны в Сальвадоре, которой мы, похоже, страдаем и поныне. Не были проанализированы на пленуме и многочисленные противоречия, которые обусловили появление сил, принявших участие в забастовке. Можно ли добраться до цели в потемках? Все подходило к оценке правительства Мартинеса как к чему-то абстрактному, как к некоему исчадию ада, и никто не задумывался о его социальных корнях, о том, почему оно породило такие неразрешимые противоречия не только в сальвадорском обществе в целом, но и в своих собственных кругах.

Представители интеллигенции, которые задавали в дискуссии тон, свели все к словоблудию, к героическим позам перед микрофоном. Они захлестнули всех потоком слюнтявой болтовни о демократии, о будущем, о всеобщем братстве между всеми людьми без исключения, о свободе, о конце ночи тирании, о

бело-голубом флаге, о героях, об Альфредо Эспино, о вулкане Исалко и о цветке макилигуэ.

При этом, однако, никто не задался вопросом о том, почему революционные силы страны потеряли напрасно 13 лет, почему они жили разобщенно, ненавидя друг друга, обвиняя друг друга в трусости, в отходе от правильной линии, в предательстве, в аморальности. Почему они относились друг к другу с подозрением, устраивали друг против друга заговоры, нисколько не задумываясь и не желая задумываться о совместной деятельности, которую всегда, даже в самых трудных обстоятельствах, могут осуществлять подлинные революционеры. Если бы Национальный союз трудящихся признал, что правительство Мартинеса было не просто «позорным пятном нации», а центром непримиримых противоречий самых различных социальных сил и что эти противоречия можно было использовать, пусть даже в ограниченной степени, в интересах народа — все было бы иначе.

Коварный Мартинес, прикрываясь маской добродушного индейца, начал резжигать классовую борьбу в стране, еще будучи военным министром, и не один раз провоцировал народ, а придя к власти, стал уничтожать крестьян и рабочих, дабы утвердиться как сильная личность, в которой нуждались олигархия и империализм. Он, однако, слишком зарвался в своих кровавых репрессиях и долго не получал дипломатического признания даже у американцев, что породило напряженность в отношениях и вызвало обиду у самого Мартинеса.

Не удалось генералу добиться и единства в армии. В феврале 1932 года Осмин Агирре-и-Салинас — зловещий Пече Осмин — был смещен с поста начальника Главного полицейского управления по обвинению в участии в заговоре. В 1934 году секретная служба раскрыла заговор во главе с самим министром внутренних дел генералом Сальвадором Кастаньедой Кастро, которого также сместили со своего поста. Козлом отпущения стал тогда некто Варгас, мексиканец, которого расстреляли в тюрьме.

В 1935 году были предприняты две попытки поднять восстание: сначала во главе с генералом Антонию Кларамонтом, вечным кандидатом в президенты страны, которого поддерживал гватемальский диктатор Хорхе Убико, и затем под руководством генерала Кастаньеды, о котором я уже говорил. Позже был поднят мятеж во главе с лейтенантом Баньосом Рампресом, которого расстреляли. Полковника Ассенсио Менендеса выслали во Францию по обвинению в причастности к заговору, когда он занимал пост ни больше ни меньше чем заместителя военного министра.

Мятеж 1944 года явился последней попыткой военных покончить с Мартинесом. А чем же занимались в это время мы? На-

циональный союз трудящихся не захотел проанализировать этот вопрос. Кроме того, в армии всегда существовали и другие противоречия: между молодым и старым поколениями, между офицерами, вышедшими из рядовых, и выпускниками академии и т. д.

Мартинесу удалось прибрать к рукам и высшую церковную иерархию, когда с помощью различных уловок он добился от Ватикана назначения на пост архиепископа Сальвадора скромного приходского священника Луиса Чавеса-и-Гонсалеса. Мартинес сделал хороший политический ход, усадив в кресло архиепископа неприметного священника; священничек превратился впоследствии в одного из наиболее ловких в истории Сальвадора политиков, в самого верного защитника интересов олигархии и империализма в нашей стране.

Возникли у Мартинеса противоречия и с весьма важными представителями нарождавшейся промышленной буржуазии. Могущественных владельцев текстильных фабрик, например, встревожила конкуренция со стороны государства, когда Мартинес построил ткацкие фабрики «Мехорамiento сосиаль»*. Мартинес обрушился на промышленников, потому что всегда стремился ограничить рост промышленности, стараясь якобы защитить ремесленничество. В действительности же он отстаивал интересы земельной олигархии, помещиков-феодалов. Но недовольство Мартинесом выражали даже крупные владельцы кофейных плантаций, благодаря которым он пришел к власти, ибо Мартинес неоднократно пытался прибрать к рукам и производство кофе. Это были противоречия между шакалами, они действовали как глубинные бомбы.

Национальный банк и крупные торговцы возмущались тем, что Мартинес сохранял ограничения на цены. Вместе с тем замораживание заработной платы еще больше ухудшало положение трудящихся. Глубокое недовольство существовало также среди крестьян, ремесленников, служащих. Народ был сыт по горло правительством, беспрестанно нарушавшим законность и права человека, а ведь в этом обвиняли также Гитлера и фашистов других стран. В Соединенных Штатах понимали, что им невыгодно поддерживать политику Мартинеса. События апреля и мая стали концентрированным выражением всеобщего недовольства режимом и привели к его краху. Майский же пленум Национального союза трудящихся оказался не в состоянии сделать подобный анализ, что и породило неизбежные ошибки.

Лишь много времени спустя я узнал, например, что доктор Артуро Ромеро был членом партии и отвечал в ЦК за установление контактов и координацию деятельности групп заговорщиков;

---

* *Мехорамiento сосиаль* — в переводе с испанского социальное совершенствование. — *Прим. ред.*

что партия приняла, в частности, решение об участии своих членов в восстании против Мартинеса в качестве частных лиц, а не членов партии; что вопреки воле партии руководители мятежа 2 апреля 1944 года возложили на нее задачу публикации и распространения пропагандистских материалов, что вызвало отрицательную реакцию у наиболее реакционной части участвовавших в заговоре военных, непомерно честолюбивых и одновременно очень боявшихся народа, что вынуждало их спешить с переворотом, который они предприняли далеко не в самый благоприятный момент. Вот так, вслепую и исподволь, постигали мы задачи, которые вставали перед нами в связи с началом легальной деятельности Национального союза трудящихся. В этих условиях руководство партии собралось на совещание, которое определило насущные задачи организации:

1. Активно содействовать политике «национального единства» со всеми демократическими силами страны. Такая политика, как мы полагали, должна была способствовать развитию борьбы масс и росту рядов партии. Работу в этом плане следовало осуществлять по двум направлениям: непосредственно в массах, легально, и нелегально, создавая подпольные организации.

2. Обеспечить проведение гибкой политики НСТ, в которой учитывалось бы своеобразие политического момента, характеризовавшегося пробуждением масс, а также необходимость обеспечения роста рядов коммунистической партии на основе экономической программы, отвечающей интересам трудящихся города и деревни.

3. Оказать содействие мелкой радикально настроенной буржуазии в создании прогрессивной буржуазной партии, которая выдвинула бы своим кандидатом на пост президента страны доктора Артуро Ромеро.

4. Наладить сотрудничество между НСТ и этой прогрессивной буржуазной партией в целях успешного проведения избирательной кампании.

5. Поддерживать забастовочное движение в вопросе замены враждебных интересам трудящихся руководителей — ставленников диктатуры.

6. Реорганизовать на революционной платформе профсоюзное движение города и деревни.

7. Развернуть широкую подпольную кампанию по приему в компартию новых членов с целью вовлечения в ее ряды наиболее последовательных борцов за интересы народных масс и создания партийных организаций там, где они отсутствовали.

После свержения диктатуры и прихода к власти временного правительства, защищавшего интересы реакции, но испытывавшего на себе давление со стороны народа и прогрессивных сил, в страну возвратились все политические ссыльные, в том числе

многие революционеры и некоторые коммунисты. Большинство вернувшихся с восторгом поддержали нашу политику «национального единства».

Мы приняли решение реорганизовать руководство Национального союза трудящихся и в новый состав, таким образом, вошли: Алехандро Дагоберто Маррокин, коммунист, генеральный секретарь; Карлос Альварado, коммунист, секретарь по вопросам агитации и пропаганды; Луис Диас, коммунист, секретарь по финансовым вопросам; Мигель Мармоль, коммунист, секретарь по административным и организационным вопросам; Абель Куэнка, революционно настроенный деятель, не входивший в коммунистическую партию, редактор газеты «Вангвардиа». За пять месяцев относительной свободы, которая воцарилась после падения Мартинеса, НСТ проделал поистине огромную работу.

Мы не могли четко сказать, что представлял собой Национальный союз трудящихся — политическую партию или профсоюз рабочих? Была ли это независимая партия трудящихся масс или же массовая организация Коммунистической партии Сальвадора? Медардо Мехиа, гондурасский товарищ, принимавший тогда участие в демократическом движении Сальвадора, постоянно добивался четкого определения характера НСТ, утверждая, что НСТ был ни то ни се — ни партия, ни профсоюз. Положение усугубилось еще тем, что мелкая буржуазия и определенные слои прогрессивно настроенной средней буржуазии, которые принимали участие в восстании 2 апреля 1944 года, создали партию «Партидо унион демократа» — Партия демократический союз (ПДС), чтобы также поддержать кандидатуру доктора Ромеро. Хотя это и совпадало с намерениями коммунистов и хотя мы оказывали на ПДС определенное влияние, Партия демократический союз тем не менее проводила свою независимую линию и намного опередила нас в этом вопросе.

Доктор Ромеро был «символом» апрельского восстания и, несомненно, самым популярным лидером в Сальвадоре. После первоначального поражения восстания в апреле он попал в руки мартинистского патруля, его жестоко избили и изранили мачете, и он едва избежал расстрела. Благодаря этим перипетиям и своей славе человека щедрого и великодушного, врача бедняков, он превратился у народа, жаждавшего чудес, в настоящего идола. Хотя Ромеро уезжал из страны и какое-то время не участвовал в борьбе, эта слава сохранилась за ним на долгие годы вплоть до тех пор, пока он не доказал на практике (отказавшись занять в 1958 году пост ректора Университета, на который его избрали в результате упорной борьбы левых сил), что он отнюдь не тот руководитель, в котором нуждается народ Сальвадора.

В личном плане, как человек, он, по-видимому, оставался честным всю жизнь, однако от народного руководителя у него была лишь известность и симпатии масс, открыленных надеждой в результате борьбы в апреле и мае 1944 года. Для меня до сих пор остается загадкой его членство в коммунистической партии.

Я знаю, что он был членом Союза коммунистической молодежи Франции, когда учился там на медицинском факультете. Позже мне стало известно, что он являлся также членом Компартии Сальвадора и ему поручили, как я уже говорил, осуществлять координацию между группами, принимавшими участие в заговоре против Мартинеса. Это, по-видимому, было его единственное партийное поручение, ибо я очень сомневаюсь, чтобы он состоял в партии в момент существования Партии демократический союз. Но так или иначе, мы, коммунисты, сделали в рамках Национального союза трудящихся все от нас зависевшее для повышения авторитета доктора Ромеро в массах.

Создание ПДС, как демократической организации буржуазии, сразу же получившей широкую политическую поддержку масс, породило еще больше сомнений относительно характера и конкретной роли НСТ и привело к возникновению самых различных форм оппортунизма. Мигель Анхель Орельяна, например, руководитель железнодорожников, возглавил свой профсоюз, который являлся одним из основных в НСТ, и попытался создать профсоюзы Партии демократический союз, то есть фактически поставить рабочее движение под контроль лидеров буржуазии — сторонников ромеризма. Компартия сразу же направила нескольких своих представителей для работы в Партию демократический союз, в котором было столь сильно влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, но они не справились со своей задачей, проявили слабость и кончили тем, что стали послушными последователями ромеризма, даже не попытавшись укрепить в этом народном движении пролетарские принципы, хотя бы в некоторых аспектах. Никто не требовал от этих товарищей насаждать в ПДС сектантские позиции, но они должны были играть роль авангарда в ее рядах, добиваться того, чтобы пролетарская идеология обеспечила более радикальную направленность ромеризма.

Однако наши товарищи в Партии демократический союз и не заикались об этом; более того, в ходе дискуссий в этой организации они выступали против линии компартии и Национального союза трудящихся, блокируясь с наиболее реакционными элементами ПДС, которые развернули наступление против последовательных демократических сил как в самой партии, так и в стране в целом. Они распустили слух о том, будто НСТ готовил для всех «сюрприз», то есть своего тайного кандидата на пост президента республики, о котором намеревался-де объявить в самый последний момент, чтобы тем самым расчленил

ромеристское течение и разобщить народ. Поговаривали даже, что этим кандидатом являлся якобы Дагоберто Маррокин.

Это была, конечно, ложь. В такой стране, как наша, где процветает каудилизм, подобные заявления равносильны обвинению в предательстве интересов народа. В результате всех этих маневров противоречия между НСТ и ПДС обострились настолько, что было решено провести совместное заседание, чтобы попытаться выработать общие позиции. На этом совещании произошло резкое столкновение между мной и владельцем кофейной плантации доном Агустино Альфаро Мораном. Никакого соглашения достигнуто не было. К этому моменту, однако, правые экстремисты фашистского толка уже подготовили заговор с целью своего возвращения к власти и ликвидации демократического движения: рабочего, мелкобуржуазного и буржуазного.

20 октября * в Гватемале пал последний бастион диктатуры Убико. В Центральной Америке царил ликование, на устах у всех было слово «революция». Вот тогда-то фашистские реакционные силы в Сальвадоре, чей аппарат власти сохранился в полной неприкосновенности, решили, что их час настал. Мы в НСТ узнали, что на 25 октября 1944 года намечен государственный переворот с целью свержения временного правительства.

Объединившись перед лицом опасности, НСТ и ПДС с помощью всех имевшихся в их распоряжении средств предупредили правительство и народ о грозившей опасности. Однако вечером 21 октября, когда население Сан-Сальвадора собралось в парке Свободы для того, чтобы отпраздновать победу народа Гватемалы, сальвадорская и международная реакция в лице своего представителя полковника Осмина Агирре, который вновь был назначен на пост начальника Главного полицейского управления (он занимал этот пост еще в 1932 году), без всяких усилий совершила государственный переворот.

Такая легкость объясняется соучастием правительства Менендеса, которое все отдало на откуп реакции. Андрес Игнасио Менендес вошел в историю нашей страны как олицетворение президента-труса, как человек ничтожный и, если судить объективно, как предатель. Первым шагом, возвестившим о смене правительства, был расстрел манифестации в поддержку Гватемалы в парке Свободы. Было много убитых и раненых. Вслед за этой кровавой расправой начались преследования по всей стране против сторонников Ромеро — членов Партии демократический союз и Национального союза трудящихся независимо от их социальной принадлежности и идеологических концепций. К сожалению, прогрессивная часть буржуазии, радикально

---

* 1944 года.— *Прим. ред.*

настроенная мелкая буржуазия и трудящиеся не извлекли из этого горького опыта никакого урока. Убийства, заключения, пытки и изгнание из страны вновь стали обычным явлением. Осмин Агирре с откровенной жестокостью показал, какую ненависть питают к народу олигархия и янки.

Мне удалось спастись лишь чудом. Национальные гвардейцы оцепили место, где я жил, однако с помощью соседей я одурачил их и незаметно вырвался из кольца. Чуть не пришлось пустить в ход оружие; у одного моего соседа было два пистолета, и он заявил, что готов сражаться до конца. К счастью, этого не потребовалось. Ночь я провел на кладбище «Ла-Бермеха», откуда утром отправился к дому Педро Сосы, еще не находившегося под наблюдением полиции, и там установил связь с людьми, которые должны были вывести меня в деревню. Из Сан-Сальвадора я уходил тропами под видом погонщика быков, прошел через Санта-Теклу и прибыл в условленное место, где меня ожидал крестьянин, который и помог мне обосноваться в местечке Лос-Ачиотес в кантоне Лос-Аматес. Туда ко мне поступала информация о событиях в стране. Все демократические организации страны были сразу же распущены, а Партия демократический союз и Национальный союз трудящихся запрещены. Была предпринята попытка организовать национальную забастовку, но она оказалась безуспешной.

С помощью жесточайшего террора режим Осмина овладевал положением в стране и укреплял свою власть. При этом Осмин заявлял, что правительство хочет лишь очистить страну от коммунистов, а затем провести свободные выборы. Доктор Ромеро еще до переворота уехал в Соединенные Штаты, чтобы сделать пластическую операцию и избавиться от следов мачете, которые оставил ему на память режим Мартинеса. Высланные из страны сальвадорцы осели в Гватемале, где недавно пришедшее к власти правительство оказало им поддержку. Было образовано сальвадорское правительство в изгнании во главе с доктором Мигелем Томасом Молиной.

В Сальвадоре царил полный разброд, мы опять оказались загнанными в угол и тратили время на бесплодные дискуссии. Там, в Лос-Ачиотес, я вынужден был жить в пещере, которую оборудовали для меня крестьяне — члены партии. Товарищ Валиенте, ответственный за мое убежище, достал бумагу и добыл в каком-то музее допотопную пишущую машинку.

Субботними ночами встречался я в зарослях кустарника, подальше от пещеры, с крестьянами, и мы обсуждали текущие события, планы агитационной работы и методы установления контактов с подпольным движением в стране, которое реорганизовывалось в условиях террора. Детишки товарища Валиенте приносили мне еду и газеты. О моем месте пребывания знали только они да те, кто оборудовал пещеру. Мне приходилось

нелегко: пещера была холодная и сырая, — но вскоре я научился разводить там костер, не задыхаясь от дыма.

Одиночество мое скрашивала великолепная природа тех мест. Моим развлечением были птицы: дятлы, иволги, голуби, сороки. Некоторые птицы настолько свыклись со мной, что заходили в пещеру и подбирали крошки. Я много писал (воспоминания и прочее) и впоследствии передал все материалы партии, но они, к сожалению, пропали. Однажды по поручению ЦК меня навестил Исмаэль Эрнандес, который передал мне указания партийного руководства в отношении пропаганды. Мои материалы были эффективными, доходили до сознания масс, но партия считала, что я кое в чем заблуждался. Мне было приказано, например, прекратить агитацию в пользу доктора Мигеля Томаса Молины — президента в изгнании.

Исмаэль сообщил, что кое-кто из партийного руководства получил дипломатическое убежище, и что решение об исправлении недостатков в моей работе было принято, в частности, товарищами, укрывавшимися в посольстве Перу. О нем сообщил Исмаэлю доктор Антонио Диас. Те немногие сторонники Ромеро из ПДС, которые остались в стране, и наиболее прогрессивные представители студенческого и рабочего движения ясно сознавали, что вести борьбу против Осмина легальными методами было невозможно, поэтому они делали ставку на вооруженную борьбу.

Вначале вооруженная борьба приняла форму индивидуального террора. То там, то здесь взрывались бомбы, то там, то здесь убивали полицейских. С прибытием Ромеро в Гватемалу произошло объединение сальвадорской эмиграции, и она начала готовиться к более широким вооруженным действиям против диктатуры. Правящая хунта Гватемалы оказала им необходимую помощь, обеспечив подготовку и снабдив оружием. Оперативное руководство вторжением в Сальвадор, которое намечалось осуществить в районе Ауачапана, взяли на себя в качестве «специалистов» военные, противники Мартинеса, которых Осмин выслал в Гватемалу. С самого начала подготовка операции проходила в обстановке полнейшего хаоса.

Во-первых, правительство Сальвадора располагало подробнейшей информацией о деятельности эмиграции в Гватемале и заблаговременно приняло необходимые меры для разгрома операции.

Во-вторых, подавляющее большинство сальвадорских эмигрантов не получило даже элементарной военной подготовки, а их политический уровень был чрезвычайно низок.

В-третьих, руководившие операцией сальвадорские военные были людьми бездарными и трусливыми, болтунами, способными воевать только на топографической карте. Они великолепно

знали Клаузевица * и свободно цитировали его труды, но были не в состоянии организовать поход какой-нибудь сотни людей на расстояние в один километр.

В-четвертых, между участниками вторжения и подпольного сопротивления не было никакой координации.

В-пятых, правительство Гватемалы, опасаясь отрицательного международного резонанса, оказало сальвадорской эмиграции лишь половинчатую поддержку.

В-шестых, участники вторжения слишком уповали на буржуазию Ауачапана, а она повернулась спиной к вооруженным студентам и интеллигенции, которые пришли из Гватемалы.

Вот почему вторжение закончилось полным провалом и превратилось в мясорубку. Для национальной гвардии это была хорошая тренировка в прицельной стрельбе по живым мишеням. Те, кому удалось спастись, вернулись в Гватемалу, умирая от жажды и голода.

В самом Сан-Сальвадоре все ограничилось перестрелкой в одном из столичных районов. Это, конечно, вовсе не означает, что отдавшие тогда свои жизни не заслуживают в наших глазах никакого уважения. Напротив, я считаю, что мы, сальвадорцы, в долгу у доктора Пако Чавеса Галеано, который бесстрашно сражался в одиночку с целым подразделением полиции и отправил на тот свет более пятнадцати врагов, прежде чем упал, пропитый пулями.

Такие, как он, поддерживали у народа Сальвадора веру в борьбу. И те, кто хочет, чтобы эта вера не угасла и сейчас, должны брать пример с Пако Чавеса Галеано, по крайней мере того Пако Чавеса, который отдал свою жизнь. Мы, марксисты, не разделяем взглядов Пако Чавеса Галеано, но мы должны учиться у него мужеству и отваге. Марксизм плюс отвага — такова формула революции, по крайней мере сальвадорской.

Ромеро решил наконец прекратить свою игру и отправился в Коста-Рику, где объявил, что отказывается от борьбы за пост президента страны. Этот шаг совершенно деморализовал его сторонников.

Первое после совершенного Осмином государственного переворота совещание руководства компартии состоялось 30 марта 1945 года. Его работой руководил Хулио Фаусто Фернандес и генеральный секретарь объединенного ЦК. Я оставил свое убежище и прибыл на совещание полный самых разнообразных идей: ведь у меня было достаточно времени поразмыслить над всем происходившим вокруг. К тому времени в стране уже было

---

* Клаузевиц Карл (1780—1831) — немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал. Основная работа — трехтомный труд «О войне». В своих сочинениях Клаузевиц разработал принципы стратегии и тактики. — *Прим. ред.*

сформировано новое «конституционное» правительство республики во главе с генералом Сальвадором Кастаньедой Кастро. Это правительство состоялось лишь на выборы, проводившиеся, разумеется, под дулами ружей, но одобренные, однако, чаркой водки, сладкими пирожками и орчатом, которые бесплатно раздавались избирателям.

На совещании был зачитан доклад руководящего ядра партии, сделан анализ положения в стране, оценены перспективы и приняты различные решения. В докладе содержался подробный анализ отношений между Национальным союзом трудящихся и Партией демократический союз, а также роли компартии. В качестве основного недостатка указывалось на запущенность партийной работы, в частности в обеспечении роста рядов и укреплении организационной структуры партии, в результате чего мы занимались исключительно работой в массах, слишком увлеклись участием в предвыборной кампании и решением проблем между ПДС и НСТ. Иными словами, мы не смогли наладить самостоятельную, независимую деятельность рабочего класса в рамках формировавшегося Народного фронта. Работа в массах является, несомненно, основной, но не единственной, и, забросив партийную работу как таковую, мы тем самым не пожинали плоды своей работы в массах. Работу в массах следует рассматривать не как самоцель, а как один из методов формирования средств революционной борьбы.

Руководство критиковалось также за то, что в течение длительного времени после государственного переворота не было проведено ни одного заседания, посвященного критическому разбору деятельности партии и анализу положения в стране. Как следствие этого, каждый действовал по своему собственному усмотрению, совершенно бесконтрольно. Отмечалось также, что не все товарищи оказались на высоте положения. Одни занимались бесплодными взаимными обвинениями, другие пропагандировали в массах лозунги и фразы, проекты организации, политические мнения и т. д., внося лишь сумятицу, играя на руку врагу, ибо они не только не могли никого убедить, но и создавали впечатление, будто коммунисты вели нечистую игру, водили за нос народ. Третьи вообще не работали в партии, в частности Хулио Фаусто Фернандес, который не являлся ни на одно заседание, хотя его регулярно о них оповещали, и объявился лишь 30 марта. По-видимому, уже тогда им овладел животный страх, который позже привел его к предательству. В докладе содержалась критика в адрес Моисеса Кастро, Матильде Элены Лопес и Тони Вассилиу за то, что они не отстаивали линию НСТ в Партии демократический союз, в которую вошли по поручению компартии. Все трое проводили соглашательскую политику в отношении лидеров буржуазии — сторонников ромеризма.

В докладе квалифицировалась как оппортунистическая позиция Вальядареса, руководителя железнодорожников, за то, что он вывел свой профсоюз из состава Национального союза трудящихся. Сурово критиковалась и провокационная, анархистская, мелкобуржуазная линия Педро Хеоффроя Риваса, который на страницах газеты «Трибуна либре» развернул яростную антиклерикальную кампанию, чем и не преминула воспользоваться реакция. Мы, коммунисты, отнюдь не являемся врагами служителей культа как таковых. Мы не выступили против них в Сальвадоре даже в 1932 году, когда они обрушились на нас прямо-таки с преступными проповедями со своих кафедр. Попала под огонь критики и провокационная деятельность некоторой части студенчества, и прежде всего тех, кто издавал газету «Лидер», на страницах которой без конца печатались оскорбления по адресу всех военных без исключения. В результате обсуждения участники совещания приняли следующие решения:

а) осуществить реорганизацию партии; подготовить и провести новый съезд партии, который должен выбрать руководящие органы и разработать новую организационную структуру партии в масштабах всей страны;

б) осуществить реорганизацию разобщенного в результате политики Осмина профсоюзного движения;

в) с этой целью приступить к изданию специальной газеты — органа профсоюзов;

г) подготовить и опубликовать документ с анализом событий последних месяцев, в котором разоблачались бы в глазах народа козни правых элементов из Партии демократический союз, возлагавших всю ответственность за государственный переворот на коммунистов;

д) приостановить деятельность Национального союза трудящихся;

е) оказать материальную помощь Дагоберто Маррокину и Карлосу Альварадо, которые жили в тяжелых условиях эмиграции.

В период правления Осмина народ Сальвадора хлебнул немало горя. И не только из-за убийств, пыток, кровавых расправ над учащейся молодежью, но и из-за отсутствия каких-либо гарантий, поскольку бразды правления оказались в руках беззастенчивых, грубых, невежественных и подлых людей. Экономическое положение в стране было крайне тяжелым. Цены стали просто недоступными. И хотя с приходом к власти «конституционного» правительства генерала Мики Полвеады произошло некоторая либерализация политической жизни, экономическое положение не улучшилось. Народ все яснее осознавал, что его не только наказали, но и обманули. В самом деле, Осмин выпол-

нял задачу, возложенную на него олигархией и империализмом: разогнать партию ромеристов и покончить со всякой демократической оппозицией.

Победа Кастаньеды Кастро на выборах отнюдь не была праздником для народа, который все еще хранил верность Ромеро. До и после выборов по радио с утра до вечера звучала назойливая песенка: «Нами должен править Кастаньеда...» Крупные торговцы-барышники заваливали свои склады кукурузой, рисом, фасолью и бобами, наживая на спекуляциях миллионы. Стонали от нехватки даже крестьяне Усулутана — департамента, всегда считавшегося «житницей республики». Тот, кто знает сальвадорцев, легко поймет, что значит для них остаться без кукурузы и риса, фасоли и бобов. Если у них нет этого, значит, у них нет ничего. Нехватка продовольствия была столь острой, что, несмотря на террор, крестьяне стали поговаривать о захвате продовольствия у богатей. Мне удалось опубликовать несколько статей в газете «Пуэбло» и даже в «Ла Пренса графика» — одной из самых реакционных газет Сальвадора, принадлежавшей братьям Дутриц и финансировавшейся посольством Соединенных Штатов. В статьях содержались нападки на помещиков, которые спекулировали зерном, а также на правительство за его потворство им. После их опубликования власти вновь начали преследовать меня. Репрессивные органы пронюхали, что я нахожусь в Санта-Ане, где издавалась газета «Пуэбло», редактором которой был Эфраин Риос.

Схватить меня не удалось, так как меня вовремя предупредили. Партии стало известно, однако, что репрессивные органы получили указание убить меня, и поэтому, руководствуясь стремлением сохранить свои подпольные кадры, ЦК и Профсоюзный фронт приняли решение о моем немедленном выезде из страны на длительное время и с этой целью назначили меня представителем Сальвадора на учредительный съезд Всеобщей конфедерации трудящихся Гватемалы (ВКТГ).

В то время в этой братской стране начинался процесс, известный как «гватемальская революция», и важную роль в нем играли проживавшие в ссылке в Гватемале сальвадорские коммунисты. В столице Гватемалы находился тогда товарищ Амилькар Мартинес, который собрал всех сальвадорских эмигрантов и проинформировал их о положении в Сальвадоре и деятельности партии. Он сообщил также, что партия приняла решение о направлении меня в Гватемалу и о моем назначении делегатом на конгресс ВКТГ. Затем он сам прибыл в Сальвадор, чтобы организовать мой нелегальный переход в Гватемалу. Этот негр был тогда очень смелым и активным, хотя подчас и несколько суетливым.

Когда пришло время, мы покинули Сан-Сальвадор и пересекли границу. Вернее, Амилькар показал мне место, где я должен

был перейти границу, сам же он перешел границу легально, предварительно объяснив, где будет ждать меня. Как только я пересек пограничную линию, начались мои страхи. Когда я перепрыгнул через какую-то ограду, обозначающую разделительную линию, совсем рядом прогремел ружейный выстрел. Я бросился ничком на землю. Шел сильный дождь. Выждав немного, я с чрезвычайной осторожностью приподнялся и потихоньку, на четвереньках пополз на гватемальскую территорию. Я углубился в кустарник, поднялся на холм, который отвесной стеной спускался к реке. Внизу, метрах в пятнадцати, бежала река, вокруг — камни и скалы. Я спрятался от дождя под дерево с пышной кроной, которое у нас называют «бумажкой». Изнуренный бессоницей и голодом (из-за поспешных сборов я не ел и не спал два дня кряду), я тотчас же уснул.

Проснулся я от страха, почувствовав, что кто-то обнимает мои ноги. Открыв глаза, я увидел желтую корову. С перепугу корова бросилась в кусты и отчаянно заревела. Не успела она скрыться в кустах, как оттуда выскочили четыре или пять разъяренных быков; вид у них был такой, словно они искали, кого бы подцепить на рога. Они вспахивали рогами землю, задыхаясь от ярости, брызгая во все стороны слюной, и неистово били копытами. Уставившись на меня налитыми кровью глазами, они наступали точно нечистая сила. «Вот так, — подумал я. — Мне удалось спастись от террора реакции нескольких стран, и вот теперь конец: эти быки прошьют меня рогами или сбросят в эту безымянную речку».

Забраться на дерево я не мог, будь я даже котом, потому что стволы у «бумажек» гладкие, а ветви расположены очень высоко. Меня сковал страх и прошиб холодный пот, а быки неумолимо приближались. И вдруг — не знаю, что спасло меня, — быки остановились и подались обратно, яростно сокрушая рогами кустарник.

Я перевел дух и, не думая более об отдыхе, отправился в условленное место встречи с Амилькаром. Я прошел не более 10 минут, как вдруг столкнулся нос к носу с гватемальским пограничным патрулем.

Меня задержали. Я стал объяснять, что перешел границу нелегально, потому что диктатура Сальвадора пыталась помешать мне принять участие в Конгрессе трудящихся Гватемалы, на который меня избрали делегатом, и выразил надежду, что новые власти Гватемалы будут ко мне более благосклонны. Начальник патруля — пройдоха-индеец, полицейский старой закваски, прошедший «школу» на селе, — хотел было передать меня сальвадорской гвардии, но тут вмешался один сержант: «Как бы нам не просчитаться, командир. Похоже, что он человек честный, к тому же направляется на Конгресс, разрешенный правительством». Начальник патруля внял его благоразумию и при-

казал отпустить меня, объяснив даже, как пройти в Асунсьон-Миту, где власти помогут мне добраться до столицы Гватемалы.

После этих передраг я наконец встретился с негром Амилькаром, поджидавшим меня верхом на тощей лошаденке. Я уселся на лошадь позади Амилькара, и мы двинулись в путь. Лил страшный ливень. В полночь, вымокнув до костей, мы прибыли в Асунсьон-Миту. Съев на ужин пару лепешек и котелок непроваренной фасоли, мы не стали, разумеется, обращаться ни к каким официальным властям, а на следующий день самостоятельно отправились на автобусе в столицу.

Глава XII.

РАБОТА В ГВАТЕМАЛЕ И СОЗДАНИЕ ГВАТЕМАЛЬСКОЙ ПАРТИИ ТРУДА

Прибыв в столицу Гватемалы, я сразу же окунулся в организационную деятельность рабочего класса. Перед рабочими этой страны открывались тогда такие великолепные перспективы, что, когда я получил указание остаться там, я нисколько не возражал.

Конгресс, несмотря на низкий политический уровень участников, чем не преминула воспользоваться реакция, прошел с большим успехом.

После конгресса я начал работать в школе «Кларидад» — учебном центре политического и профсоюзного просвещения, который был создан и работал под руководством сальвадорских товарищей, в котором обучались наиболее передовые революционеры Гватемалы. В школе издавалась газета того же названия, где я начал регулярно публиковать свои материалы. Через эту школу прошли многие товарищи, которые впоследствии стали руководителями партии и рабочего движения Гватемалы.

Из сальвадорских товарищей свою деятельность там начинали Вирхилио Герра, Даниэль Кастаньеда, Грасиела Гарсия, Моисес Кастро и Моралес, Матильде Элена Лопес и другие, хотя мимоходом следует заметить, что не все они стояли на одних и тех же позициях. Рассказывать же о существовавших между ними разногласиях было бы слишком долго. Я ограничусь лишь рассказом о своем личном пребывании в Гватемале, не вдаваясь в подробности событий, которые происходили тогда в стране, и избегая каких-либо оценок, ибо этого материала хватило бы на огромную отдельную книгу. К тому же это дело прежде всего самих гватемальских товарищей.

Не следует забывать и о том, что многие, о ком я мог бы рассказать, до сих пор принимают участие в жизни страны или оказывают влияние на события, происходящие в Гватемале в настоящее время, и я должен быть предельно осторожным, чтобы не дать повода для их преследования врагами гватемальского народа, захватившими власть еще в 1954 году и продолжающими поныне разнузданную кровавую оргию.

Положение в Гватемале было тогда неопределенным. С одной стороны, правительство установило в стране целый ряд демокра-

тических свобод, о которых не осмеливались даже мечтать при прежнем режиме. Опорой правительства служили радикально настроенные слои мелкой буржуазии, студенчества, интеллигенции и др., с другой — официальные власти относились очень настороженно и враждебно к идеям марксизма и коммунизма, к рабочему движению и не желали идти с ним на сближение.

Иными словами, основу нового режима по-прежнему составляли реакционная идеология и диктаторские традиции, унаследованные от генерала Убико. Кроме того, правительство испытывало давление со стороны олигархии и империализма, которые добивались если уж не возврата к прежним временам, то по крайней мере установления такого режима, который надежно защищал бы их интересы в новых условиях.

Что же касается народа, то в массе своей он был наивен и простодушен: отсутствие политического опыта сильно затрудняло работу среди трудящихся по разъяснению даже самых очевидных маневров реакции и американцев. Трудящиеся с большим трудом, очень медленно постигали необходимость создания своих собственных организаций. И все же перспективы революционной работы в массах были действительно велики. Гватемала шла в авангарде Центральной Америки, хотя и напоминала кривого предводителя толпы калек. Вместе с тем условия нашей работы были, разумеется, нелегкими. Для работы в массах требовались опытные кадры, а их можно было пересчитать по пальцам. Таким образом, на плечи одного человека ложилось непомерное бремя повседневной деятельности: в профсоюзах, с отдельными гражданами, с политическими группами и т. д.

Мне, например, пришлось почти полностью забросить свою собственную работу. Зарабатывал я ничтожно мало. Но не работать совсем не мог: чем бы я жил? Наше движение было еще слишком слабым, чтобы содержать аппарат функционеров, средств для оплаты работы активистов не было. Иными словами, питался я плохо и нерегулярно. Дело дошло до того, что единственным моим блюдом стала жидкая кукурузная каша, да и то только на сон грядущий. Я отощал и пожелтел.

Однажды, зайдя в комнату Даниэля Кастаньеды, я оказался невольным свидетелем разговора. Не замечая меня, Даниэль с беспокойством говорил: «Боюсь, как бы Мигель Мармоль не умер однажды на улицах Гватемалы от голода». Однако и сам Даниэль и Верхилио Герра, и Моисес Кастро и другие товарищи жили ничуть не лучше меня: буржуазная демократия, как известно, не утруждает себя проблемами питания революционных рабочих.

Как-то вечером после одного длительного заседания Самуэль Саравиа, гватемальский товарищ, пригласил меня поужинать в ресторан «Ноче буэна», где я, что называется, отвел душу. Я съел бифштекс с луком, помидорами и листьями салата, жареный

рис, ворох булочек и запил все это черным пивом. Несколькими годами позже Саравиа рассказывал, что пригласил меня тогда поужинать обеспокоенный одолевавшей меня в то время постоянной икотой, которая была, как он считал, признаком слабости. Это было действительно так.

Одна текстильщица по имени Аманда де Леон рассказала своим товарищам (сам я скрывал это), что однажды видела, как я, проходя мимо театра Колумба, упал от голода в обморок. Она бросилась приводить меня в чувство, растирая голову, прежде всего затылок, и обнаружила под кожей множество шариков — следствие недостаточного питания.

С тех пор меня стали навещать гватемальские товарищи, которые приносили фрукты, различные сладости, пиво, ужин и обед и даже цветы, пытаясь уберечь меня от голодной смерти. Сам же я был готов продолжать борьбу, несмотря ни на что. Вместе с Антонио Сиеррой Гонсалесом и еще одним товарищем, который прошел курс обучения в школе «Кларидад», мне поручили вести работу среди текстильщиков, которые представляли собой в то время весьма важный отряд сформировавшегося рабочего движения Гватемалы.

Мы видели, в каких ужасающих условиях жили и работали текстильщики. Будучи жертвами жестокой эксплуатации, лишенные даже ничтожной социальной помощи, предусмотренной законом, не имея ни малейшего представления о формах борьбы за свои права, текстильщики тем не менее с готовностью откликнулись на нашу пропаганду. Свою работу мы с самого начала строили с учетом реального, уже пережитого опыта, пытались помочь им увидеть классовый характер социальных отношений и понять суть политики хозяев. Мы подчеркивали прежде всего необходимость создания своей организации, которую трудящиеся могли бы использовать для защиты собственных интересов. Мы объясняли сущность трудовых конфликтов, разъясняли, каким образом можно добиться победы в этих конфликтах и бороться с различными уловками, к которым прибегали хозяева для того, чтобы одержать над нами верх. И в этом нам очень пригодился опыт рабочего движения Сальвадора.

Всю свою пропаганду я строил на примерах борьбы в Сальвадоре: ведь процессы развития рабочего движения наших стран при всем их своеобразии были весьма схожи — и в Сальвадоре и в Гватемале рабочее движение возникло в годы первой мировой войны, и то и другое государства пережили период мощного подъема в 20-е и 30-е годы, затем потерпели поражение, прошли через длительный и мрачный период диктатур и затем вновь возродились в 1944 году. Помню, какой смех вызвал у гватемальских рабочих мой рассказ о конфликте на текстильной фабрике «Мартинес и Саприсса» в Сальвадоре вскоре после падения диктатуры Мартинеса.

Рабочие фабрики объявили забастовку, добиваясь под руководством нашего Национального союза трудящихся увеличения заработной платы. Исход конфликта был уже практически решен в нашу пользу, и владелец фабрики, испанец, захотел встретиться с рабочими, которые собрались в цехах в ожидании подписания трудовых договоров. Перед этим мы настоятельно советовали рабочим не произносить, когда придет хозяин, ни слова ни при каких обстоятельствах и полностью положиться на своих представителей, то есть на нас — консультантов из НСТ. Мы договорились, что рабочие вмешаются в дело лишь в том случае, если мы, по их мнению, будем действовать вопреки их воле. Все с готовностью согласились с таким решением.

Пришел хозяин и отеческим тоном предложил собравшимся поговорить с ним напрямую, без посредников, на что рабочие ответили: «Конечно, дон Пако, говорите, дон Пако». Старый лис, жестокий эксплуататор, заговорил медовым голосом: «Дорогие мои работницы и рабочие, дорогие девушки и юноши, я хочу, чтобы вы сказали мне здесь со всей откровенностью, как я к вам отношусь, хорошо или плохо, уважаю вас или нет? Скажите мне вы, которых я считаю своей семьей, неужели я действительно неблагодарный человек?» «Что вы, дон Пако, вы очень добрый человек», — не выдержали женщины. И хитрый хозяин продолжал: «Разве я не принимаю вас, когда вы пожелаете, в своем кабинете, чтобы выслушать любые претензии?» А женщины в ответ: «Никто этого и не говорит, дон Пако, вы всегда готовы принять нас и всегда любезны с нами».

Одним словом, дон Пако ловко сыграл на чувствах собравшихся — в большинстве своем женщин, — а затем перешел в атаку, обрушившись с нападками на подстрекателей, подбивавших рабочих выступить против своих дорогих хозяев. Из-за своей мягкотелости рабочие проиграли этот спор, после этого ни о каком повышении зарплаты не могло быть и речи, начались увольнения, и условия работы на фабрике стали еще более тяжелыми. Трудящиеся же Гватемалы в свою очередь рассказывали мне аналогичные случаи из своей жизни.

Текстильщики Гватемалы добились больших успехов в своей борьбе и уже в 1946 году смогли провести на трикотажно-чулочной фабрике «Ла-Эстрелья», принадлежавшей Энкарнасиону Абульярчу, палестинцу, очень важную забастовку. Она была успешной во всех отношениях: хорошо подготовлена и четко организована, — так что хозяевам не удалось сорвать ее. И это вопреки давлению, которое оказывало на нас правительство, прикрываясь затасканным предлогом о том, будто подобные конфликты играют-де на руку крайне правым, которые лихорадочно готовят заговор, стремясь свергнуть правительство Аревало — «духовного социалиста». Так называемые «революционные»

(поскольку правительство Аревало было «правительством Октябрьской революции» *) политические партии сурово критиковали нас, а Всеобщая конфедерация трудящихся даже отказалась поддержать. О буржуазной прессе не приходится и говорить: она обрушилась с нападками и оскорблениями по нашему адресу, истошно воя и требуя расправиться с нами, изгнать нас, иностранцев, из страны. Но несмотря ни на что, мы довели забастовку до победного конца, отстаивая принцип независимости интересов рабочего класса даже в условиях существования режима Аревало. Рабочие фабрики «Ла-Эстрелья» добились 25 процентов надбавки к заработной плате.

Однако, опасаясь, что успех забастовки может создать нежелательный прецедент, правительство Аревало перешло в наступление. Началась волна репрессий, многие завоевания рабочего класса были ликвидированы. Некоторых выслали в Сальвадор. Сиерру Гонсалеса, например, одного из руководителей забастовки, сослали в концентрационный лагерь в тропических лесах Петена. Мне пришлось уйти в подполье. Из Мексики Ломбардо Толедано от имени Конфедерации трудящихся Латинской Америки обратился к Аревало и просил сообщить о моей судьбе: жив ли я, мертв ли, а в случае, если стал жертвой преследований, просил обеспечить мне соответствующие гарантии.

Многие сальвадорские революционеры подверглись репрессиям, некоторых схватили и выслали из страны, хотя вскоре им удалось вернуться обратно. Этой первой «затрещиной» правительства Аревало завершился весьма интересный этап, который следовало бы проанализировать. Я сделал такую попытку, однако в период новых репрессий, развязанных правительством Аревало в 1947 году, материалы были утеряны.

Наша жизнь в подполье была нелегкой, однако этот период продолжался в целом недолго: прогрессивно настроенные деятели в правительстве добились смягчения обстановки и активизации, пусть временной, рабочего движения. Для того чтобы я мог открыто участвовать в деятельности профсоюзов и получить необходимые гарантии, профсоюз обувщиков Гватемалы избрал меня секретарем по организационным вопросам, что позволило мне взяться за работу с удвоенной энергией. Я руководил газетой «Эль Синдикалиста», оказывал консультационную помощь профсоюзам обувных фабрик «Инкатеку» и «Кобан» — самых крупных в Центральной Америке, а также профсоюзам мыловаренной, хлебопекарной, швейной и других отраслей промышленности.

Никаких крупных забастовок в этих отраслях тогда не происходило, однако отдельные конфликты, возникавшие вслед-

---

* В результате вооруженного восстания 20 октября 1944 года гватемальский народ сверг ставленника США диктатора Убико. — *Прим. ред.*

ствие борьбы трудящихся за удовлетворение своих требований, случались весьма часто. Одним из наиболее значительных конфликтов, получивших национальный резонанс, явилась борьба за восстановление на работе Консепсьон Кастро, которая была незаконно уволена с текстильной фабрики «Нуэва-Йорк», принадлежавшей Сальвадору Абульярачу. Эта затяжная и упорная борьба пробудила чувство солидарности среди трудящихся всей страны и со всей очевидностью показала необходимость осуществления на практике, а не просто провозглашения на бумаге трудового законодательства, принятого в новых политических условиях.

Очень жаль, что это событие не нашло отражения в документах, ибо оно представляет собой яркую страницу в истории гватемальского рабочего движения. Большой интерес имеет также опыт борьбы профсоюза в защиту обувной промышленности. Эта борьба послужила примером для представителей других профессий. В ходе ее профсоюз обувщиков Гватемалы сумел объединить владельцев мастерских, кожевников и меховщиков и тем самым вынудил правительство принять меры по защите интересов этой отрасли промышленности, которые в конечном итоге служили благу всех трудящихся (были, например, повышены цены на импортную обувь). Рабочие добились также прекращения производства фабрикой «Инкатеку» кожаной обуви и перехода на выпуск лишь резиновой, вулканизированной обуви, оградив таким образом от увольнения 1500 обувщиков, которые в противном случае остались бы без работы, поскольку для увеличения производства кожаной обуви «Инкатеку» потребовалось бы всего лишь около 100 рабочих.

В конфликт вмешался Аревало, который от имени правительства заявил, что считает нашу позицию ошибочной, противоречащей интересам индустриализации страны — основной проблемы национального развития. На первый взгляд могло показаться, будто правда на стороне правительства, а мы выступаем в роли ретроградов. На это профсоюз справедливо заметил Аревало, что прогрессивное промышленное развитие Гватемалы должно осуществляться на основе аграрной реформы. Кстати говоря, вопрос об аграрной реформе, который и определил дальнейшую судьбу «гватемальской революции», был впервые открыто поднят именно тогда.

В своих заявлениях мы разъяснили, что до тех пор, пока основная масса крестьян не будет обладать достаточной покупательной способностью, промышленность не сможет развиваться, ибо ее рост будет сдерживаться узостью внутреннего рынка.

О каких, например, можно было говорить перспективах развития обувной промышленности, если обувь была доступна лишь 6 процентам населения страны? Кампания, которую мы

развернули вокруг этой проблемы, приняла широкие масштабы и привлекла внимание всей общественности. Благодаря ей мое положение и условия работы значительно улучшились. Я стал штатным должностным лицом профсоюзов и получал за свою работу 30 долларов в месяц. Это были не бог весть какие деньги, но голодная смерть мне больше не грозила.

В ходе борьбы за создание организации трудящихся, за удовлетворение их требований, в ходе осуществления пропагандистской профсоюзной деятельности мы ни на минуту не забывали о более важной задаче: создании Коммунистической партии Гватемалы, которая могла бы возглавить трудящихся в условиях, когда страна переживала столь интересный момент, открывавший большие перспективы. Гватемальские и сальвадорские товарищи дважды предпринимали попытки создать коммунистическую партию, но они не увенчались успехом.

Вместе с Сиеррой Гонсалесом мы предприняли еще одну попытку. Мы стали проводить заседания, собирать взносы, организовывать лотереи и т. д. и собрали таким образом кое-какие средства. Меня назначили секретарем по вопросам документации. Но эта попытка провалилась. Это дало повод Моисесу Кастро-и-Моралесу и гондурасскому товарищу Амадору утверждать, будто создать коммунистическую партию в Гватемале не представлялось возможным, так как политическое сознание трудящихся страны было еще очень низким. Они предлагали подождать еще несколько лет, а пока заниматься только профсоюзной деятельностью.

Другие же, в частности я, считали, что это лишний раз доказывает необходимость создания партии, но с использованием новых методов. У нас имелось небольшое ядро сальвадорских коммунистов, умудренных опытом и готовых к самопожертвованию, а также несколько оставшихся в живых гватемальских товарищей, входивших в Коммунистическую партию Гватемалы еще в 20-е годы, однако мы понимали, что в силу самой структуры рабочего класса страны гватемальские профсоюзы не обеспечивали необходимой основы для создания коммунистической партии.

Такой вывод подсказывал нам наш опыт, нужно было только использовать его уроки, а не цепляться за сектантские позиции. И мы решили попытаться очень осторожно установить контакты с политическими партиями «гватемальской революции», то есть с партиями радикально настроенной мелкой буржуазии, со студенческим движением, с работниками торговли, с государственными служащими и другими слоями населения.

Вместе с Кастаньедой, Эфраином Риосом и Сиеррой Гонсалесом мы создали инициативную группу для налаживания контактов. Расчет оказался верным. В этих политических течениях

уже проросли семена, посеянные школой «Кларидад», так как многие члены «революционных партий» получили свою первую политическую подготовку в этом учебном центре. Особенно активно мы работали в «Партии обновления», которую возглавлял Хосе Мануэль Фортун, студент факультета права и журналист; в партии «Национальное обновление», которую возглавлял Хосе Ороско Посада, адвокат.

На базе этих политических групп и передовой части Всеобщей конфедерации трудящихся Гватемалы (ВКТГ) и сформировался со временем костяк Гватемальской партии труда (коммунистической).

По мере того как организационная работа коммунистов становилась все более последовательной и успешной, нападки на нас становились все более ожесточенными. Буржуазная пресса, священнослужители и др. разразились в наш адрес потоками обвинений и оскорблений. Антикоммунизм стал своего рода модой, а члены Компартии Сальвадора стали основной мишенью для реакции и правых. Вскоре на свет вытащили «черную легенду коммунизма в Сальвадоре 1932 года». Именно тогда появилась на свет лживая книга Шлезингера, цель которой состояла в том, чтобы добиться нашей изоляции и заставить нерешительное и колебавшееся правительство Аревалы изгнать нас из страны или заключить в тюрьму.

Эта кампания приняла откровенно шовинистический, антисальвадорский характер, и в нее включились даже руководители профсоюзов, либо сбитые с толку из-за своего низкого уровня политического развития, либо подкупленные реакцией. Дело дошло до того, что Сальвадор стали обвинять во всех трудностях и пороках, которые существовали тогда в Гватемале. Инициаторы кампании объявляли, что проституция, бродяжничество, кражи, алкоголизм, клопы и блохи завезены в Гватемалу из Сальвадора. Остатся в подобной ситуации индифферентным и, главное, не впасть в такой же шовинистический угар очень трудно. Стремясь якобы избежать провокаций экстремистов, министерство народного просвещения настоятельно посоветовало нам закрыть школу «Кларидад». Мы отвергли эту идею, однако несколько недель спустя школу закрыли силой.

Правительство Аревало пошло на серьезные уступки реакции, отменив даже право на создание профсоюзов среди трудящихся деревни, что, несомненно, означало подлинную капитуляцию. Известный буржуазный политический деятель, тогдашний начальник гражданской гвардии (гватемальской полиции), Марио Мендес Монтенегро, который впоследствии стал послушным исполнителем воли империализма, но кончил по его милости самоубийством, пригласил нас, сальвадорских активистов, к себе в кабинет и пообещал устроить нас на хорошую работу, если мы откажемся от борьбы. При этом он похвалил ссыльных

из Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики, с которыми у гватемальских властей не было никаких проблем, так как они занимались только работой, то есть вели себя благоразумно и «про-революционному». При этом он мягко добавил, что в случае несогласия нас вышлют из страны. Мы в свою очередь заявили, что прибыли в Гватемалу не для того, чтобы зарабатывать на жизнь, а заниматься революционной деятельностью, и будем продолжать ее, чего бы это ни стоило.

Мы ушли, но вскоре поняли, что угрозы были вполне серьезными. В унижительной и бесчеловечной форме был выслан в Гондурас Моисес Кастро-и-Моралес: несколько не посчитавшись с тем, что у него болела нога и он хромал, власти заставили его покинуть страну пешком.

Правительство Гондураса, которое никогда и не пыталось прикидываться революционным, обеспечило Моисесу встречу на границе, откуда доставило его самолетом в Тегусигальпу — столицу страны. Были схвачены и на несколько недель брошены в тюрьму без каких бы то ни было официальных обвинений Даниэль Кастаньеда и Вирхилио Герра. Грасиела Гарсия, душа и сердце школы «Кларидад», пионер революционной борьбы в Центральной Америке, подверглась столь жестоким преследованиям и давлению, что ее дальнейшее пребывание в стране стало невыносимым, и мы решили отправить ее в Мексику.

Я предпринял все усилия для того, чтобы избежать репрессий, и сумел войти в состав легальных организаций рабочего движения Гватемалы, что обеспечивало мне защиту со стороны закона и, таким образом, затрудняло расправу надо мной. Когда Всеобщая конфедерация трудящихся Гватемалы приняла решение создать Комиссию по вопросам политики, меня избрали генеральным секретарем. В этом качестве мне удалось установить контакты с наиболее ответственными должностными лицами правительства и с самим Аревало. Мы несколько раз встречались с Аревало, который пытался найти взаимоприемлемые решения и избежать чрезмерного обострения противоречий между политикой правительства и борьбой рабочего класса. Из этих бесед мы поняли, сколь сложна политическая обстановка в Гватемале и ценой каких усилий удавалось сохранить равновесие сил, обеспечивавшее существование правительства.

Аревало сообщил нам, что 47 процентов личного состава армии были настроены против него и что реакционные силы оказывали на него мощное давление, спекулируя на религиозном фанатизме и отсталости подавляющего большинства гватемальского народа. Он сказал, что не обращался за открытой поддержкой рабочего класса, дабы не пугать помещиков и американцев. «Это все равно, что страшать кого-нибудь койкой покойника, — говорил он, — потому что революция еще не набрала достаточно сил».

Подчиняясь нашим требованиям, Аревало обещал подготовить к 1 мая 1947 года кодекс о труде, которого в Гватемале никогда не было. Он обещал также представить его как радикальную меру, как одну из основных мер правительства по расширению своей социальной базы, как революционную акцию. Мы со своей стороны обязались обеспечить самую широкую поддержку этого кодекса на церемонии его провозглашения.

Аревало убеждал нас, что готов удовлетворить любые революционные требования народа, однако советовал избегать каких бы то ни было разговоров о классовой борьбе, ибо реакционные силы в армии представляли собой серьезную опасность. От него мы узнали, что возглавлял антинациональные и проолигархические элементы в вооруженных силах полковник Франсиско Хавиер Арана и что сам Аревало намеревался отправить его на дипломатическую работу в Чили. Было очевидно, что Аревало хотел заручиться нашей поддержкой во внутренней борьбе. Но настал Первомай, состоялись демонстрация, митинг, а о кодексе о труде ни звука.

Здесь мне хотелось бы сказать, как складывалась ситуация накануне праздника. В апреле 1947 года вместе с Виктором Мануэлем Гутьерресом, известным учителем, который, пройдя школу «Кларидад», стал марксистом, а затем одним из самых выдающихся руководителей рабочего класса Гватемалы (его убили в период антикоммунистических репрессий, развязанных режимом горилл, которые и сейчас еще угнетают народ Гватемалы), вместе с Ортенсией Эрнандес Рохас и Антонио Сиеррой Гонсалесом в качестве делегата ВКТГ на конгрессе Конфедерации мексиканских трудящихся побывал в Мексике, а затем на конгрессе Конфедерации кубинских трудящихся — на Кубе. Хотя из-за репрессий, развязанных режимом Прио Сокарраса, конгресс на Кубе не состоялся, мы пробыли в этой стране несколько дней и, вернувшись в Гватемалу, информировали наших товарищей о кубинском рабочем движении. А движение это было мощным, боевым и инициативным, твердо стоявшим на позициях пролетарского интернационализма, защищавшим принципы братства и солидарности.

Сравнивая Гавану 1947 года с Гаваной 1930 года, я отметил, что коррупция процветала, как и прежде, однако рабочее движение шагнуло далеко вперед. Мы, делегаты рабочего класса Гватемалы, видели, каким огромным уважением кубинских трудящихся пользовались такие руководители коммунистической партии, как Хесус Менендес, Блас Рока и др.

Не забывая ни на минуту ни в Мексике, ни на Кубе, где моя родина, я позаботился о том, чтобы коммунисты и профсоюзные деятели Сальвадора могли проходить подготовку в этих странах. Благодаря этому руководитель профсоюза работников хлебо-

пекарной промышленности Сальвадор Кайетано Карпи смог впоследствии побывать на Кубе на курсах подготовки профсоюзных работников.

Возвращаясь в Гватемалу на празднование 1 мая, мы, естественно, ожидали важного события — провозглашения кодекса о труде. Однако едва мы ступили на землю Гватемалы, как узнали о другом сюрпризе: Виктора Мануэля Гутьерреса и меня суд заочно приговорил к наказанию по обвинению в подготовке восстания крестьян в имении «Серро Редондо». Это обвинение было, разумеется, фальшивым и необоснованным, однако мое дело передали на расследование в суд города Куилапы.

Первомайская демонстрация трудящихся 1947 года в столице была поистине грандиозной, и мы, ее организаторы, изнемогали от усталости. В столицу прибыли делегаты из всех уголков страны. Одновременно состоялось множество манифестаций по всей Гватемале. Из Эскуинтлы, расположенной в 60 километрах от столицы, пришли по своей инициативе, с плакатами, 15 тысяч сельскохозяйственных рабочих. Из Чикимулы прибыло 11 тысяч трудящихся. Они несли плакаты с надписью: «Нас так мало, потому что остальные заняты на кукурузных полях». Одним словом ВКГГ сумела мобилизовать на демонстрацию в столице более ста тысяч трудящихся города и деревни из всех районов страны. Конфедерация подготовила к этому дню написанную мной небольшую брошюру под названием «Тезисы о профсоюзной работе», которую она распространила среди участников демонстрации.

Кодекс о труде так и не был провозглашен. После праздника мы вновь встретились с Аревало, но на этот раз сердечностью и не пахло. С порога Аревало бросился обвинять нас в том, что лозунги, которые несли трудящиеся на демонстрации, были сектантскими, экстремистскими, вредными. Секретная служба американского посольства, сказал он, работавшая значительно лучше полиции Гватемалы, заблаговременно информировала своего посла, что на церемонии празднования 1 мая ожидалось принятие кодекса о труде, который в качестве радикального документа, разработанного в интересах левых сил, должен был получить широкую поддержку рабочих. И посол не явился на церемонию, хотя ему, как и другим членам дипломатического корпуса, президент направил соответствующее приглашение.

«Полковник Арана, — сказал Аревало, — увидев пустующее место американского посла, в страхе обрушился на меня с обвинениями, а когда прочитал плакаты, которые несли трудящиеся, то испугался еще больше». Наша встреча закончилась довольно холодно: президент обвинил нас в разглашении его «ловко заду-

манного» хода, хотя мы всего лишь выполнили взятые на себя ранее обязательства.

В этом, однако, нет ничего удивительного: Аревало был обыкновенным буржуазным политическим деятелем, ярким антикоммунистом, он просто пытался усидеть на двух стульях, быть хорошим и для одних, и для других. После этой встречи Аревало попытался изгнать из поддерживавших его партий и организаций, в том числе и из Всеобщей конфедерации гватемальских трудящихся, наиболее прогрессивных руководителей, но мы в ВКТГ решительно помешали ему. Аревало спровоцировал политический кризис в «Партии обновления», которую возглавлял Хосе Мануэль Фортун, однако мы поддержали его, вновь избрав членом Политической комиссии ВКТГ. Это был вотум доверия со стороны рабочего класса, и благодаря этому Фортун сумел преодолеть кризис в своей партии, правые элементы которой и самые ярые сторонники Аревало не осмелились выступить против профсоюзного движения.

Вся последующая деятельность Аревало подтвердила правоту моей оценки его как личности, ибо он полностью разоблачил себя как откровенный прислужник империализма США — той самой хищной акулы, которую он клеймил на словах, пытаясь в то же время усыпить бдительность пожиряемых ею сардин.

В силу своеобразия условий борьбы в Гватемале, а также организационной слабости революционных сил ВКТГ все больше втягивалась в политическую борьбу, в том числе и в борьбу между партиями. В соответствии с достигнутой с правительством договоренностью было решено, что организации рабочего класса получают право на представительство в Конгрессе наций. Комиссия по вопросам политики, входившая во Всеобщую конфедерацию трудящихся Гватемалы, выдвинула с этой целью четырех кандидатов в депутаты. Этот вопрос стал предметом обсуждения на специальном заседании, состоявшемся в Национальном дворце под председательством министра обороны полковника Хакобо Арбенса. В обсуждении приняли участие представители всех правительственных кругов.

Реакционный полковник Арана, главнокомандующий вооруженными силами, заявил на заседании, что профсоюзам ни к чему свои депутаты в конгрессе, а вот армии они просто необходимы. Он потребовал, чтобы места, которые предполагалось предоставить рабочему движению, были отданы представителям военных. Этот полковник Арана был нахалом из нахалов, но такая беспардонность ошеломила всех.

От имени ВКТГ я заявил, что именно армия, как часть общества и государственный институт, менее всего нуждалась в обеспечении гарантий своего существования, поскольку она

располагает оружием, пушками, танками, самолетами и создана специально для того, чтобы гарантировать права народа и демократических институтов республики. Фортуни, представители «революционных партий», Пинто Усага, консультант из Чили по вопросам профсоюзной деятельности, и даже сам Сиерра Гонсалес из Комиссии по вопросам политики — все были ни живы ни мертвы от страха и молили бога, чтобы я проглотил язык — такой ужас вселил в них бесцеремонный Арана. Сиерра Гонсалес, например, несколько раз толкал меня локтем в бок, пытаясь заставить смягчить тон выступления или вообще замолчать. В дело вмешался полковник Арбенс, который весьма дипломатично предложил провести еще одну встречу для достижения соглашения.

Из дворца мы, участники «Блоке революсионарио», отправились к помещению «Фуэрте популар» — так называлась коалиция партий, поддерживавших режим. Представители всех партий единодушно решили отдать эти места в конгрессе армии. Тогда встал я и сказал, что они вольны поступать, как им заблагорассудится, но я проинформирую обо всем ВКТГ и изложу позиции всех политических партий, которые, таким образом, могут быть уверены, что ни один рабочий страны больше не будет голосовать за них.

Угроза подействовала, и в конце концов было решено поддержать кандидатуры рабочих. Однако уловки и козни, разумеется, не прекратились. Победу на выборах одержали революционные силы, однако ВКТГ смогла провести лишь одного своего депутата. Иными словами, рабочий класс Гватемалы получил в этом «архиреволюционном» конгрессе всего лишь одно место.

Одним из первых вопросов, которые предстояло обсудить Национальному конгрессу, был вопрос о профсоюзах. После долгих церемоний и официального вступления в должность, депутаты приступили к рассмотрению представленного президентом проекта закона об упорядочении деятельности профсоюзов в стране. Депутаты решили узнать мнение по этому вопросу организаций трудящихся и с этой целью комиссия конгресса, которая должна была представить решение по данному проекту, встретила с представителями двух существовавших тогда в Гватемале организаций рабочих. Встреча происходила в просторном помещении профсоюза железнодорожников.

Следует отметить, что к тому времени рабочее движение Гватемалы было уже расколото и его представляли две основные организации: Всеобщая конфедерация трудящихся Гватемалы, в которой объединились различные политические и идеологические течения, но преобладали все же революционные, социалистические силы, и Профсоюзная федерация Гватемалы (ПФГ) — реакционная, проимпериалистическая, про-

олигархическая и контрреволюционная — заклятый враг ВКТГ.

ПФГ выступила тогда за принятие закона, который предусматривал бы насильственное объединение в профсоюзы всех трудящихся Гватемалы, причем отстаивала эту позицию весьма решительно. Мой товарищ и соотечественник Верхилио Герра попал впросак, выступив в поддержку насильственного объединения. Ключнул он на эту удочку потому, что сам был по характеру человеком властным и не разглядел реакционной сущности уловки ПФГ. Когда Антонио Сиерра и я высказались от имени ВКТГ за свободное объединение в профсоюзы, за создание добровольных и независимых организаций пролетариата, противники подняли страшный вой, но заставить нас замолчать не смогли.

Вновь избранный депутат Хосе Мануэль Фортунни, член комиссии конгресса по делам профсоюзов, с которым у меня было до тех пор лишь шапочное знакомство, весьма энергично потребовал отнестись к нам, представителям ВКТГ, с уважением, призвал к благоразумию и терпимости и предупредил представителей ПФГ, что, если они будут вести себя недостойно, члены комиссии покинут зал заседаний. А так как реакционеры не прекратили беспорядка, Фортунни объявил заседание закрытым.

Позже Фортунни пригласил меня в штаб-квартиру «Партии обновления», и я объяснил ему нашу позицию, отметив, в частности, что в условиях Гватемалы, где под контролем хозяев находилось около 70 процентов трудящихся, а под нашим влиянием едва ли остальные 30 процентов, принудительное объединение в профсоюзы дало бы хозяевам возможность установить контроль над всем рабочим движением и от имени якобы демократического большинства поглотить и нас. Только свободные профсоюзы, сказал я, могут позволить нам привлечь на свою сторону трудящиеся массы, воздействуя на их сознание. Система свободных профсоюзов — это школа, которая учит, поднимает культурный и политический уровень и революционное сознание трудящихся, принося им подлинное освобождение. Фортунни согласился с нашими позициями, и в конечном счете в конгрессе одержала верх идея свободных профсоюзов, что, таким образом, ограничило сферу деятельности реакции.

Вместе с тем мы ни на минуту не забывали об организационной деятельности марксистско-ленинской партии. Коммунистическое ядро росло и вскоре даже получило свое название: «Вангаудия»*. Руководствуясь стремлением обеспечить высокое

* *Авангард*. — Прим. ред.

качество рядов этого авангарда, мы всегда вовлекали в него лучших представителей движения, которое называлось тогда «гватемальская революция».

В начале сентября 1947 года мы собрались в доме сальвадорского поэта Педро Хеоффроя, который был тогда еще желторотым марксистом и экстремистом во всем, даже в еде. На встрече присутствовали гватемальцы: Марио Сильва Хонаме и Мендес Сабадуга, а также сальвадорские товарищи: Даниэль Кастаньеда, Эфраин Риос и я. Мы должны были установить дату формального создания коммунистической группы, которая, хотя и имела уже свое название, все же действовала еще неофициально.

В качестве такой даты мы определили 15 сентября — день освобождения стран Центральной Америки от испанского господства. Было решено подготовить два доклада: политический, о положении в стране и международном положении, и второй доклад — о профсоюзной работе в Гватемале. Мне поручили подготовить второй доклад. Было решено также пригласить на это заседание Фортуну, одного из наиболее передовых политических деятелей страны, чтобы он мог присутствовать при рождении организации коммунистов.

Но заседание, к сожалению, не состоялось, и вот почему. Повсюду поползли слухи о том, что 13 сентября будет совершен реакционный государственный переворот с целью свержения правительства Аревало и что реакционные власти намерены прежде всего разделаться с сальвадорскими революционерами. Комиссия по вопросам политики, входившая в состав ВКГГ, сообщила обо всем этом правительству, и Аревало принял меры для защиты своего режима, используя с этой целью имевшийся в его распоряжении репрессивный аппарат. Однако обрушился он не только на правых — участников заговора, но и на демократическое рабочее движение. 13 сентября было арестовано 5 гватемальских и 5 сальвадорских коммунистов, в том числе и я.

Эти действия правительства сбили с толку рабочий класс и общественное мнение страны. Я понимал, что режим вынужден пойти на определенные уступки правым, но всему есть предел. А суть заключалась в том, что Аревало — антикоммунист, враг рабочего класса — решил внести свою лепту. На третий день пребывания под арестом в полной изоляции, без предъявления формальных обвинений, я заявил решительный протест, о чем мой надзиратель доложил начальству.

Тогда правительство разрешило Фортуну и Гутьерресу, как депутатам конгресса, навестить нас. Мы сказали им, что сальвадорцы по-прежнему являются друзьями правительства, что мы вовсе не собираемся драматизировать свое положение

и считаем необходимым избегать любых публичных манифестаций в нашу поддержку, поскольку это может сыграть на руку реакции.

Президент поставил перед конгрессом вопрос о целесообразности нашей высылки из страны, и конгресс решил его утвердительно. Единственным человеком, разумеется кроме Фортунни, выступившим против этой меры, был полковник Хакобо Арбенс, отметивший, в частности, что я не заслужил такого отношения со стороны гватемальских властей, которые пошли на поводу сторонников полковника Араны, что за мою деятельность по пробуждению сознания трудящихся мне, напротив, следовало бы поставить памятник из материала, от названия которого происходит моя фамилия, то есть из мрамора*.

Арбенс предложил, чтобы правительство, изгоняющее нас из страны, оплатило все расходы, связанные с нашим проездом и пребыванием в течение четырех месяцев за ее пределами, чтобы мы могли отдохнуть от всех этих передрыг. Арбенса поддерживали все члены кабинета, в том числе и полковник Арана, не пожелавший оказаться в полной изоляции. Мы согласились уехать на четыре месяца в Мексику. После этого случая популярность Арбенса среди рабочих резко возросла.

Пребывание в Мексике было, пожалуй, единственным отдыхом за всю мою жизнь. По прошествии четырех месяцев я, несмотря на все препоны со стороны посольства Гватемалы в Мексике, первым из сальвадорских товарищей вернулся из этой «ссылки» в Гватемалу. По возвращении ВКРГГ сделала меня ответственным за работу среди крестьян. На какое-то время я стал человеком, которому индейцы поверяли свои заботы. Я принимал по четыре-пять делегаций ежедневно, изъясняясь с ними на разных диалектах. Вначале объясняться с индейцами было трудно, потому что, хотя они и говорят по-испански, у них своеобразный образ мышления, а интересы отличны от интересов остальных гватемальцев. Все же мне удалось преодолеть этот барьер и с помощью переводчиков, карт, рисунков, жестов и прочих средств найти с ними общий язык. Вскоре я стал доверенным лицом крестьян-индейцев. С особой любовью вспоминаю я индейцев из Сан-Рафаэль-Кетсалья и Раби-наля.

После работы с крестьянством партия отозвала меня обратно в Сальвадор. Я проработал там два года и в 1951 году вновь вернулся в Гватемалу, которую покинул только в 1954 году после падения правительства Арбенса. Однако здесь я не буду говорить об этом периоде. Может, я расскажу о нем когда-нибудь позже, если представится возможность. Этот период известен довольно хорошо, и гватемальские товарищи уже дали

---

* *Мáрмоль* в переводе с испанского мрамор.— *Прим. ред.*

ему свою оценку. Ничего нового добавить я не могу, и, кроме того, мне пришлось бы говорить о событиях и людях, которые до сих пор оказывают влияние на гватемальскую действительность, а я не хотел бы, чтобы противник использовал мою информацию и оценки.

О событиях же далекого прошлого можно говорить теперь без всяких опасений за последствия и спокойно анализировать их — от этого революционеры только выиграют. Не буду я касаться и своей революционной деятельности в последние годы в Сальвадоре. Моя партия по-прежнему действует в условиях подполья и подвергается преследованиям со стороны репрессивных органов военного режима и ЦРУ. О своем пребывании в Гватемале хотел бы сказать лишь, что я отдавал все свои силы бессмертному делу пролетариата, ничего не прося и не требуя взамен. С точки зрения карьеры могу сказать, что самым высоким постом, который я занимал, была должность швейцара в банке с окладом 50 кецалей в месяц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, пора, вероятно, закругляться. Мне никогда не нравилось, как говорят у нас в Сальвадоре, «безраздельно владеть гитарой». К тому же я не могу здесь излить всю душу, ибо, как бы мне того ни хотелось, есть вещи, о которых я не могу говорить во всеуслышание. Это касается прежде всего событий моей жизни последних лет. После моей смерти, однако, о них будет кому порассказать и написать.

Когда я размышляю над своей жизнью, особенно о периоде, о котором я поведал здесь в общих чертах, когда оглядываюсь назад и вспоминаю молодость, свою политическую деятельность, свои горести и радости, мною овладевает какое-то странное чувство недовольства и вместе с тем удовлетворения. Недовольства от того, что в силу ограниченности своих сил и способностей нам не удалось развернуть народную борьбу еще шире. Недовольство от своей вины за поражения, которые нанес нам враг. Удовлетворение же от того, что, несмотря на все свои слабости, мы, горстка неопытных людей, поднимали рабочий класс Сальвадора и других стран на борьбу, были пионерами революционного дела, которое неизбежно восторжествует и ознаменует собой новый этап в жизни наших стран.

Что касается личной жизни, то я ощущаю, что дело идет к развязке, хотя и надеюсь, что она оттянется еще лет на двадцать. Я чувствую себя усталым и изнуренным, бремя лет гнет меня долу. И дело вовсе не в том, что я очень стар, а в том, что каждый день я жил с полной отдачей, мне некогда было отдыхать. Не прошли бесследно и страдания и голод. Одним словом, я чувствую, что настало время уступить место другим. Я вовсе не намерен отказываться от революционной борьбы из-за того, что состарился или устал. Просто я считаю, что в силу этих причин должен занять более скромное место в организации, идущей в авангарде народной борьбы в моей стране. Я хочу уйти к массам, чтобы поделиться с ними опытом, проверенным жизнью, скромными наблюдениями старого члена партии. Отдать на благо народа Сальвадора и международного ра-

бочего класса свои последние силы вопреки всем ожиданиям классового врага.

Обстановка в Сальвадоре резко менялась и после 1925 и после 1932 года. Сегодня, как никогда, необходимо провести грань между старым и новым, между тем, что отвергнуто самой жизнью, и тем, что имеет непреходящее значение, то есть всем ценным, что накоплено за последние сорок лет революционной истории Сальвадора и что может быть использовано нами. Я изложил здесь некоторые факты и некоторым из них дал свою оценку. Однако этого недостаточно. Необходимо, чтобы партия сама тщательно проанализировала эти события, неуклонно руководствуясь при этом марксистско-ленинским учением. Только так мы можем в каждом конкретном случае определить, идем ли мы по верному пути или нет.

О себе я не говорю, но требую уважения к моим сверстникам, и лучшее, что можно для них сделать, — это дать правильную оценку их деятельности с точки зрения времени и обстоятельств, в которых им пришлось действовать. Сальвадорским коммунистам моего поколения пришлось действовать в исторических условиях, требовавших от человека гораздо больших способностей, чем те, которыми они обладали, и все же они вели себя достойно, отстаивая дело революции, и умели мужественно принять смерть за свои идеи.

Коммунисты моего поколения формировались в обстановке полной враждебности, далекой от тех благоприятных условий, которые существуют сейчас. Они формировались в жестокой борьбе против бесчеловечного врага, против своей политической отсталости, против наивных толкований действительности, против крайних проявлений сектантства.

Коммунисты моего поколения формировались в непрерывной борьбе с самими собой, со своим невежеством и идеологической отсталостью. К сожалению, они не всегда выходили победителями в этой борьбе.

Говоря о борьбе в международном масштабе, я хочу, чтобы все запомнили раз и навсегда: наше поколение коммунистов совершенно сознательно, отдавая полный отчет в своих действиях, шло на жертвы ради оказания помощи в становлении, развитии и укреплении первого в мире государства пролетариата — славного Союза Советских Социалистических Республик, залога победы революции во всем мире.

Мы сражались против буржуазии в каждой из своих стран, стремясь помешать международному классовому врагу, международной системе империализма, объединить усилия для борьбы против родины Ленина. Буржуазия вдоволь поиздевалась над нами: она убивала, била, бросала нас в тюрьмы, обрушивалась с репрессиями на наши партии, — а Советский Союз превратился между тем в решающую силу современного мира.

Каждый класс знает, как вести свою войну, и если у империализма есть своя стратегия, то у нас, пролетариев всего мира, тоже есть своя собственная. И только те, кто одурманен буржуазным националистическим угаром, видят в этом «служение интересам иностранной державы». Дело вовсе не в национальной принадлежности, не в том, кто русский и кто сальвадорец, а в классовой принадлежности, в пролетарском интернационализме, во всеобщем братстве эксплуатируемых, в сплочении их перед лицом эксплуататоров.

Когда меня расстреливали, рядом со мной не было ни Альфонсо Рочака, ни дона Рафаила Гиролы, ни дона Томаса Рега-ладо, будь они сто раз сальвадорцами. Со мной был русский товарищ, советский труженик, о котором нам так и не удалось ничего узнать, даже имени.

Жертвы, принесенные всеми коммунистами мира защищая СССР, вполне оправданы, и пусть мелкие буржуа и старые и новые социал-шовинисты недовольно морщат свои физиономии и насмеваются над нами. Что до меня, то они могут насмеяться и морщиться еще лет сто, если им угодно. Всемирная революция дело долгое и трудное, одному поколению оно не по плечу.

Конечно, гораздо легче кричать «Даешь всемирную революцию на этой неделе!», чем организовать партийную ячейку в районе, где проживают «девственные умы». Ценой огромных усилий нам удалось выполнить нашу задачу, смелую, дерзновенную, такую же смелую и дерзновенную, как и задача свершения революции в Латинской Америке, которую ставят перед собой сегодня наши более молодые собратья.

Я считаю, что в каждом спутнике, в каждом успешно выполненном плане экономического развития, в каждом празднике славной годовщины СССР есть также вклад и других коммунистов: сальвадорцев и гватемальцев, африканцев, французов и представителей всех других народов мира, которые сражались и отдавали свои жизни за идеалы коммунизма. И наоборот, каждая победа СССР еще больше укрепляет его мощь, которая в надлежащий момент будет использована в интересах сальвадорской, или гватемальской, или африканской революций (как это было, скажем, на Кубе) или в какой-либо иной стране мира.

Это принципиальный вопрос, который не подлежит никакому обсуждению и не зависит ни от каких тактических соображений. Механизм этой взаимосвязи прост и ясен: вчера Хо Ши Мин был оплотом солидарности с СССР в Азии, в Коммунистическом Интернационализме, на полях сражений в Индокитае, а сегодня СССР предоставляет народу Вьетнама помощь и вооружение для отражения американской агрессии.

Хулио Антонио Мелья отдал свою жизнь за идеалы коммунизма, он был поборником солидарности кубинского народа с молодой Советской республикой, которая страдала от голода

и сталкивалась с миллионом труднейших проблем, а сегодня СССР является самым надежным оплотом свершившейся на острове Свободы революции.

В основе продвижения вперед лежит механизм взаимной помощи и солидарности. Социализм в своих завоеваниях на международной арене не отступил ни на шаг. Постепенно, но уверенно он продвигается вперед. И здесь я хотел бы отметить прежде всего ведущую роль, которую сыграл в развитии эффективной, боевой конкретной солидарности всемирного пролетариата коммунистический интернационал — III Интернационал, созданный В. И. Лениным и решительно отмежевавшийся от оппортунистов и ликвидаторов из II Интернационала. Это неоспоримый факт.

Я не могу даже представить, как сложилась бы судьба СССР в 20—30-х годах, если бы не III Интернационал. В том, что Советский Союз сумел создать базу, благодаря которой он выиграл героическую битву против нацизма и фашизма и спас человечество, есть большая заслуга Коминтерна. Боевой дух, пронизывавший героическую эпоху III Интернационала, дисциплина и высокое сознание коминтерновцев, их интернационализм и пролетарская солидарность, готовность к самопожертвованию присущи и коммунистам наших дней и проявляются с новой силой всякий раз, когда возникает такая необходимость. Примером может служить, в частности, Вьетнам.

Никто не может обвинить нас в расколе международного коммунистического движения, в притуплении революционной бдительности, в малодушии, в отходе от пролетарских позиций, в забвении революционного дела.

Совершенно очевидно также, что с усилением самих партий возрастает их самостоятельность, растет стремление к проведению независимой политики. Кроме того, международные проблемы сейчас слишком сложны, чтобы их мог решать Коммунистический Интернационал в том виде, в каком он существовал в 1930 году. Изменения, которые произошли в международном коммунистическом движении, обусловлены самой жизнью.

Вы спросите, кто я такой, чтобы всех поучать? Никто — простой, скромный старый коммунист, один из миллионов, из тех, кто не раз рисковал своей жизнью ради дела революции, ради коммунистического движения, человек, который разговаривает сейчас не с философами, а с самыми обыкновенными революционерами, простыми и честными.

На этом я и хотел бы закончить свой рассказ. Остается лишь извиниться за беспорядочность повествования и резкость выражений. У меня эта болезнь — хроническая, она неизлечима, она, как и все остальное, как и патронташ, останется при мне даже после смерти.

В заключение мне хотелось бы сказать также вот о чем. Самыми яркими воспоминаниями из моей долгой жизни, о которой я здесь рассказал, являются моменты, связанные с казалось бы неотвратимой опасностью, с угрозой для жизни, после которой кажется, будто ты родился заново.

Остались в памяти и мои поездки, в частности поездка в 1930 году в СССР. Горжусь же я больше всего тем, что мне выпала честь, я бы сказал самая большая привилегия в моей жизни, бороться плечом к плечу с такими товарищами, как Агустин Фарабундо Марти — человек, ставший символом коммунистического движения в Сальвадоре. Я буду всегда вспоминать Марти и всех других товарищей, которые пали в борьбе за освобождение. Здесь мне хочется сказать не только о том, чем я горжусь, и не только о людях, к которым испытываю революционную привязанность. На прощание я хочу поведать также о том, что ненавижу, и надеюсь, что это не будет воспринято как невоспитанность.

Больше всего я ненавижу американский империализм и его приспешников в Сальвадоре — национальную олигархию, которая эксплуатирует нас и жестоко расправляется с нами. Насколько высоко я ценю людей, умеющих приходить в трудную минуту на помощь, настолько ненавижу и презираю оппортунистов, пробравшихся в наши ряды. Я ненавижу их больше, чем открытых врагов, ибо с этими проще, они на виду. Опортунисты хуже классовых врагов. У меня нет личных врагов, есть только враги политические. У меня, разумеется, есть свои антипатии, есть люди, которые мне не нравятся, но я, как поется в одной мексиканской песне, «не золотая монетка, чтобы всех ублажать».

Все это мелочи, которые растворяются в повседневной жизни. А вот кого я больше всего на свете любил и люблю — так это своих детей. Из всех моих детей в живых остались только Ильда Алисия, которую по воле бабушки называют Анхелитой, да мой сыновья последнего урожая: Мигелито — два года семь месяцев — и еще один, которого даже не знаю, как зовут, потому что родился он в мое отсутствие, когда я принимал участие в работе XXIII съезда КПСС.

Марию Элену мне удалось похоронить самому, а вот Оскара и Франсискито — нет, потому что умерли они, когда я находился в подполье и скрывался от преследований. Антоньита умерла в пятилетнем возрасте, и тоже в мое отсутствие. Умерла в 1954 году и Берта Лиллиам, оставив мне внука. Я был тогда в Гватемале и не мог даже проститься с ней. Я не люблю вспоминать об этом, потому что тогда на глаза накатываются слезы, а плачущий старик не очень приятная картина. Признаюсь, мне трудно смириться со своей старостью, ибо, несмотря на всю суровость жизни, я всегда старался следить за собой, за своим

здоровьем, берег силы для Революции. То же самое я хотел бы посоветовать и молодым, ведь жизнь революционера — это постоянная борьба, которая несовместима с беспорядочной жизнью. Жизнь революционера требует умеренности во всем.

Я всегда старался быть воздержанным в своих страстях: не злоупотреблять алкоголем, не увлекаться женщинами. Да, надо следить за своим телом и поддерживать бодрость духа, поскольку политическая борьба требует крепких, закаленных нервов на многие годы. Мне удалось сохранить энергию и бодрость духа и даже в старости остаться мужчиной в полном смысле этого слова, хотя после 50 лет я тоже стал глотать пятидесятицентовые таблетки «Теститон» — некий экстракт из петуха и быка.

Усталость же, о которой я говорил раньше, совершенно иного рода, это ощущение того, что будто вся прошлая жизнь неожиданно обрушилась на тебя, словно горный обвал, придавила голову, плечи, сдавила сердце. Но эта усталость не лишает меня чувства революционной ответственности, не охлаждает пыла, не мешает бороться за осуществление моих самых светлых чаяний — социалистической революции в Сальвадоре. Я знаю, что рано или поздно социалистическая революция победит во всех странах мира. Но я хотел бы увидеть социализм у себя на родине, хотел бы пожить при социализме хотя бы недельку и, скажем, в воскресенье вечером, спокойно умереть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Детство. Юношеские годы	20
Глава II. Обучение ремеслу. Приобщение к профсоюзной деятельности	45
Глава III. Зарождение рабочего движения в Сальвадоре	73
Глава IV. Основание Коммунистической партии Сальвадора	92
Глава V. Поездка в Советский Союз	109
Глава VI. Возвращение на родину	133
Глава VII. Восстание и его поражение	181
Глава VIII. Возрождение Коммунистической партии Сальвадора	219
Глава IX. В тюрьмах генерала Мартинеса	240
Глава X. Рабочее движение в условиях диктатуры	259
Глава XI. Конец тринадцатилетнего господства диктатуры	284
Глава XII. Работа в Гватемале и создание Гватемальской партии труда	310
Заключение	327

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Г о т о в и т с я к п е ч а т и .

МАККАРТИ Ю. Вновь посетив Америку: Пер. с англ.

Книга известного политического деятеля и публициста представляет собой подробное описание нынешних Соединенных Штатов в сравнении с теми, какими их увидел 150 лет назад французский юрист А. де Токвиль, которому принадлежит широко известный труд о демократии в Америке.

Автор анализирует различные сферы деятельности американского общества, рассматривая страну в комплексе ее трудноразрешимых проблем.

Рекомендуется специалистам и широкому кругу читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Г о т о в и т с я к п е ч а т и

РОБСОН П. Говорит Поль Робсон: Пер. с англ.

Книга представляет собой наиболее полный сборник выступлений в печати выдающегося американского артиста и общественного деятеля Поля Робсона с 1913 по 1974 г. Статьи и речи П. Робсона — неутомимого борца за мир и дружбу между народами, против опасности мировой войны — актуальны и по сей день.

Сборник снабжен обширным справочным аппаратом, иллюстрирован.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

ИБ № 9994

Редактор А. В. Измайлов
Художник В. Я. Мирошниченко
Художественный редактор В. А. Пузанков
Технический редактор Е. В. Мишина
Корректор Н. Е. Ужтупене

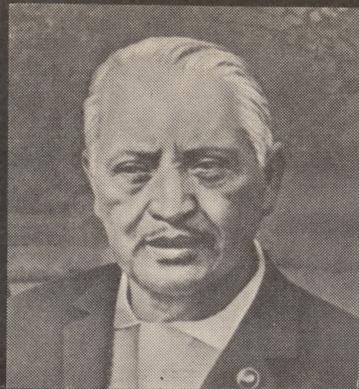
Сдано в набор 25.02.81. Подписано в печать 08.07.81.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура Обык. Новая.
Печать высокая. Условн. печ. л. 21.
Уч.-изд. л. 22,44. Тираж 45 000 экз. Заказ № 01556.
Цена 1 р. 20 к. Изд. № 33198.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного Комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва 119021, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени
Московская типография № 7 «Искра революции» Союзполиграфпрома
Государственного Комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва 103001, Трехпрудный пер., 9.

МИГЕЛЬ МАРМОЛЬ

ГНЕВ И БОЛЬ САЛЬВАДОРА

МИГЕЛЬ МАРМОЛЬ

ГНЕВ И БОЛЬ САЛЬВАДОРА

**СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ
И БОРЬБЫ**

Книга представляет собой воспоминания сальвадорского коммуниста Мигеля Мармоля. Она охватывает большой период истории Сальвадора XX века. Автор мемуаров стоял у истоков рабочего движения в своей стране и был не только свидетелем, но и активным участником многих событий. Мигель Мармоль — это поистине легендарная фигура: видный деятель рабочего и крестьянского движения, один из основателей Союза коммунистической молодежи и Коммунистической партии Сальвадора (1930 г.), руководитель Региональной федерации трудящихся Сальвадора, объединявшей в то время около 75 тысяч рабочих и крестьян, делегат V конгресса Профинтерна в Москве (1930 г.). М. Мармоль — участник народного вооруженного восстания в январе 1932 года, кровавое подавление которого стоило сальвадорскому народу около 30 тысяч жизней. По своим масштабам, если учесть размеры страны и численность населения, эта расправа, пожалуй, не имеет себе равных, по крайней мере в Латинской Америке. Мигель Мармоль, член ЦК компартии в тот период, был схвачен полицией. Его расстреливали, но ему чудом удалось спастись: простреленный несколькими пулями он, после ухода палачей, выбрался из груды трупов и добрался до своих товарищей. На протяжении всей книги Мармоль выступает как коммунист, марксист-ленинец, подлинный интернационалист. Это прежде всего видно из отношения Мармоля к деятельности Коминтерна, оценки его роли и места в мировом революционном движении. Свидетельства Мармоля представляют огромную ценность и интерес для широкого круга читателей, особенно в свете последних событий в Сальвадоре. Книга написана удивительно сочным, народным языком, проникнута оптимизмом и добрым юмором. Это создает ощущение непосредственного контакта автора с читателем, который как бы слушает его рассказ о пережитом.

**МОСКВА
ПРОГРЕСС**

ГНЕВ И БОЛЬ САЛЬВАДОРА

**МИГЕЛЬ
МАРМОЛЬ**